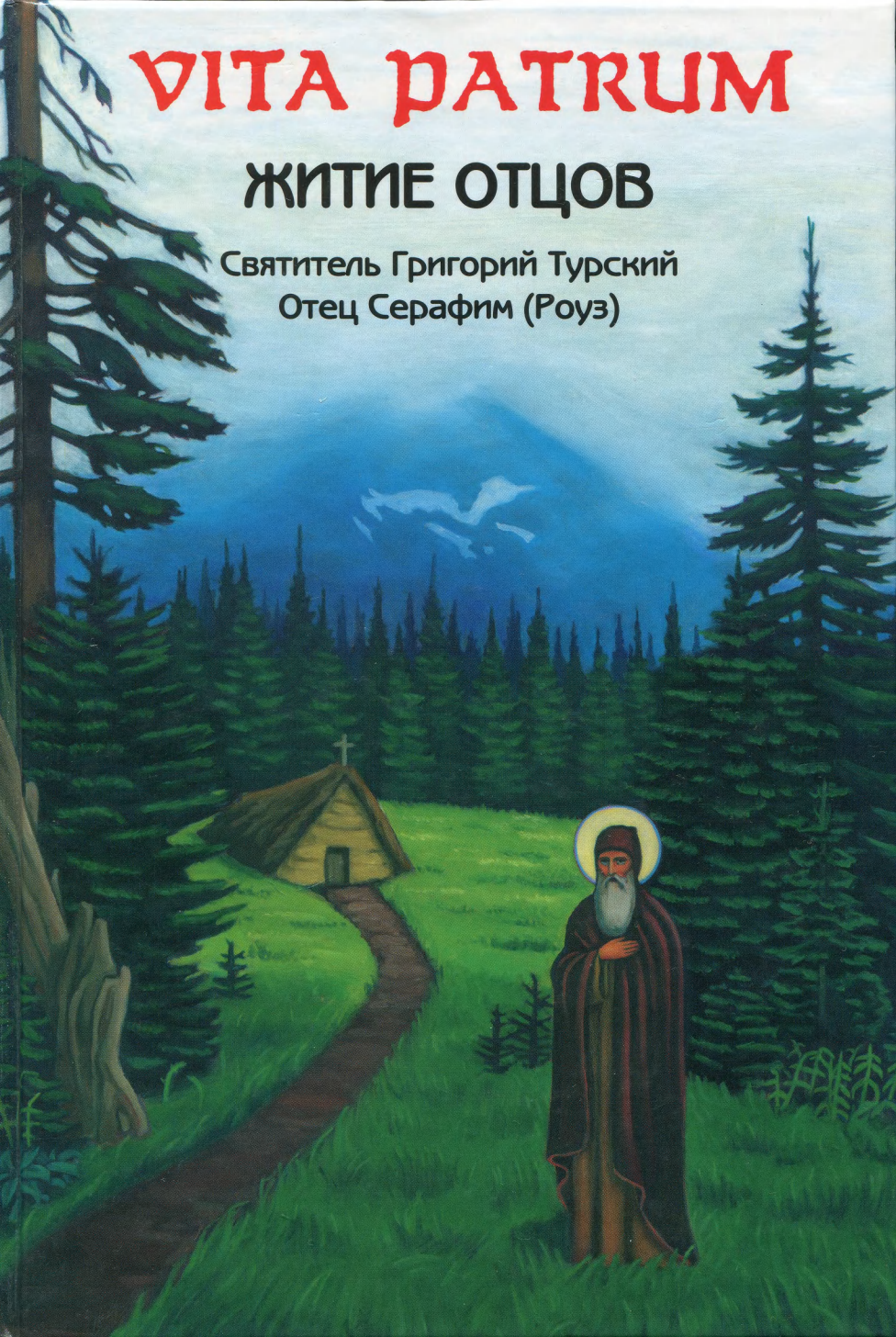

VITA PATRUM

ЖИТИЕ ОТЦОВ

Святитель Григорий Турский
Отец Серафим (Роуз)

VITA PATRUM

ЖИТИЕ ОТЦОВ,

составленное
святителем Григорием Турским

Предисловие отца Серафима (Роуза)

Перевод с латинского и французского языков на
английский осуществлен отцом Серафимом (Роузом) и
Полом Бартлетом

Перевод на русский Лидии Васениной

Редакция и вступительный материал
отца Серафима (Роуза)

Братство Преподобного Германа Аляскинского
Платина, Калифорния
Издательский Дом Русский Паломник
Валаамское Общество Америки
Москва, 2005

*Главный труд православной агиографии VI века
великого православного Святого Запада. Никогда прежде
не переводился на русский или греческий, впервые теперь
представлен на русском и посвящен блаженной памяти
архиепископа Иоанна (Максимовича), который сам
являлся последним из великих православных
иерархов Галлии и новым Апостолом
стран Запада.*

† Иеромонах Серафим (Роуз)

На первой странице обложки: Преподобный Роман в
Юрских горах.

На последней странице обложки: Святитель Григорий
Турский с картой Галлии, на которой показаны ее главные
храмы и монастыри.

Иллюстрации отца Дамаскина.

ISBN: 5-98644-002-1

© 2004 "Издательский Дом "Русский Паломник". Воспро-
изведение издания (или его частей) в любом виде без
письменного разрешения Издательского Дома не допускается.

VITA PATRUM

THE LIFE OF THE FATHERS

by

ST. GREGORY OF TOURS

*Translated from the Latin and French by
Fr. Seraphim Rose and Paul Bartlett*

*Edited, with introductory material
by Fr. Seraphim Rose*

ST. HERMAN OF ALASKA BROTHERHOOD
PLATINA, CALIFORNIA

Copyright 1988 by the St. Herman of Alaska Brotherhood

St. Herman of Alaska Brotherhood
Platina, California 96076 U.S.A.

Front cover: St. Romanus in the Jura Mountains.

Back cover: St. Gregory of Tours with a map of Gaul and its major churches and monasteries.

Illustrations by Fr. Damascene.

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Gregory of Tours, St., 539-594.

Vita patrum (the life of the fathers).

Translated from the Latin and French. With introductory material by Fr. Seraphim Rose.

Bibliography.

Index.

1. Christian Saints—Patrology. 2. France (Gaul)—Church History. 3. Western Fathers—6th-century.

I. Title.

Library of Congress Catalogue Card Number 88-060562
ISBN 0-938635-23-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Возвеселится пустыня и сухая земля,
и возрадуется страна необитаемая и
расцветет как нарцисс; великолепно
будет цвести и радоваться, будет
торжествовать и ликовать.
Исаия 35, 1-2*

Век апостолов отличался высоким подъемом духа среди христиан. Поскольку во многих местах над христианами за их веру нависала угроза мученичества, они всегда были наготове, жили в постоянном ожидании дня встречи с Господом, Которому служили. Когда позднее Христианство “легализовалось”, то оказалось, что требования к Христианству ослабели. Христианство не являлось больше вопросом жизни и смерти. Однако многие христиане не хотели терять горячую веру времен апостольских. Для них Христианство все еще было “вопросом жизни и смерти”, независимо от его культурного окружения. Чтобы сохранить светильник Веры, однажды зажженный в темных катакомбах, укрытых от антихристианских правителей, эти верующие бежали в “пустынь”, то есть в необитаемые места, где могли жить в уединении и молитве. Лишая себя удобств мирской жизни, которые отвлекают душу и плоть от служения Богу, они, таким образом, предавались бескровному мученичеству, чтобы не дать горячей вере катакомб исчезнуть с лица земли. Пустынь послужила сохранению высокого христианского духа и этим спасла все Христианство, которое приверженностью своим аскетическим корням может сохранить свою “первую любовь” до конца времен.

Любовь к пустыни впервые зародилась в христианских общинах Палестины и Египта. Позднее идеальное представление об этом образе жизни проникло во многие другие страны мира: в Грецию, Италию, Англию, Ирландию, Францию (Галлию). Центральной фигурой в этом западном движении был преподобный Иоанн Кассиан, который в IV веке отправился в Египет, чтобы изучить монашеские традиции и учение, а потом этими знаниями поделился со своими соотечественниками в Галлии. Этот “исход в пустыню” породил святых, чьи жизни были отмечены святостью не в меньшей степени, чем жизни их предшественников на Среднем Востоке. Их популярность среди верующих была настолько высока, что знаменитый летописец того времени святитель Григорий Турский постарался во многих книгах запечатлеть их жития в назидание будущим поколениям христиан. Одну книгу, специально посвященную его землякам-аскетам, он назвал “*Vita Patrum*” (Патерик) или “Житие Отцов”, словно множество этих людей вело *одну* жизнь пред Господом — высшая христианская добродетель — *единодушие*. “*Vita Patrum*” в первый раз представлена здесь на русском языке как результат точно такого же сильного стремления обрести христианские чувства, патристическое единение души, которое было присуще Отцам древней Египетской пустыни и Галлии. Составитель и переводчик этой книги на английский язык иеромонах Серафим (Роуз), сам был большим любителем пустыни. В течение многих лет, которые он подвизался в монашестве в пустыни Северной Калифорнии, он стремился понять и усвоить дух Отцов древней Галлии. Из вступительных глав отца Серафима можно видеть, что его исследование монашества Галлии было не просто научным занятием. Отец Серафим изучал святых Галлии, чтобы сопоставить на практическом уровне болезни того давнего Христианства и проблемы нашего современного монашества. Живя в Америке XX века, ему хотелось действовать согласно тем же принципам, что и древние христиане, *верить*, как они. Часто, когда видели его в состоянии погруженности в себя, его братья-монахи подшучивали над ним, говоря: “Не трогайте его, он в Галлии VI века”.

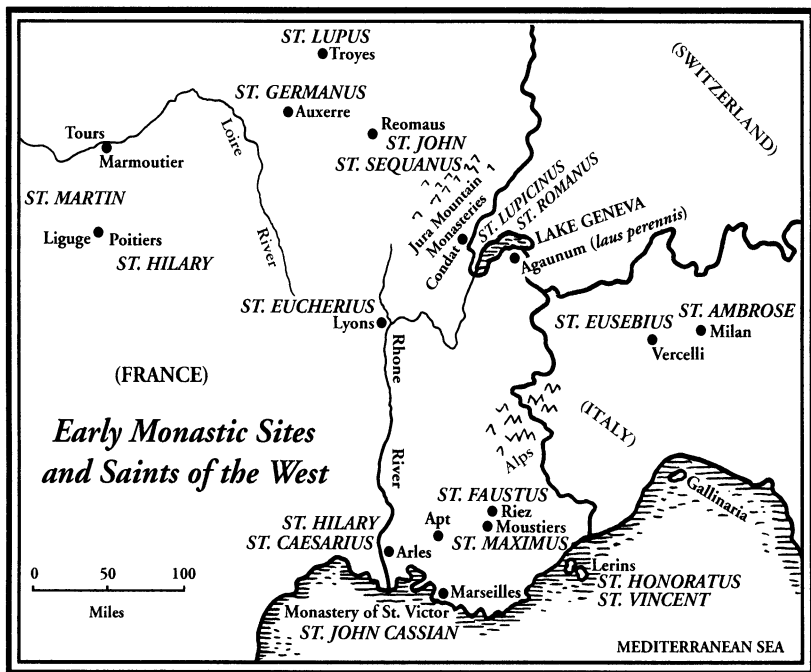
Отец Серафим не пытался уйти в прошлое, скорее, он надеялся ответить на вопросы своих сотоварищей-христиан, укрепить свою и их веру, дабы они не свернули с узкого пути христианской брани. Для этого он открывал забытые источники о святых в древней Галлии, снимал пыльный покров с подлинных древних христианских сокровищ, бывших недоступными более тысячи лет.

Книга “Vita Patrum” публикуется спустя более чем двадцать лет после его кончины в 1982 году и является плодом его трудов как монаха и как православного мыслителя.

Идеал пустыни, отраженный в житиях представленных здесь святых и в самом отце Серафиме да воспламенит многих любовью ко Иисусу Христу, да укрепит теперь и богоспасаемых русских православных людей и да вдохновит их святостью древних Православных святых Запада, столь родственной горячей ревности о Христе Святой Руси, единой с Небесным Православием. Такую горячую веру когда-то лелеяли в катакомбах, а позже в дальних лесах Галлии, на Афоне, в Русской Северной Фиваиде и подвизались.

И почему бы не подвизаться сейчас во все еще благоухающих пустынях новых миров — в Америке, Австралии, Новой Зеландии и в новой России, очищенной и обогащенной духовной силой, святой кровью Новомучеников Российских?

*Игумен Герман (Подмошенский),
иеромонах Дамаскин (Христенсен).*

Карта ранних монашеских поселений
и святых Запада.

I.
ПРОЛОГ ПРАВОСЛАВНЫХ
СВЯТЫХ ЗАПАДА

Отец Серафим (Роуз)

Святитель
Амвросий
Медиоланский.

Священномученик
Ириней,
епископ Лионский.

Святитель
Герман
Аикзерский.

ВСТУПЛЕНИЕ

“Если небо может предшествовать звездам, земля — траве, соты — меду, ручьи — воде, а груди — молоку, то смогут наши языки возгласить хвалу святым, в которых Господь являет силу жизни и славу смерти”.

Свт. Павлин Ноланский,
стих 19 (405 г. от Р.Х.)

Сегодня мы можем ясно видеть, что преподобный Герман Аляскинский (1756 — 1836) приехал в Америку не только для того, чтобы принести местным жителям-язычникам Святое Православие, но чтобы также пробудить основу истинно православных корней, которые находятся глубоко под усохшим христианством Запада, являющимся духовной основой современной Америки. Даже в наше тяжкое время, когда рушатся основы любой нормальной жизни, избранные находят свой путь обратно к Православию, которое когда-то, в туманной дымке истории, было родовым наследием их собственных предков. Так что этот пролог посвящен православному наследию сыновей западных стран — православным святым Запада, истинно православного почитания которых так жаждал великий апостол XX века на Западе архиепископ Иоанн (Максимович).

—Игумен Герман (Подмошенский)

ПРОЛОГ

православных святых Запада

Краеугольным камнем истинного Православия является любовь ко святым Христовым. С самых ранних веков Христианства Церковь прославляла святых своих — сначала апостолов и мучеников, пострадавших за Христа, потом отшельников, умерщвлявших свою плоть ради любви ко Христу, и иерархов и пастырей, положивших жизни свои ради спасения своей паствы.

С самого начала Церковь дорожила письменными житиями своих святых и чтит их память в своих богослужениях. Эти два источника — жития и службы — особенно важны для нас сегодня, чтобы сохранить истинную православную традицию веры и благочестия. Ложное “просвещение” нашего века настолько всеобъемлюще, что вовлекает многих православных христиан в свою самоуверенную “мудрость”, и они, даже не осознавая этого, лишаются истинного духа Православия и остаются лишь с внешним обрядом Православия, установками и традициями. Почти все современные православные семинарии в странах Запада — это центры пропаганды модернизма в Церкви, и даже, когда они возглашают “обратно к традиции” или “святоотеческое возрождение”, это редко бывает большим, чем еще одна академическая мода, обыкновенно черпающая свое вдохновение в римско-католическом учении и ведущая совсем не обратно к истинно православному духу, а к еще более пустым формам. Иметь духовное образование, даже иметь “правильные взгляды” на православную историю и богословие — этого недостаточно. Типичное современное “православное образование” чаще всего производит просто православных рационалистов,

способных к обсуждению интеллектуальных позиций с католическими и протестантскими рационалистами, но *не имеющих истинного духа и понимания Православия*. Этот дух и понимание наиболее эффективно соединяются в житиях святых и подобных им источниках, которые меньше говорят о внешней стороне правильного учения и обрядах, а больше о существенной внутренней стороне правильного православного подхода, духа, благочестия. Очень многие из этих основных православных источников лежат, неиспользуемые православными христианами, так как они не снабжены настоящим православным вступлением и им не дана подлинная православная оценка. Давайте попытаемся здесь дать эту оценку, особенно в отношении православных святых Запада, которые пока что так мало известны православным христианам в России, несмотря на то, что многие из них уже в течение столетий почитаются на Востоке. Пусть же эта наша попытка будет настоящим “прологом” (сейчас мы увидим, что означает это слово в православной литературе) ко всей сокровищнице православных текстов. Пусть это всем нам поможет отстранить нашу пустую современную “мудрость” и углубиться в дух православной древности и ее литературы.

Самыми первыми житиями святых были Акты мучеников, а потом, в IV веке, когда Египетская пустынь наполнилась монахами, стали появляться жития отшельников, и первым из них было житие преподобного Антония Великого, написанное святым Афанасием Александрийским. Позднее были составлены сборники таких житий, и они дошли до наших дней в таких трудах как “Жития” святителя Димитрия Ростовского (†1709) на славянском и русском языках и “Синаксаря” преподобного Никодима Афонского (†1809) на греческом языке. Человека с современным образованием нужно учить, как правильно понимать эти работы, так же, как человека, который воспитывался на классической западной живописи, нужно учить пониманию совершенно непохожего на это искусства иконописи. Агиография, как и иконография, есть священное искусство и имеет свои собственные законы, абсолютно отличающиеся от законов мирского искусства. Житие святого — это не просто его биография,

это скорее подборка событий из его жизни, которые раскрывают, как в нем был прославлен Господь, и стиль его благочестивый, часто возвышенный и благоговейный, чтобы повествованию придать соответствующий духовный тон и чувство и возбудить в читателе и веру, и благочестие. Поэтому простой пересказ жизни святого никогда не заменит оригинальное агиографическое повествование. Житие, таким образом, отличается от биографии примерно так, как икона отличается от реалистического портрета.

Кроме действительных жизнеописаний святых, в Православной Церкви существует еще один вид агиографической литературы. Это материал, который дошел до нас в православных *Прологах*, включающих в себя как короткие жития, так и поучительные случаи из жизни и святых людей, и обычных грешников. Название “Пролог” давалось сборникам агиографической литературы в 11-м веке в Византии, скоро они появились на славянском языке и очень полюбились православным русским людям.

“Пролог” в действительности является одной из литургических книг Православной Церкви. Он предназначен, чтобы читать (не распевать, как псалмы) его после 6-го часа утрени (в Русской Церкви; в Греческой Церкви здесь читают Синаксарь). Торжественный и наставительный текст книги, в котором, прежде всего даются краткие жития святых данного дня, действительно служит как бы прологом к литургическому почитанию этих святых в возвышенной церковной поэзии, во многом так же, как акты мучеников в древние времена; этим, видимо, и объясняется происхождение этого названия. Но все же, читается ли “Пролог” строго “согласно обряду” на предназначенном ему в богослужении месте, не имеет большого значения. Дух Церкви — это свобода, и вполне возможны разные варианты древней практики, если только они служат назиданию и благочестию верующих. “Пролог” (как и жития святых) можно читать во время утренних или вечерних семейных молитв, за едой, долгими зимними вечерами — это время сейчас, к сожалению, даже в большинстве православных семей отнято телевидением, которое внедряет свои собственные жестокие мирские нравы и

чувства. Необязательно читать “Пролог”, можно взять какую-нибудь другую книгу подобной направленности. А здесь давайте кратко познакомимся с самим “Прологом”, чтобы немного понять его дух, имеющий такое значение для нас, живущих в бездушном, бездуховном веке, — прежде чем перейти к обсуждению книг такой же направленности на Западе.

В “Прологе”, напечатанном на славянском языке в Синодальном издательстве в Санкт-Петербурге в 1896 году (два больших тома, каждый примерно в 800 страниц — само по себе достаточно, чтобы дать нам понять, чего нам не хватает!), под наугад выбранной датой 27 июня мы находим следующее:

Сначала “почитание нашего преподобного Сампсона странноприимца”, где дается краткое изложение добрых дел этого святого (меньше, чем полстраницы). На большинство дней даются несколько таких же кратких житий, но на этот день дается только одно это житие, после чего следуют несколько других поучительных случаев. Первый эпизод — это “Проповедь о монахе Мартине, который, живя уединенно во имя Господне, побывал в Туровске в церкви святых мучеников Бориса и Глеба”. Это рассказ о том, как святые Борис и Глеб явились одному русскому преподобному во время его болезни, дали ему попить и исцелили его (пол страницы). За этим следует несколько более длинный эпизод из “Собеседований” святителя Григория Великого, папы Римского, касающийся пресвитера Севира, который опоздал к умирающему человеку и по прибытии нашел его мертвым, но молитвами своими воротил того к жизни на семь дней, чтобы тот мог покаяться в грехах своих. Подобные эпизоды, взятые из таких книг как “Лавсаик” Палладия (V век), “Луг духовный” Иоанна Мосха (VI век), поучения Отцов-отшельников, даются и в других частях “Пролога”. Последняя запись на 27 июня — это краткая проповедь о том, что навещать больного — это хорошо, заканчивающаяся словами Христа из Библии: *“Был болен, и вы посетили Меня”* (Мф. 25, 36), и обыкновенным заключением чтения каждого дня: “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков”.

Легко можно увидеть, насколько такое чтение чуждо духу и вкусам нашего времени. Это то, что какой-нибудь современный

ученый мог бы назвать “ханжескими историями” или “рос-сказнями о чудесах”; он бы их не принял не только за их чудеса, но в той же мере за их “морализаторство”. Но именно тут иска-тель истинного духа Православия должен задать вопрос “объек-тивному” ученому. Почему получилось так, что православные христиане почти две тысячи лет находили духовное поучение и окормление в таких историях, и только совсем недавно под сильным влиянием современного западного “просвещения” наши умудренные выпускники православных учебных заведе-ний начали их презирать? Это потому, что они не соответству-ют Истине? Дальше мы увидим, что дело совсем не в этом. Это потому, что наши православные предки были просто наивные дети, которым нужны были такие сказки, а мы сами, более умуд-ренные и зрелые, можем обойтись без них? Но тогда откуда мы черпаем наше православное окормление, не считая нескольких часов в неделю, проведенных в церкви и в церковных школах? Из телепередач?! А не может ли быть так, что наши православ-ные предки имели нечто, чего не хватает нам и в чем мы отча-янно нуждаемся для того, чтобы остаться истинно православ-ными и передать своим собственным потомкам неизменными православную веру и благочестие? А, может быть, наши предки понимали то, что многие из нас утратили, приобретя привычку к ложному, мирскому знанию? Может быть, действительно в этих чудесах и назиданиях, которые так оскорбляют “современ-ный разум”, мы можем найти потерянное измерение современ-ного мировоззрения, которое в тщетных поисках “объективно-сти” в двух измерениях утратило ключ к гораздо большему кладезям истинной мудрости, чем, по его мнению, оно обрело. “Научная объективность” в наши дни буквально зашла в тупик, и всякая истина подвергается сомнению. Но этот тупик для со-временного знания, возможно, открывает путь к высшему зна-нию, в котором Истина и жизнь более не разделены, где про-гресс в истинном знании невозможен без соответствующего прогресса в духовной и нравственной жизни. Обращенные в православие жители западных стран, а также исконно право-славные, пропитавшиеся западным духом, невольно были пере-несены назад, к тем ранним временам, когда гордый рационализм

Святые Колумб Люксейский, Павлин Ноланский и Клотильда Царица.

языческого Рима был побежден истинной мудростью Христианства. Давайте же поэтому обратимся к этому древнему времени, чтобы отыскать ту свежесть и силу Православия, которыми оно завоевало западный разум. Мы там найдем также, к великому нашему счастью, материалы для западного “Пролога”, которые ничуть не уступают тому, что есть на Востоке, а также ключи к пониманию их и вхождению в их дух.

Западные страны, от Италии до Британии, знали и проповеди апостолов, и подвиги мучеников, здесь зерно Христианства укоренилось так сильно, что Запад немедленно и с энтузиазмом откликнулся, впервые услышав о великих отшельниках Египта и Востока. “Житие преподобного Антония Великого” святителя Афанасия было быстро переведено на латынь, и лучшие сыны и дочери Запада отправились на Восток учиться у великих Отцов. Многие, включая блаженного Жерома и благородных римлянок Павлу и Меланию, закончили дни свои в Святой Земле; другие, например, пресвитер Руфин, побывали там паломниками и привезли оттуда такие ценные тексты, как “История монахов Египта”; один из них — преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — так досконально постиг духовное учение египетских Отцов, что его книги стали основным фундаментом подобной монашеской традиции Запада. Главный рассадник православного монашества в Галлии V века, Лерин, вырос исключительно под влиянием монашеской традиции Востока.

А позже, когда весть о египетском монашестве все еще распространялась по Западу, на Западе появилось свое собственное чудо аскетизма — святитель Мартин Турский. Еще до его смерти в 397 году рукопись о нем “Житие” распространялась по Галлии, Испании, Италии и повсюду на Западе, представляя его как подвижника и чудотворца, ничуть не уступающего Отцам-пустынникам Востока. С того времени на Западе появились собственные примеры подвижничества, чтобы вдохновить своих людей, а также писатели, способные составить жития, которые до наших дней остаются главными первоначальными источниками истинного Православия Запада. Среди множества других с V по VIII век можно выделить: в Галлии, Благословение святителя Онората, архиепископа Арльского, основателя Леринского монастыря, написанную святителем Иларием, сменившим его на епископской кафедре Арля, и Житие святителя Германа Аикзерского, составленное Константином Лионским; в Италии Житие преподобного Венедикта Нурсийского, составленное святителем Григорием Великим, Двоесловом (книга II Собеседований), и более короткие жития и эпизоды из жизнеописаний итальянских Отцов, включенные в ту же книгу; в Англии житие святителя Кутберта, составленное преподобным Бедой Блаженным, “Житие великого анахорета вересковых пустошей преподобного Гуфлака, отшельника Кроулэндского”, составленное монахом Феликсом; в Ирландии “Житие святого Колумба”, составленное преподобным Адамнаном.

А теперь давайте более пристально рассмотрим трех западных агиографов V и VI веков, несомненно обладающих выдающимся православным духом.

1.СУЛПИЦИЙ СЕВЕР: “СОБЕСЕДОВАНИЯ” И “ЖИТИЕ” СВЯТИТЕЛЯ МАРТИНА ТУРСКОГО

Сулпиций Север (363-420) — это прекрасный пример гордого римского разума, побежденного Христианством. Хорошо образованный, успешный юрист, счастливо женатый, пишущий на латыни прозу (как отмечает даже критически настроенный историк Гиббон) “стилем, достойным эпохи Августа”, он обладал

всем, что нужно было для процветания и успеха в декадентском римском обществе на рубеже V века. И все-таки он не только обратился во все еще новую Христианскую религию, но и оставил мир и стал послушником епископа-чудотворца, составив его житие, которое поразило Запад описанными в нем чудесами. Современные ученые, будь это агностики или “христиане”, считают его “одной из загадок истории”, потому что “ни один биограф его времени не был лучше подготовлен, чтобы написать правдивую историю жизни современного Святого, и ни один биограф его времени (можно почти утверждать, что любого времени) не написал “Житие”, более полное ошеломляющих чудес” (Ф.Р. Хор, “Западные Отцы”, стр. 4).

Эта “загадка” остается нерешенной современными учеными, но как прост на нее ответ для человека, чей разум не замутнен современными предрассудками насчет того, что “возможно” и что “невозможно”. Сулпиций и по собственному опыту, и по словам свидетелей, которых он знал и которым доверял, утвердился, что *чудеса святителя Мартина были подлинными*, и он писал об этих “ошеломляющих чудесах” *только потому, что они были подлинными*. Сам Сулпиций пишет в заключении к “Житию”: “Я чист перед моей собственной совестью в том, что мотивами для моих писаний были достоверность фактов и любовь ко Христу и что я только записал то, что хорошо известно, сказал только то, что истинно”.

Нам, тем, кто даже в сии поздние упадочнические времена знал архиепископа Иоанна (Максимовича, † 1966), Чудотворца, во многих отношениях схожего со святителем Мартином, нетрудно поверить словам Сулпиция. Для нашего собственного православного христианского опыта они звучат правдиво. Только те, кто на практике не испытал силы Христианства, находят, что “Житие святителя Мартина” — “загадка”. Для христианского понимания совершенно естественно, что добродетель человека, целиком посвятившего себя Господу и уже на земле живущего жизнью ангела, выражается в проявлениях, изумляющих тех, кто мыслит более по земному, будь это проявление потусторонней незлобивости и кротости или совершенные чудеса. Само слово

“virtus” по латыни обозначает и “добродетель”, и “силу”; в житиях святых оно часто значит “чудесная сила”, а переводится зачастую просто “чудеса”.

Православная традиция безусловно с доверием принимает чудеса святых. Всегда требуются большие усилия, чтобы удостовериться, что жития святых содержат правдивые повествования, а не сказки, ибо действительно верно, что во времена “рыцарских романов”, которые начались на Западе в средние века сразу же после окончательного отделения Рима от Церкви Христовой (1054), такие сказки *вводились* во многие жития святых, что бросило тень подозрения на все более поздние латинские источники. С другой стороны, православные агиографы всегда брали за правило слова, приведенные святителем Димитрием Ростовским: “Да не солгу ни о едином святом”. Также и поэтому Православная Церковь очень заботится о том, чтобы передать из поколения в поколение *оригинальные источники*, рассказывающие о святых — те жития, которые основаны на непосредственном опыте автора и рассказах очевидцев, известных ему лично. Таким образом сохраняется свежесть впечатлений и изумление того, кто лично знал святого, и, так сказать, “между строк” и прямо до нас доходит искренний “тон” святой жизни.

Через несколько лет после смерти святителя Мартина Сулпиций Север составил два (иногда подразделяются на три) “Собеседования” о святителе Мартине. Этот труд тоже подвергается большой критике учеными-рационалистами не просто за содержащееся в ней описание чудес, но даже больше за ее “анекдотический” характер. Один критик пишет о ней, что этой книгой “Сулпиций на века закрепил агиографическую традицию, которая ставит анекдоты чудотворения выше духовного описания” (Хор, “Западные Отцы”, стр. 7). Для православных христиан именно этот “анекдотический” характер является источником скорого наслаждения и делает “Собеседования” Сулпиция очень близкими по духу “Прологу”. Ученых-рационалистов оскорбляют эти “анекдоты”, поскольку *они утратили всю картину*, к которой эти фрагменты относятся. Православные христиане, без сомнения, видят в этих “анекдотах” суть жизни и

характер святого, и, конечно, мы наслаждаемся чудесами наших святых и не устаем от них, зная, что в этих *невыдуманных историях* мы уже можем видеть прорыв в мир совершенно других законов духовного, небесного мира, которые в конце времен окончательно восторжествуют над законами этого падшего мира. Для нас каждый “анекдот”, который дышит духом истинного Христианства, на практике есть часть именно христианской жизни, образца для наших собственных слабых борений во имя спасения.

“Собеседования” Сулпиция все-таки отчасти “утонченные” и потому не так оскорбительны для рационалистических критиков, как более поздние православные труды на Западе. Сулпиций старался донести до образованных римлян своего времени чудеса новой христианской жизни и не забывал о слабости своих читателей — о том, что им трудно поверить в некоторые из его рассказов, об их неспособности поститься, как аскеты Востока. Позднее материалы для православного “Пролога” на Западе становятся более “детскими” — не потому, главным образом, что понизился уровень образования, а потому, что Христианство более глубоко вошло в сердца людей на Западе. Давайте проследим за этим развитием, чтобы понять, можем ли мы сами поучиться этой детскости.

2. “СОБЕСЕДОВАНИЯ”

СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО (543-604)

“Собеседования” Сулпиция (400 г. по Р.Х.) — это апологетическая и миссионерская работа, назначение которой — убедить людей в истине и силе Христианства, его святых, его чудес, его монашеской жизни. “Собеседования” святителя Григория Великого (Двоеслова), папы Римского, написанные два столетия спустя (593), — это призыв вернуться к духовной жизни на Западе, уже принявшем Христианство. То есть ситуация святителя Григория напоминает сегодняшнюю, когда все, кроме только что обращенных, пережили спад христианского рвения и осознали необходимость подпитать свои духовные способности.

Святитель начинает свои “Собеседования” в меланхолическом состоянии ума: “Несчастливая душа моя, отягощенная

мирскими заботами, призывает сейчас вспомнить, в каком состоянии она была, когда я жил в монастыре и она тогда была выше всех земных дел, высоко поднималась над всем преходящим и тленным и не думала обычно ни о чем, кроме вещей небесных”. Он еще больше опечаливается, но и вдохновляется и ревнует — “вспомнив жизнь некоторых выдающихся людей, которые всей душой отвергли этот порочный мир и покинули его... очень многие из которых в глуши вели созерцательную богоугодную жизнь”. Он продолжает “сообщать только о том, что понял сам, общаясь с достойными и добродетельными людьми, или же узнал сам касательно жизни и чудотворения совершенных и святых людей”. Таким образом, “Собеседования” тоже являются одним из тех *подлинных источников*, столь важных для православных христиан. “Собеседования” состоят из четырех книг, в которых очень силен истинно православный дух, так что неудивительно, что позднее они стали одним из главных источников для отрывков “Пролога” на Востоке (будучи рано переведенными на греческий язык), и святитель Григорий заслужил имя, под которым по сей день известен в Православной Церкви — Двоеслов.

Две из книг посвящены святым Италии, которые жили до святителя Григория, — иногда их жития, но чаще просто случаи из их жизни, способные пробудить благочестие и религиозное рвение. Но вторая книга полностью посвящена одному святому, который вдохновил святителя Григория в Италии, во многом так же, как святитель Мартин вдохновил Сулпиция в Галлии, — преподобному Венедикту Нурсийскому († 543), великому святому Отцу западного монашества. Эта книга представляет собой самое раннее житие этого православного святого, который уже задолго до того занял свое место, точно так же, как и сам святитель Григорий (12 марта), в православных календарях Востока (14 марта).

Первые три книги “Собеседований” святителя Григория — это, прямо говоря, “истории о чудесах”, и великий иерарх без всяких сомнений пересказывает их: это истории о надежде и вдохновении христиан, а Запад к тому времени настолько глубоко проникся Православием, что принимает их очень охотно.

Но 4-я книга “Собеседований” — это прямое оскорбление современному рационалисту: он бы несомненно отверг ее как содержащую “истории о призраках”. 4-я книга содержит рассказы (такие же истинные и достойные доверия, как “истории о чудесах”), которые показывают жизнь после смерти. Это душеполезное повествование о том, как отходят души людей, об их состоянии на небесах и в аду, возвращении душ в тела после смерти, различных появлениях душ после смерти и тому подобное. Весьма схожие рассказы можно найти в дивной православной книге, изданной в Англии спустя более, чем столетие — “Экклезиалогическая история английского народа” преподобного Беды (Книга V, гл. 12-14).

Нужно сказать, что выпускники модернистских православных учебных заведений и “умудренные” современные православные в целом находят самой трудной для восприятия именно эту часть древней христианской литературы. Некоторое время назад появилась книга подобной направленности — “Вечные тайны загробного мира” с подзаголовком “Православное учение о бытии Бога, бессмертии души и загробной жизни”. Этот труд, плод миссионерского рвения джорданвилльского архимандрита Пантелеимона, состоит из отрывков из “Собеседований” святителя Григория, “Житий святых” и тому подобных православных книг, включая русские религиозные книги и периодические издания 19-го века, которые передают более поздние случаи такого же содержания, вкупе с прекрасными вступлениями к этим отрывкам, написанными простым и откровенным языком и в надлежащем нравственном и благочестивом тоне, которого так недостает большинству современных православных произведений. Книга эта, хотя она и не является оригинальным источником, подобно “Собеседованиям” святителя Григория, представляет большую ценность для православных христиан. Все, кто пытался заинтересовать детей православным чтением, хорошо знают, что эта книга, как, возможно, ни одна другая, очень привлекательна для детей; ребенок 10-12 лет, в первый раз услышав некоторые полезные рассказы из нее, прочитанный вслух в семейном кругу, вполне вероятно, позднее сам возьмет эту книгу и буквально проглотит ее, настолько она

интересна — не только потому, что истории ее “увлекательны” и вполне способны потягаться с банальными современными историями о призраках, но и потому, что он знает, что *эти истории истинны и учат истинам нашей Православной веры*. Сколько энергии тратят “православные воспитатели”, пытаясь возбудить интерес детей такими неподходящими и развращающими материалами, как мультики и цветные книжечки, и в то же время они или не замечают, или презируют такую по-настоящему увлекательную и подлинную православную книгу. Почему это так? Ответ на этот вопрос может устранить некоторые трудности, которые стоят на пути извлечения максимальной пользы из истинно православной литературы в наши дни.

В XIX веке епископ Игнатий (Брянчанинов), великий православный Отец последних времен, столкнулся с подобной же проблемой, когда попытался дать православным современникам учение о небе и аде, добрых и злых духах, жизни после смерти. Многие “умудренные” христиане возражали ему именно потому, что их собственные представления об этих реальностях были основаны на римо-католических и протестантских, а не на православных взглядах; и епископ Игнатий, таким образом, посвятил целый том своего собрания сочинений (т. 3) этому вопросу, дав в нем и православное, и римо-католическое учение. Он нашел, что православное учение по всем этим вопросам, хотя оно, конечно, и не раскрывает нам их полностью, вполне точно во всем, чему оно учит, основано на святоотеческих сочинениях, таких, как “Собеседования” святителя Григория, в то время как римо-католическое, особенно под влиянием современной философии, начиная с Декарта, выступает с доктриной, в которой духовные реальности становятся все более туманными, в соответствии с тем, что современные люди все больше занимаются вещами материальными. Сегодня большинство православных христиан подхватили это модное модернистско-папистское учение современного мира, и поэтому, если мы не будем стремиться всей душой к установлению истины, то, когда нам представят православное учение, такое точное, особенно в том, что касается переживаний души после смерти, то мы будем в большом затруднении. Если мы все-таки поверим в это учение,

то другие верующие, не говоря уже о неверующих, конечно же, сочтут нас “наивными” и “простецами”. Кое-кто в своем замешательстве может прийти к выводу, что это православное учение настолько чуждо тому, что сейчас “все думают”, действительно как-то подозрительны, и могут указать на римских католиков, утверждающих, что 4-я книга “Собеседований” святителя Григория учит латинской доктрине о чистилище. К счастью, однако, это обвинение уже поднималось, и на него ответили за нас. Римо-католические ученые провозглашали именно это самое на своем лжесоборе во Флоренции в 1439 году, и святитель Марк Ефесский, ревнитель Православия, дал авторитетный православный ответ: учение святителя Григория в его “Собеседованиях” православное, и в действительности он недвусмысленно выступает *против* чистилища.*

“Собеседования” святителя Григория Великого так же, как и “Вечные тайны загробного мира”, — это дивное лекарство для современных чрезмерно умудренных православных христиан. Они могут быть для нас пробным камнем: если, читая их, мы находим их “наивными”, “чересчур реалистическими” или безвкусными, то должны знать, что мы все еще слишком “умудренные”, не похожие на детей и недостаточно простые в нашем православии. Если мы верующие, то это сигнал, что мы еще недостаточно прониклись истинно православным духом; если мы “православные по рождению”, то должны знать, что наше православие подпорчено ложными современными римо-католическими идеями. Нам нужно еще упорно стремиться к тому, чтобы по-детски воспринимать такую основную православную литературу, отбросив всю свою предполагаемую “мудрость”. У того, кто привык читать православную литературу христианской древности, не возникает трудностей с такими книгами.

3. “КНИГИ О ЧУДЕСАХ” СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

Ни один из писавших на латинском языке на православном Западе не был более ревностно предан святым Церкви Христовой

*Святитель Марк Ефесский “Первое слово о чистилищном огне (опровержение латинских глав)”, гл. 9; “Второе слово о чистилищном огне”, гл. 23:9.

и не прославлял их больше, чем святитель Григорий Турский (539-594). Хотя сегодня он известен более своей “Историей франков”, для православных христиан он более важен благодаря восьми “Книгам о чудесах”, которые обыкновенно называют его *менее важными* работами. В этом писателе Галлии VI века дышит сем дух православного Востока и “Пролога”. Находясь под сугубым влиянием святителя Мартина, его собственного предшественника на епископской кафедре в Туре, через которого он получил телесные исцеления, он посвятил четыре из восьми книг этого труда “Чудесам (или, скорее, добродетелям) святителя Мартина”. Но он также занимался и всеми другими святыми: одну книгу написал о “Славе блаженных мучеников”, другую о “Страстях и чудесах святого Иулиана-мученика”, еще одна его книга — “Житие Отцов”, а заключительная — “Слава исповедников”. Собранные вместе, книги эти, посвященные, главным образом, святым Галлии, образуют самый большой агиографический материал о православных святых какой-либо страны в древности. Он написал их с нравственной и назидательной ценностью, сознательно отстраняясь при этом от язычества. Он сам писал: “Нам следует последовательно и планомерно писать и говорить то, что прославляет Церковь Божию и священным учением обогащает жаждущие умы знанием совершенной веры. И не следует нам вспоминать лживые истории или следовать мудрости философов, враждебных Господу, чтобы Он не определил нам Своим судом вечную смерть... В моем труде я не вспоминаю бегства Сатурна, ярость Юноны, любовные приключения Юпитера... Поглядев на все эти истории, построенные на песке и обреченные на скорое исчезновение, мы скорее вернемся к Божественным и евангельским чудесам” (Слава блаженных мучеников”, Предисловие).

Действительно, “Чудеса” — это не только название книги, но и их главная тема. Если многочисленные чудеса, встречающиеся в “Истории франков” оскорбительны для рационалистически мыслящих ученых, то “Книга чудес”, изобилующая ими, их абсолютно шокирует. Но опять же, причина, почему он о них пишет, в том, что чудеса эти *истинные*, и святитель Григорий постоянно подчеркивает, что пишет он только о том, что знает из личного

опыта (сам зная о многих святых и засвидетельствовав многие чудеса) или из свидетельств надежных людей. Таким образом, на практике эти книги тоже являются бесценными *оригинальными источниками* Христианства.

Хотя святитель Григорий известен на Востоке и упоминается в православных патрологиях,* написанное им не переводилось на греческий или славянский языки. Его труды тесно связаны с Западом, а Восток уже имел многочисленные сборники о святых Востока, написанные в точно таком же духе.** То, что “Книги о чудесах” никогда целиком не переводились на русский язык, может свидетельствовать о предубеждении рационалистов, а также об угасании интереса к православным святым Запада, который продолжается и поныне уже много веков. Причина, почему на Западе к святителю Григорию относятся высокомерно, в том что его язык не соответствует стандартам классической латыни. Он сам это признает и отмечает, что принялся за свою “Книгу о чудесах” только потому, что ему было видение Господа, повелевшего ему сделать это. Как-то ему привиделось в сонном видении, что он говорит своей матери о том, что плохо умеет писать, а она ему отвечает: “Разве ты не знаешь, что для нашего невежественного народа то, как ты пишешь, более понятно? Поэтому не сомневайся и не откладывай это дело. На тебе будет грех, если ты про эти деяния умолчишь” (“Чудеса свят. Мартина”, предисловие к 1-ой книге). Как хорошо известно, даже блаженного Августина упрекали за его недостатки в знании классической латыни, и он дал свой веский ответ, который подойдет и для ответа клеветующим на латинский язык святителя Григория: “Лучше, если так будут упрекать филологи, чем не понимать читатели”.

Блаженной памяти архиепископ Иоанн (Максимович) завещал православным христианам свою любовь к святым западных стран. Исполняя этот завет, мы предлагаем сейчас в качестве отдельной книги первый перевод всей 7-ой “Книги о чудесах”

* Например, Отечник архиепископа Черниговского Филарета. С-Пб., 1882, ч. 3, с. 191.

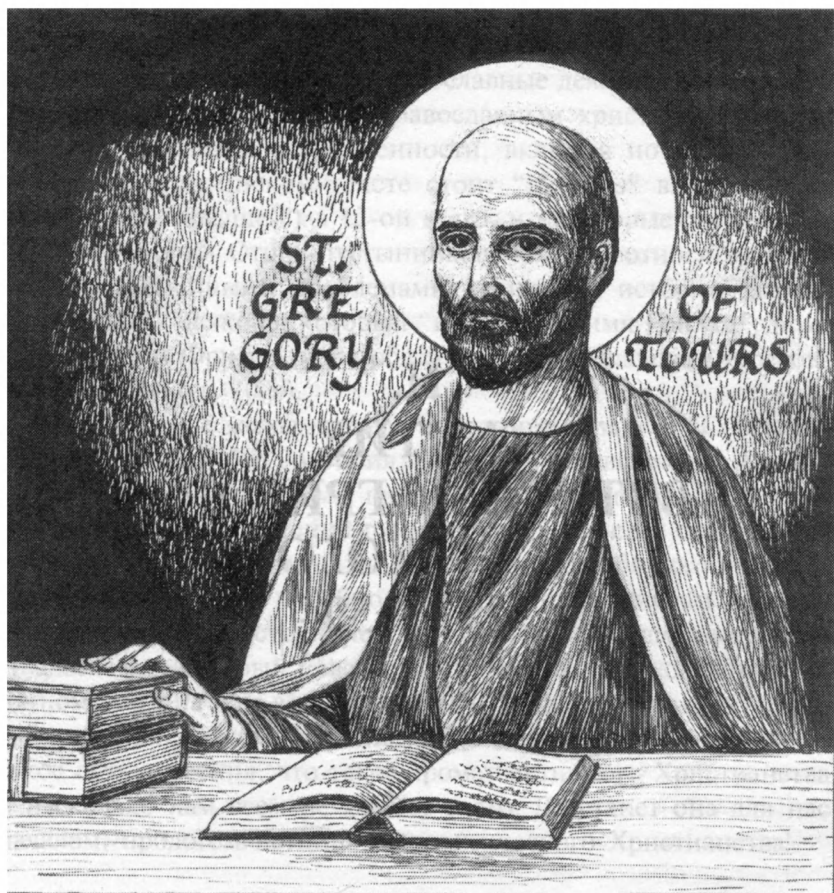
** Один из них, “История последователей Господа” блаженного Феодора, V век (сборник житий сирских Отцов), — это точная параллель “Жития Отцов” святителя Григория.

святителя Григория — “Житие Отцов”. Не стыдно представить эти двадцать глав о святых монахах Галлии в пятом и шестом веках. Для православного христианина это дивное чтение, поучительная проповедь; которая предшествует каждому житию, очень полезна для нашей духовной брани в сии дни; дух книги полностью православный, и православные деяния, описанные в ней, остались в наследство православным христианам (но не римским католикам) современности, включая почитание святых икон (в латинском тексте стоит “iconicas” вместо более ожидаемого “imagines”) в 12-ой главе; и некоторые случаи, например, истории Отцов-пустынников, точно соотносятся с нашими современными проблемами, например, история “харизматического” дьякона, который “исцелял во имя Иисуса”, пока преподобный Фриард не разоблачил его как впавшего в бесовский соблазн (гл. 10-я).

Мы искренне желаем, чтобы эта книга наряду с “Собеседованиями” святителя Григория Великого, “Лавсаиком” Палладия и другими основными православными источниками стала частью ежедневного чтения тех, кто борется за свое спасение на узком православном пути. Да читают ее про себя, да читают ее вслух, да станет она подобно другим великим книгам Христианства древности источником благочестия и подлинного духа Православия, который повсюду тесним сегодня духом мирским. Да поможет она нам в наиважнейших усилиях стать и оставаться сознательными православными христианами, знающими, что такое путь спасения, что такое аромат истинного Христианства и насколько нам всем не хватает этого. Да станет она для нас началом, прологом истинного, практического Христианства!

**II.
ЖИТИЕ
СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ
ТУРСКОГО
539 — 594**

Аббат Одо

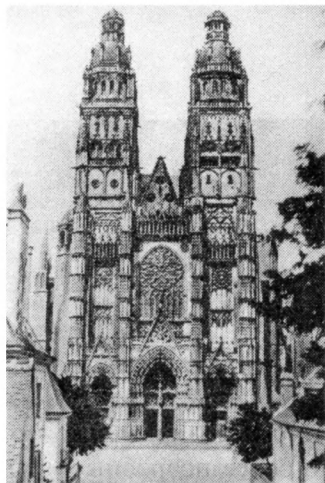

Святитель Григорий Турский

ВСТУПЛЕНИЕ

“Житие Отцов” — одна из последних книг многих трудов святителя Григория о святых Церкви Христовой. Законченная всего за год или что-то около того до его смерти, она содержит повествования о святых монахах гораздо более подробные, чем его более ранние работы о мучениках и исповедниках, и гораздо более близкие к тому, что бы мы сейчас назвали житиями святых. Книга имеет особую ценность как оригинальный источник, потому что многих святых, представленных в ней, он знал лично (а другие жили не более, чем приблизительно за столетие до его жизни), а трое из них были его близкие родственники: его прадед святитель Григорий Лангрский (гл. 7-я), его двоюродный дед святитель Никита Лионский (гл. 8-я) и его дядя святитель Галл Клермонский (гл. 6-я). Последняя часть этого вступления вмещает Отцов, чьи жития дает святитель Григорий (большинство остальных были аббаты или простые отшельники) в контексте всего монашества и православия Галлии VI века, корни которых уходят к великим Отцам IV и V веков — святителю Мартину Турскому, преподобному Иоанну Кассиану Марсельскому и Отцам расположенного на острове Леринского монастыря.

Цель написания житий святых не в том, чтобы дать абстрактное знание, а, как сам святитель Григорий часто отмечал в трудах своих, в том, чтобы духовно поучать и вдохновлять на подражание. Таким образом, оказывается, что самым верным доказательством ценности написанного святителем Григорием является его собственная жизнь: его всегда вдохновляли святые, которых он так любил.

Современный собор Тура,
построенный на месте того собора,
в котором был хиротонисан
святитель Григорий.

Житие святителя Григория само по себе является замечательным документом. Его автор в рукописях называется просто “аббат Одо”, очевидно, тот аббат Одо (879-942), который был монахом в монастыре святителя Мартина в Туре в начале X столетия и писал псалмы в прославление святого, позднее он стал вторым аббатом в Клане. Житие замечательно тем, что оно почти полностью взято из работ самого святителя Григория, который часто рассказывал о собственном жизненном опыте, и поэтому отчасти ценно как автобиография Святителя, из которой мы ясно можем видеть и его искушения, и проявления в нем Божией благодати. Описания святителем Григорием того, чему он сам был свидетелем, так просты и откровенны, что сегодня, в наш век “умудренности” и лжи, они очень трогают нас. Аббат Одо обычно пересказывая свои отрывки из работ святителя Григория, выражается более сжато, но и в таком виде они сияют первоначальной мощью, а комментарии Аббата показывают, что он и сам человек духовного восприятия, передающий нам через века память о человеке, который, как убедится православный читатель, стоит в одном ряду с великими Отцами Православия.

Здесь дается полное житие, впервые представленное на русском языке. Названия разделов и примечания были добавлены редакторами.

Отец Серафим (Роуз),
декабрь 1975 года,

Оптина келья,
Свято-Германовский монастырь

Написанная в 20-м веке икона
святителя Мартина Турского († 370),
бывшего духовным примером для святителя Григория.

Святитель Григорий Турский.

ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

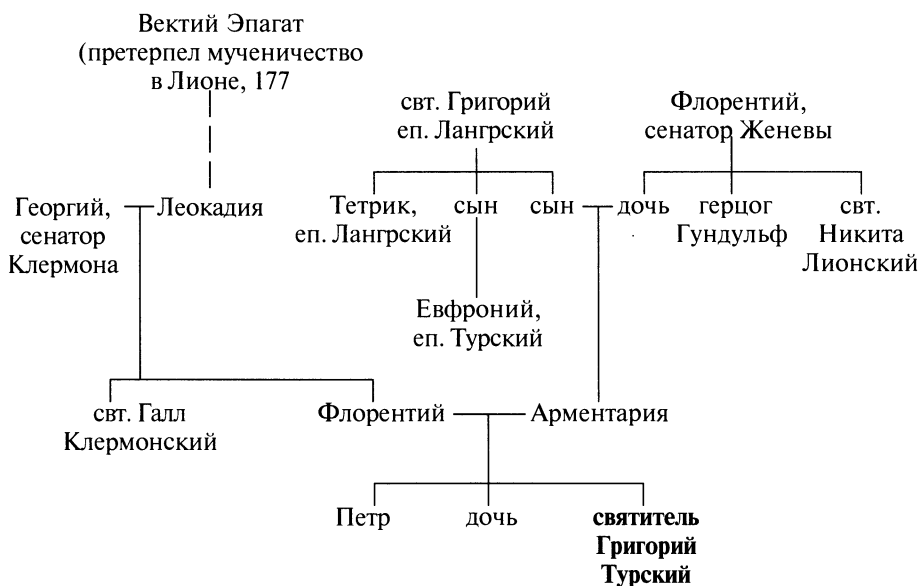
Аббат Одо*

Предисловие

Верно, что нужно чтить память всех святых, но верующие в первую очередь чтят тех, кто или трудами своими, или своим примером просиял большей славой, чем другие. Сейчас документально подтверждено (и документы эти вполне авторитетны), что святитель Григорий, архиепископ митрополичьей епархии Тура, был одним из них, причем прославился обоими этими достоинствами. Конечно, необходимо поэтому описать, хотя бы не полностью, деяния этого человека, чтобы слава его не затмилась когда-нибудь облаком забвения. Несомненно, для славы его достаточно того, что высоко на небесах ее утверждает Сам Христос, Которому он послужил; но нам не будет ли тем не менее преступным не вознести хвалу человеку, который напрягал все силы, чтобы прославить письменным словом столь многих святых? Независимо от того, сколь долгим может оказаться этот рассказ, в нем не смогут быть перечислены все его высокие деяния, ибо, пренебрегая некоторыми делами, о которых повествует предание, мы ограничимся небольшим числом тех, которые подтверждены его собственными книгами. Если кто-то требует от него чудес, измеряя, на манер евреев, святость каждого количеством совершенных им чудес, то что тогда думать о

*Латинский текст в книге Анри Бордьера “Книга о чудесах (святитель Григорий)”, Париж, 1864 г., т. 4, стр. 212-233; франц. перевод (очевидно, единственный до настоящего времени на современном языке) во вступлении перевода на франц. яз. того же автора к “Истории франков”, Париж, 1859 г.

Пресвятой Богородице или святом Иоанне Предтече?*. Давайте судить более здраво и знать, что в страшный день Суда многие из тех, кто творил чудеса, будут отвергнуты, и только те, кто прожил трудами праведными, будут приняты по правую руку Высшего Судии. Поэтому не из сотворения им чудес мы представляем нашего Иерарха, хотя, бесспорно, в его жизни они были, но хотим мы показать, что он, смиренный и кроткий сердцем, прошествовал по стопам Христа.

Генеалогическое древо святителя Григория

*То есть о тех, кто при земной жизни своей, как повествуется в Евангелии, чудес не творил.

1. Родословная Святителя

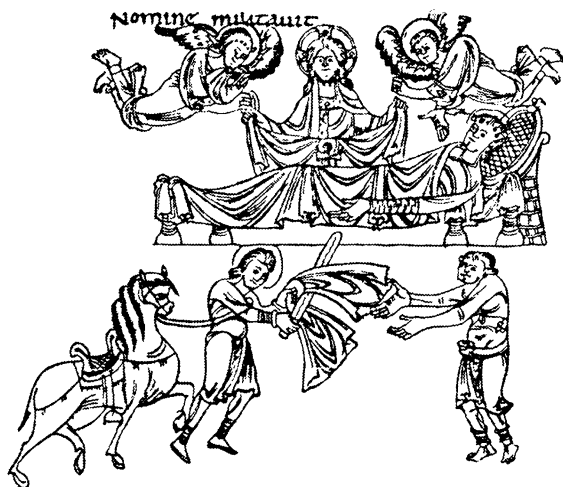
Григорий был уроженцем кельтской области галлов, рожден был в земле Овернь. Отец его был Флорентий, мать — Арментария, и, словно подтверждая, что благородство в этом мире вознаграждается щедростью Всевышнего, родители его были и богаты, и знатны. Но более важно то, что они отличались редкой преданностью Господу, что любой член этой семьи, который, будь неверующим, считался бы отщепенцем. Мы покажем это, рассказав кратко о самых близких к нему.

Георгий, бывший в мире сем сенатором, взял в жены Леокадию, происходившую из рода Вектия Эпагата, который, согласно рассказу Евсевия в 5-ой книге “Истории”, претерпел мученичество и умер в Лионе с иными христианами того времени, кажется, даже более славно, чем они (177 от Р.Х.). Леокадия родила святителя Галла и Флорентия, у которого было чадо, о котором мы теперь говорим. Об этом Флорентии, отце своем, Арментарии, своей матери, Петре, брате своем, о своей сестре, супруге Иустина, и двух своих племянницах, Юстине и Иустинии, послушнице преподобной Радегунды, святитель Григорий рассказывает в своей “Книге о чудесах” то, из чего ясно, что их вера и их верность достойны немалой славы. Так, старая Леокадия в родной земле своего ребенка, в земле Овернь, держалась с таким достоинством, что среди сенаторов возвышалась, словно римская статуя.

От таких людей вел свою родословную святитель Григорий: * сенаторы, судьи и все, кто принадлежал к самым достойным гражданам. О родителях его можно с уверенностью сказать, что, поскольку Господь, очевидно, дает каждому тех предков, которых он достоин, то фактом, который послужит для прославления Григория, является то, что он, очевидно, был рожден от предков своих для прославления святости. Фортунат,** говоря о происхождении и родине Григория, сказал:

* Эта родословная включает также многих известных людей, в том числе тринадцать из восемнадцати епископов Турских, предшествовавших ему на кафедре. Генеалогическая схема, приводимая нами, показывает только его ближайших родственников.

** Венантий Гонорий Клементиан Фортунат, знаменитый христианский поэт Галлии (540-600). Близкий друг преподобной Радегунды из Пуатье, он написал ее

СВЯТИТЕЛЬ
МАРТИН ТУРСКИЙ,
*духовный пример
для святителя Гри-
гория, юным солда-
том отдает нищему
свой плащ, а ночью
видит во сне, что
отдал его Христу.*
(Турская рукопись
11-го века.)

“Слава рода твоего, благородный глава города Тура, ты являешься среди Альп земли Овернь, как гора, более высокая, чем они сами”.

И, обращаясь к его матери:

“Дважды счастливая за заслуги свои — и для себя, и для мира — как Маккавей, давший небу семь детей, удостоенных венца мученического [2 Макк., гл. 7], так и ты, Армения, ты — истинно счастливая мать, ты, что прославилась в чаде своем, ты, украшенная трудами сына своего, получаешь, словно венец, неувядаемую святость Григория”.

Так, в благородном семействе отпрыск еще более благородный, словно роза, чарующая еще больше, когда ее сорвали, он возвращает родителям своим честь, увеличенную великодушной природой. И хотя нет необходимости в именах искать величие таинственного, все же он, по счастливому знаку, как

житие (в прозе), а также несколько других житий (святого Илария, епископа Пуатье, святителя Германа Парижского). Святитель Григорий поощрял его литературные труды, и он написал стихи (цитируемые здесь) по случаю вступления святителя Григория на кафедру епископа Турского (573 г.) и по поводу завершения им новой базилики святителя Мартина (590). Окончил дни свои епископом Пуатье.

показало сие событие, получил имя Григорий.* В переводе с греческого имя это означает “бодрствующий”, и он знал, как проводить не только третье бдение, но и второе, что гораздо труднее, и даже первое — нечто, что можно видеть очень редко; и, поскольку он с младенчества служил Спасителю, он “одинок сидит”, по выражению Иеремии (Плач 1, 1), или, по меньшей мере, вместе со святителем Мартином. Когда он возрастал и стал учиться грамоте, ум его развивался под руководством епископа Галла, дяди его.

2. Чудесное знамение

Его уже учили письменности, когда Божественная воля познакомила его с неотмирными знамениями и облагородила все его детство, показав удивительное. Его отец, сраженный свирепой болезнью, был прикован к постели. Лихорадка пробирала до костей, от подагры распухало тело, глаза застилала кровавая пелена — когда некий человек, явившись ребенку во сне, спросил его: “Ты прочитал книгу Иисуса?” Мальчик ответил: “Я ничего не знаю, кроме букв алфавита, и мне не нравится их учить, меня учат насильно. Ничего не знаю об этой книге”. Человек тот сказал: “Иди и дай небольшую деревянную палочку определенной формы (было сказано, какой) кому-нибудь, кто может на ней написать это имя, а когда оно будет написано чернилами, положи ее на постель своему отцу, рядом с его головой. Если ты это сделаешь, он обретет покой”.

Когда наступило утро, мальчик рассказал матери свой сон. Благочестивый духом ребенок понял, что на деле не ему, а его матери решать, делать ли такое. Мать его распорядилась, чтобы все было сделано, как в видении. И было сделано, и здоровье отца сразу же восстановилось.** И в самом деле, что более подходяще для того, чтобы поправить здоровье, чем имя Иисуса, начертанное на дереве?

*В действительности при крещении он был наречен именем Георгий Флорентий; позднее, в честь прадеда, епископа Лангрского (см. “Житие Отцов”, гл. 7) при пострижении получил имя Григорий.

**“Слава исповедников”, гл. 40-я. “Деревянная палочка определенной формы”, по всей видимости, имела форму святого креста или напоминала его.

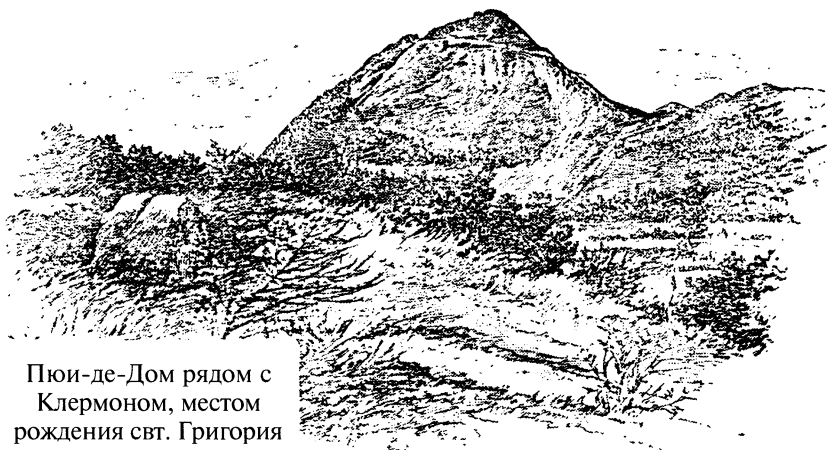
3. Его двоюродный дед, святитель Никита Лионский

Родители его как представители знати владели обширным поместьем в Бургундии. Поскольку они были соседями святителя Никиты, праведнейшего человека, управлявшего (с епископской кафедры) городом Лионом, последний велел привести к нему юного Григория. Когда мальчика привели к Епископу, Святитель некоторое время рассматривал его и, не знаю что узрев в нем Божественного, попросил, чтобы ребенка подвели к нему, так как он лежал в постели, и, словно житель рая, увидавший будущего сообитателя, начал его ласкать, прижимать к себе, но (деталь, о которой нельзя умолчать) лишь полностью закрывшись туникой из страха прикоснуться обнаженной кожи ребенка хотя бы кончиками пальцев. И сей самый ребенок, став взрослым, часто рассказывал своим слушателям об этом проявлении целомудрия и советовал им судить, помня об этой предосторожности совершенного человека, насколько нам, таким нравственно неустойчивым, следует избегать плотских контактов. Итак, святитель Никита благословил ребенка и, помолившись о его счастье, отправил того к родным.*

4. Его отец исцеляется во второй раз

Примерно через два года после чуда, о котором мы уже рассказали, Флорентия снова одолела болезнь, он весь горел, ступни его распухли и скрючились от чудовищной боли. Он был угнетен приближением смерти и одной ногой уже стоял в могиле. Но ребенок во сне снова увидел того же самого человека, который спросил его теперь, знает ли он книгу Товита. “Совсем не знаю,” — ответил он. Человек продолжал: “Знай, что Товит был слепой, а сын его вместе с ангелом излечил его печенью рыбы. Сделай поэтому то же самое, и отец твой будет избавлен”. Мальчик передал эти слова матери, которая немедленно послала слуг на реку. Поймали рыбу, и часть внутренностей, какие было велено, положили на горящие угли. Счастливое заключение чуда не замедлило последовать, так как только первая волна ароматов попала в ноздри отца, то немедленно исчезла вся

*“Житие Отцов”, гл. 8-я, § 2, где святитель Григорий отмечает, что в то время ему было восемь лет.

Пюи-де-Дом рядом с
Клермоном, местом
рождения свт. Григория

опухоль и вся боль.* Если достойна восхищения заслуга Иоанна в том, что был открыт рот Захарии, то не меньше достойно восхищения то, что Флорентий не один раз, а дважды был исцелен своим сыном. Благодаря этому Флорентий и его жена поняли, что их сын получит дар и будет Боговдохновенным человеком; действительно, они не могли не увериться, что Божественная мудрость создала его для каких-то более возвышенных целей. Однако они не звали его к постригу, желая, как мне кажется, чтобы он сам выбрал религиозную стезю; только с большим усердием принялись за его обучение.

5. Исцеление и постриг

Он был еще мирянином, но уже окреп телом и духом, когда внезапно, жестоко простудившись, серьезно заболел, и слабость его день ото дня все увеличивалась; и медицина была бессильна ему помочь. Его дядя епископ Галл часто навещал его, а мать его, по обыкновению всех матерей постоянно причитала над ним. Но в момент, когда исчезли всякие надежды на помощь со стороны людей, небо напомнило юноше обратиться за помощью к силе Божией. И он попросил, чтобы его перенесли к могиле

*“Слава исповедников”, гл. 40-я. См. Товит 6, 1-8, где ангел объясняет, что дым от сердца и печени рыбы — это средство против злых духов.

святителя Иллидия (поскольку она была недалеко), но это дало мало пользы, так как не к тому должна была подтолкнуть его болезнь. Вернувшись домой, он через короткое время стал так страдать, что все решили, что приблизилась скорая его кончина. Страдания эти заставили его, наконец, понять, в чем дело; он утешал плачущих над ним, говоря: “Отнесите меня еще раз к могиле святителя Иллидия; уповаю, что он скоро подаст мне исцеление, а вам радость”. Будучи, вследствие того, доставлен туда, он стал молиться с таким усердием, на какое только был способен, обещая, что если только будет исцелен от болезни, то без всякого промедления примет постриг. И только он произнес это, сразу же почувствовал, что лихорадка его оставила, из носа хлынула кровь, и болезнь полностью ушла, как торопится уйти посланник, получив то, за чем пришел. Он был пострижен, и полностью предан служению вере.*

6. Литературные занятия

Когда святитель Галл призван был получить должное вознаграждение за свою благочестивую жизнь, юношу принял человек Божий Авит (тогда, в 551 году, архидиакон в Клермоне, позднее — епископ Клермонский, 517-594). Испытав его характер и нравственные качества, тот вверил его заботе учителей, с помощью которых принудил его подниматься по ступенькам мудрости настолько быстро, насколько это позволяли активность и трудолюбие их ученика. Вы найдете это в житии уже упоминавшегося святителя Иллидия.** Но при этом он столь увлекся изучением литературы, что пришлось воздерживаться от другой крайности: его совсем не ужасала глупость поэтов, но, с другой стороны, он не был их поклонником, как то в неподобающей манере многие передают, и душа его не была рабой их власти. Исполняя требуемое от него, он, словно на кремне, отточил острие своего духа и, живя так, будто позаимствовал в Египте золотые сосуды, чтобы отправиться в пустынь питаться манной,

*“Житие Отцов”, гл. 2, § 2.

**“Житие Отцов”, гл. 2, предисловие, в котором святитель Григорий говорит, что именно у епископа Авита получил основное знание христианских догматов и научился почитанию святых Божиих.

Горы
земли Овернь
— родины святителя
Григория (около Ле-Сана).

он углубился в исследование дивной силы, которая скрывается в Божественном писании. Вот что он показывает, когда говорит о себе: “Не говорю о бегстве Сатурна, гневе Юноны, любовных приключениях Юпитера”, и, продолжая свое рассуждение, упоминает прочих мифических персонажей, заключая под конец: “Презирая все, чему суждено скоро погибнуть, я обращаюсь к Божественному и к Евангелию, так как не имею желания быть пойманным и запутавшимся в собственных сетях”. В этом отрывке* он показывает, что знает многое, но просвещенный ум его отвергает суетное.

7. Возвышение в святости на примерах святых

В положенное время** он был посвящен в диакона. Был тогда в земле Овернь один человек, который взял дощечку от святой гробницы святителя Мартина, но, когда человек этот по небрежности не воздал должных почестей той дощечке, вся его

*“Слава мучеников”, предисловие.

**В каноническом возрасте 25-ти лет, то есть приблизительно в 563 году.

семья тяжело заболела. Вскоре болезнь еще усилилась, и, не ведая, что может быть тому причиной, человек не искупил своего проступка, пока не увидел во сне кого-то грозного, кто спросил его, почему он так поступает. Мужчина ответил, что не знает, о чем идет речь. “С этой дощечкой, которую ты взял с гробницы святителя Мартина, — был ответ, — ты обращаешься небрежно, потому и навлек на себя бедствия. Иди сразу же и отнеси ее диакону Григорию”.* Я убежден, что Григорий уже тогда был достойным священнослужителем, раз святитель Мартин доверил ему сокровище, которое было у его паствы.

Много было в то время в земле Овернь людей, прославившихся на стезе церковного служения, и молодой Григорий навещал их вместе со святителем Авитом или один,** чтобы поучиться на примере святости, а позже, возвращая долг взаимной любви, он мог предложить им то, чего, быть может, не доставало им самим. Он чтит в них Христов образ и, поскольку Христа в Его Собственном Образе узреть нет возможности, он видел Его в них, как можно видеть луч солнца, ярко сияющий на вершинах гор. Направляя свои усилия к этой цели, он стремился поэтому или на их примере, или на примере тех, кто раньше их уже отправился на небеса, довести до совершенства все, что могло послужить ко славе Христовой.

8. Святитель Мартин исцеляет его

Среди тех образцов для подражания, в которых, как мы уже сказали, Христос отражается, как солнце на вершинах гор, он выделил прославленного Мартина, который, словно Олимп, возвышается над иными и, будучи ближе к небесному огню, отражает звезды с еще большим блеском, Мартина, в почитании которого поистине объединился весь мир и к которому сам Григорий воспылал горячей любовью. Мартин постоянно у него в сердце и на устах, он повсюду восхваляет его. Но, пока он прилагал все силы душевные к тому, чтобы вести добродетельную жизнь, телесные силы его, как это обыкновенно бывает,

*“Чудеса святителя Мартина”, книга 1-я, гл. 35-я.

** Например, отшельник Калуппан, которого он навещал с епископом Авитом. См. “Житие Отцов”, II, § 3.

ослабели. Причина — та же самая, по которой Даниил, поднявшись после того, как узрел в видении ангела, обнаружил, что тело его ослабело (Даниил 10:8, 16, 17), и проболел много дней. Григорий преуспел в добродетелях, но телесным здоровьем был слаб; лихорадка и сыпь на коже измучили его до такой степени, что он не мог ни есть, ни пить и потерял всякую надежду на выздоровление. Ему оставалось только одно — его непоколебимая вера в Мартина. И он вспылал еще большей, такой сильной любовью к этому Святому, что, хотя над головой его все еще веяло дыхание смерти, он, не сомневаясь, собрался почтить могилу Святого. Его близкие не могли отговорить его от этого, он упорно настаивал, так как жар его тела был не так силен, как жар его любви. После двух или трех остановок, по мере продвижения вперед, болезнь его еще усиливалась. Но даже и тогда ничто не могло сдержать его ревностного желания с прежней верой прибегнуть к помощи Мартина, и во имя Всемогущего он упросил тех, кто хотел отвратить его от этого, доставить его к могиле Святого живым или мертвым.

Ну, что еще сказать? Его доставили еле живого, и благодаря вере своей он получил исцеление, которого чаял. И не только он, но еще один человек из его церковного окружения по имени Арментарий, бывший одной ногой в могиле, тоже вернул свой здоровье благодаря собственной вере. Потому Григорий, возносящий благодарения как за него, так и за себя, вернулся домой удовлетворенный или, скорее, больше чем прежде исполненный любовью к Мартину.*

9. Сотворяется чудо, и гордость смиряется

Однажды, когда он ехал из Бургундии в Овернь, поднялась ужасная буря. Воздух спустился в грозовые тучи, небо перестало озаряться вспышками, и раздавались раскаты грома. Все побледнели в ужасе от угрожающей им опасности. Но Григорий, храня полное спокойствие, снял с груди мошевик с мощами святых (ибо всегда носил его) и поднял их к небу, как бы твердо противопоставляя их тучам, и те начали немедленно расходиться в

*“Чудеса святителя Мартина”, книга 1-я, гл. 32-я.

разные стороны, открывая путешественникам безопасную дорогу. Но гордость, так часто паразитирующая на добродетелях, прокралась в душу молодого человека; он возрадовался и своим собственным заслугам приписал то, что было связано только с мощами.* Но что ближе к самонадеянности, чем падение? И действительно, лошадь, на которой он сидел, тут же упала, сбросила его на землю, и он ударился всем телом так сильно, что едва смог подняться. Понимая причину этого падения, он старался в будущем всегда побеждать уколы тщеславия и каждый раз, когда Божественная сила делала его своим посредником, приписывал честь не своим заслугам, а силе мошей, которые, как мы уже сказали, всегда носил на шее. И если вы внимательно оцените этот эпизод, то увидите: более достойно восхищения то, что он умирил свою гордость, а не то, что разогнал облака.

10. Видение света Божией Матери

Григорий был неутомим в молитве, особенно во время ночных часов, посвященных отдыху. Приближался праздник Богородицы. В земле Овернь, в деревне Марсат были Ее мощи.** Григорий, который в это время был там, в свободное время, следуя своему обыкновению, пошел тайно вознести молитвы, пока остальные все спали, и, глядя издали на часовню, увидел в ней сильный свет. Подумав, что, наверное, какие-то ревностные молящиеся опередили его, он тем не менее был изумлен, что свет такой сильный, и направился к тому месту, откуда тот исходил — все было объято тишиной. Он пошел искать сторожа этого здания, но в это время дверь сама раскрылась, и, осознав, что место сие посетило Божественное, он с трепетом вошел туда, где вечерню совершали ангелы. Свет, что он видел, находясь снаружи, сразу же погас, и больше он не видел ничего, кроме света добродетельной Пресвятой Девы.***

*Сам святитель Григорий еще более смиренно рассказывает об этом: “Перед своими спутниками я похвалялся, что Господь пожелал показать, что чистота моя заслуживала такой благодати” (“Слава мучеников”, гл. 84).

**Скорее всего, кусочек Ее пояса или хитона. Такие реликвии по сей день сохранились в православных церквях.

***“Слава мучеников”, гл. 9.

11. Избрание епископом Турским

В году 172 по смерти святителя Мартина, 12-ом году правления короля Зигиберта,* блаженный Евфроний, который, добродетельно прожив до старости, получил дар великой благодати — дар пророчества, упокоился рядом со своими предками.** Пришло время, когда Григорию, горящему любовью к святителю Мартину и способному уже исполнять обязанности пастырские, следовало бы в свою очередь принять управление епархией. Поскольку блаженный Евфроний скончался, собрался епархиальный совет Тура, чтобы избрать его преемника, и в результате нелицемерного обсуждения все убедились, что лучше всех подходит Григорий. Его знали, так как он очень часто навещал эти края, был известен множеством деяний, достойных человека такого звания.

Все поэтому объединились в общем мнении, и, милостью Божией, он стал первым. Действительно, многие служители Церкви и люди благородного звания, а также простые крестьяне и горожане — все возглашали одно: решение должно быть в пользу Григория, равно известного и своими заслугами, и своим благородным происхождением, излучающего мудрость, превосходящего всех других великодушием, известного правителям, почитаемого за свою справедливость и способного к выполнению административных обязанностей. Направили было послов к королю, но в этот момент, промыслом Божиим, появился сам Григорий с королем. Извещенный о том, что происходит, с какой кротостью пытался он отказаться! Сколько доводов привел, чтобы отклонить такую честь! Но где есть воля Господня, все остальное должно отступить. Король потребовал, чтобы он подчинился власти, королева Брунгильда тоже настояла на том. И поскольку истинное смирение включает в себя послушание, он дал, наконец, свое согласие.

Немедленно — я думаю, из опасения, что любое промедление даст ему предлог сбежать — Эгидий, архиепископ

* Король Остразии и Оверни, 561-576.

** В 573 году после смерти святителя Мартина епископ Евфроний, двоюродный брат матери святителя Григория, управлял епархией Турской в 556-573 годах.

Реймский,* посвятил его, как это описал в своих стихах поэт Фортунат:

“Святой Иулиан** посылает святителю Мартину своего дорогого ученика, того, кто был ему столь угоден, отдает он брату своему; то его чтимая и отеческая длань Эгидия посвятила Господу, чтобы мог он вести людей, его любит Радегунда, радостный Зигиберт его вдохновил и Брунгильда воздала почести” (кн. ст.: 2).

Таким образом, епископская кафедра Тура, потеряв Евфрония, через 18 дней получила Григория. Когда жители Тура торжественно вышли встречать своего нового пастыря, тот же самый поэт снова сочинил в его честь следующие стихи:

“Бейте в ладони, счастливые люди, чье желание свершилось сейчас. Прибыл ваш иерарх, надежда всей паствы. Да празднует паства и веселятся дети, и те, кто уже стар и согнут годами — все этот час да прославят, ибо всем он счастье несет”.

И дальше поэт описывает, как люди чествуют Григория и как он, согласно обряду, занимает епископскую кафедру.

12. Восстановление базилики святителя Мартина

Кратко говоря, каковы были его деяния в тот период, когда он был епископом и насколько они велики, можно видеть на примере нескольких церквей, что он построил или которые реставрировал, и это также ясно видно по книгам, которые он написал ради прославления святых или толкуя Священное Писание. Та церковь, которую возвел Мартин и которая от ветхости уже разрушилась, была им восстановлена в прежнем виде, стены ее расписаны изображениями подвигов самого Мартина.*** Наш поэт об этом не умолчал, сказав среди прочего (Книга X:2):

*Тот, кто позднее был вовлечен в политический заговор, обвинен в измене королю Хильдеберу, лишился сана и умер в изгнании. См. “Историю франков”, особенно книгу X, 19.

**Мученик Клермонский, похоронен в Бриуде. Его могила была самой чтимой святыне в Оверни, такой же, как и могила святителя Мартина в Туре. Святой Григорий написал книгу о его чудесах.

***Другие источники по иконографии Галлии VI века см. во вступлении, следующем после этого Жития.

“Помощью Мартина здание Григорий воздвигнул; в новом человеке мы вновь обретаем то, чем был прославлен прежний”.

И еще:

“Славный епископ, возрождая те древние храмы, блеск им такой придает, которым и прежде сияли”.

Итак, мы сказали, и это можно найти в его собственных записях, он восстановил несколько церквей, например, храм Святого Креста в селе Марсат.*

13. Наставник монахов

Рвение, с которым он отдавался своему служению, будь то постройка церковных зданий или попечение о своей пастве, — вот что прежде всего отмечали те, кто считал, что он даже от самых святых людей не мог перенять образец своего совершенства. Действительно, не говоря уже о тех, чьи грехи явны, как говорит Апостол (все, что мы могли бы сказать о них, будет излишним), давайте возьмем двоих из тех, которые отмечены такой святостью, что только Григорий мог бы быть им собеседником, деликатно он выражал свое мнение в данных случаях.

Вскоре после посвящения Григория преподобный аббат Сенох покинул свою келью и пошел его поприветствовать. Преподобный воспринял его с большим почетом и, постепенно узнав его в ходе разговора, быстро заметил, что гость того заражен болезнью гордости. Но Григорий совершенно исцелил его от этой болезни благодаря небесному дару проникновенно видеть духовное.**

Он явил не меньшую власть и не меньшую заботу в отношении святого Леопарда, которого злой дух дурными мыслями довел до того, что он решил, измученный словесными оскорблениями, покинуть келью, в которой провел безвыходно долгое время. Но он избежал этого падения, поскольку удостоился поддержки Григория. Последний в то время, едучи своим обычным

* В конце XVII века Дом Руйнар упоминает этот храм как все еще существующий.

** “Житие Отцов”, гл. 15, § 2, где дается намного более полный рассказ.

путем в Мармутье,* чтобы приложиться там к святыням, оставленным в память о Мартине, свернул к хижине Леопарда, чтобы ему, рачительному пастырю, узнать, как управляется его словесная овца, сокрытая там ради любви ко Христу. Леопард вскоре открыл ему то, что было у него на сердце и что казалось вполне разумным из-за наущений диавола. Григорий, со своей прозорливостью, сразу же обнаружил бесовский умысел и, скорбно вздыхая, начал увещевать этого человека и раскрывать ему в разговоре, исполненном здравомыслия, козни бесовские; потом, по возвращении домой, с благочестивой заботой послал ему несколько книг, укрепляющих монашество. Леопард, внимательно их прочитав, не только избавился от искушения, от которого пострадал, но и был одарен впоследствии гораздо большей прозорливостью.** Не ищите ничего более прекрасного, не ждите ничего более замечательного, что можно было бы сказать в похвалу Григорию. Если душа больше тела, оживить ее в ком-то — это достаточно большое чудо; сам лжец [диавол] не осмелится это отрицать. О том, насколько с властью был его голос и насколько авторитетным для пасомых был пример его жизни, внимательный читатель может узнать и из его собственных книг.

14. Искушение

Он часто страдал от физической слабости, поскольку совсем не заботился о брэнной плоти, но каждый раз, когда болезнь слишком жестоко терзала его тело, истощенное суровым аскетическим образом жизни, он обращался к помощи своего дорогого Мартина и получал немедленное исцеление, и случалось это весьма часто. Когда это случалось в каких-то обстоятельствах, об этом он рассказывал в интересной для читателя форме в своей истории о чудесах святителя Мартина. Как человек смиренный и осторожный, он обыкновенно начинал лечиться

*Major Monasterium: монастырь святителя Мартина недалеко от города Тура. Этот монастырь (скорее, пустынь) описан Сульпицием Севером в главе 10-й его “Жития святителя Мартина”.

***“Житие Отцов”, гл. 20, § 3, где в более полном повествовании отмечается, что книги, которые дал ему Григорий, были “Жития Отцов” (египетских) и “Правила иночества” преподобного Иоанна Кассиана.

средствами обычной медицины, но чем больше к ним прибегал, считая себя в смирении своем недостойным получить чудесное облегчение, тем больше собиралась для него сила небесной благодати как единственное средство лечения. Однажды, исцелившись от боли в висках при обыкновенной помощи святителя Мартина, он позднее задумал, подталкиваемый искусителем, успокоить возбуждение в висках кровопусканием. Когда про себя раздумывал об этом, то почувствовал, что сосуды в обоих висках начали пульсировать со страшной силой, боль вновь вернулась к нему, удесятеренная, и он, встревожившись, поспешил к базилике, где сначала попросил прощения за свои мысли, а потом приложился головой к покрову святой гробницы — и ушел оттуда исцеленный.*

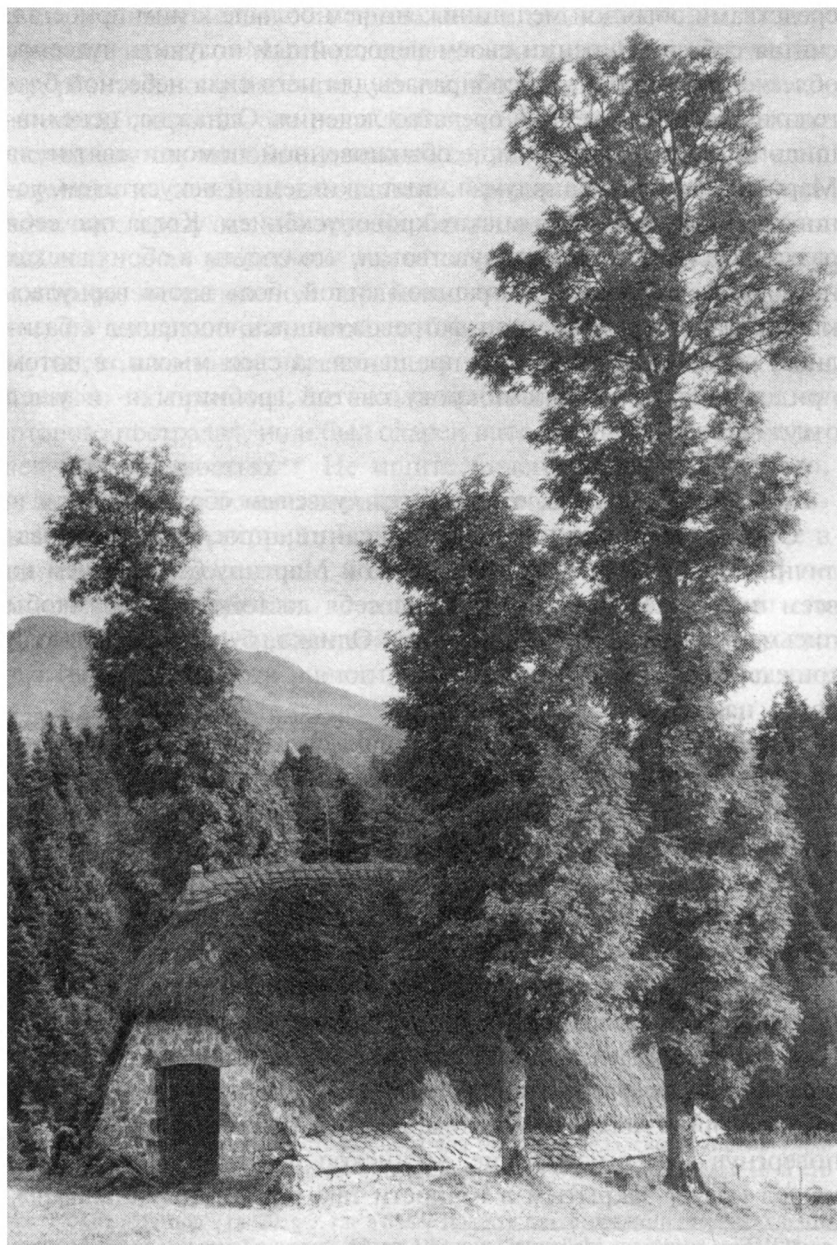
15. Мошевик открывается чудесным образом

Он уже составил несколько писаний, прославлявших различных особ и, хотя горел любовью к Мартину больше, чем ко всем иным, но отнюдь не считал себя достойным того, чтобы письменно поведать о его чудесах. Однако, будучи дважды или трижды предупрежденным во сне, понял, что ему угрожает суровое наказание за молчание.

В окрестностях Тура была часовня св. Стефана, которую он расширил и весь алтарь перенес немного дальше от того места, где он был раньше, но, не найдя там никаких мошей, послал одного из аббатов в дом епископа взять моши святого мученика Стефана. Однако Григорий забыл дать аббату ключ, и тот, найдя мошевик запертым, не знал, на что решиться. Если бы он пошел за ключом к епископу, это означало бы задержку, а если бы принес всю раку, то вызвал бы неудовольствие епископа, потому что в мошевике были моши многих святых. Пока он сомневался, увидел, как запор расходится, и мошевик раскрывается, как бы подтверждая, что Божия благодать сопричастна трудам Григория. Аббат, возблагодарив Бога, отнес моши Григорию, повергнув всех в изумление, а епископ по своем возвращении нашел ковчег закрытым в точности так, как он его оставил.**

*“Чудеса святителя Мартина”, книга II, гл. 60.

**“Слава мучеников”, гл. 34.

Типичная крестьянская хижина в земле Овернь

16. Он прекращает пожар при помощи мощей

Для исцеления болящих Григорий делал многие вещи, рассказ о которых занял бы здесь слишком много места, однако считал, что слава исцелений принадлежит святым, мощи которых он носил при себе, и старался, чтобы ему в заслугу это не ставили. Чем более очевидным бывало то, что чудеса сотворялись им, тем смиреннее он старался приписывать это другим. Вот один из примеров.

Однажды он двигался по дороге, а на шее у него висел золотой крест, в котором были мощи блаженной Марии Девы или блаженного Мартина. Недалеко от дороги заметил он горящую хижину бедняка; она была покрыта, по обыкновению бедного людя, листьями и ветками — тем, что хорошо горело. Несчастный с женой и детьми метался вокруг и кричал что-то, заливая огонь водой, но тщетно. Огонь разгорался, и остановить его было уже невозможно. Но Григорий поспешил туда, поднял крест пред языками пламени, и вид святых мощей остановил пожар, так что даже те части, что были уже охвачены огнем, больше не горели.*

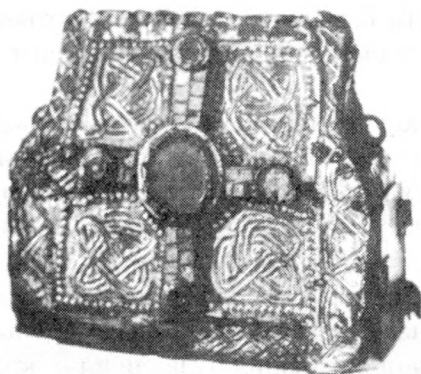
17. Его близость исцеляет глухого

Однажды пришлось ему по одному делу поехать в город Реймс. Епископ Эгидий милостиво принял его, и он провел там ночь и следующий день. Это было воскресенье, и утром он отправился в церковь, чтобы побеседовать там с епископом. Когда он ожидал его в ризнице (поскольку не хотел разговаривать в самой церкви), к нему подошел Сигго, бывший референдарий** короля Зигиберта, и Григорий, обнявшись с ним, усадил его рядом с собой. Они какое-то время поговорили, и Сигго, внимательно слушавший Григория, почувствовал, как в одном его ухе, в котором он незадолго до этого потерял слух, что-то прошумело, и оно стало слышать. Он стал рассказывать об этом чудесном исцелении, произошедшем от близости Григория. Но Божий угодник, не оставляя свое обычное смирение и пытаясь отвлечь

*“Слава мучеников”, гл. 11.

**Секретарь, отвечавший за королевский перстень с печаткой, которой удостоверялись документы. О Сигго см. “Историю франков”, т. 3.

Король Зигиберт I из династии
Меровингов (со средневекового рисунка
на его могиле).

Гробница VI века в Галлии.

своего собеседника от такого суждения, сказал: “Дорогое чадо, тебе следует благодарить не меня, а вознести благодарность блаженному Мартину, мощами которого, что я, недостойный, ношу, у тебя восстановился слух, и исчезла глухота”.

18. Он приглашает нападавших на него разделить его трапезу

Любовь была до того присущей ему добродетелью, что он испытывал чувство нежности даже к своим врагам, как покажет следующий пример. Однажды ему случилось отправиться в Бургундию повидать свою почтенную мать.* В отдаленном лесу, на другой стороне реки Барберон, он повстречал нескольких разбойников, которые так яростно кинулись к нему, что хотели, казалось, не просто ограбить, но и убить. Но их появление не могло испугать Григория, который шел, защищаемый Мартином:

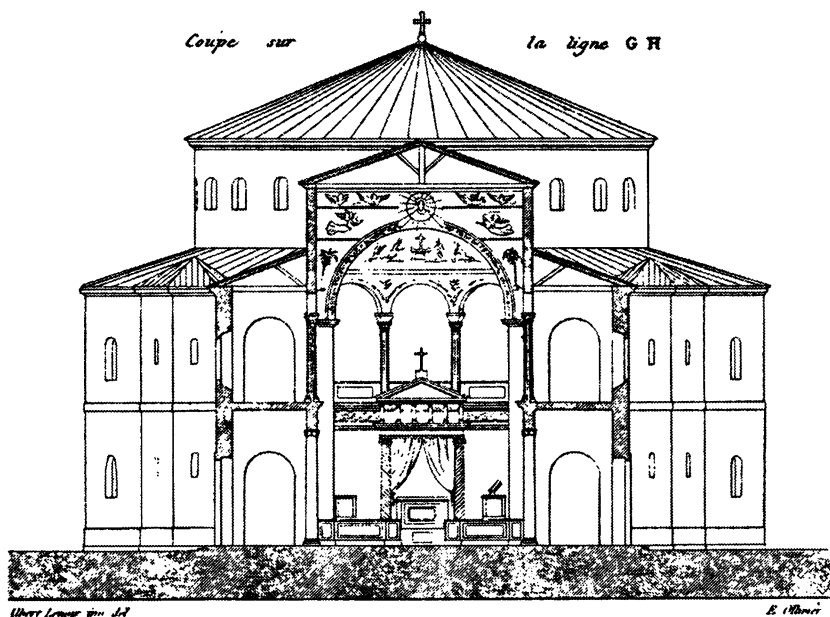
* Которая переехала в семейное поместье в Бургундии после смерти отца свят. Григория. Река Барберон — это приток Долона, который впадает в Рону рядом с Вьенной.

он призвал его на помощь и так явственно ощутил его присутствие, что разбойники вдруг помчались прочь еще быстрее, чем появились. Григорий со своей обычной любовью и абсолютной невозмутимостью окликнул беглецов и предложил этим врагам взять что-нибудь покушать и попить. Но их, казалось, кто-то гнал ударами палки, а лошади их уносили их прочь с необычной скоростью помимо их воли, так что они не в состоянии были и слышать голос, звавший их вернуться.*

19. Исцеление от паралича в базилике святителя Мартина

Благодаря Григорию многократно возрастала вера и благочестие людей. И случилось однажды так, что злокозненный враг, терзающийся ненавистью и неспособный удержать выплески своей злобы, изо всей силы попытался подорвать веру и пастыря, и паствы. В день Рождества Христова, когда Григорий пришел, согласно обычаю, как епископ совершить праздник в главной базилике города, один из наиболее яростных одержимых начал дико носиться перед группами людей, окружавших Григория, и выкрикивать: “Напрасно вы приходите к порогу Мартина, незачем вам приближаться к его храму, из-за ваших бесчисленных грехов он вас оставил, он с отвращением бежал от вас и совершает свои чудеса в Риме”. Когда диавол бросал в толпу такие слова, его голос взволновал не только крестьян, но порашил страхом и клириков, и самого Григория. Они вошли в базилику, проливая обильные слезы, и распростерлись ниц на каменном полу, молясь о том, чтобы Святитель удостоил их своим присутствием. Один человек, у которого более трех лет были парализованы обе кисти и одна ступня, лежал, как и другие, простертым пред святым алтарем, призывая помощь святителя Мартина, когда внезапно его охватила лихорадка и такая боль, словно его пытали. Тем не менее, была совершена торжественная служба, и в тот момент, когда Святитель с обильно текущими слезами ждал явления святителя Мартина, когда, согласно должному, он покрывал Святые Таины, больной полностью выздоровел.

*“Чудеса свят. Мартина”, книга I, гл. 36.

Базилика свят. Мартина в Туре в VI веке
(реконструкция по записям свят. Григория).

Немедленно Григорий, исполнившись радости, вознес благодарности Господу Всемогушему и с глазами, обильно наполненными слезами обратился к людям со следующими словами: “Братия мои, да покинет страх ваши сердца, ибо в них обитает блаженный Исповедник, и ни в коем случае не верьте диаволу, глушему от сотворения мира, никогда не знавшему истины”. После того, как сказал он людям это утешение, а также и другие, всеобщая скорбь обратилась в радость, и все благодаря Мартину и Григорию вернулись домой более счастливыми, чем когда пришли в базилику.*

20. Ангел побуждает его к еще большему рвению

Поскольку мы только что говорили о Рождестве Христовом, расскажем о том, что случилось с нашим епископом в иное

*“Чудеса свят. Мартина”, книга II, гл. 25.

Рождество. Во время святой ночи этого торжества, измученный всенощной службой, он на минутку прилег на свою кровать, но к нему быстро подошел некий человек и сказал: “Встань и вернись в церковь”. Он проснулся, перекрестился и решил еще поспать. Человек тот не уходил, но предупредил его во второй раз. Однако, вновь проснувшись с тяжелой головой, он заснул опять. Тогда тот человек, приблизившись в третий раз, шлепнул его по щеке и сказал: “Ты побуждаешь людей идти ко всенощной, а сам позволяешь себе поддаться сну”. Пораженный этими словами, Григорий быстрым шагом вернулся в церковь.* В очах Божиих он был настолько совершен, что ему не позволялось даже под предлогом простой человеческой слабости ни на момент пренебрегать своим спасением.

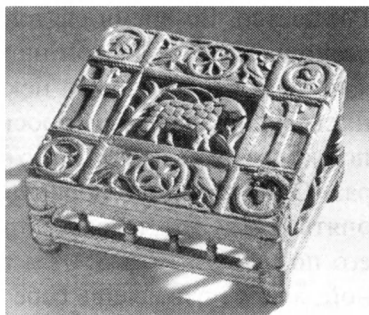
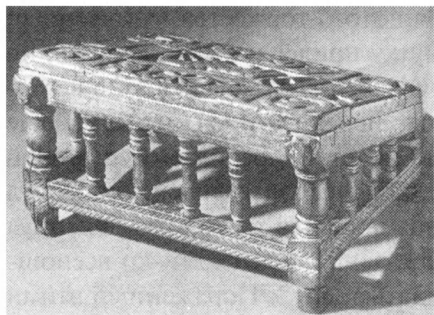
21. Ангел укоряет его

Думается, мы должны добавить здесь еще рассказ о том, как Господь пожелал сделать ему порицание, чтобы он не грешил даже из-за безответственности других людей. Когда блаженный Мартин излечил его от безнадежной болезни с тем, чтобы он мог на следующий день идти в церковь, Григорий все-таки, чтобы не переутомиться при совершении литургии, поручил совершить ее одному из своих священников. Но священник этот произносил возгласы настолько неподходящим образом, что сослужащие ему подняли его на смех, говоря, что лучше ему помолчать, чем так говорить. В ту ночь Григорий увидел во сне человека, сказавшего ему, что при пресуществлении Таин Господних не должно быть никаких сторонних наблюдателей. Из этого он сделал вывод, что ему не следует позволять легкомысленным людям в своем присутствии так пренебрежительно относиться к святому.

22. Преподобная Радегунда и Святой Крест

Божиему избраннику как истинному стражу и себя, и паствы своей, часто приходилось совершать дальние путешествия либо ради блага своих людей, либо ради собственного спасения.

*“Слава мучеников”, гл. 87.

Деревянный письменный стол Радегунды,
сохраненный в ее обители в Пуатье.

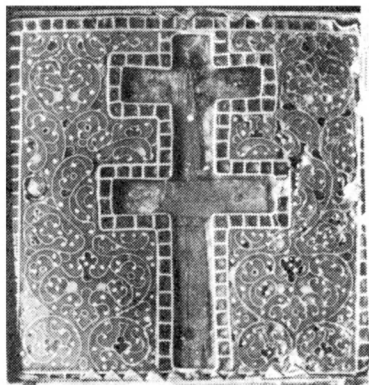
Однажды, когда он поехал помолиться у могилы свят. Илария,* свернул в сторону, чтобы посетить святую королеву Радегунду.** Они двое, подобно обитателям рая, беседовали о небесном, а между тем масло, которое обычно падало капля за каплей со Святого Креста, с появлением епископа потекло так обильно, что меньше чем за полчаса его вытекло около литра.***

“Крест Господень, обретенный в Иерусалиме Императрицей Еленой, почитается в среду и пятницу каждой седмицы. Королева Радегунда, которая по вере и добродетелям своим одна могла сравниться с Еленой, попросила частичку этого Креста и с молитвами поместила его в монастыре в Пуатье, основанном ее усердием. Затем она снова посылала слуг в Иерусалим и по всему Востоку и они после посещения могил вернулись с мощами святых мучеников и исповедников, которые она поместила вместе с этим Святым Крестом в серебряный ковчежец, и они произвели великое множество чудес, чему она сама изволила быть свидетельницей...

*Свят. Иларий, епископ Пуатье, богослов и духовный отец свят. Мартина Турского, † 368, 13 января.

**Преподобная Радегунда († 587, 13 августа), дочь короля Тюрингии, была захвачена в плен королем франков Клотарем I, который насильно женился на ней. Позднее она нашла убежище у свят. Медардуса, епископа Суассона, стала монахиней и основала обитель в Пуатье, под управлением свят. Кесария Арльского.

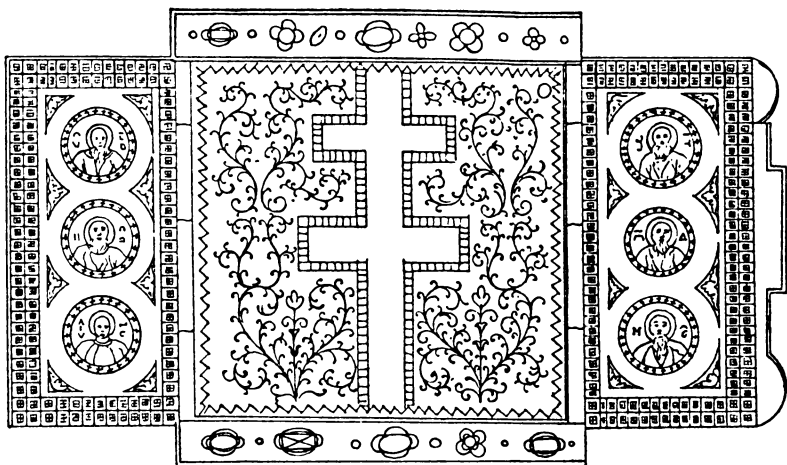
***Рассказ самого свят. Григория (“Слава мучеников”, гл. 5), гораздо более подробный, добавлен ниже к тексту отца Одо в кавычках.

Ковчег креста преп. Радегунды,
перед которым молился
свят. Григорий,
в том виде,
в котором он сохранился
до сегодня

Я часто слышал, что небесные силы заставляют масло в лампадах, горящих пред святыми мощами, кипеть с такой силой, что стоящий под ними сосуд почти все время наполняется изливающимся маслом. Но я, утвердившись в своем неразумии, не мог решиться поверить в это, пока та же самая сила, которая уже показала себя другим, не проявила себя в моем присутствии и не препобедила мое грубое равнодушие. Я скажу поэтому то, что видел собственными глазами.

Я увидел, что перед ковчегом преп. Радегунды с бесценным Крестом была зажжена лампада. Заметив, что из нее часто капает масло, я подумал (Бог мне свидетель), что она с трещиной, тем более что под ней стояло блюдо, в котором собиралось текущее масло. Повернувшись к настоятельнице, я сказал ей: “Вы что, не можете взять целую лампаду вместо такой, в которой трещина и из которой течет масло?” Она ответила: “Милорд, это не из-за того, а из-за силы Святого Креста, который пред Вами”. Тогда, внутренне сосредоточившись и вспомнив, что слышал прежде, я взглянул на лампаду и увидел, что масло кипит в ней большими волнами и перехлестывает через края, как в котле над сильным огнем, и явление это, думаю, для того, чтобы лучше победить мое маловерие, все усиливалось и усиливалось, так что в течение часа из сосуда, который вмещал не более литра, истекло еще около литра. Я молча созерцал это чудо, и с того момента славлю святость бесценного Креста”.

Первоначальный вид ковчега преп. Радегунды (VI век)
с иконами святых, чьи мощи были помещены в нем
(с рисунка XVIII века).

Когда Царь Небесный решил призвать к себе эту преподобную Королеву, Григорий, избранник Божий, узнал о приближении ее кончины, но, когда он поспешил к ней, она уже отошла, и он предал земле ее святое тело. Он торжественно освятил алтарь, сооруженный над ее могилой, оставив однако честь закрыть ее гроб епископу того места, который как раз отсутствовал.

23. Он спасен от опасности преп. Романом

Как-то по одному делу ему нужно было пересечь реку Гаронну около замка Блэие, но вода в реке так поднялась, что страшно было смотреть на нее. Недалеко оттуда покоились в могиле мощи преп. Романа, священника, которого, как сказано в его житии,* похоронил Мартин. Когда с одной стороны порывы ветра, а с другой — громадные волны стали очень опасны для путешественника, он возвел очи к небу, потом воззрел на церковь преп. Романа, и вся вода вскоре совершенно успокоилась,

*Св. Роман из Бордо, † 382 г., 24 ноября.

Баптистерий св. Иоанна в Пуатье (IV век),
в целом сохранившийся в таком виде,
в котором был при свят. Григории.

Свят. Медардуса Суассонский постригает преп. Радегунду
(манускрипт X века).

все стихло, и Григорий, не подвергаясь более никакой опасности, переправился на другой берег.*

24. Он едет в Рим

Завершились шестнадцать лет его епископского служения, когда соименный ему Великий Григорий переселился в епархию небесную.** Говорят, что некоторое время они были связаны тесной дружбой, и это было вполне естественно, так как Фортунат сравнивал этого папу со свят. Григорием Назианзиным († 374) и говорил, что последний был даром Востоку; святитель Григорий Двоеслов был даром Югу, а наш святитель Григорий — даром Западу. Когда свят. Григорий Турский приехал в церковь святых Апостолов [в Риме], папа принял его с большим почтением и, проводив до места, где св. Петр исповедал Христа, стоял рядом с ним, ожидая, когда он поднимется. И, стоя в ожидании, с изумлением понял (ибо он был прозорливцем) тайный промысел Божий об этом человеке, который был у него пред глазами, который, хотя и не отличался величием, получал свыше великую благодать. Тот же с Божественной проницательностью немедленно все ощутил и, поднимаясь с колен после молитвы со свойственным ему смиренным видом сказал папе: “Господь нас создал, а не мы сами, Он равно творит и малое, и великое”. Святой папа понял, что эти слова были ответом на его мысли и, возрадовавшись открывшемуся, начал открыто выражать глубокое почтение к той благодати, которой до этого в Григории лишь молча восхищался; и он оказал честь Турской епархии, одарив ее престолом из золота, который должен был пребывать там вечно.***

*“Слава исповедников”, гл. 46, в которой свят. Григорий утверждает, что подвергающиеся опасности кораблекрушения на Гаронне спасаются, воскликнув: “Исповеднике Божий святой Романе, помилуй нас!”

**Свят. Григорий Двоеслов, римский папа с 590 года до своей смерти 12 марта 604 года.

***Эти строки аббата Одо являются, кажется, единственным историческим упоминанием о путешествии свят. Григория в Рим, и по этой причине современные историки склонны сомневаться в том, что оно состоялось. Но мы точно знаем, что свят. Григорий почитал своего соименного папу и что его диакон Агиульф был в Риме в 590 году, когда последний был избран папой, и представил свят. Григорию рассказ очевидца о произошедшем в Риме, включая единственный сохранившийся текст обращения Двоеслова к народу Рима по этому случаю. См.: “История франков”, книга X, гл. I.

25. Явление небесного огня

Свят. Мартин, прославляя повсюду последователя своего Григория, многократно уже показал, насколько он благоволил ему, но, желая и соучаствовать в трудах его, порой, пребывая невидимым, достаивал своим явлением со всем присущим этому блеском.

Имея намерение освятить молельню в зале, который служил его предшественнику кабинетом, Григорий перенес туда частицу мощей священномученика Сатурнина,* который с большим почтением взял в базилике свят. Мартина. Священники и диаконы в белых облачениях составили внушительный хор, присутствовали благородные граждане, украшенные соответственно их положению, и многочисленная толпа людей низшего звания; торжественно горели свечи, высоко были подняты кресты.

Когда дошли до врат, внезапно наполнившее помещение, внушающее благоговейный страх сияние ослепило всех сильной вспышкой и, словно молния, заметалось в разных направлениях. Охваченные великим страхом, все пали ниц. Но Григорий, словно был посвящен в тайну сего великого чуда, твердым голосом стал говорить: “Ничего не бойтесь. Вспомните, вы видели, как огненный шар изошел от главы блаженного Мартина и поднялся в небо,** и верьте, что это он сам пришел со своими святыми мощами к нам”. И все тогда восславили Господа, и почтенный иерарх повторил со своими клириками: “**Благословенъ грядый во имя Господне! Богъ Господь, и явилсяъ намъ**” (Пс. 117, 26-27).***

26. Преставление святителя Григория

На этом, пожалуй, мы и закончим рассказ о нашем епископе. Мы славим его не за чудеса, которые, бывает, приписывают даже

*Первый епископ Тулузы, претерпевший мученичество 29 ноября в III столетии.

**Когда Святой совершал Божественную литургию; см. Сулпиция Севера, “Собеседования”, II, 2.

***“Слава исповедников”, гл. 20-я, где свят. Григорий в гораздо более длинном повествовании поясняет, что он принес в молельню также частицу мощей свят. Мартина. Еще сказал он людям: “Думаю, что это был небесный огонь, так как он освещал без горения”.

и нечестивым, хотя он прославился и ими. Но для того, чтобы воссияла слава его, достаточно, что он, смиренный сердцем, следовал Христу и совсем не заботился о земных сокровищах. Уметь удерживать себя от греха, хотя бы отчасти — это и есть подлинное умение совершать чудесное. Быть свободным от грехов — вот в чем высшая слава.

На двадцать первом году своего епископства, то есть по завершении третьего семилетнего цикла, посвященных вере в Святую Троицу (594 год), его, не прожившего много (ибо посвящен он был в возрасте около тридцати лет), но успевшего достичь совершенства, возложили рядом с Отцами. Но могила не полностью сокрыла того, чье слово осталось жить в мире, и мы верим также, что на небесах святитель Григорий пребывает вместе с блаженным Мартином, а мощи его святые покоятся рядом с мощами святителя Мартина. Жителям Тура поэтому, если они не хотят прослыть неблагодарными по отношению к небесным дарам, данным им, следует всегда помнить о Божием благословении над ними. Покровитель, которого Он им дал — это не обычный святой, это сам Мартин, которому трудно подобрать достойную его хвалу, поскольку и малейшие его деяния, как было написано, значительно выше, чем величайшие деяния других. Народы мира свидетельствуют, как нам следует его почитать, поскольку ценят его с такой глубокой любовью, что даже и теперь, когда любовь охладевает, мы видим, как к его святой могиле устремляются многоязыкие толпы людей из неведомых стран, так что мы по справедливости можем сказать о Мартине: “Вся земля стремится видеть его”. Их рвение — это сильный и справедливый упрек равнодушию тех, кто находится с ним рядом, но ясно, что это по промыслу Божию любовь его проникла во многие сердца до такой степени, что память о нем благоухает повсюду как о втором Иосии, и что она так распространилась по странам земли, что, где бы ни царило имя Христа, там и почитают Мартина.*

Но более того: Григорий, человек знаменитый не только святостью, но и знаниями, дал жителям Тура веру в то, что город

* Действительно, имя свят. Мартина можно найти и в греческом, и в русском календарях.

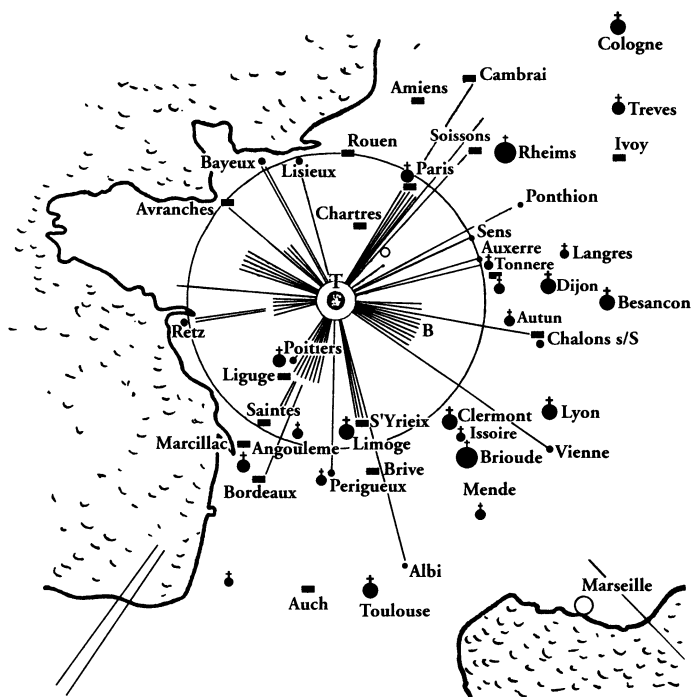
их не должен прозябать в безвестности и незнании, но должен прославиться благодаря ему, как раньше стал известным благодаря Мартину, подобно тому, как Рим, прославившись апостолами, позднее был украшен еще одним Григорием.

Да не сомневаемся, что святитель Григорий, с помощью Божией через святителя Мартина, является нашим защитником и покровителем, и мы можем прибегать к его помощи во всех своих бедах. И верно, неизбывна доброта Григория, вдохновлявшая его так же, как и Мартина, о чьем сострадательном сердцем он с таким усердием поведал нам. Дабы показать нам это сострадание, он записал чудеса Святого, с тем чтобы в будущем все, кто узнает, какое огромное множество их он сотворил и насколько они важны, какие неизлечимые болезни он исцелил, тот бы не сомневался в его силе. И если случится так, что с течением времени чудеса материальные иссякнут, будем же тем не менее верить всегда, что он творит чудеса в наших душах, и его добродетелями они укрепляются.

Святитель Григорий, познавший духовную поддержку святителя Мартина, да напоминает ему всегда о его пастве, всегда да просит его молитвенно поддерживать то святое место, где он погребен, да испрашивает благоденствие для всего королевства. Не будем, кроме того, забывать, что он даже за гробом хранит свое смирение. Его похоронили по его просьбе в таком месте и таким образом, чтобы все ходили по его могиле, и он сугубо просил, чтобы этому месту не оказывалось никаких почестей.* Но паства блаженного Мартина, не в силах выполнить такой просьбы, перенесла его останки с того места и с надлежащими почестями поместила их в великолепный склеп, сооруженный слева от святой гробницы (Мартина). Умер он 17 ноября, именно в неделю святителя Мартина,** так что начав, уже больной, совершать торжественную службу в честь Мартина, он смог завершить ее уже вместе с ним на небесах по милости Господа Иисуса Христа, Бога Живого, правящего с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

* Подобно завещаниям препп. Нила Сорского и Александра Свирского в России.

** Который умер 11 ноября.

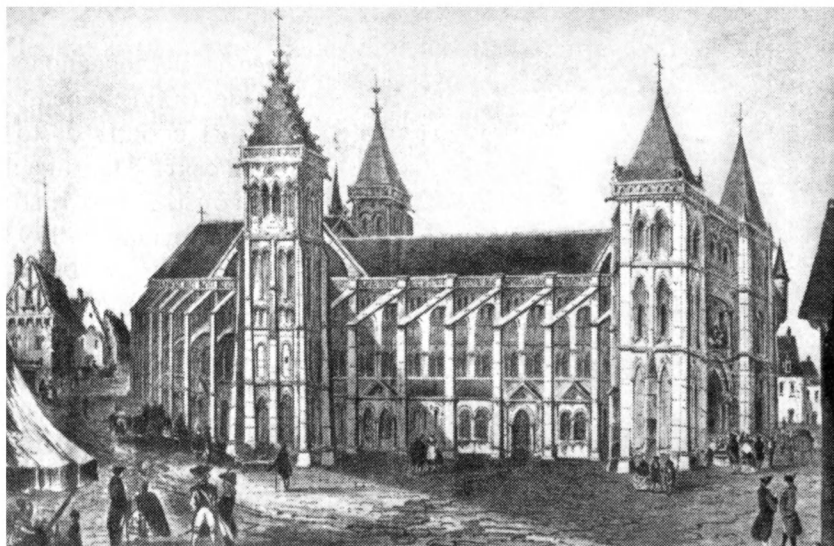
МЕСТА ПАЛОМНИЧЕСТВ В ГАЛЛИИ VI ВЕКА
(Тур занимает центральное место; маленькие
прямоугольники указывают местонахождение частиц
мощей святителя Мартина, кружки с крестами —
мощи других святых.

Сведения о мощах и гробницах святителей Мартина и Григория Турских

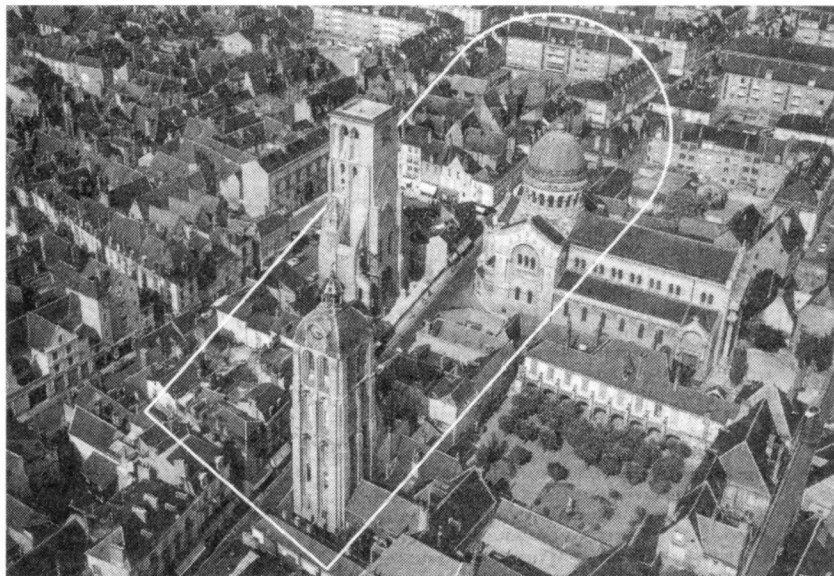
Благодаря его необычной жизни и многочисленным чудесам, значение свят. Мартина как предстателя православных пред Богом только возросло после его смерти в 397 году, и его гробница скоро стала местом паломничества. Его преемник на епископской кафедре Тура свят. Брайс соорудил над захоронением церковь, где была, к слову сказать, емкость с целительной водой, в которую верующие могли погружаться. Позднее епископ

III CITUR CHRODICILOIS REGINA
 plena die cum bonis que operibus pre-
 orra. Apud urbem turonicam obiit
 tempore iniuriosie piscopi, Quae pa-
 risius cum magno psallentio de por-
 tibus in sacratio basilicae scipe triad-
 latus chlodovechi regis sepulta esset
 apud ipsius chlodovechi regis sepulta esset
 thario regibus. Nam basilicam illam
 ipsa construxerat in qua et ceterae
 quae beatissima esset ac pulchra. **III**
Denique chlotharius rex indixe-
 rat ut omnes ecclesiae regni sui
 tenentiam patrum suorum piscopi dissol-
 uerent. Quod licet iniuriam omnes e-
 piscopi consensissent atque subscrip-
 sissent. Quiliter hoc fecerit iniurio-
 sus respuens subscribere dedignatus
 est. dicens. Si uolueris res diuoluered
 necnuum tuum de locis tuis auferre. Quia
 iniquum est ut pauperes quos tu debet
 alere horreo aliorum super tua reple-
 antur. Citatus contra regem necua-
 ledicens abscessit. Tunc commotus rex
 timens enam uirtutem beati martini

Манускрипт
 “Истории франков”
 свят. Григория, VII век.

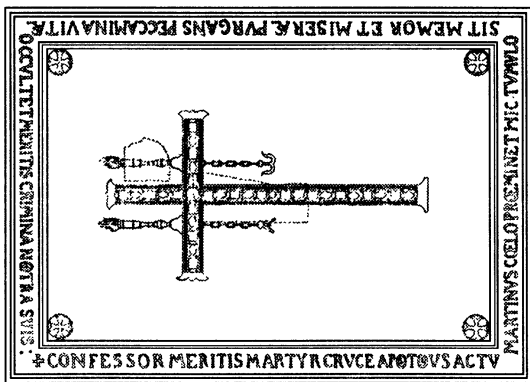
Вид на собор, построенный в 1008 году над мощами свят.
 Мартина Турского (с позднейшими добавлениями);
 разрушен в 1793 году.

Вверху: месторасположение (внутри белой линии) собора с мощами святт. Мартина и Григория, который был разрушен в 1793 году во время Французской революции.

Слева: Собор, построенный в 1860 году на месте гробницы свят. Мартина. Этот собор (который виден также на верхней фотографии) все еще стоит в наши дни.

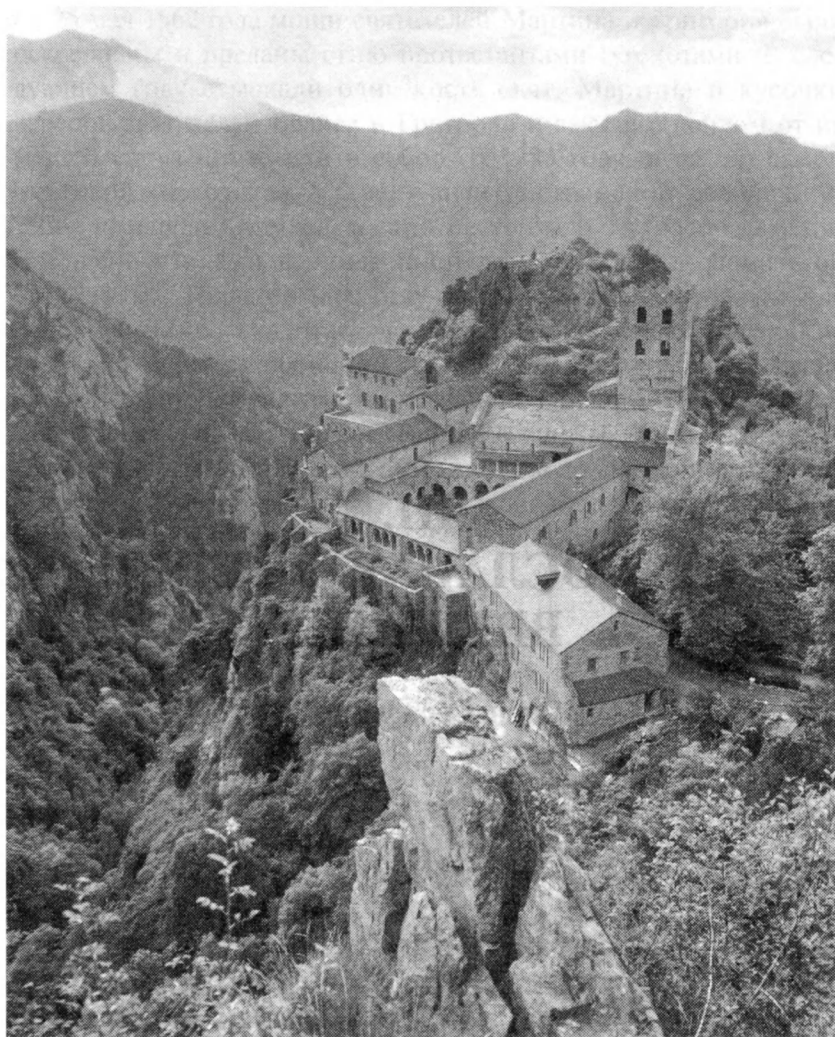
Мраморная плита,
присланная свят. Евфронием из Оттона,
чтобы накрыть мощи свят. Мартина
(реконструировано по кускам,
найденным в 1860 году).

Перпет заменил эту первую церковь вместительной базиликой, которая была освящена 4 июля 470 года и была, кажется, самым замечательным памятником христианской Галлии, являясь, кроме Рима, главным центром паломничеств христиан на Западе. Это и есть базилика, описанная свят. Григорием. В пятом веке, кроме того, могила была покрыта плитой белого мрамора, присланной святителем Евфронием из Оттона. Могила свят. Григория была размещена рядом с могилой свят. Мартина, и в конце VII века была перестроена во впечатляющий памятник святым Оуэном. За столетие базилика претерпела различные разрушения, особенно от норманнских нашествий, и, наконец, в 997 году, вскоре после того, как там побывал аббат Одо, была полностью уничтожена пожаром. Однако мощи святителей Мартина и Григория остались невредимы и были помещены в новый собор, который был освящен 4 июля 1008 года. Частично перестраиваемый с XI по XIII век, этот храм сохранился во Французскую революцию, но историки отмечают, что поклонение Мартину никогда уже не имело такой силы, какое оно имело в период эры Православия во Франции (до 1054 года).

25 мая 1562 года мощи святителей Мартина и Григория были осквернены и преданы огню протестантами-гугенотами. В следующем году отыскиали одну кость свят. Мартина и кусочки черепов святителей Брайса и Григория и вместе с пеплом от их мощей снова поместили в собор. В 1783 году, в разгар самой жестокой (не считая XX век) антихристианской революции, собор сравнивали с землей, а само место было застроено домами, замощено улицами в намеренной попытке стереть память об этих святых. Только в 1860 году в похвальном духе покаяния за революционное святотатство несколько римских католиков отыскивали место захоронения святителей Турских, нашли также куски мраморной плиты, покрывавшей некогда могилу свят. Мартина (на иллюстрации). Впоследствии на этом месте был выстроен новый собор свят. Мартина, где до сих пор пребывают в почтении несколько частиц его мощей; от мощей же свят. Григория не осталось ничего.

**III.
ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЛЛИЯ.
ВВЕДЕНИЕ**

Отец Серафим (Роуз)

Монастырь свят. Мартина в Канигу, на юге Франции (Русиллон), X век — плод последнего периода монашеского усердия а православной Галлии, расцвет которого в V и VI веках описан свят. Григорием Турским в *Vita Patrum* — *Житии Отцов*.

1. Православное Христианство в Галлии VI века

Православный христианин XX века не найдет ничего странного в Христианстве Галлии VI века; фактически, если сам он глубоко проникся духом и благочестием Православия, каким оно сохранилось до наших дней, то в христианском мире святителя Григория Турского он будет чувствовать себя, как дома. Внешние выражения христианского культа — устройство и украшение церкви, иконы, облачения, службы — развиваясь в течение веков, приобрели, в основном, такую форму, которую они сохраняют и сейчас в Православной Церкви. На Западе, особенно после римского отпадения от Церкви в 1054 году, все это изменилось. Более традиционно мыслящий Восток самым фактом того, что он так мало изменился в течение столетий даже во внешних проявлениях культа, естественно, гораздо ближе раннехристианскому Западу, чем католико-протестантский Запад последних столетий, который далеко отошел от своих корней еще до того, как наступила современная постхристианская эра.

Некоторые историки того периода, например, О.М. Дальтон во вступлении к переводу “Истории франков” свят. Григория (Окфорд, 1927 г., 2 тома), находят в христианской Галлии много “восточного” по форме. Это правильное наблюдение, но оно сделано с точки зрения современного Запада, поэтому не совсем точное. Более точная формулировка этого наблюдения должна быть следующей.

В VI веке существовало одно единое Христианство, равно на Востоке и на Западе, по учению и духу, с некоторыми формальными отличиями, которые в тот ранний период были и небольшими, и несущественными. Вся Церковь и до этого, и после этого века собиралась на соборы, чтобы решать спорные

вероучебные вопросы и исповедовать одну истинную веру. Были многочисленные паломники, пилигримы, особенно “западные” ходили на Восток, но и “восточные” ходили на Запад, и они не считали друг друга чужими, а христианскую веру и благочестие или обычаи отдаленной какой-либо страны враждебными тому, что знали дома. Местные различия были не больше, чем те, что существуют сегодня между православными христианами России и Греции.

Отчуждение между Востоком и Западом произошло в более позднее время. Оно становилось болезненно выраженным (хотя и до этого были признаки того) только со времени крестовых походов (1096 год и позже), и причину этого надо искать в различных духовных, психологических и культурных изменениях, которые произошли на Западе как раз во время схизмы. Касаясь этого, известный римо-католический ученый Ив Конгар пронизательно заметил: “Христианин IV или V века чувствовал бы себя менее обескураженным формами благочестия, принятыми в XI веке, чем такой же христианин, живущий в XI веке, — формами XII-ого. В переходный период от одного века к другому произошел огромный разрыв. Это изменение имело место только на Западе, где где-то между концом XI века и в начале XII все как-то трансформировалось. На Востоке такого глубокого изменения взглядов не произошло; там, определенно, Христианство сегодня все еще имеет такую же форму, какой она была тогда и какой она была на Западе до конца XI века” (Ив Конгар, цитата из книги “Через девять столетий”, Фордхэм Университи Пресс, 1959 год, стр. 39, в которой он фактически перефразирует Дома Уилмарта).

Можно привести многочисленные подтверждения этой грандиозной перемены на Западе — начало схоластики или академически-аналитический подход к знанию, противопоставленный традиционно-синтетическому подходу Православия, начало века романизма, “когда в христианские тексты вводили басни и легенды; новый натурализм в искусстве (Джотто), разрушивший иконопись; новая “персональная” концепция святости (Франциск Ассизский), неприемлемая для Православия, из которой выросли позднее западный “мистицизм”, а далее —

бесчисленные секты и псевдорелигиозные движения нашего времени и т.д. Причина этой перемены в том, чего римо-католический ученый не замечает: это потеря благодати, следующая за отдалением от Церкви Христовой и ставящая человека в зависимость от “духа времени” и от чисто логического и земного образа жизни и мысли. Когда крестоносцы разграбили и осквернили Константинополь в 1204 году (акт немыслимый для христианского Запада в более ранние века), тогда только обнаружилось, что они стали совершенно чужды Православию и отсюда — восточным христианам, и что они навечно потеряли то, что, как зеницу ока, хранили их предки в Галлии VI века — ненарушимую традицию истинного Христианства.

Мы кратко расскажем здесь только о некоторых из наиболее явных внешних проявлениях Православия в Галлии в VI веке, что поможет при чтении “Жития Отцов” святителя Григория.

Христианский храм-базилика

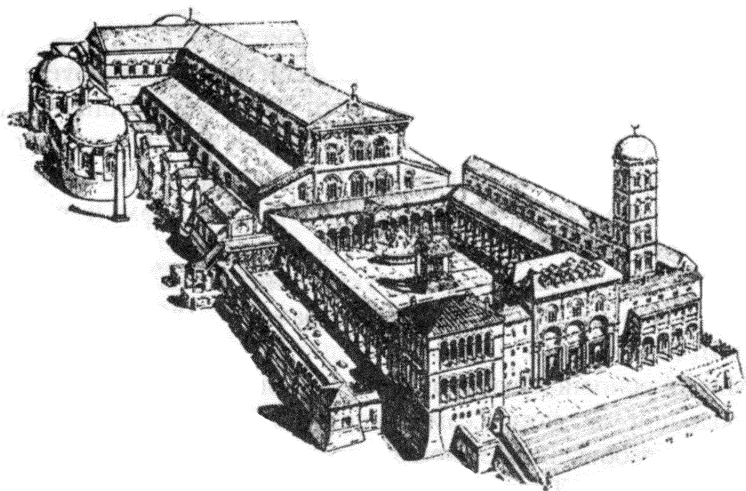
Когда христиане при правлении святого Константина Великого, наконец, вышли из катакомб, было естественно, что они активно начали строить церкви. В течение почти трех столетий в условиях гонений или под угрозой гонений проявления Христианской веры и благочестия совершались буквально под землей или в церквях в частных домах. А когда Православное Христианство впервые обрело свободу и потом было признано государственной религией, христианские храмы стали сооружать на видных местах во всех городах и крупных поселениях Римской Империи — и на Востоке, и на Западе. Наиболее подходящим для нужд христианского богослужения был признан не языческий храм, где идолам служили в тесных и темных помещениях, а тип здания под названием Римская базилика или “царский зал”, мирское здание, используемое и приспособленное для различных общественных нужд, в котором часто бывал и Император (отсюда и такое название). Такие здания известны со II века до н.э., но первая христианская базилика появилась только незадолго до правления св. Константина, и IV столетие — это первая большая эпоха строительства их. В течение многих столетий это был обычный христианский храм и на Востоке, и

на Западе; в стиле зданий — от Сирии до Испании и Британии, от Африки до Германии — были лишь небольшие отличия. Христианские храмы более позднего времени, будь то на Востоке или Западе, произошли от этих базилик.

Обыкновенно план базилики включает длинную основную часть (где стоят верующие), с обеих сторон которой часто есть приделы; заканчивается она полукруглой апсидой, где располагается святилище алтаря, зачастую в задней части церкви был притвор, а снаружи — двор с фонтанчиком, где верующие перед тем, как войти в церковь, имели обыкновение мыть руки. Основная часть отделялась колоннами от приделов, и поверху шел ряд широких окон, в изобилии пропускавших приглушенный свет (тогда не было стекла, и использовалась слюда или какой-нибудь материал наподобие ее), который особенно ярко высвечивал мозаичные иконы или (в Галлии более привычные) фрески, украшавшие апсиду и верх стен в базилике. Интерьер включал также многочисленные украшения из золота, паникадила и т.д. Основное здание обычно сооружалось из камня или кирпича, потолок был плоский, часто видны были голые бревна. Уже к VI веку плоская крыша стала заменяться куполом.

В Риме и Равенне есть много прекрасно сохранившихся базилик, особенно V-VI веков, а многие другие хорошо известны по остаткам фундамента, раскопкам и описаниям современников. Первое впечатление, создаваемое такими зданиями, — ощущение величия и красоты. Этот аспект подчеркивался в первых известных нам подробных описаниях одной христианской базилики (базилика в Тире на Востоке, освященная в 317 году) в “Истории Церкви” Евсевия (книга X, 4): “Саму базилику он (строитель) украсил прекрасными и великолепными материалами, не ограничивая себя в расходах. Невозможно описать ее роскошь и величие, и великолепный вид здания, и достигающую до небес вершину его, и пышные ливанские кедры рядом... искусную архитектуру и совершенную красоту каждой чести”.

Цель такой роскоши — это вдохновить и возвысить человека, открыть рожденным на земле новый, небесный мир. Но вход в этот мир открыт только тем, кто идет узкой тропой аскетического Христианства. Чтобы напомнить об этом верующим, на

Оригинальная базилика св. Петра в Риме (V век) с примыкающим баптистерием и прилегающей территорией

дверях базилики святителя Павлина в итальянском городе Нола (начало V века) были начертаны его собственные стихи. На одной двери он написал: “Мир вам — тем, кто входит в это святилище Христа с чистыми помыслами и мирными сердцами”, на другой вместе с изображением креста такая надпись:

“Взгляни — над этим входом крест висит,
За тяжкий труд награду он сулит.
Те, кто достичь желает сей награды,
Крест понести свой будут рады”.

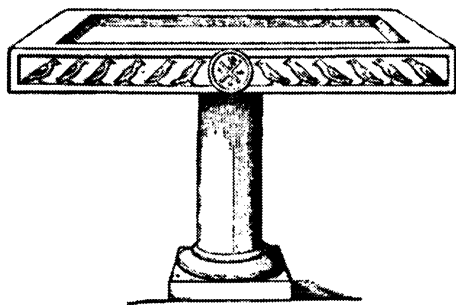
А с внутренней стороны двери, которую люди видят, выходя из церкви: “Каждый из вас, помолившись здесь должным образом и покидая сей Дом Божий, пусть оставит в нем свое сердце” (свят. Павлин Ноланский, послание 32-ое).

К сожалению, не сохранилось ни одной галльской базилики этого периода, но из многочисленных летописных описаний их видно, что они были идентичны по стилю базиликам Рима и Востока. По описаниям в сочинениях свят. Григория Турского возможно было восстановить приблизительный вид базилики свят. Мартина в его время. У него есть также интересное описание

базилики его родного Клермона, построенной св. Наматием в V веке: “Основная часть имеет 45 метров в длину, 18 метров в ширину и 15 метров в высоту до свода. В конце ее закругленная апсида и два крыла элегантных очертаний (один вариант стиля базилики) с каждой стороны. Все здание построено в форме креста. В нем 42 окна, 70 колонн и 8 дверных проемов. В этом здании человек ощущает страх пред Господом и великое вдохновение, а до молящихся часто доносится приятный аромат. Вокруг святилища стенки, украшенные мозаичными работами из многих разновидностей мрамора” (“История франков”, II, 16).

Между основной частью церкви и алтарем часто было что-то вроде ширмы, даже в самых первых христианских базиликах. Описание и объяснение этому дается Евсевием, когда он, описывая базилику в Тире, заканчивает так: “Святая святых, алтарь, и, чтобы он был недоступен для толпы, окружен он деревянной решеткой, покрытой художественной резьбой, представляющей чудесное зрелище для зрителей”. Очевидно, с того самого момента, когда Церковь оставила катакомбы, ощущалась необходимость скрыть от глаз людей святая святых, чтобы нельзя было осквернить Святые Таины вечным искушением в мирные и спокойные времена принимать их, как само собою разумеющееся. Эта ширма пред алтарем — прообраз будущего иконостаса на Востоке и ширмы с распятием на средневековом Западе. Сегодня в самых старых базиликах мира можно увидеть многие следы этой ширмы и, по всей видимости, они также были в базиликах Галлии.

Престолы в ранних христианских базиликах были такими же, как и поныне существующие на христианском Востоке, а не такие, как более поздние изукрашенные латинские престолы Запада. Сперва их обыкновенно делали из дерева, позднее из камня, по форме они были квадратные, как самый старый из сохранившихся престолов Галлии, найденный в Ориоле близ Марсея (V век). Престолы, которые мы видим в мозаиках VI века в Равенне, квадратные и целиком покрытые тканью, ничем не отличаются от тех, которые можно видеть сегодня в любой православной церкви.

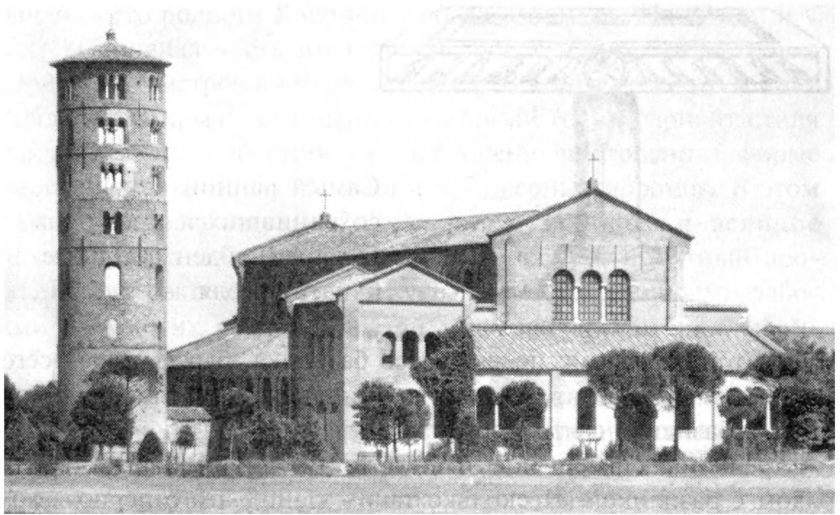
Самый ранний из сохранившихся престолов Галлии (найден в Ориоле близ Марселя.

Святой, которому посвящалась базилика, бывал чаще всего похоронен под алтарем, иногда в специальном склепе — так было в базилике свят. Мартина в Туре.

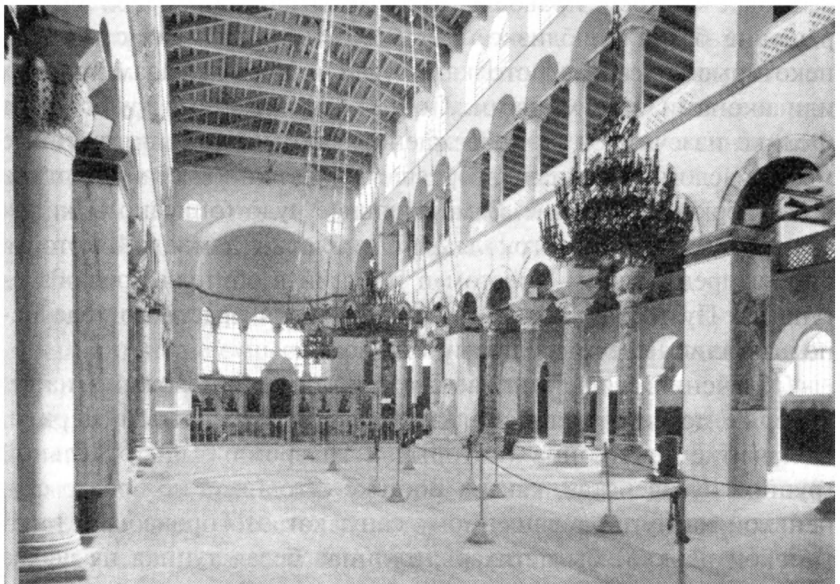
Крещение совершалось в отдельном здании (баптистерии) рядом с базиликой. Несколько таких зданий этого периода хорошо сохранились в Италии, а баптистерий в Пуатье — это единственное более-менее сохранившееся церковное здание всей эпохи Меровингов (до Шарлеманя) в Галлии.

Современному православному христианину церковное украшение базилики близко. Там было много лампад с маслом, некоторые свисали с потолка, другие — пред могилами святых или иконами, или мощами. Поэт Фортунат и его друг-студент Феликс излечились от повреждений глаз, натирая пораженные места маслом из лампы, горевшей пред иконой свят. Мартина в его церкви в Равенне. Замечательное чудо (описано в житии свят. Григория Турского, гл. 22) случилось с лампадой, которая висела пред Святым Крестом и мощами в обители преп. Радегунды в Пуатье. И для приношений, и для крестного хода использовались свечи из пчелиного воска.

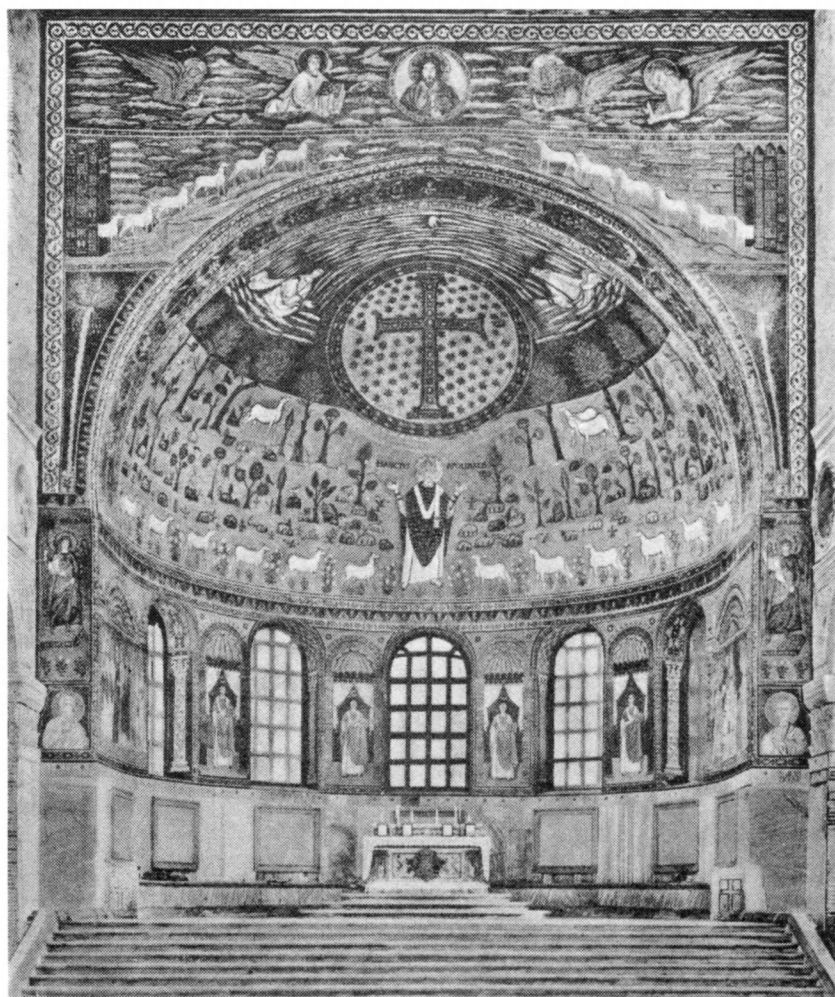
Облачения священников тоже были очень похожими на те, которые до сего дня используются в Православной Церкви. Облачением диаконов (которые в то время были отдельной группой духовенства, как на Востоке сегодня, а не просто ступенькой на пути к священному сану, как это произошло в латинской церкви) был стихарь, длинная белая туника из шелка или шерсти, идентичный тому, что носят на Востоке; позднее на Западе он сильно изменился. Диаконы также носили на левом

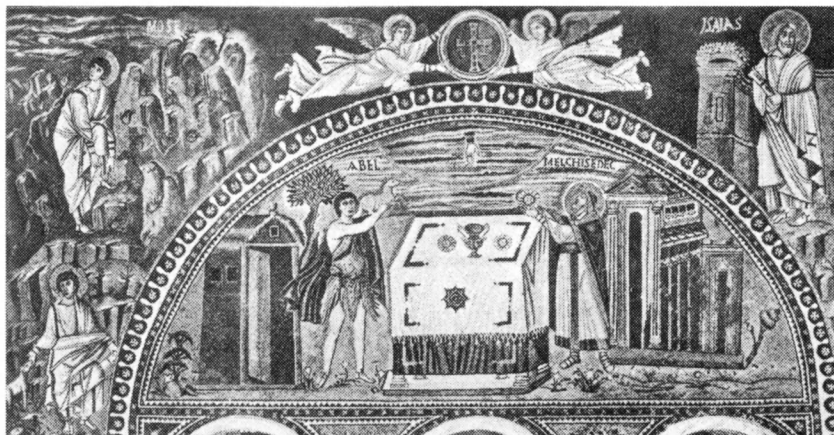
Базилика сщмч. Аполлинария в Равенне, VI век.

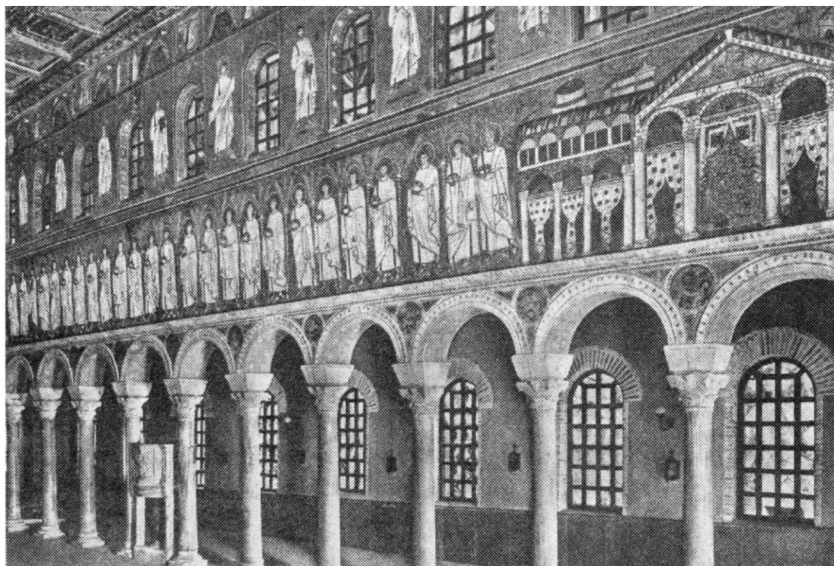
Интерьер базилики свят. Димитрия в Фессалониках (V век).

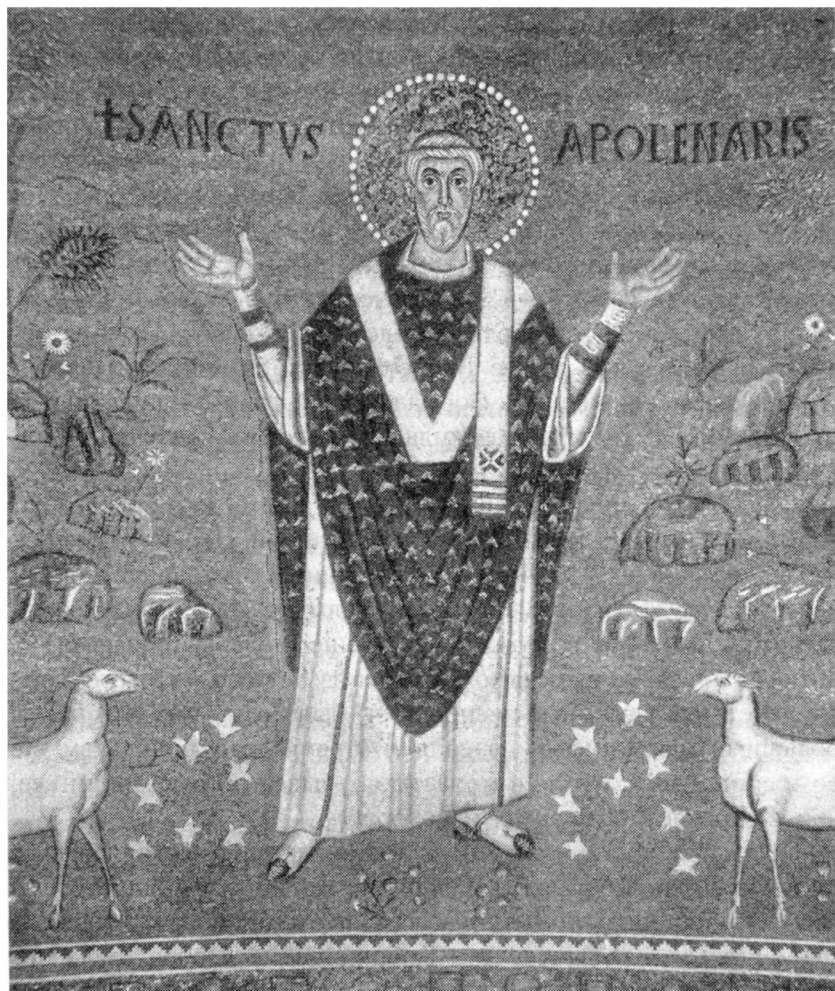
Апсида базилики свмч. Аполлинария в Класе, Равенна.

Мозаика церкви св. Виталия, Равенна (показывает, как в VI веке использовался престол).

Правая стена центральной части церкви с изображением мучеников в базилике свят. Мартина в Равенне.

Священномученик Аполлинарий, первый епископ Равенны,
в облачении, которое использовалось в VI веке:
стихарь, фелонь, поручи и епископский омофор
(мозаика из апсиды базилики
сщмч. Аполлинару
в Класе, Равенна.

плече орарь, как и современные православные диаконы. Священники носили ризу, которая в отличие от восточной фелони имела капюшон, как упоминается в “Житие Отцов” (VIII, 5), а также поручи, как и сегодня на Востоке. Отличительным знаком епископа был паллий (вначале его давали только некоторым епископам), который в латинской церкви в последующие столетия намного упростился, но в тот период, согласно проф. Дальтону, “почти точно соответствовал по форме омофору Греческой Церкви” (т. 1, стр. 334). Эти облачения были, главным образом, скопированы с церемониальной одежды Римского Императорского двора; как и в случае с христианской базиликой, Церковь использовала для внешних формальностей то, что нашла, выйдя из катакомб, и это и предложила использовать следующим поколениям.

Ежедневный цикл служб совершался в том же порядке, который до сих пор сохранен в Православной Церкви: вечерня, утренья, часы (1-й, 3-й, 6-й, 9-й), всенощная. Специфическое содержание служб (например, какие псалмы в каких службах читать) отличалось от восточного, но общее содержание (псалмы, антифоны, взятые из псалмов, чтения из Ветхого и Нового Заветов, вновь составленные песнопения) было одно и то же. Перед большими праздниками вечерня и утренья соединялись вместе во всенощную. Службы в монастырях бывали обычно длиннее, чем в приходских церквях и соборах.

Галльский обряд, который многими деталями отличался от римского, использовался в Галлии и Испании. В наше время были предприняты попытки воссоздать этот обряд, который в VIII-IX веках был вытеснен в Галлии римским обрядом, а позднее совершенно исчез на Западе, но тексты этого периода, дошедшие до нас, передают только общее содержание некоторых служб, не содержат полное содержание. Галлийская месса (мессами повсюду на Западе называли литургию) в некоторых пунктах аналогична восточной литургии и разнится с римской мессой, особенно бросается в глаза наличие “Великого входа” с не освященным еще приношением и призыв к оглашенным покинуть храм. Однако в то время даже латинская месса меньше отличалась от восточной литургии, чем это стало в более поздние

столетия, и не возникало никаких проблем в тех частых случаях, когда христианские священники Запада служили литургию в Константинополе вместе с местными или когда восточное духовенство приезжало в Рим.

Литургический год был, в основном, таким же, каким он известен сейчас и на Востоке, и на Западе. Великие праздники, такие как Рождество, Крещение, Пасха, Вознесение и Троица, отмечались с особенной торжественностью, как и дни святых, например, св. Иоанна Крестителя, святых Петра и Павла. Римские святцы включали много тысяч имен, и память местных святых хранили с особым почитанием; в Туре, как сообщает нам свят. Григорий, служили особые всенощные праздники святым Мартину, Литорию и Врисию Турским, св. Симфориану Отанскому и св. Иларию из Пуатье (“История франков”, X, 31). Повсюду, где были мощи святых, почитались они с особенной торжественностью, особенно мощи свят. Мартина Турского — к ним прибывали паломники со всей Галлии. Строго соблюдался Великий пост, постными днями были также в большинстве седмиц среды и пятницы, к этому добавлялись посты пред Рождеством и иные.

Дни молений, о которых упоминает свят. Григорий, были особыми днями поста и молитв пред празднованием Вознесения; их установил св. Мамертий Вьенский в V столетии, а позднее они распространились по всей Галлии и по всему Западу (“История франков”, II, 347).

Иконопись

С самого начала христианские базилики украшались мозаиками или фресками, сначала в апсиде, а вскоре также и по стенам. Эта роспись в Галлии погибла вместе с церквями, так что мы можем судить о ней только по описаниям современников и сохранившимся образцам, особенно в Италии, которая в то время была тесно связана с Галлией.

Иконопись IV века по стилю довольно близка реализму римской живописи более позднего времени, хотя к концу века она даже в Риме приближается к византийскому стилю; по содержанию она соединяет темы из символических картин в

западным иерархам VI века свят. Григорию, Папе Римскому и свят. Григорию Турскому.

В Галлии известны мозаичные иконы (“История франков”, II, 16; X, 45), но чаще мы слышим о фресках. Первоначальная базилика свят. Мартина имела фрески, которые восстановил свят. Григорий, как он сам рассказывал об этом в “Истории франков” (X, 31): “Я обнаружил, что стены базилики свят. Мартина повреждены огнем и велел своим работникам приложить все свое искусство, чтобы они стали такими же красивыми, как и прежде”. Эти фрески, должно быть, были очень впечатляющими, так как, рассказывая о пребывании в базилике (по существовавшему тогда закону об убежище) некоего Эберульфа, свят. Григорий пишет: “Когда священник уходил, молодые служанки и слуги Эберульфа часто приходили туда и стояли, любуясь фресками на стенах” (“История франков”, VII, 22). Свят. Григорий сохранил для нас также короткий рассказ о том, как писали фрески (V век): “Жена Наматия построила церковь св. Стефана в окрестностях за стенами Клермон-Феррана. Пожелала, чтобы ее украсили цветными фресками. Она обычно держала на коленях книгу, читала из нее рассказы о событиях, случившихся довольно давно, и говорила работникам, что бы она хотела увидеть нарисованным на стенах” (“История франков”, II, 17). Эта “книга” могла быть Библией, житием святого или даже, по предположению проф. Дальтона, “каким-нибудь руководством для художника из тех, что использовали на Востоке” (т. I, стр. 327).

Как сообщает нам аббат Одо в своем житии свят. Григория (гл. 12-я), усердием последнего, когда реставрировалась главная базилика Тура (не та, где пребывали мощи свят. Мартина), “стены ее расписаны изображениями подвигов самого Мартина”. У нас оказался в наличии список этих иконописных сцен из поэмы Фортуната, описывающей базилику (“*Carmines*”, X, 6). Это: (1) свят. Мартин, исцеляющий прокаженного поцелуем; (2) он раздирает свой плащ и отдает половину нищему; (3) он отдает свою тунику; (4) Мартин воскрешает троих мертвых; (5) осенив себя крестным знамением, он не дает упасть на себя сосне; (6) большая колонна, упавшая с неба, сокрушает идолов; (7) свят. Мартин изобличает псевдомученика. Мы можем лишь

сожалеть об утрате такого памятника православного христианского искусства, одного из многих иных в Галлии VI века, подобных которым уже нельзя было видеть в позднейшие столетия на Западе (где постепенно был утерян римско-византийский стиль), но мы можем получить общее представление о том, как он выглядел, в современных базиликах Равенны с их мозаичными иконами. Одна из этих базилик была действительно первоначально посвящена свят. Мартину Турскому, позднее переосвятили свят. Аполлинарию Нуово.

В то время существовали иконы также и на отдельных досках. В истории Беды отмечается, что свят. Августин Кентерберийский и его спутники, высадившись в Британии в 597 году, пришли к королю Этельберту Кентскому, “неся серебряный крест как свое знамя и образ Господа Спаса нашего, написанный на доске” (“Церковная история Англии”, книга 1, гл. 25). В “Житии Отцов” мы читаем об “иконах (латинское *iconicas*) апостолов и других святых в часовне преп. Бракхио. Следует отметить, что часовни и маленькие сельские церкви в Галлии, конечно, строились не в стиле базилик, и сооружались обычно не из камня, а из дерева, и иконы в них были написаны на досках и укреплялись на стенах. Самое подробное упоминание об этих написанных на досках иконах VI века есть в “Славе мучеников” свят. Григория (гл. 22-я), где мы читаем в рассказе “о еврее, который украл икону (латинское *iconica* или, в одной рукописи, *icona*) и проткнул ее”, следующее, что является также впечатляющим свидетельством подлинно православной природы Галльской Церкви того времени в противопоставление иконоборчеству, охватившему часть Галлии (а также христианский Восток) в век Карла Великого. Вот слова свят. Григория: “Вера, которая до сих дней сохранилась чистой у нас, побуждает нас любить Христа такой любовью, что верующие, хранящие запечатленным в сердцах своих закон Его, желают также иметь написанный образ Его (в память о Его добродетели) на досках, которые они вешают в своих церквях и в домах своих... Еврей, который часто видел в церкви такой образ, написанный на доске (латинское *imagem in tabula pictam*), прикрепленный к стене, сказал себе: “Смотри, вот совратитель, который нас унижил...”

Пресвятая Богородица.
Мозаика VI века
в базилике
свят. Мартина
(свят. Аполлиария
Нуово, Равенна).

Свят. Мартин Турский.
Возможно, самая ранняя из
сохранившихся икон
Святителя (базилика
свят. Аполлиария
Нуово, Равенна).

Мозаика Христа из базилики св. Пудентианы,
Рим., около 385 года.

Мозаика Христа из базилики свят. Аполлинария
Нуово, Равенна, VI век.

Преображение Христа (мозаика VI века на горе Синай).

Свят. Мартин пред Спасителем
(базилика свят. Аполлинария Нуово, Равенна).

Потом, придя ночью, он пронзил сей образ, снял его со стены и под одеждой унес его домой, чтобы бросить в огонь”. Его обнаружили, так как из образа в том месте, где он был пронзен, обильно капала кровь (чудо, которое позднее повторилось в Византии с Иверской иконой Божией Матери и в советское время в Каплуновке в России с распятием).

Много таких икон на дереве дошло до нас с горы Синай VI века, по виду они схожи с теми иконами, которые и сегодня заказывают писать для своих церквей и домов православные христиане.

Церковное устройство

Управление Церковью в Галлии VI века соответствовало, по словам проф. Дальтона, “восточной системе” (т. 1, стр. 272), то есть было устроено по православной традиции, а не папистской.

В то время в Галлии было примерно 130 епископов, 11 из которых митрополиты или епископы крупных городов страны с правами главенства над епископами их района. Митрополит Арля (на юге) обычно главенствовал над другими митрополитами, особенно в то время, когда епископом Арльским был Кесарий (первая половина VI века); именно он собирал соборы епископов и председательствовал на них. У епископов не было викариев, каждый епископ управлял собственной епархией, а вопросы, затрагивающие многих епископов, решались на соборах, где все епископы имели одинаковое право голоса.

Папа Римский, хотя, конечно, он почитался на Западе как патриарх, был все-таки “первым среди равных”, и власть его была примерно такая же, какую имел в более поздние столетия (до падения Византии) патриарх Константинопольский над Русской Церковью. Папа Григорий Великий в то время особенно был против присвоения патриархом Константинопольским (или любым другим патриархом, включая себя) титула Вселенского патриарха. “Что ты скажешь Христу, Главе всей Церкви, на Страшном Суде, если дерзнешь всех Его людей поставить под себя, назвавшись Вселенским... Конечно, Петр первый из апостолов, сам член Вселенской Церкви, Павел, Андрей, Иоанн

— они же были просто главы местных общин... И ни один из всех этих святых не просил, чтобы его называли Вселенским... Прелаты этой апостольской епархии, которой, по промыслу Божию я служу, имели предложенную им честь называться вселенскими... И все-таки ни один из них никогда не желал называться таким титулом, не ухватился за это необдуманное имя, чтобы, если в силу ранга понтифика ему и следовало бы принять на себя величие избранности, он мог бы от него отказаться ради всей своей братии” (“Письма свят. Григория Великого, книга V, 18).

Само наименование “апостольская епархия”, хотя его и относили с особым почтением к епархии св. Петра, в тот период давалось не только Риму, но всем епископским епархиям, по крайней мере, в Галлии, как можно видеть в письме преп. Радегунды, сохраненном в “Истории франков” (IX, 42): “Святым Отцам во Христе и владыкам епископам, достойно занимающим должности в своих апостольских епархиях...” Свят. Григорий в “Истории франков” особо отмечает “апостольскую епархию” в Бордо.

Даже знаменитое дело свят. Илария Арльского, которое иногда рассматривают как пример “папского вмешательства” в дела Церкви Галлии, имело в глазах самого папы свят. Льва совершенно другой смысл. Папа, который был действительно признан имеющим на это каноническое право, когда к нему обратились другие епископы Запада, отменил смещение свят. Илария с епископской кафедры в Галлии в 444 году: свят. Лев признал его невиновным пред обвинениями не во имя каких-то “папских прав”, а скорее с намерением восстановить древние права местных епископов Галлии. Он обвинил свят. Илария в том, что тот “присвоил себе право рукополагать во всех церквях по всем провинциям Галлии, взяв себе, таким образом, власть, принадлежащую митрополии” и “присвоив себе право рукоположения в той провинции, которая не находилась в его ведении”. Свят. Лев так заканчивает свое письмо епископам галльской провинции Вьенна: “Мы не держим в своих руках назначения в ваших провинциях, но заявляем, что не потерпим никаких дальнейших инноваций и что в будущем никакой узурпатор не сможет

посягнуть на ваши привилегии” (“Письма свят. Льва Великого”, письмо X).

Только в позднейшие столетия папы начали предъявлять свои права на “всемирность”, а современная концепция “папизма” была развита только после раскола. В V-VI веках церковное устройство в Галлии было во многом схоже с восточным устройством. Митрополиты не имели непосредственной власти даже над епископами своей собственной провинции. Когда Феликс, епископ Нантский, выдвинул ложные обвинения против свят. Григория Турского, своего собственного митрополита, злясь на то, что не может завладеть некоторыми церковными имуществами из епархии последнего, свят. Григорий не мог сделать ничего, кроме как выразить гнев на такое непристойное поведение в ответе, не лишенном свойственного ему сдержанного юмора: “Какая жалость, что не Марсель избрал тебя своим епископом! Тогда вместо того, чтобы привозить грузы масла и других товаров, его корабли привозили бы только папирус, который дал бы тебе больше возможности писать свои пасквили на честных людей вроде меня” (“История франков”, V, 5).

Заключение:

значение Галлии VI века для современности

Подводя итоги этого краткого описания христианской Галлии VI века, можем сказать, что мы находим в ней тот исторический православный мир, который даже сегодня узнаваем любым православным христианином, которому близко подлинное (не измененное, не модернизированное) Православие. Ученый, изучающий позднюю латынь, нашел бы широкие возможности для дальнейших исследований в этой области, будь то в трудах свят. Григория Турского или в многочисленных других текстах этого времени (которые до сего дня удивительно мало изучены или переведены); материал, представленный выше, не больше, чем вступление. Нами Галлия VI века может быть во многом уподоблена России XIX века. Оба общества были целиком проникнуты Православным Христианством; в них во всем православная норма была главным жизненным принципом (хотя в обыденной жизни ее часто нарушали), а главное место в жизни

людей занимало богопочитание, почитание святынь церковных и святости. В VI веке (в отличие от IV, который был еще временем становления) внешние обряды Церкви уже приобрели свои более-менее окончательные формы, которые на православном Востоке изменились потом очень мало, то есть мы вполне способны воспринимать их как нечто близкое. В то же время в обрядах Церкви, в ее жизни есть и свежесть, и новизна, что сегодня, когда так легко или принять как должное сформированные веками формы Православия или считать, что они “не соотносятся” с современной жизнью, очень вдохновительны для нас.

О внешней стороне Православия достаточно, а что его внутренняя сторона? Имеет ли для нас сегодня какое-нибудь духовное значение христианский мир свят. Григория Турского или же он представляет не более, чем антикварный интерес, для нас, “несовременных” православных христиан?

В наши дни много было написано об “ископаемой” Православной Церкви и ее последователях, которые, когда они верны себе и своему бесценному наследию, просто “не подходят” ни в один другой разряд людей в современном мире, будь то неортодоксальные христиане, язычники или неверующие. Если только мы можем понять это, что в этом наше предназначение, которое касается и нашего положения среди других в мире сем, и сохранения Православной веры.

Возможно, лучше всех других выразил недоумение православного мира по поводу истинного Православного Христианства прославленный ученый, занимающийся именно свят. Григорием Турским и Галлией его времени. В своей книге “Римское общество в Галлии в эпоху Меровингов” (Лондон, 1926 г.) сэр Сэмьюэл Дилл написал: “Неясная религиозная жизнь раннего средневековья оделена от современного разума такой большой пропастью, такой революцией верований, что самое сочувственное отношение может только надеяться возродить ее в слабом подобии. Ее суровая, твердая, реалистическая вера в чудеса и страхи невидимого мира, кажется, ускользает от всех усилий сделать ее для нас реальной” (стр. 324). “Легенды Григория открывают мир воображения и горячей веры, которой современные

люди никак не могут полностью проникнуться, даже используя все силы своего воображения. Это исключительно интересно, прямо зачаровывает. Но интерес этот — интерес стороннего наблюдателя, с холодным любопытством изучающего загадочный период в развитии человеческого духа. Между нами и ранним средневековьем — пропасть, которую едва ли сможет преодолеть самое гибкое и живое воображение. Тот, кто очень глубоко задумывался над популярной верой того времени, очень глубоко почувствует, что проникнуть в ее секрет просто невозможно” (стр. 397).

И все-таки для нас, тех, кто стремится быть сознательным православным христианином в наше время, интересен и значителен именно *духовный* мир свят. Григория Турского. Материальная сторона нам знакома, но это только выражение чего-то более глубокого. Для нас, конечно, благоприятно то, что материальная сторона православной культуры Галлии была почти полностью разрушена, и мы не можем с ней непосредственно познакомиться даже в музее древностей, значит духовной составляющей этой эпохи остается больше пространства для нашего восприятия. Современный православный христианин с волнением открывает “Книги чудес” свят. Григория и находит там именно то, к чему стремится его душа в этом бездушном, механистическом современном мире; он находит тот самый христианский узкий путь спасения, который он знает из православных служб, житий святых, писаний Отцов, но который напрочь отсутствует в жизни современных “христиан”, что человек начинает задумываться, не безумен ли он на самом деле, не является ли он едва ли ни историческим ископаемым, коль продолжает верить и чувствовать так, как Православная Церковь верила искони. Одно дело — признать интеллектуальную правоту Православного Христианства, но как с этой правотой жить, если она так не в ладу с нашим временем? И тогда человек начинает читать труды свят. Григория и узнает, что вся православная истина глубоко нормальна, что на ней когда-то основаны были целые общества, что глубоко ненормальны именно неверие и “обновленное христианство”, а не Христианство Православное, что это наследие и прирожденное право *самого*

Запада, которое он оставил очень давно, когда отделился от единой Церкви Христовой, потеряв, таким образом, ключ к “тайне”, которая так озадачивает современного ученого — “тайне” истинного Христианства, к которой можно приблизиться лишь с горячим любящим сердцем, а не с холодным равнодушием современного неверия, не естественного для человека, а являющегося аномалией истории.

Но давайте кратко отметим, почему православному христианину так близок духовный мир святителя Григория Турского.

Святитель Григорий — историк, но он не просто летописец голых фактов или мифический “объективный наблюдатель” типа современного ученого, смотрящего на все с “холодным отстраненным любопытством”. У него есть своя точка зрения, он всегда ищет в истории образец; пред его глазами постоянно то, что современный ученый назвал бы “моделью”, под которую он подгонял собранные им исторические факты. В действительности все ученые разных направлений действуют именно таким образом, и любой, кто это отрицает, лишь обманывает себя и допускает вследствие этого, что его “модель” реальности, его базис для толкования фактов бессознательны и поэтому гораздо более способны к искажению реальности, чем “модель” ученого, который знает, в чем состоят его собственные основные убеждения и предпосылки. В наше время “объективный наблюдатель” — это чаще всего тот, чей основной взгляд на реальность представляет собой современное неверие и скептицизм, кто желает приписать историческим персонажам самые низкие мотивы, кто склонен отрицать все “сверхъестественные” явления, списывая их на “предрассудки” или “самообман”, или объясняя с позиций современной психологии.

“Модель”, по которой свят. Григорий толкует реальность, есть православное Христианство, и он привязан к ней не только умом, но горячо предан всем сердцем. Так, он начинает своей великий исторический труд “История франков” ни больше, ни меньше, чем с объяснения своей веры: “Собираясь описывать войны, которые короли ведут против враждебных народов, мученики против язычников и Церковь против еретиков, я прежде всего хочу объяснить свою веру, так чтобы каждый, кто читает

меня, не мог сомневаться, что я католик” (конечно, в тексте VI века слово “католик” означает то же самое, что сегодня мы означаем под словом “православный”). Затем следует Никейский Символ веры, пересказанный своими словами и с добавлением православных объяснений.

Таким образом, в святителе Григории мы видим *целостность* взглядов, которая была утеряна почти всеми современными учеными — вот еще одно из тех основных различий между Востоком и Западом, которые возникли после римского раскола. В этом свят. Григорий полностью в православном духе. В этом подходе есть большое преимущество исключительно с точки зрения исторического факта, так как мы имеем перед собой не только “голые факты”, которые он записывает, но также понимаем контекст, в котором он их интерпретирует. Но что еще более важно, особенно когда доходит до записей о сверхъестественных явлениях или достоинствах святых, мы имеем неоценимое преимущество в лице *подготовленного наблюдателя на месте*, так сказать, — того, кто интерпретирует духовные события (почти все из которых ему известны или из личного опыта, или из свидетельств надежных, по его мнению, наблюдателей) на основе церковной традиции и его собственного богатого христианского опыта. Нам нет нужды гадать о смысле какого-нибудь духовно значимого события, когда у нас есть такой надежный современный ему толкователь его, и особенно когда его толкования так созвучны с тем, что мы находим в основных книжных источниках православного Востока. Мы можем еще больше доверять толкованиям свят. Григория, когда узнаем, что он и сам был удостоен духовных откровений (как описано в житии) и, когда не видел духовных откровений других, прямо признавался в этом (“История франков”, V, 50).

Сэр Сэмюэл Дилл пишет, что ему, современному человеку, недоступен мир “легенд” свят. Григория. Что должны мы, православные христиане наших дней, думать об этих “легендах”? Проф. Дальтон отмечает, касаясь самой книги свят. Григория, которую мы здесь представляем, что “его “Жизнь Отцов” написана с какой-то детской простотой, которая характерна для “Собеседований” свят. Григория Великого” (том I, стр. 21). В предисловии

к этой книге мы уже обсуждали ценность такой “детскости” для современных православных христиан, а также высокую долю истинности в книгах таких православных писателей, как свят. Григорий Великий (по сравнению с баснями средневекового Запада). Необычные духовные проявления, описанные свят. Григорием Турским, знакомы любому православному христианину, который хорошо знает основу духовного опыта из основных православных источников, они похожи на легенды только для тех, кто основывается на материализме и современном неверии. Ирония в том, что эти “легенды” стали сейчас немного более доступны новому поколению, которое заинтересовалось психическими и оккультными феноменами, а также практическим колдовством и магией, но для них весь тон писаний свят. Григория останется чуждым, пока они не получат ключ от его “тайн” — истинное Православное Христианство. “Чудеса и страхи невидимого мира” свят. Григория открывают для нас еще одну реальность, полностью отличную от современного неверия и в равной степени от оккультизма — реальность духовной жизни, которая действительно более скрыта от глаз, нежели видна, которая действительно объясняет многие необычные явления, как правило неправильно понимаемые современными учеными, и которая есть сейчас и продолжится вечно.

И, наконец, есть еще один аспект писаний свят. Григория, который современный историк находят обычно не столько удивительным, сколько (с пренебрежением) забавным, но к которому, опять же, мы, православные христиане, имеем ключ, которого нет у них. Это аспект “совпадений”, знамений и т.п., который свят. Григорий считает важным, а современные историки находят совершенно несоответствующим летописи исторических событий. Некоторые из этих явлений — это проявление духовного видения, например, обнаженный меч, который свят. Сальвий (и никто, кроме него) видел висящим над домом короля Хильперика и который предвещал смерть королевских сыновей (“История франков”, V, 50). А другие явления — это просто сны или естественные явления какого-то необычного рода, которые или вызывали у свят. Григория какие-то предчувствия (“История франков”, VIII, 17), или о которых он просто

говорил: “Я понятия не имею, что все это значило” (“История франков”, V, 23). Современному историку идея находить какое-то “значение” в землетрясениях или странных знаках в небе покажется просто забавной, но свят. Григорий как христианский историк был уверен, что промысел Божий управляет во всей вселенной и может быть виден даже в маленьких или кажущихся случайными деталях духовно чувствительными людьми. Он также понимал, что самые глубокие причины исторических событий всегда несомненно очевидны. Касаясь этого богословского пункта, мы можем процитировать слова жившего на Востоке современника свят. Григория аввы Дорофея, которому писания свят. Григория ни в малейшей степени не казались странными: “Хорошо, братия, как я всегда говорю вам, каждое дело возлагать на Бога и говорить: ничего не бывает без воли Божией, но конечно Бог знал, что это хорошо и полезно, и потому так сделал, хотя бы сие дело и имело какую-нибудь внешнюю причину. Например, я мог бы сказать, что поелику я вкушал пищу со странниками и несколько понудил себя, для того чтобы их угостить, то желудок мой отяготился, произошел отек на ноге моей и от того я сделался болен, (мог бы я привести) и другие различные причины, ибо ищущему (их) в них нет недостатка; но самое достоверное и полезное есть то, чтобы сказать; поистине Бог знал, что это будет полезнее душе моей, и потому оно так и случилось” (преп. авва Дорофей, “Душеполезные поучения”, поучение 12).

Свят. Григорий, как и преп. авва Дорофей, в первую очередь, всегда искал *главную* из внутренних причин событий, которая касается воли Божией и спасения человека. Вот почему его история франков, так же как и истории отдельных святых гораздо более ценны, чем “объективные” (то есть чисто *внешнего порядка*) исследования современных ученых по тем же темам. Это не значит, что некоторые его исторические факты нельзя подвергнуть исправлению, а значит только, что его *духовное* понимание событий в основном правильное, христианское.

Теперь, перед тем как перейти к текстам самого свят. Григория, остается исследовать еще один важный аспект исторического контекста “Жития Отцов” — монашество в Галлии VI века.

Здесь мы опять найдем Галлию свят. Григория очень “восточной” и, возможно, здесь более, чем в любом другом аспекте этого раннего периода Православия, найдем повод для душевного вдохновения и, быть может, даже какие-то подсказки, которые помогут нашему собственному бедному и немощному православному монашеству современности.

2. Православное монашество в Галлии V-VI веков

Сердцем христианской жизни древней православной Галлии было монашество. Православное монашество возникло на галльской почве почти сразу же, как молва о великих египетских Отцах достигла Запада; и с тех пор, как христианской Галлии был дан пример собственного великого преподобного отца, свят. Мартина Турского, число ее монахов измерялось тысячами, из которых около 2 000 присутствовали на похоронах свят. Мартина в 397 году. С основанием в начале следующего века Леринского монастыря в традициях Египта и появлением писаний преп. Иоанна Кассиана о духовном учении египетских отцов начала V столетия, золотой век монашества в Галлии, можно сказать, начался. Нам известно об основании около двухсот монастырей в Галлии в последующие два столетия, и возможно их было гораздо больше; и святые чудотворцы из среды этих братств были уже неисчислимы.

Но история православного монашества в Галлии в этот период вовсе не была историей организаций. Монашеские “ордена” средневекового Запада с их централизованным управлением и одинаковым уставом были, конечно, неслыханны в сей ранний период первого монашеского рвения; и даже господство Устава преп. Венедикта († 529) над монашескими установлениями Запада (господство, которое при всех своих положительных моментах, также указывает на охлаждение первого монашеского пыла Запада) отстояло еще на несколько столетий вперед. Духовный тон монашеской Галлии этих столетий задавался православным Востоком.

Наиболее цельная картина монашества этих веков на Западе находится в писаниях свят. Григория Турского, в частности в

“Жизни Отцов”, но также она разбросана и по страницам “Истории франков” и других его трудов. Но мы тщетно будем искать в его писаниях монашеских институций: мы найдем там названия немногих монастырей и почти ничего о монашеских правилах или управлении. Его интересуют прежде всего не монахи или монахини (т.е. формально постриженные), но подвижники благочестия и их духовные деяния. По большей части он рассказывает о подвигах преподобных, известных своей святостью и чудесами, но он также передает рассказы о тех, кто сбился с пути, выставя их как предупредительные знаки для тех, кто отважился бы встать на путь духовной брани. В центре его внимания, так же как и монашеской Галлии, находится сама брань духовная. Лесная “пустыня” православной Галлии в это время дышит той же свежестью, пылкостью и свободой, что египетская и палестинская пустыни, запечатленные в “Лавсаике” и других подобных классических описаниях древнего восточного монашества. Итак, давайте посмотрим способны ли мы ухватить нечто от духа “бегства в пустыню” в Галлии V — VI веков через рассмотрение некоторых текстов великих западных преподобных Отцов сего времени.

Учение преп. Иоанна Кассиана

Мы мало знаем о письменных источниках, через которые православное монашеское учение передавалось ученикам свят. Мартина и другим первым подвижникам Галлии: возможно, что у них не было ничего кроме “Жития преп. Антония” св. Афанасия и какой-нибудь одной из ранних латинских версий житий и изречений египетских отцов. При наличии живого образца монашеского идеала, каким был свят. Мартин, этих источников было достаточно, но когда монахи Галлии стали исчисляться тысячами, и возникали многочисленные новые монастыри, потребность в более “систематическом” письменном изложении монашеского учения стала существенно возрастать. Преподобные отцы Галлии в один голос обратились за сим изложением к преп. Иоанну Кассиану, аббату недавно основанного монастыря в Марселе, только что возвратившемуся после долгого пребывания в монашеских пустынях Египта и

Палестины. Тщательно усвоив учение египетских отцов и будучи сам человеком духовного рассуждения, он ответил на их просьбы двумя книгами: “О постановлениях киновитян” (Institutes), представляющую внешний распорядок монашеской жизни (одежда, службы, дисциплина и т.д.) и духовное учение на элементарном уровне, и “Собеседования египетских подвижников” (Conferences), преподающие глубочайшее учение о монашестве великих египетских отцов.* Эти труды, адресованные и посвященные различным галльским аббатам и основателям монастырей, в V — VI веках были наиболее авторитетными аскетическими писаниями в Галлии и (хотя и в меньшей степени) в других западных странах так же.

Приблизиться к пониманию монашеского движения, описываемого свят. Григорием, мы можем не иначе как через краткий обзор учения преп. Кассиана и в частности “азбуки” монашеской жизни, содержащейся в “Постановлениях”, единственной наиболее часто употребляемой книге в повествованиях о монашестве этого периода.

Книга сия посвящена Кастору, епископу Апта (немного севернее Марсея), только что основавшему в своей епархии общежительный монастырь. В своем Введении преп. Кассиан объясняет, что требовалось от него, и что он намеревается преподавать: “Желая, чтобы общежительные монастыри в твоей области устроены были по правилам восточных, а особенно египетских монастырей,... от меня, убогого словом и знанием ты требуешь, чтобы я изложил те монастырские правила, кои я видел в Египте и Палестине, и о коих слышал от отцов, дабы братия нового твоего монастыря могла знать образ жизни, какой ведут там святые”. Последуя стопам учителей монашества” отличных по жизни, уму и красноречию, каковы суть: Василий Великий, Иероним и другие”, он обещает говорить “о правилах монастырских, о происхождении восьми главных пороков, и о том, как можно, по учению отцов, искоренить сии пороки”, ибо “лучше тех монастырей, которые сначала апостольской проповеди основаны

* Русские названия даны по книге “Писания преп. отца Иоанна Кассиана Римлянина”, перевод с латинского еп. Петра М. 1892 г. Из нее же будут приведены все цитаты, т.к. о. Серафим сам переводил их оттуда для сей работы.

святыми и духовными отцами, не может быть никакое новое братство на Западе в стране Галлии”.

Хотя преп. Кассиан отмечает в том же “Введении”, что не все правила египетских монастырей могут быть применяемы в Галлии, “по суровости воздуха, или по трудности и разности нравов” и в целом соотносится с “западной” немощью — все же, он скорее беспощаден в бичевании некоторых аспектов галльской монашеской практики, отдававших самоизнеженностью и праздностью. Тогда, точно также как и теперь, большая часть интереса к монашеству происходила от праздней мечтательности, которая предпочитает лучше не сталкиваться лицом к лицу с повседневной борьбой и уничтожением, необходимыми для истинной духовной жизни согласно Евангелию. Так преп. Кассиан делает особое ударение на необходимости самого простого труда. “От того и зависит, что в этих (западных) областях мы не видим монастырей с таким множеством братии; потому что они не поддерживаются стяжанием от своих трудов так, чтобы могли постоянно пребывать в них; а если бы как-нибудь щедрость другого и могла доставить им достаточное пропитание, то любовь к праздности и рассеянность сердца не попустят им долгие пребывать в том месте. Потому у древних отцов в Египте составила поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов”. (Постановления X:23) Восточные Отцы “думают, что чем усерднее будут к рукоделью и работам, тем больше возродится у них желание высшей чистоты духовного созерцания”(II:12). Существует четкая взаимосвязь между готовностью к труду и подлинной ревностью к духовным навыкам: “...равно упражняя телесные и душевные сила, они уравнивают выгоды внешнего человека с пользою внутреннего, страстным движением сердца, и непостоянному волнению помыслов противопоставляют тяжесть рукоделья, как какой-нибудь твердый, непоколебимый якорь, которым можно бы удерживать рассеянность и блуждание сердца внутри келий, как в безопасной пристани” (II:14). Ревность к труду на деле является мерилom духовного продвижения: “...египетские отцы, наученные этими примерами, никак не позволяют быть

праздными монахами, особенно молодым, рачительностью к делу измеряя состояние сердца и преуспевание в терпении и смирении” (X:22). Осознание этого основного принципа духовной жизни и есть то, что и в наше время делает подлинно православный монастырь “приземленным” и даже “грубым”. Послушник, воспитываемый в такой духовной атмосфере, часто чувствует себя в лихорадочном состоянии, что показывает его естественную любовь к праздности и покою. Так авва Дорофей, автор монашеской “азбуки” VI века, описывает свое собственное ученичество: “Когда я был в общежитии, игумен с советом старцев сделал меня странноприимцем, а у меня незадолго перед тем была сильная болезнь. И так бывало вечером приходили странники, и я проводил вечер с ними; потом приходили еще погонщики верблюдов, и я служил им; часто и после того, как я уходил спать, опять встречалась другая надобность, и меня будили, а между тем наставлял и час бдения. Едва только я засыпал, как канонарх уже будил меня; но от труда или от болезни я был в изнеможении, и сон опять овладевал мною так, что, расслабленный от жара, я не помнил сам себя и отвечал ему сквозь сон: хорошо, господин, Бог да помянет любовь твою, и да наградит тебя; ты приказал, — я приду, господин. Потом когда он уходил, я опять засыпал и очень скорбел, что опаздывал идти в церковь. А как канонарху нельзя было ждать меня; то я упросил двоих из братии, одного, чтобы он будил меня, другого, чтобы он не давал мне дремать на бдении, и поверьте мне, братия, я так почитал их, как бы через них совершалось мое спасение, и питал к ним великое благоговение” (авва Дорофей “Душеполезные наставления”, Калуга, 1895, стр. IX-X). Подобное беспокойное послушание было в недалеком прошлом у оптинского старца Иосифа, у которого в качестве личной кельи была всегда переполненная приемная старца Амвросия! Ищущим монашества праздным мечтателям в таких условиях не выжить; и они часто уходят из-за того, что монастырь “недостаточно духовный” — не отдавая себе отчета в том, что тем самым лишают себя духовного “якоря”, без которого будут блуждать в пустой неудовлетворенности, так и не найдя своего “идеального монастыря”.

Леность — не самый страшный грех для желающих стать монахами, но без любви к трудолюбию они никогда даже не войдут в подвиг монашеской жизни и не поймут самых элементарных принципов духовной брани.

Если у послушника есть ревность к делу, то можно надеяться, что он может стяжать разумение и других азов монашеской жизни. Первое — это отсечение своей воли. Старец прежде всего старается научить его побеждать свою волю, желания, чтобы чрез это он мог постепенно восходить к высшему совершенству; а для сего с намерением приказывает ему делать то, что противно ему. Многими опытами доказано, что не может обуздывать своих похотей тот монах (особенно из молодых), который не научился чрез послушание умерщвлять свою волю. Поэтому они говорят, что кто не научился наперед побеждать свою волю, тот никак не может подавлять гнев, уныние, блудную похоть; не может иметь истинного смирения, постоянного единения и согласия с братьями и долго пребывать в общежитии” (IV:8). Послушник, не желающий отсекал свою волю посредством монашеского послушания, часто находит, что он “не понят” начальствующими, или, что его вынуждают делать “неподходящие” для него вещи, или, что его “ревность” к прохождению аскетических трудов (согласно, конечно же, его собственному пониманию) недооценена; но истинный любитель послушания, как и любитель труда, радуется посреди тяжелой работы противостояния своей воле, даже когда его земной логике может казаться, что он “прав”, а его духовный отец “ошибается”.

Другой важной частью начальной монашеской подготовки является навык не доверять собственному суждению, тесно связанный с откровением помыслов. “Итак, если мы хотим последовать евангельской заповеди и быть подражателями апостола и всей первенствующей Церкви, или отцов, которые в наши времена последовали добродетелям и совершенству их, то не должны мы полагаться на свои мнения, обещая себе евангельское совершенство от этого холодного и жалкого состояния; но последуя стопам их, должны стараться не обманывать самих себя и так будем исполнять монастырское благочиние и постановления, чтобы нам поистине отречься от этого мира” (VII:18).

“Преподав новичкам первоначальные наставления, стараются возводить их к большому совершенству, при сем вернее узнавая, истинное или притворное у них смирение. А для более удобного достижения этого учат их не скрывать никаких помыслов сердечных по ложному стыду, но тотчас, по возникновении их, открывать старцу своему, и в суждении о них не доверять своему мнению, а считать худым или добрым только то, что старец признает таким. От того хитрый враг ни в чем не может уловить молодого монаха, как неопытного, ничем не может обольстить того, кто полагается не на свое, а на старцево суждение” (IV:9).

Несмотря на чудеса аскетизма, которыми отличались восточные Отцы, основное ударение их учения падает отнюдь не на внешнее подвижничество. “Немощь плоти не воспрепятствует чистоте сердечной, если употребляем только пищу ту, которая нужна для укрепления немощи, а не ту, которой требует похоть... Пост и воздержание состоят в умеренности... Каждый должен поститься столько, сколько нужно для укрощения плотской брани” (V:7, 8, 9).

Цель монашеской дисциплины — это *искоренение страстей и стяжание добродетелей*. В Египте старцы смотрят, чтобы послушник “узнал и причины страстей, которыми искушаются, и средства против них. Эти истинные врачи душ, предотвращая имеющие возникнуть болезни сердец духовным наставлением, как некоторым небесным лекарством, не позволяют усиливаться в душах юношей, открывая им и причины угрожающих страстей, и средства для здоровья” (XI:16). Легко можно себе представить, насколько болезненно протекает этот процесс самопознания в душе послушника, обычно приходящего в монастырь исполненным иллюзий на свой счет.

Добродетели должны стяжать все вместе и бороться надлежит со всеми страстями одновременно, ибо “тот никакою добродетелию не владеет в совершенстве, кто не имеет некоторых из них (добродетелей). Ибо каким образом тот погасит пылающий жар похоти, воспламеняющийся не от одного вожделения тела, но и от порочности души, кто не может укротить гнев, порывающийся по невоздержанности одного сердца? Или каким

образом обуздает сладострастные возбуждения плоти и души, кто не может победить простой порок гордости?” (V:11)

Духовная борьба за стяжание добродетелей и искоренение страстей есть прежде всего борьба внутренняя: главный враг не в нас, но в нашей собственной страстной природе; и о нашем продвижении по пути добродетели можно судить главным образом не по нашему внешнему поведению, а по внутреннему состоянию; средства борьбы тоже преимущественно не внешние действия (такие как бегство от людей, чтобы избежать случаев к искушению), а работа над своим внутренним человеком, “...ясно, что не всегда от вины других происходит в нас возмущение, а больше от нашей порочности, потому что мы имеем в себе скрытые причины оскорблений и семена пороков, которые, как только прольется на нашу душу дождь искушений, тотчас производят ростки и плоды... (IX:5) Совершенство сердца приобретается не столько удалением от людей, сколько добродетелию терпения. Если терпение будет твердо укреплено, то может сохранить нас мирными даже и с ненавидящими мир; если же не будет оно приобретено, то постоянно будем в несогласии даже и с совершенными и лучшими нас... (IX:7) Если хотим получить ту высшую божественную награду, о которой говорится: блажен чистий сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8); то не только в наших действиях надобно подавлять гнев, но с корнем должен быть извергнут он и из сокровенности души... (VIII:19) Потому ищущим совершенства недостаточно не гневаться на человека. Ибо помним, что когда мы пребывали в пустыне, то сердились на писчую трость, когда не нравилась толстота или тонкость ее; также на ножик, когда иступленным лезвием не скоро перерезывал; тоже на камень, если не скоро вылетала искра огня из него, когда мы спешили к чтению, вспышка негодования простиралась до того, что возмущение духа не иначе мы могли подавить и успокоить, как произнести проклятие на бесчувственные вещи, или по крайней мере на диавола... (VIII:18) Нам нечего бояться внешнего неприятеля; враг в нас самих скрывается. У нас ежедневно происходит внутренняя война; по одержании победы на ней все внешнее делается слабым и с воином Христовым все помирится и

покорится ему. Мы не будем иметь такого неприятеля, которого бы надобно было бояться вне нас, если внутреннее в нас будет побеждено и покорено духу... Утруждение плоти, соединенное с сокрушением духа, составит приятнейшую Богу жертву и достойную обитель святости в сокровенности чистого, благоуукрашенного духа” (V:21).

Самое главное для монаха, подвигающегося в этой внутренней брани — судить себя, а не других, “...монах подвергается той же вине и порокам, за которые вздумал бы осуждать других. Следовательно всякому должно судить только себя самого, осмотрительно, осторожно наблюдать за собою во всем, а не расследовать жизнь и поведение других” (V:30).

Ключом к стяжанию других добродетелей является целомудрие, которое должно быть как душевным, так и телесным. “...Мы должны ревностнее подвизаться не только в воздержании тела, но и в сокрушении сердца с частыми молитвенными воздыханиями, чтобы печь плоти нашей, которую вавилонский царь постоянно разжигает возбуждением плотской похоти, угасить росой Св. Духа, нисходящею в наши сердца (VI:17). ...Возможно еще приобрести непорочность без дара знания; но знания духовного невозможно приобрести без чистоты целомудрия. Пр. Сол. 1, 4” (VI:18).

Восемь из двенадцати книг “Постановлений” посвящены описанию восьми главных пороков и борьбы, которую монах должен вести с ними. Эти восемь суть: чревоугодие, блуд, корыстолюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Эти главы — весьма практические и содержат в себе многочисленные поучительные примеры из опыта пустынных Отцов. Один запоминающийся пример из них, иллюстрирующий грех тщеславия, может быть взят за уместное предостережение против так присущей сегодняшним кандидатам в монахи тенденции к духовной фальши и “позированию”, основанной на элементарном самолюбии и праздности.

“Когда я жил в пустыне скитской, помню одного старца, который идя в келью одного брата для посещения, когда приблизился к двери и услышал, что он внутри что-то говорит, немного приостановился, желая узнать, что он читает из

Священного Писания, или как было в обычае, за работою по памяти прочитывает. Когда благочестивый испытатель, ближе приложив ухо, точнее услышал, то узнал, что он духом тщеславия так был оболещен, что представлял, будто он в Церкви предлагает народу увещательную проповедь. Когда старец, продолжая стоять, услышал, что он кончил поучение и переменяв должность, как диакон, делает отпуск оглашенным, тогда толкнул в дверь. Брат встретив старца с обычною почтительностью и вводя его, уязвляемый совестью за свои мечты, спросил, давно ли он пришел? Долго стоя у двери, не понес ли неприятности? Старец шутя, ласково отвечал: я пришел, когда ты делал отпуск оглашенным” (XI:15). Фантазии желающих в XX веке принимать монашество не далеко ушли от этого классического примера.

В отношении главного порока или страсти, гордости, преп. Кассиан, как всегда приземлен и практичен, и наибольшую часть этой книги он тратит на описание низшей или “плотской” разновидности гордости, являющейся одной из наиболее общих ловушек для новоначальных как древних, так и современных, “...эта плотская гордость, когда при холодном, худо положенном начале отречения от мира поселится в душе монаха, не позволяя ему от прежней мирской надменности придти к смирению Христову, сначала делает его непокорным и упрямым, потом не позволяет быть кротким и ласковым, также не допускает быть равным с братьями и общительным, не позволяет по заповеди Бога и Спасителя нашего оставить все имущество в нищете... (XII:25) Он не хочет понести бремя монастырской жизни, не принимает наставления какого-либо старца. Ибо кем возобладает страсть гордости, тот не только не считает достойным соблюдать какое-либо правило подчинения или послушания, но и самое учение о совершенстве не допускает до своих ушей, и в сердце его растет такое отвращение к духовному слову, что когда бы и случилось такое собеседование, взор его не может стоять на одном месте, но исступленный взгляд обращается туда и сюда, глаза обыкновенно устремляются в другую сторону, вкось. Так что пока продолжается духовное собеседование, ему думается, что он сидит на ползающих червях, или острых спицах, и что простое собеседование ни высказало бы к назиданию

слушающих, гордый думает, что это сказано в поношение ему. И во все время, в которое происходит рассуждение о духовной жизни, он занятый своими подозрениями ловит, перенимает не то, что надобно бы принять к своему преуспеянию, но озабоченным умом изыскивает причины, почему то или другое сказано, или с тайным смущением сердца придумывает, что можно бы возразить им, так что из спасительного исследования совершенно ничего не может получить, или в чем-нибудь исправиться” (XII:27). Как пример этого низшего вида гордости: “Я слышал в этой только стране (что странно и стыдно рассказывать), что один из младших, когда авва его стал выговаривать, для чего он стал оставлять смирение, которое по отречении от мира так мало времени сохранял и надмевается диавольскою гордостью, с крайним высокомерием ответил: ужели я для того на время смирялся, чтобы всегда быть подчиненным? При этом его столь дерзком, преступном ответе старец так изумился, что всякая речь его прервалась, как будто он принял эти произнесенные слова от самого Люцифера” (XII:28).

Цель всей это монашеской брани и подвига, которые так конкретно описывает преп. Кассиан, — возвысить ум человека к вечному и неподверженному изменениям и приуготовить его к блаженству в Царствии Небесном. “...Дело монашеского звания есть не иное что, как созерцание божественной и превосходящей все чистоты” (IX:3). “Мы никак не можем прозреть удовольствия настоящей пищи, если ум, предавшись божественному созерцанию, не будет услаждаться больше любовью добродетелей и красотою небесных предметов. И таким образом всякий будет презирать все настоящее как скоропреходящее, когда непрерывно будет устремлять взор ума к непоколебимому и вечному, еще будучи в теле, будет созерцать блаженство будущей жизни” (V:14).

Новоначальный, который позволяет земному или своим собственным страстям уводить себя от небесного, неизменно запутывается в земных вещах и погибает; и предостережение против этого преп. Кассиана вполне приложимо и сегодня. “Ибо ум празднотлюбца не умеет ни о чем другом думать, как только о пище и чреве, до тех пор, пока сведши дружбу с каким-нибудь

человеком или женщиною, расслабленными одинаковою холодною, обязывается делами их и нуждами, и таким образом мало-помалу запутывается во вредных занятиях, как бы стесняется змеиными извилинами, потом уже никогда не в состоянии будет развязаться для достижения совершенства прежнего обета (монашеского)” (IX:6).

Поэтому преп. Кассиан предлагает вдохновляющее слово в поддержку тем, кто желает придерживаться монашеской жизни, пока не достигнет ее цели. “Знай, что ты в числе немногих избранных, и, смотря на пример и холодность многих, не охлаждавай, но живи так, как живут немногие, дабы с этими немногими удостоиться тебе Царствия Небесного” (IV:38).

В основании всего этого монашеского подвига лежит смирение и страх Божий, без которых все аскетические труды — тщетны и бессмысленны: “Если хотим здание наше довести до верха, так чтобы оно было совершенно и угодно Богу, то поспешим положить основание его не по воле нашей страсти, а по точному евангельскому учению; это основание не может быть иное, как страх Божий и смирение, которое происходит от кротости и простоты сердца. Смирения же нельзя приобрести без наготы. Без нее никак невозможно приобрести ни готовности к повиновению, ни силы терпения, ни спокойствия кротости, ни совершенства любви, без которых сердце наше вовсе не может быть жилищем Св. Духа” (ХП:31). “... Именно нужно, чтобы сначала с искренним расположением сердца мы изъявляли нашим братьям истинное смирение, заботясь, чтобы ни в чем не обидеть или не оскорбить, чего мы никак не возможем исполнить, если из любви ко Христу не будет утверждено в нас истинное самоотвержение, которое состоит в составлении всего имущества и нестяжательности; потом если не будет воспринято иго послушания и подчинения с простым сердцем, без всякого притворства, так чтобы, кроме приказания аввы, вовсе не жила в нас никакая своя воля. Это может исполнить только тот, кто считает себя не только мертвым для этого мира, но и неразумным, глупым, все, что прикажут ему старцы, будет исполнять без всякого исследования, считая это священным и возвешенным от Бога (ХП:32)”.

И, наконец, подвижник должен вполне отдавать себе отчет в том, что достижение его цели, т.е. победа над страстями и спасение души приходит не от собственных его усилий как таковых, а от благодати Божией”. Невозможно кому-либо совершенно очиститься от плотских пороков, если не сознает, что весь труд и старание его не могут быть достаточны для достижения такого совершенства, и если не убедится, будучи научен не столько наставлением преподающего, сколько расположением, усилием и опытом собственным, что достигнет его не иначе как по милосердию и при помощи Божией” (XII:13). “Достижение совершенства есть дело не желающего, не подвизающегося, но милующего Бога (Рим. 9:16), Который вовсе не в воздаяние за заслугу наших трудов или подвижничества делает нас победителями пороков. Ибо действие всякого добра происходит от благодати Бога, Который такую долговечность блаженства и безмерную славу с великою щедростью даровал (нам) за слабое усердие и за краткий, малый подвиг наш” (XII:11). И завершают книгу “Постановлений” следующие слова: “Будем сознавать, что мы сами по себе без помощи благодати Божией ничего не можем сделать, что относится к совершению добродетелей, и по истине будем уверены, что и то самое, что мы удостоились уразуметь, есть дар Божий” (XII:33).

Из сего краткого обозрения учения, содержащегося в “Постановлениях”, можно увидеть, что монашеская жизнь в Галлии V-VI вв. имела под собой твердое основание. Учение преп. Кассиана — не для праздных мечтателей или тех, кто стремится убежать от мирских обязанностей. По своему трезвому, приземленному тону и настойчивому призыву к деланию, аскетическому подвигу, познанию и преодолению своих страстей, оно является скорее руководством для серьезных, энергичных и решительных воинов Христовых, ищущих больших, а не меньших подвигов, чем те, которые христианин находит в нормальной мирской жизни.

“Постановления”, пожалуй, больше всего задавали тон монашеской жизни этого периода. Сам свят. Григорий Турский, когда ему случилось давать духовное наставление затворнику, жившему в пределах его епархии, “послал ему книги с житиями

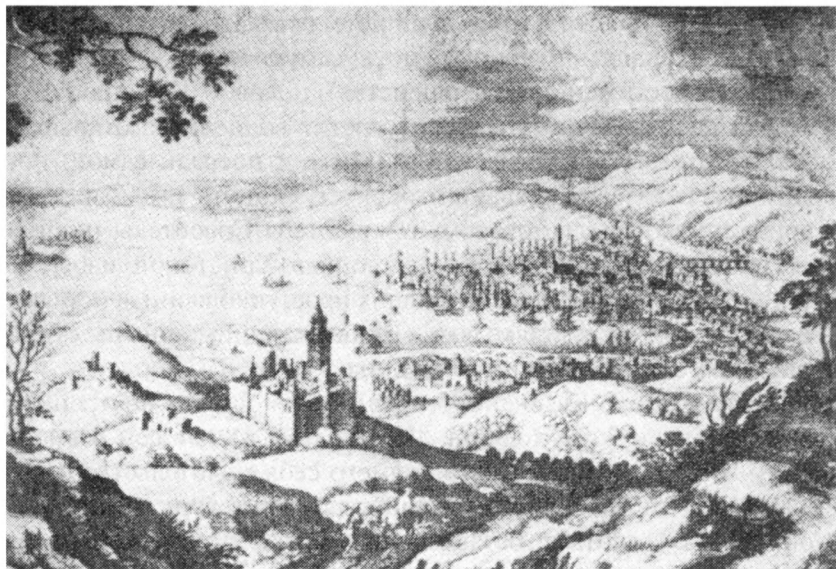
Отцов и Уставами (institutes) монахов, чтобы он мог узнать, каковыми надлежит быть затворникам и с какой рассудительностью следует держаться монахам. Когда он прочитал и перечитал их, то не только изгнал из ума дурные помыслы, которые прежде имел, но, более того, это настолько развило его познания, что он удивлял нас легкостью, с какой беседовал о сих предметах” (Жизнь Отцов, XX, 3) Эти же две книги (как мы увидим ниже) взял с собой и преп. Роман, когда уходил для отшельнической жизни в Юрские горы. Но и помимо своего непосредственного влияния на стремящихся к монашеству, можно видеть, как “Постановления” четко отразились в учении последующих преподобных Отцов Галлии.

Преподобный Фавст Леринский

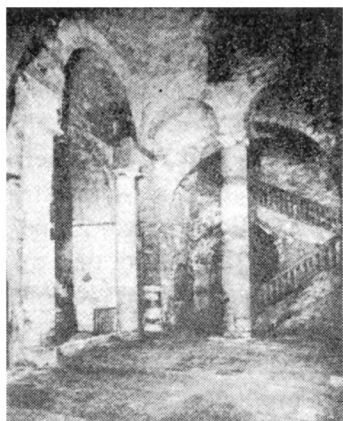
Вторым по значению после самого преп. Кассиана из отцов Галльского монашества в V веке был преп. Фавст († 490), бывший аббатом Леринского монастыря в последние годы жизни преп. Кассиана, а впоследствии епископом Региума (Риеза), расположенного менее чем в ста милях к северу от Марселя.

Известный своей защитой “восточных” учений по таким вопросам, как относительная телесность души (один Бог совершенно бестелесен) и соотношение благодати и свободной воли (и возможно из-за этого пренебрегаемый позднейшим Западом), он был прежде и более всего учителем иноческого жития и имел более прямое влияние на великого Отца VI века, свят. Кесария Арльского, чем преп. Кассиан.

В наставлениях своим монахам он делает то же ударение, что и преп. Кассиан на непрерывной брани и избегании праздности и покоя: “Отнюдь не для мира и покоя, не для беспечности пришли вы на сей остров, но скорее подвизаться и мужественно воинствовать... Мы пришли на сии уединенные берега, в ряды воинства духовного с тем, чтобы бороться на всякий день против наших страстей... Звание наше обязывает нас отвергать все, что может дать нам настоящая жизнь из утешений и славы. Сладчайшие на земле вещи должны быть чужды нам, помыслы наши должны устремляться исключительно к вечному воздаянию, обещанному нам. Радоваться, живя в подчинении и уничи-

Монастырь св. Виктора, возвышающийся над портом Марселя, в котором подвизался преп. Кассиан (1655).

Атриум (центральная часть) древней базилики монастыря преп. Кассиана.

Первое убежище св. Гонората — грот в Сен-Бауме близ Канн.

жении, ревностно стремиться к нищете, отсекай не только привязанность сердца к тварному, но и самую волю — вот наши средства к достижению совершенства” (Слово “К монаху” I). Судно и после того, как храбро встретит волнение в открытом море, может оказаться в опасности даже и посреди самой, по-видимому, безопасной гавани и рискует затонуть там. Так же и в пристанище веры, к которому привел тебя Спаситель, не будь бесстрашен, понуждай себя с помощью Христовой избегать малейшего нерадения, ничтожнейших проступков: они действуют на душу подобно каплям воды, проникающим внутрь судна через незаметные трещины” (К монаху” II).

Вместе с преп. Кассианом, преп. Фавст учит о внутренней природе монашеского подвига. “Что пользы жить в сем безмолвном месте, претерпевая внутри самого себя мучительство страстей? Будет ли здесь спокойствие снаружи и буря внутри? И стоит ли так трудиться, оставляя мир далеко внизу, чтобы держать страсти взаперти внутри себя?” (Слово)

Прежде всего преп. Фавст, как и преп. Кассиан, настаивает на добродетели послушания и пагубности преслушания и гордости. “Бог отказывает в потребной для дела спасения силе тому, кто не умеет слушаться... Послушание необходимо юности, и старость находит в нем свою славу... Привычка к непослушанию затемняет рассудок и делает суждения ложными. Сердце преступника столь ожесточается, что если только он чрезвычайным усилием вдруг не смирит себя, чтобы восстать от своего падения, то он осмелится бороться и с самим своим настоятелем, будет затем оскорблять его и говорить: “Как крепко я противостал! Как я его не послушался! С какой надменностью отвечал! Он думал, что я всегда буду смиряться перед ним!” (Слово VII)

Преп. Фавст, глядя на стремительно растущее монашеское движение в Галлии, видел также и трагедию “беглых” монахов — тех, кто испробовал монастырской жизни, но не имел достаточно терпения, чтобы удержаться в ней. Его сильные слова о необходимости оставаться в том монастыре, в каком кто отрекся от мира, предвосхищают акцент на монашеской стабильности Отцов VI века, свв. Кесария Арльского и Венедикта

Курсийского. Упомянув о море вокруг Лерин, он говорил своим монахам: “Море сие есть мир, монастырь — гавань. Какое должно быть у истинного монаха намерение? Закрепить навсегда свой якорь в гавани! Вернуться ли ему в мир? Скалы, о которые здесь разбивается море, суть образ рифов, о которые непременно разобьется монах, непостоянный в своем пути!” (Слово) “Поистине, что есть ужаснее того, чем сорваться внезапно, подобно перелетной птице, с места, где призвал тебя Бог твой, где просветил Он тебя первыми лучами Своего света, и которое дал Он тебе как тихую гавань, убежище во время свирепства бури? Так ли скоро забываешь ты братию и други твои, утешавших тебя? Неужели оставляешь место, где сложил ты ризы мира сего с себя и переименовал имя, которое носил там?.. Но ты настолько лишен здравого смысла, что предпочитаешь Божию благоволению собственную волю и прихоть, и отдаешься во власть собственных замыслов! Не чувствуешь ли, к какому кораблекрушению ты мчишься?”

Истинный путь монаха, согласно преп. Фавсту, есть путь смирения, терпения и послушания, могущих изменить тех, кто окружает его и сделать монашескую общину воистину раем на земле. “О, сколь благословен Богом тот, чье смирение ослабило братнюю гордость, чье терпение угасило гнев ближнего, кто своим послушанием и ревностью исправляет в других теплохладность и леность, чьи утешительный пример или слова возжигают свет в сердце, которое гнев соделал слепым” (“К монаху” I).

Певец западной пустыни преподобный Евхерий Лионский

В основном под словом “пустыня” в Галлии V-VI вв. подразумеваются пустынные места вне городов, подходящие для жизни монахов, отрешившихся от мирской жизни. Есть, однако, и другое, более точное его значение, в котором его употребляют преп. Кассиан: место для тех, кто желает вести уединенную, отшельническую жизнь вдали от общежительных или полуобщежительных обителей, в коих живет большинство монахов. В своих “Постановлениях” преп. Кассиан формулирует условия для вступления на сей высший образ жизни. “...Мы отправились

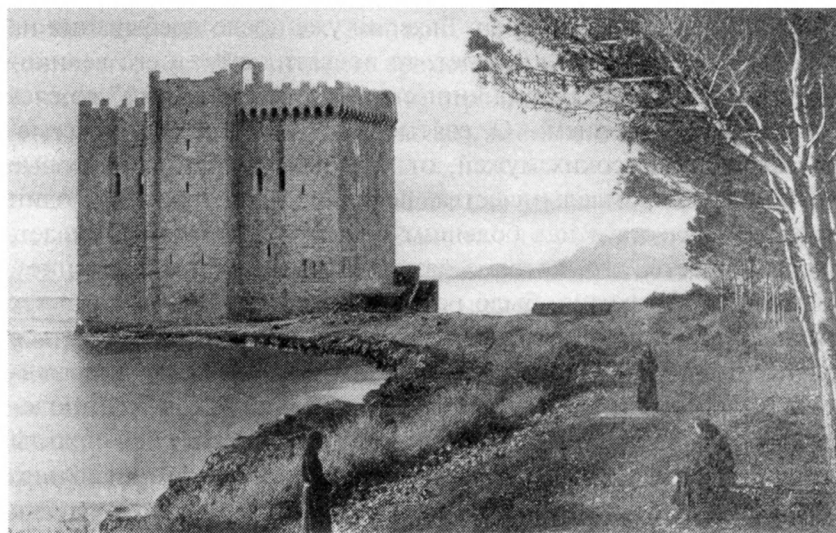
посмотреть на особый, высший род монахов, называвшихся отшельниками. Они сначала долго живут в кинувии, пока научатся терпению, рассуждению, смирению, нестяжательности и до чиста исторгнут из себя все пороки, потом, намереваясь вступить в жесточайшую брань с демонами, отдаляются в отдаленные места пустыни” (V:36). “Пустыню искать должно совершенным, очищенным от всякого порока, и по совершенном очищении от пороков в обществе братии уходить в нее не по малодушию, а для божественного созерцания, с желанием высшего видения, которое может быть приобретено только в уединении и только совершенными” (VIII:17).

Этот высший вид пустынной жизни обладает определенной привлекательностью для стремящихся к монашеству, не как какая-то действительно отдельная форма монашества, но как высший идеал одной общей для всех монашеской жизни. Здесь, однако, мы прежде всего должны знать о той трудной аскетической брани, чаще всего в монастыре, что непременно предшествует такому пустынножительству, также, как и о реалистическом монашеском учении, лежащим в его основе. Кассиановы “Постановления” — азбука также и этого вида монашества, тогда как в его “Собеседованиях” содержится более возвышенное учение для пустынножителей (и для общежительных монахов тоже).

Самая мысль о том, что “пустыню” можно найти в Галлии не была чем-то непосредственно очевидным. Даже после примера свят. Мартина и его учеников, св. Гонорат отправился искать свою пустыню на Восток и только благодаря смерти своего товарища он, дойдя уже до Греции, вернулся и уединился сперва в пещере на материке, а затем на острове Лерины у побережья южной Галлии, где со своими последователями основал монастырь по возможности в традициях Востока. У нас нет детального описания его первоначального монастыря на Леринах, но несколько кратких упоминаний о нем изображают его весьма похожим на полуотшельнические лавры Востока. Св. Евхерий, ученик св. Гонората, описывает его как место, где “святые старцы живут в особых кельях”. Более подробное описание такого рода монастыря мы находим в “Житии свят. Мартина” Сульпиция Севера:

Остров Лерин

Остров Лерин с крепостью,
где в течение веков пребывали
мощи св. Гонората.

“Место сие было таким глухим и отдаленным, что обладало всем уединением пустыни. С одной стороны оно было огорожено скалистыми утесами высокой горы, остававшееся ровное пространство было окаймлено тихой излучиной Луары. Туда был всего один подход и то очень узкий. Его собственная келья была из дерева, как и у многих из братии, но большинство из них выдалбливали себе пещеры в скалах выступающий горы. Здесь было около восьмидесяти учеников, воспитывающихся на примере своего преблаженного наставника. Никто не владел ничем собственным: все клалось в общий котел... Редко кто покидал свою келью, за исключением тех случаев, когда они собирались все вместе для богослужения” (“Житие Св. Мартина, гл. X).

Поскольку подобные поселения монахов стали умножаться в Галлии V века, постольку и потребность ехать в Египет, чтобы увидеть христианскую “пустыню” становилась все менее и менее насущной. Прежде всего сам преп. Кассиан положил конец идее “хождения на Восток” за монашеским научением, когда представил в своих книгах учение великих египетских старцев. Когда он услышал, что преп. Евхерий уже после пребывания на Леринах задумал идти в Египет, то посвятил ему (и его великому авве, св. Гонорату) семь книг своих “Собеседований” со следующим предисловием: “О, святые братия Гонорате и Евхерие, похвалю тех высоких мужей, от которых мы приняли первые постановления отшельничества, воспламенились так, что один из вас, начальствуя над большим общежитием братии, желает, чтобы общество его, которое назидается ежедневным видением вашего святого жития, было наставляемо еще и заповедями тех отцов, а другой захотел отправиться в Египет, чтобы навидаться и телесным видением их, так что, оставив эту область, оцепеневшую от суровости галльского холода, как чистая горлица, полетел бы в те земли, которые ближе освещаются солнцем правды и изобилуют зрелыми плодами добродетелей. Это невольно возбудило во мне любовь, так что я, утешаясь желанием одного и трудом другого, не уклонился от опасности коротко написать, лишь бы только у первого увеличился авторитет между самыми монахами, а у второго отклонилась необходимость опасного мореплавания” (Предисловие к XI Собеседованию).

Преп. Евхерий, понятно, принял к сердцу слова преп. Кассиана. Он не только не отправился в Египет, но и стал великим певцом галльской пустыни. Возможно, что дело тут в его “западном” темпераменте и опыте или же это “северный” антураж его творений, хорошо знакомый нам по великим подвижникам русской “северной Фиваиды” ближайших к нам столетий, вплоть до преп. Серафима Саровского и других преподобных отцов и матерей уже нашего столетия, заставляет нас чувствовать что-то очень родное в писаниях преп. Евхерия и, в частности, в его “Похвале пустыни” (*De laude ere mi*). Позвольте привести здесь нечто из сего труда, который, хотя и иным образом, влиял на подвижников того времени почти также, как и “Постановления” преп. Кассиана. Эта небольшая книжка не содержит монашеского учения как такового, но отлично показывает нам импульс души, вдохновивший многих из современной ему молодежи обоего полу идти в пустыню.

“Пусть тот, кто горит божественным пламенем, оставит свое жилище, чтобы избрать пустыню, пусть предпочтет ее своим ближним, своим чадам... Тем христианам, кто оставил родную землю, пусть станет пустыня временным отечеством, из которого ничто да не зовет их назад: ни страх, ни желания, ни радость, ни скорби. Да, можно пожертвовать всем, что мы любим, ради счастья уединения”.

“Сколь сладка жаждущим Бога сия удаленная пустыня с ее лесами! Как милы жаждущим Христа сии убежища, простирающие вдаль и вширь, где лишь природа бодрствует! Все здесь умиряется. Тогда, как бы понуждаемый молчанием, ум радостно пробуждается и начинает ощущать в себе некие неизреченные божественные движения. Здесь нет ни какого-либо шумного смятения, ни молвы; одно лишь сладостное беседование с Богом нарушает тишину уединенного обиталища... Напрасно коварный враг рычит, как волк в ограде, где были заперты овцы. Восходя и нисходя по чудесной лестнице Иакова, сонм ликующих ангелов несет неусыпную стражу над простором пустыни, просвещая ее своим невидимым посещением (Быт. 28, 12). Более того, чтобы не все бдели стерегущие град, Христос охраняет и ограждает свое стяжание в нем: Он таким образом отражает

врагов его из пустынных пределов, что хотя Божие люди и подвергаются всем искушениям пустыни, однако они ограждены Им от их врагов. И более того, Сам Жених тайно возлежит с ними в полунощи, и изумленные неизреченным милосердием Его, пустынножители находятся в созерцании, восклицая: “**Шбрѣтохъ, Ёгоже возлюбн дѣша моѣ: оудержахъ Ёго, и не вставихъ Ёго**” (Песн. песн. 3, 4)” (гл. 37, 38).

“Почва пустыни не бесплодна, хотя ее и принято считать таковой... В пустыне делатель пожинает обильные плоды своих трудов... В сем месте находит он хлеб жизни, сходящий с небес. Среди этих скал бьют освежающие источники; эти живые воды властны утолять не только телесную жажду, но также и жажду спасения. Здесь простор и наслаждение для внутреннего человека... здесь рай души (гл. 39)”.

“Кроме сего, о всяческого почтения достойная земля, ты стала недавно обиталищем, приличным святым, обитающим в твоих гробах... Кто бы ни искал сожителства с ними, обретал Бога. Всякий, кто возделывал тебя, обретал в тебе Христа. Обитающий в тебе радуется о Господе, обитающем там же. Один и тот же человек одновременно есть твой владетель и божественное владение. Тот, кто избирает тебя в жилище себе, становится сам храмом Божиим” (гл. 41).

“Действительно, всякой пустыне, украшенной пребыванием благочестивых, я должен воздать честь. Но прежде всех других я воспеваю мои Лерины, приемлющие в свои благочестивейшие длани выброшенных кораблекрушением мятежного мира. Носимых его волнами они мягко направляют в свое пристанище, так что там, во внутреннем дворе Господнем, те могут перевести свое загнанное дыхание. Журча своими ручьями, зеленея травой, красуясь виноградниками, радостные своими видами и ароматами, они являют себя как бы раем тем, кто владеет ими... Там и сейчас живут в отдельных кельях те чудные святые старцы, что принесли дух египетских отцов в нашу Галлию” (гл. 42).

“Что за собрания святых, о благий Иисусе, дивно благоухающие подобно хранимому в алавастровом сосуде драгоценному миру, зрел я своими очами! Все здесь дышит сим благоуханием жизни. Они предпочитают благолепие внутреннего человека

нарядности внешнего. Преуспевшие в делах любви, смирившиеся долу, благороднейшие в благочестии, крепчайшие в вере, скромные в поступи, скорые на послушание, молчаливые при встрече, величественно спокойные ликом: одним словом, они являют собою как бы чины ангельские в неослабном созерцании. Они не стремятся ни к чему, ничего не желают, разве соединиться с Единым для них вожделенным. Не только ищут они блаженной жизни, но и живут ею, не только стремятся они к ней вскоре, но и достигают уже”.

“Желают ли они быть отлученными от грешников? Они уже отлучены от них. Предпочитают ли они обладать чистой жизнью? Они обладают ей. Стремятся ли они проводить все свое время в славословии Бога? Они непрестанно славословят Его. Жаждают ли они радоваться в сонмах святых? Они радуются в них. Желают ли они наслаждаться Христом? Они наслаждаются Им. Не терпится ли им достигнуть пустынного жития? В своем сердце они достигают его. Так, по изобильнейшей благодати Христовой, здесь и сейчас они сподобляются многих из тех блаженств, чаемых ими в будущем веке. Последуя упованию пусть даже на некотором расстоянии, они уже сейчас охватывают существо его. Даже сам их тяжкий труд приносит многую мзду, ибо будущее воздаяние их лежит как бы в настоящих трудах” (гл. 43).

Чтобы не показалось, будто эта щедрая “похвала пустыни” происходит от “западного романтизма”, приведем здесь слова великого отца восточного монашества, жившего столетием раньше, свят. Василия Великого (как они приведены в житии великого отца русской “Северной Фиваиды” старца Назария Валаамского). Вдохновленный внешне весьма отличными пустынями Египта и Каппадокии, свят. Василий также, как и западный поэт видит тот же самый рай сердца для того, кто оставил все для Бога:

“О пустынное житие, обитель небесного обучения и божественного познания, училище, где Бог есть все, чему мы учимся. О пустыня сладости, где благоухающие цветы любви блистают ныне огненным цветом, сияют ныне белоснежною чистотою. Там мир и тишина; и те, кто живет под ними, остаются

неколеблемы ветром. Там фимиам совершенного умерщвления не одной лишь плоти, но, что еще достохвальнее, самой воли, и кадило непрестанной молитвы негасимо горит огнем божественной любви. Там различные цветы добродетели, блистающие разнообразными украшениями, расцветающие благодатью неувядаемой красоты. О пустыня, услаждение святых душ, рай неисчерпаемой сладости! Ты еси пещь, силу чьего пылающего огня три отрока прохлаждают молитвой, и посредством горячей веры они гасят вокруг себя неистовое пламя, в котором сгорают и стрелы и оковы, но те, кто в оковах не сгорают, только узы греха ослабевают, и душа возводится к пению божественной хвалы, восклицая: **“Растерзалъ еси оузы моѧ. Тебѣ пожрѣ жертвѣ хвалы”** (Пс. 115, 7-8).

Любовь к пустыне как к убежищу от житейских бурь и суеты и месту напряженной духовной брани ради Царствия Небесного и преклонение перед обитавшими там преподобными, облагоухавшими земли Запада своими подвигами благочестия — вот то, что вдохновляло молодых новообращенных христиан Запада искать пустыни Галлии и узнавать там из первых рук, от опытных старцев и на собственном опыте духовное учение восточных Отцов. Было много несчастных случаев и духовных катастроф, неизбежных при столь жестокой битве, но те, кто устояли перед лицом всех препятствий и действительно возрастили семена восточного монашества на западной почве, оставили по себе благоухающую память и пример, который еще и сегодня не умер для тех, кто пожелает отыскать его и вдохновиться им.

Из житий древних пустынножителей Галлии нет ни одного столь притягательного и воодушевляющего как житие препп. Романа и Лупикина. Написанное в их монастыре несколько десятков лет спустя после их смерти, это пространное Житие дает самый подробный из имеющихся у нас рассказов о древней монашеской ревности Галлии.

Роман и Лупикин, юрские пустынножители

В Галлии IV века был свят. Мартин с его необычайным подвижничеством и отшельническими общинами; начало нового

столетия ознаменовалось основанием островного монастыря на Леринах, принесшего предания египетских отцов в Галлию, из которого вышло много епископов и основателей монастырей; в первые десятилетия V столетия были созданы многочисленные монашеские общины на юге Галлии, обычно около городов и часто основанные епископами, в которых через писания преп. Кассиана распространились уставы и учение восточного монашества. К концу жизни преп. Кассиана († 434 г.) православное монашество уже прочно укоренилось в Галлии.

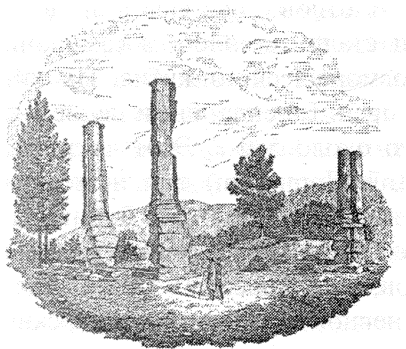
Затем имел место феномен, хорошо знакомый нам из позднейшей истории “северной Фиваиды” в России 14-17 вв.: бегство монахов и стремящихся к монашеству не только из городов и других населенных пунктов, но даже и из благоустроенных монастырей в абсолютное уединение пустынных лесов Галлии. Несомненно, такие книги, как “Похвала пустыне” преп. Евхерия, оказали влияние на это движение; но главная побудительная причина была та же, что и вызвавшая первоначальное бегство в египетскую пустыню столетием раньше: простое христианское побуждение отказаться от всего ради Бога, отбросить все предметы и влияния мира сего, чтобы лучше приготовить себя для Царствия Небесного.

Среди первых из таких пустынножителей, кто буквально обратил “пустыни” Галлии в города, населенные духовными воинами, были препп. Роман и Лупикин. Не случайно свят. Григорий начинает с них свою “Жизнь отцов”, ибо еще в предшествующее ему время их подвиги стали легендой, а сами они чистейшим образцом пустынного монашеского жития. Их жития, вместе с житием их ученика преп. Евгенда, были написаны анонимным учеником последнего около 520 г. Этот документ “Жизнь юрских Отцов” (*Vita Patrum Jurensium*) дает не только более подробное описание жития препп. Романа и Лупикина, чем у свят. Григория, но представляет также бесценные сведения о монашеском учении этих Отцов, о монашеской жизни в целом в Галлии V века и о повседневной жизни и росте юрских

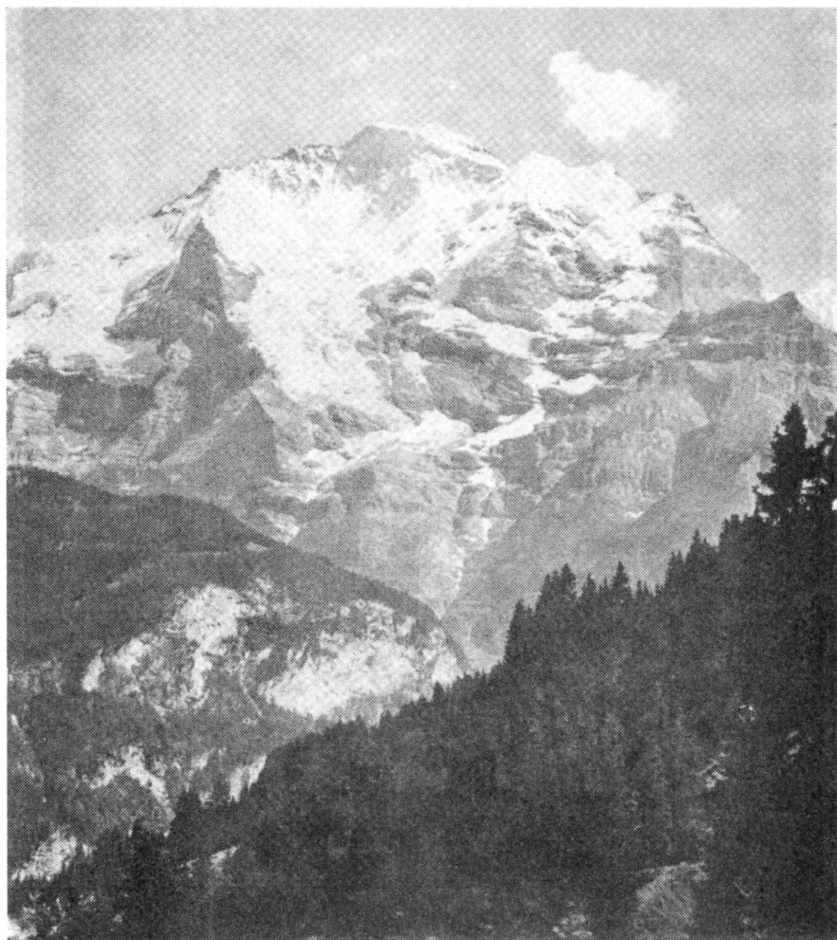
монастырей в течении первых 75 лет их существования. Ниже-
следующие страницы — суть краткий обзор тех частей этого
документа, что лучше всего иллюстрирует это.

Юра — горная гряда, протянувшаяся в восточной части Фран-
ции, недалеко от швейцарской границы на несколько сот кило-
метров, при ширине 30-50 километров. Хотя и не столь эффек-
тные как Альпы, которые по временам можно видеть на востоке,
эти горы наделены своей суровой красотой. Они простираются
с запада к востоку тремя “ступенями”, каждая примерно на три-
ста метров выше предыдущей, от равнин до “высокой Юры”,
гористого плато из пиков и узких ущелий, высотой до 1600
метров над уровнем моря. Даже сегодня эти горы покрыты пих-
товыми лесами, со множеством водопадов, озер и коварных
потоков. Города, ныне находящиеся там, где были первоначаль-
ные монашеские поселения, являются туристическими центра-
ми, куда летом съезжаются любители рыбной ловли и туризма,
а зимой, когда горы покрываются глубокими снегами — горно-
лыжники.

В древнеримские времена в нижних частях Юры были насе-
ленные города, тогда как “верхняя Юра”, которую Юлий Це-
зарь описал как *Juva mons abtissimus* (“высочайшие юрские горы”
— лат.), были совершенно необитаемы. С ослаблением римской
власти и нашествиями варваров, население этой области умень-
шилось, и леса быстро покрыли большую часть земли, которая
была отнята у него развитой римской цивилизацией. К V веку,
когда дикие бургунды и франки бродили по этой части Галлии,

Руины языческого храма в
Изернори, месте рождения
Юрских святых.

Покрытые лесами Альпы Восточной Франции,
примыкающие к Юрским горам
— место обитания
препп. Романа и Лупкина.

Лес Юры.

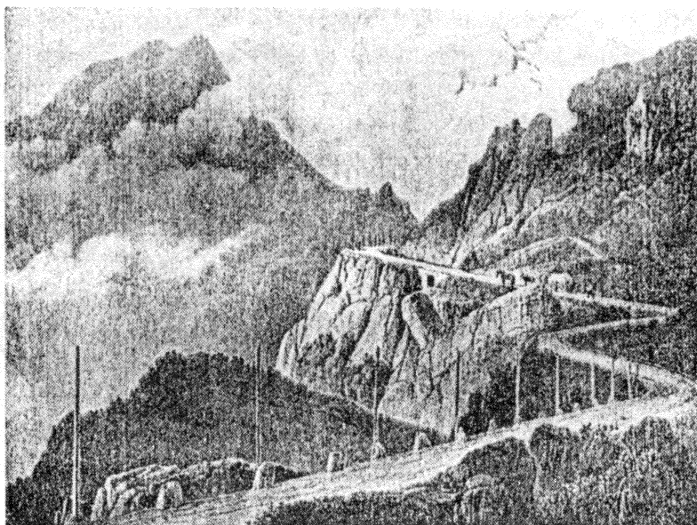
там оставались лишь немногие из тех старых городов; они были вполне христианскими, а старые языческие храмы там были уже в руинах. Все три юрских отца родились неподалеку от одного из этих городов. Св. Евгенд, как утверждает “Житие” (гл. 119), родился недалеко от Изернори, где был расположен важный языческий храм, посвященный богу Меркурию, бывший частично разрушенным (его руины можно видеть еще сегодня), и был земляком препп. Романа и Лупикина, которые, по всей видимости, родились либо здесь, либо в близлежащей деревне.

Преп. Роман был старшим братом преп. Лупикина и первым удалился в пустыню. Он родился, вероятно, в последнем десятилетии IV века, почти одновременно с преставлением свят. Мартина... “Прежде него ни один монах в этой провинции не посвящал себя ни отшельнической жизни, ни общежитию” (гл. 5). О его приуготовлении к монашеству “Житие” говорит лишь следующее: “Прежде избрания монашеской жизни он уже знал достопочтенного Савина, авву монастыря Конфлюэнца Лионского и его требующий многих усилий устав, и жизнь его монахов. Затем, как пчела, собрав нектар с цветов совершенств каждого из них, он возвратился туда, откуда вышел” (гл. 11). Ничего более не известно о сем авве Савине, не известно также и какого из нескольких островных лионских монастырей, расположенных в слиянии (“confluence”) рек Соны и Роны, он был аббатом. Известно, однако, что Лион, расположенный примерно на триста километров вглубь страны от Марселя, уже в начале V века был монашеским центром: некий ученик свят. Мартина Турского, преп. Максим (чье краткое житие приведено свят. Григорием в его “Славе исповедников”, гл. 22) некоторое время жил в одном из этих островных монастырей; а о преп. Евхерии, авторе “Похвалы пустыне”, ставшем епископом Лионским около 434 г., известно, что он проводил время Великого поста в одном из сих монастырей в молитве, посте и писании книг. Исходя из информации, данной в “Житии”, преп. Роман мог быть в Лионе во время святительства св. Евхерия, хотя более вероятно, что он был там несколькими годами позже; в любом случае, он мог читать “Похвалу пустыне”, написанную около 428 г., прежде своего удаления в пустыню. Причина его ухода в

Лион была, вероятно, проста: скорее всего, это был ближайший монастырь к его дому, находившийся не более, чем в ста пятидесяти километрах от Юрских гор и связанный с ним рекой Роной и ее притоками.

Не установлено, стал ли преп. Роман монахом в сем монастыре, только известно, что свои монашеские познания он получил там. И затем “из сего монастыря... он взял книгу Житий свв. Отцов и замечательные постановления старцев” (гл. 11). Первая книга была несомненно одним из популярных тогда латинских рассказов о египетских отцах, а вторая кассиановыми “Постановлениями”. В них-то, а также в практическом знакомстве с монашеством под руководством аввы Савина, заключалось все необходимое ему теоретическое основание монашеской жизни.

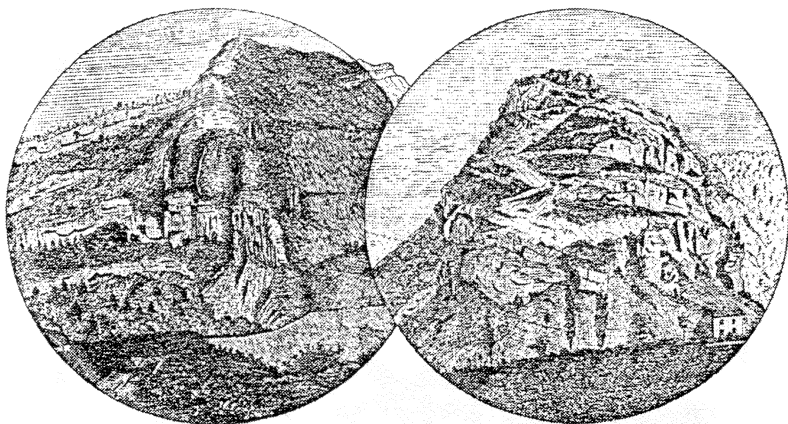
Он расположился не в каком-либо отдаленном месте, а в пустыне, близкой к его дому. Чего он надеялся добиться этим? Почему он не остался в благоустроенной монашеской общине или не стал искать другую, такую, как, например, Лерины, известную своими старцами? Все в житии преп. Романа свидетельствует о том, что у него, кажется, не было религиозного “романтизма”, то есть: он не мечтал о дальних странах, “идеальных монастырях” или “святых старцах”. Он думал лишь об одном: как на твердом основании азбуки духовной жизни и строгого монашеского делания спасти свою душу и приготовить себя для Царства Небесного. Простое христианское воспитание подготовило его к этому: “Он не был светски образован, зато был на редкость одарен чистотой, беспримерным милосердием до такой степени, что в детстве никто не видел его за детскими проказами, а в зрелые годы поработленным человеческими “страстями” или “узами брака” (гл. 5). Этот простой деревенский парень с гор, чье сердце однажды в зрелые годы воспламенилось идеалом христианского совершенства и которому довелось узнать основные принципы монашеской жизни, не раздумывая, а пошел и осуществил то, чему он научился в ближайшем подходящем месте. И таким образом, “около 35 лет от роду, плененный безлюдными просторами пустыни, оставив своих мать, сестру и брата, он отправился вглубь юрских лесов неподалеку от своего дома”. (гл. 5) Действительно, место, где он в результате

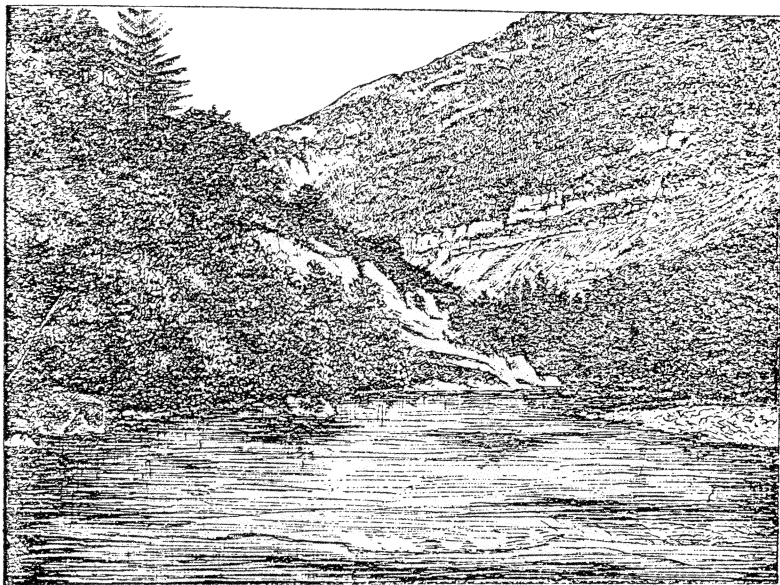
Путь в Юру.

Водопад в Юре.

Две впечатляющие скалы в Кондадиско
— Ле Байярд и Ле Шабо.

Река Вьенна как раз под Кондадиско.

поселился, находится примерно в 30 километрах по прямой линии от его родного города Изернори — достаточно близко для того, чтобы быть впоследствии обнаруженным такими же бесстрашными натурами, как он сам и в то же время достаточно далеко, чтобы быть вполне удаленным и недостижимым для мира.

“Скитаясь во всех направлениях по этим лесам, вполне подходящим и удобным для его образа жизни, он, наконец, нашел вдалеке среди долин, окруженных утесами, открытое место, подходящее для земледелия. Там крутые склоны трех гор немного расступаются, оставляя между собою ровное место довольно широкой. Поскольку русла двух потоков воды сходятся в том месте воедино, образовавшийся таким образом необычный речной берег скоро получил в народе название Кондадиско” (гл. 6). Кондадиско (“Condad” по-французски происходит от кельтского слова, означающего “слияние” или “место слияния” — ныне город Сен-Клод, названный в честь епископа, бывшего настоятелем монастыря в VII веке, расположен в слиянии рек Биенны и Гакона, притоков Роны, оставался монашеской общиной вплоть до 18 века.

“Новый жилец в поисках жилища, отвечающего его горячему желанию подвигов, обнаружил на восточной стороне у подножия скалистой горы самую густую пихту, которая, образовав из своих ветвей круг, укрыла ученика Павла, как прежде пальма укрыла одного Павла” (гл. 7). Упоминая пальму, служившую, по “Житию Павла” первого отшельника блж. Иеронима (гл. 5), жилищем первому монаху Египта (преп. Павлу Латрскому — пер.) и называя преп. Романа “учеником Павла”, автор “Жития юрских Отцов” показывает восточные корни галльского пустынножительства, а лесная пихта в противоположность пустынной пальме показывает иные, западные местные условия одного и того же монашеского подвига. Та “скалистая гора” известна ныне как “Ле Байярд”, возвышающийся над Сен-Клодом.

“Так пихта снабдила его против летнего зноя и холода дождей вечнозеленой крышей... Вдобавок там росло несколько диких кустов, дававших свои ягоды, кислые, без сомнения, для сластолюбца, но сладкие для тех, чьи чувства суть в покое... Если бы кто-нибудь с безрассудной смелостью решил пересечь эту

бездорожную глухомань, невзирая на густоту леса и груды валежника, весьма высокие гряды гор, где живут олени, их крутые ущелья навряд ли позволят такому человеку, пусть даже крепкому и проворному, совершить сие путешествие” (гл. 8, 9).

В сем диком и недоступном месте преп. Роман поселился для подвижнического монашеского жития, решившись никогда не оставлять его. Будучи делателем, а не мечтателем, он не надеялся полностью удовлетворять ежедневную потребность в пище из того, что может дать лес, а принес с собой минимум необходимого для маленького огорода. “Принеся с собой семена и мотыгу, блаженный начал на сем месте, предаваясь в то же время усердно молитве и чтению, удовлетворять потребности скромного существования трудом рук своих, согласно монашеским правилам. Он обладал великим достатком, ибо ни в чем не имел нужды; его милостыня была в том, что он не имел ничего, что бы откладывать для бедных; его нога не ступала за пределами его убежища; он не возвращался более в свой дом; как истинный отшельник, он работал лишь столько, чтобы обеспечить свое существование “(гл. 10).

Что за урок и что за обилие вдохновения для новоначальных монахов нашего века! При современных средствах общения сама идея скрыться от глаз мира едва ли не совсем забыта, и прожить всю жизнь на одном месте — неслыханно. Впоследствии преп. Роман путешествовал по монастырским делам через все Юрские горы даже до Женевы и далее (путешествие не более чем в сто пятьдесят километров), зато его ученик, преп. Енгенд, подал совершенный пример монашеского постоянства: со времени своего прихода в Кондадиско в возрасте 7 лет и до самой смерти, последовавшей более чем 50-ю годами позже, он ни разу не покидал монастыря (гл. 126). Если мы не умеем сегодня подражать такому постоянству, то будем хоть понимать его важность: Христианство на практике — и монашество в особенности — есть то, чтобы стоять на одном месте и от всего сердца подвизаться о Царствии Небесном. Можно быть призванным делать дело Божие где угодно или быть носимым с места на место неизбежными обстоятельствами, но без главного и глубокого желания претерпеть все ради Бога на одном месте,

не бегая туда-сюда, едва ли можно пустить корни, необходимые для принесения духовного плода. К сожалению, при современной простоте коммуникаций можно сидеть на одном месте и заниматься по-прежнему всем, кроме единого на потребу — чьими-нибудь делами, всеми церковными сплетнями, но не напряженным трудом, необходимым для спасения собственной души в этом злом мире.

В знаменитом месте своих “Постановлений” преп. Кассиан предупреждает современных ему монахов, “...что монаху всячески надобно избегать женщин и епископов. Ибо если однажды вовлекут его в знакомство с собою, то ни тот, ни другая уже не допустят ему более иметь покоя в келье или заниматься богомыслием, созерцать чистыми очами святые предметы” (XI, 17). Женщины, конечно, искушают плотскими помыслами, а епископы помыслами о рукоположении в священный сан и тщеславием от знакомства с высокопоставленными лицами. Сегодня это предостережение остается своевременным, но для монахов нашего века можно прибавить и следующее: избегай телефона, путешествий и сплетен — тех форм общения, которые больше всего связывают с миром — ибо они охлаждают твой пыл и делают тебя даже в твоей монашеской келье игрищем мирских похотей и страстей!

“На сем месте подражатель Антония, древнего отшельника, долгое время наслаждался ангельским житием и зрением помимо небесных видений лишь диких зверей и изредка охотников. Но затем его достопочтенный брат Лупикин, младший по рождению, но скоро сравнявшийся с ним святостью, извещенный ночью во сне своим братом, оставил ради любви Христовой тех, кого ранее уже оставил блаженный Роман, своих сестру и мать, и с горячим желанием достиг обители своего брата и принял его образ жизни... В сем смиренном гнезде, в сем глухом уголке пустыни эти двое зачали, наитием Слова Божия, духовное потомство и распространили вскоре повсюду, по монастырям и церквям Христовым плоды своего девственного чревоношения” (гл. 12). Так, с прибытием второго брата, сформировалась община, и весть об этом скоро достигла других. Первыми, кто присоединился к ним, были два юных клирика (вероятно низших

степеней, чтецы или иподиаконы) из Ниона, близ Женевы, и сразу же “колыбель святых”, пихтовое дерево, оказалась мала для них, и было воздвигнуто первое здание. Они обосновались недалеко от дерева на некоем холме с пологим склоном, где ныне находится в память о сем часовня, предназначенная для иноческих молитвословий; срубив топором и с величайшим тщанием отшлифовав несколько древесных стволов, они соорудили хижины для себя, а также другие для тех, кто пришел бы к ним” (гл. 13). Место расположения этой часовни ныне занято собором XIV века в Сен-Клоде.

С того времени община стала быстро расти, а также стали приходить паломники из мира. “Множество верующих покидало мир, чтобы последовать ради Господа призыву к самоотречению и совершенству. Некоторые приходили сюда посмотреть на чудеса этого нового общества и рассказать, вернувшись домой, о его добром примере. Другие приводили сюда одержимых демонами, чтобы молитвы святых по их вере исцелили бы их; приносили также душевнобольных и расслабленных. Большинство этих больных по возвращении здоровья возвращались к себе домой, но иные оставались в монастыре... Происшедшее от двух основателей святое братство... развивалось в единении веры и любви... Размножившись, это божественное племя наполнило не только отдаленные области провинции Секуань, район Юры, но также и многие далеко отстоящие земли церквями и монастырями” (гл. 14-16). Мы знаем об одном из паломников в Юру из писем знаменитого епископа Клермонского (город, где родился свят. Григорий Турский) Сидония Аполлинария. В письме к некоему Домнулу, писанном около 470 г., он, мимоходом упоминая юрские монастыри, отмечает славу, которой они пользовались в Галлии: “И теперь, если только не удерживают тебя монастыри Юры, куда ты любишь забираться, как бы в предвкушении небесных обителей, это письмо должно достигнуть тебя...” (O.M. Dalton, *The Letters of Sidonius*, Oxford, 1915, книга IV, 25).

В 444 году (единственная точная дата в Житии) свят. Иларий Арльский (сам ученик преп. Гонората Леринского)

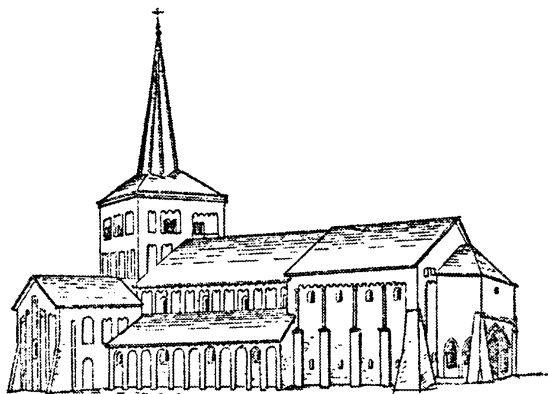
путешествовал через Юру в Безансон в связи со своим знаменитым спором со свят. Львом Великим.* Слышав о славе препп. Романа и Лупикина, “он вызвал блаженного Романа к себе в некое место неподалеку от Безансона через посланного с сею целию клирика. Восхвалив в пышной речи его рвение и образ жизни, он почтил его саном священства и с честью отпустил назад в монастырь” (гл. 18). Это было, вероятно, по прошествии примерно 15-16 лет с того времени, как преп. Роман избрал отшельническую жизнь, когда ему должно было быть около 50-ти лет. Римско-католические исследователи обычно считают, что в монастыре к тому времени уже было некоторое число священников, ориентируясь на позднейшую латинскую практику. Но мы должны вспомнить, что монашеское вдохновение юрских отцов идет с Востока, где было много монастырей вовсе без священников. Так, например, в знаменитом монастыре преп. Саввы Освященного было более 150 монахов прежде, чем там появился единственный священник, а сам преп. Савва, младший современник преп. Романа, был прозван “Освященным”, потому что имея священный сан, он был достопримечательным исключением среди монахов и даже игуменов. Как и преп. Роману, ему было около 50 лет, когда епископ принудил его принять рукоположение и стать первым священником в его братстве. Около сорока лет спустя преп. Евгенд даже после того как стал аббатом, упорно сопротивлялся возведению в сан священника: “Часто он по секрету говорил мне, что игумену лучше было бы по причине честолюбия молодежи управлять братией не будучи облаченным священством, не будучи связанным этим достоинством, которого не должно искать людям, обрекшим себя на отречение от всех благ мира и даже от себя самого. “Кроме того, — прибавлял он — мы знаем также многих отцов, которые уже доведя до совершенства незначительность своего положения,

*Спор был относительно церковной юрисдикции: св. папа Лев не признал низложения некоего епископа свят. Иларию, считая, что последний тем самым узурпировал права, но не его как Папы, а митрополита Галльской провинции Виенны, каковым тот не являлся. Этот случай иллюстрирует отсутствие т.н. “папского примата” в его нынешнем римско-католическом понимании в древние века даже на самом Западе. — Ред.

были в глубине души тайно переполнены гордостью от священнического служения...” (гл. 133, 134). Преп. Лупикин никогда не принимал священства, даже после смерти преп. Романа, когда он был аббатом над братией свыше 20 лет. Более чем вероятно, что преп. Роман, в полном соответствии с восточной традицией, был первым священником, и что прежде его посвящения литургия могла служить в оратории (часовне) по весьма редким случаям, когда бы приходил приходской священник. Преп. Евгенд сам был сыном возможно ближайшего, при жизни преп. Романа, священника из Изернора (гл. 120). Мирские иереи на Западе в то время, нужно заметить, могли быть женаты, тогда как епископы обязывались, если избиралось женатое лицо, оставить своих жен по посвящении.

“Затем, облеченный священством, преп. Роман возвратился в монастырь, но помня свой первоначальный обет, он придавал в своем монашеском смирении так мало значения почету, сопутствующему должности клирика, что хотя в торжественные дни братия и могли заставить его занять надлежащим образом главенствующее место, когда они собирались для священнодействия, в другие дни монах среди монахов, он не позволял себе как-либо внешне проявлять высокое достоинство этого сана” (гл. 20). Это место, кажется, может указывать также и на то, что литургия в традиции восточных лавр служилась в Кондадиско не каждый день, а, вероятно, лишь по воскресеньям и праздникам.

С умножением братии было основано несколько новых монастырей, все под общим управлением двух братьев. “Местность, где располагалась община Кондадиско с этого времени стала недостаточной, чтобы обеспечивать потребности не только толп приходящего народа, но даже и самой братии. Разбросанная по холмам и склонам гор, среди скалистых утесов и гряд, размываемая частыми потоками воды, каменистая почва плохо подходит для земледелия, которое здесь весьма затруднено и ограничено по причине скудости полей и бедности урожая. Если зимние морозы не просто покрывают, а совершенно засыпают все вокруг снегом, то зато весной, летом и осенью либо почва перегревается отраженным от окрестных скал зноем, горит как

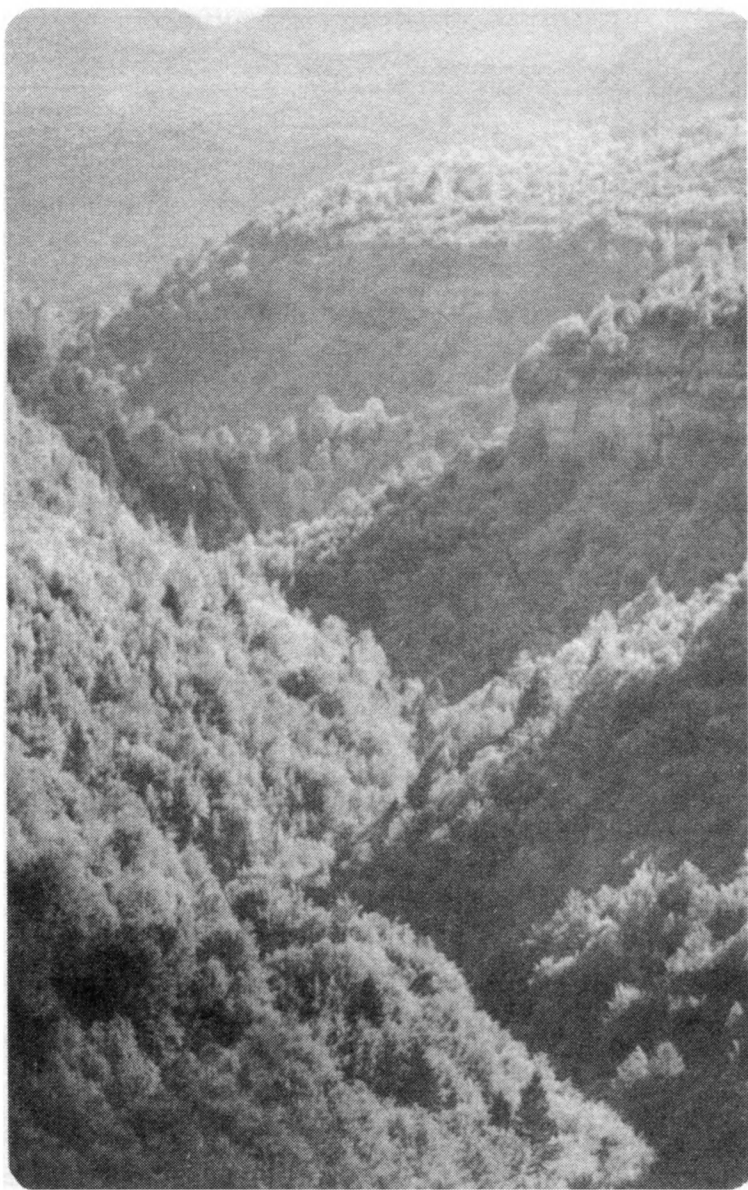
Церковь в
Романмутьер —
монастырь преп.
Романа.

огнем, либо же нескончаемые проливные дожди уносят в стремительных потоках не только подготовленную для земледелия почву, но часто также необработанную и твердую, вместе с травой, деревьями и кустарником... Так, в своем желании в какой-то мере избежать этого бедствия, преподобные отцы в соседних лесах, не вполне лишенных мест менее неровных и более плодородных, валили пихты, выкорчевывали пни... и делали поля, чтобы сия пригодная для обработки земля могла восполнять скудость насельников Кондадиско. Каждый из двух монастырей подчинялся власти обоих аббатов. Однако отец Лупикин жил по большей части в Лауконе — так называется это место — и ко времени кончины блаженного Романа там было не меньше 150-ти человек братии, находившихся в послушании собственно у него” (гл. 22-24). Теперь на месте этого второго монастыря Юры, расположенного несколькими километрами западнее Кондадиско, где та же самая река Биенна вырывается из глубокого ущелья на равнину, находится деревня Сен-Люпицин, где еще и сегодня сохраняются мощи преп. Лупикина. Свят. Григорий Турский в своем Житии преподобных упоминает третий монастырь, основанный братьями “на территории Алеманнии”, обычно отождествляемый с монастырем Романмутьер (по-латыни “Романов монастырь”) в Швейцарии в 45 милях к северо-востоку от первоначального монастыря. Вдобавок к сим главным монастырям по горам были разбросаны многочисленные кельи и пустыньки, превратившие Юру в подобие “Галльской

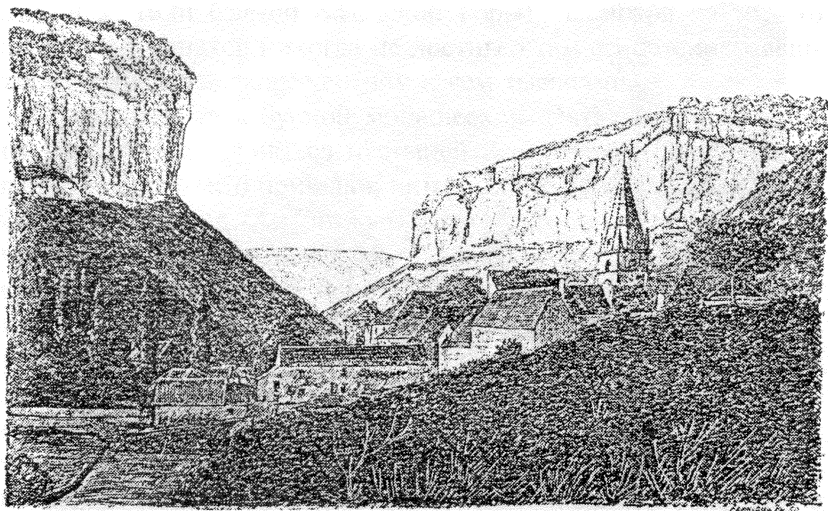
Фиваиды” (или Святой Афонской Горы), несмотря на то, что количество монахов никогда не достигло там египетских масштабов, исчисляясь скорее сотнями, чем тысячами.

Среди всей этой бурной монашеской деятельности женщины также стали пленяться пустыней и примером преподобных братьев: первой, кто пришла к ним, была сестра святых — Иола. Как некогда преп. Антонию и Пахомию для своих сестер (а позже свят. Кесарию Арльскому для своей сестры Кесарии), первоначальникам юрского монашества надлежало устроить монашескую общину для своей сестры и последовавших за ней в пустыню жен: “Неподалеку оттуда, на высоком крутом обрыве с господствующей над ним естественной скалой и ограниченным каменным сводом, скрывавшим в себе обширные пещеры, святые, согласно традиции, положили — будучи движимы отеческим расположением — начало общине дев, и приняли на себя попечение о живущих на сем месте 105 монахинях... Здесь блаженные отцы построили базилику, которая не только принимала в себя мертвенные останки дев, но также удостоилась чести содержать в себе гроб самого подвижника Христова — преп. Романа. Столь велика была строгость обычаев сего монастыря, что отрекавшуюся в нем от мира деву, уже никогда не видели вне его, покуда ее не сносили в гроб” (гл. 25, 26). Об этом монастыре известном как “Ля Бальм”, впоследствии ничего не было слышно, очевидно он был разрушен во время набегов варваров в V-VI вв. Это была, возможно, первая на Западе женская община в “пустыне”, раньше женские монастыри основывались в городах или поблизости от них. Впоследствии неподалеку была основана мужская община, и в настоящее время ее местоположение примерно в пяти километрах к юго-западу от Сен-Люпицина, также на реке Биение, рядом с городом Сен-Ромен-де-Рош, где мощи преп. Романа по сю пору пребывают в приходской церкви. В последующие столетия была и другая женская община в Юре, в Невилль-лес-Данс, зависимая от Кондадиско, возможно, преемственная по отношению к монастырю преп. Иолы.

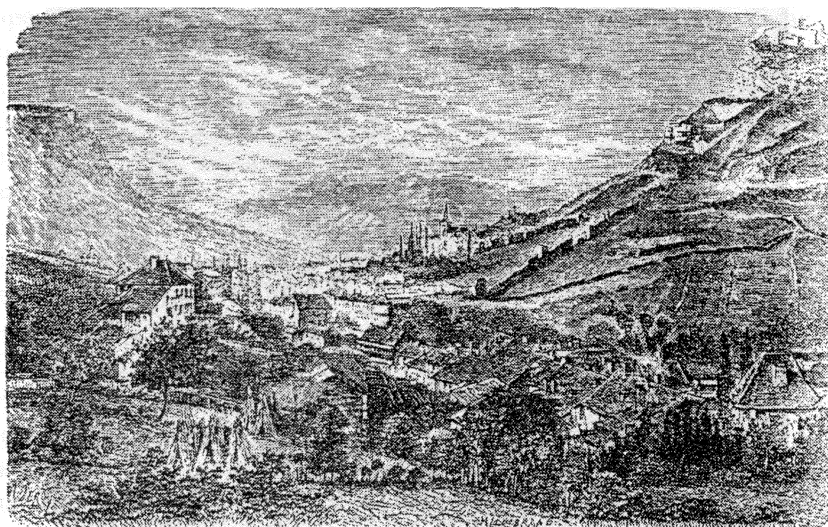
Остальная часть жития преп. Романа — первой из трех частей “Жития юрских Отцов” — посвящена чудесам святого,

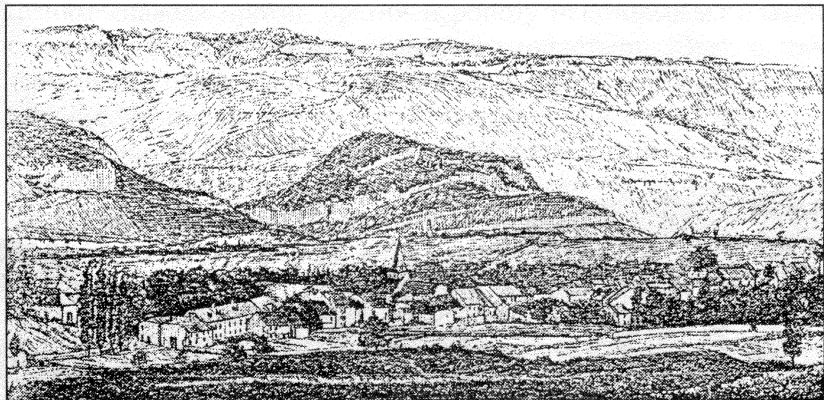
Ущелье реки Вьенны.

Утесы обители преп. Иолы — вид в более позднее время.

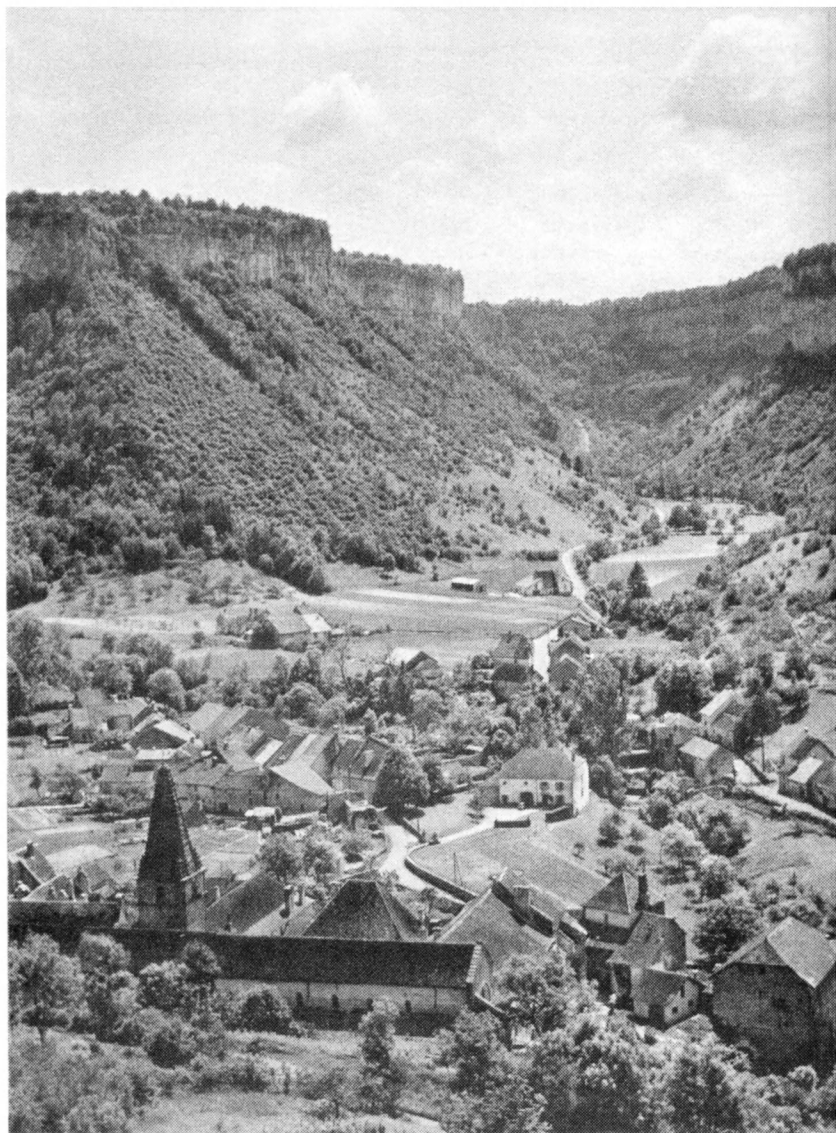
Салэн — соледобывающий городок в Юре,
куда часто ездили монахи.

Село Сен-Луикин,
где располагался монастырь Люкон.

Ля Бальм — скалы, на которых была построена
обитель преп. Иолы.

Современный вид скал обители преп. Иолы.

козням диавола против братии и ропоту некоторых из братии, когда они начали считать чудесные монастыри Юры частью церковной “организации”. Все сие описано в терминах, весьма близких читателям житий восточных Отцов, и кое-что из этого пересказано свят. Григорием Турским в его житии братьев, хотя очевидно по причине многих различий, что это житие не было его главным источником, если вообще было ему знакомо.

В одном месте “Жития юрских Отцов”, когда один из старших монахов укоряет преп. Романа, что тот слишком многих принимает в монастырь и не делает тщательного отбора, автор пользуется случаем, приводя ответ преп. Романа, описать нечто из того монашеского духа, который прививал Преподобный братии, а также некие из монашеских искушений, которым братия подвергались. Преп. Роман отвечает старцу: “Скажи мне, о ты, который желаешь, чтобы у нас была такая маленькая община: способен ли ты среди всей братии, которых видишь вокруг себя в нашей общине, произвести отбор и разделение, чтобы образовать две группы, о которых ты говоришь, как если бы, испытывая одного за другим, ты мог в совершенстве отделить прежде их смерти выявленных святых от беспечных?.. Разве ты не видел здесь некоторых монахов, ревностно предавших себя жизни по правилам, которые впоследствии, постепенно уклоняясь в теплосты, попрали их? Сколько раз также братья уходили из общины под воздействием противоположного порыва! И из сих последних, сколь много раз видели мы того или иного брата паки оставляющего мир и приходящего к нам и один, и два, и три раза, и несмотря на это, снова находящего мужество упорно добиваться лавров победителя в звании, которое было так давно оставил! Некоторые также, не навлекая на себя упрека, вернулись, но не к своим порокам, а в свои родные земли и соблюдали там наш устав с такой любовью и ревностью, что будучи возведены на степень священства избранием и любовью верных, они управляют с великим достоинством монастырями и церквями Христовыми... И не видел ли ты совсем в собственном нашем монастыре, что случилось с Максентием? После того, как он возложил на себя подвиги и лишения неслыханные в Галлии, с постоянными бдениями, после того, как

показал неослабное усердие в чтении, — поддавшись уговорам страсти гордости, он стал добычей сквернейшего из демонов и своим безумием и неистовством далеко превзошел тех, о ком лишь недавно имел попечение, когда его могущество было плодом его заслуг: связанный ремнями и веревками теми, кого он некогда исцелил силой Господней, он был в конце концов освобожден от злого духа помазанием святым елеем. Посему познай, что это — та же самая гордость, навеваемая диаволом, тайно подстрекающим тебя, и что твой случай не сильно разнится от Максентьева” (глл. 29, 32-34).

“Житие юрских Отцов” рисует нам двух братьев обладающих различными, но дополняющими друг друга добродетелями: “Оба Отца превосходили один другого взаимодополняющими качествами, необходимыми в искусстве руководства и управления. Ибо если блаж. Роман был весьма милостив ко всем с совершенной невозмутимостью, то его брат был более строгим, как поправляя и наставляя других, так, в первую очередь, и к себе самому. Роман, когда всякая надежда на прощение уже иссякала, мог неожиданно проявить снисхождение к виноватому; тогда как другой, боясь, чтобы малые грехи повторяясь, не окончились великими, укорял с великой горячностью. Роман не накладывал на братию больших лишений, чем их собственная воля желала бы принять; тогда как Лупикин, прилагая собственный пример ко всем, вовсе не позволял уклоняться от того, что помощь Божия делала посильным” (гл. 17). Строгости преп. Лупикина описаны гораздо подробнее (глл. 63-67), чем в житии свят. Григория.....

Под конец своей жизни преп. Роман предпринял самое дальнейшее путешествие из описанных в его житии — паломничество к месту мученической кончины св. Маврикия и Фивского Легиона, пострадавших в III в... “В горячности своей веры он решил идти в Агаунум к базилике святых — я лучше скажу, в лагерь мучеников, — согласно свидетельству, представленному рассказом об их страдании” (гл. 44). Первым повествованием о мученичестве этих святых был рассказ преп. Евхерия Лионского, который преп. Роман несомненно читал. В этом путешествии около Женевы имел место случай с прокаженными, упоминаемый

свят. Григорием.* Организация настоящего монастыря в Агаунуме (в отличие от отдельных келий вокруг базилики, как было во времена преп. Романа) датируется первыми годами VI века, когда устав “неусыпающих” (по-латыни “*laus perennis*”, непрерывное пение псалтири) был перенесен туда из Константинополя. Монастырь Кондадиско в это время послал туда сто монахов для образования одного из девяти хоров, сменявших друг друга в псалмопении.

Кончина преп. Романа случилась в основанном им женском монастыре, куда он пришел попроситься со своей сестрой (гл. 60); это было около 460 г. Свят. Григорий в своем Житии святых не упоминает женский монастырь, вероятно потому, что его уже не было в его время, но упоминает погребение преп. Романа вне его монастыря, где женщины имеют доступ к его мошам.

Среди братии, наставляемых в монашестве двумя святыми, царило прежде всего абсолютное единодушие, основанное на самопожертвовании — понятие, центральное для православного монашества, будь то Восток или Запад. “Согласно обычаю апостольских времен, абсолютно никто не мог сказать: “это мое”. Различие одного от другого заключалось лишь в обладании тем или иным именем без внимания к состоянию или происхождению. Довольствуясь своей нищетой, они проявляют единодушие в любви и вере с такой горячностью, что если какой брат должен будет по порученному ему делу выйти на улицу в холодную погоду или если только что вернется весь вымокший под зимним дождем, то каждый с готовностью отдает свое самое удобное и сухое платье и скинет с ног обувь, чтобы согреть и успокоить тело брата прежде, чем он сам подумает о себе” (глл. 112-113).

Преп. Лупикин управлял монастырями около 20-ти лет по смерти преп. Романа и почил в глубокой старости, до самого конца пребывая в суровейших лишениях. (В последние моменты

*Застигнутый в пути темнотой, он свернул с дороги в сторону и попал в маленький приют для прокаженных, где собственноручно умыл им ноги и разделил с ними трапезу. Когда во время ночной молитвы он коснулся рукой одного из них, то заметил, что тот исцелел. Тогда Преподобный стал прикасаться к каждому из них, а когда настало утро — увидел их всех очистившимися. Возблагодарив Бога, он продолжил свой путь.

своей предсмертной болезни он отказывал себе в утешении малым количеством меда с водой). Он был погребен в монастыре Лавкон, где в 1689 г. часть его мощей была открыта вместе с возможно первоначальной надгробной плитой, и где они почивают до сего дня в приходской церкви Сен-Люпицина.

Третий из великих юрских Отцов, преп. Евгенд, сыгравший столь большую роль в развитии монашества на Западе, был отдан в монастырь своим отцом, приходским священником, при жизни преп. Романа и, как уже было сказано, не покидал его вплоть до своей смерти, последовавшей, когда ему было уже за 60 лет, около 513 года.

В монастыре “он стяжал прочные познания не только в латинских книгах, но также и в греческой риторике” (гл. 126). Если преп. Евгенд действительно знал греческий язык, то это было редкостью для Галлии V века; но в любом случае очевидно, что связь с греческим Востоком была еще очень сильна в юрских монастырях того времени, хотя бы восточные Отцы и читались скорее всего в латинских переводах. Мы знаем, что ежедневное чтение в трапезной (обычай, введенный преп. Евгеном, “последуя древним Отцам” и в частности свят. Василию (гл. 169); тогда как во времена препп. Романа и Лупикина хранилось традиционное для египетских монастырей молчание включало в себя “постановления”, провозглашенные в прежнее время святым и знаменитым Василием, епископом столицы Каппадокии, или постановления святых леринских Отцов, или св. Пахомия, древнего игумена сирийцев, или же изложенные совсем недавно достопочтенным Кассианом” (гл. 174). Если преп. Роман начал свою монашескую жизнь всего с одной или двумя книгами, то очевидно, что его наследники имели уже хорошо укомплектованную святоотеческую библиотеку!

В своем подвижничестве преп. Евгенд придерживался строгих правил своих предшественников: бдения его были удивительны, и ел он однажды в день “иногда днем, вместе со всеми, когда он бывал утомлен, иногда же вечером вместе со вкушавшими вторую трапезу монахами” (гл. 131). У него было лишь одно платье, которое он носил, покуда оно не изнашивалось

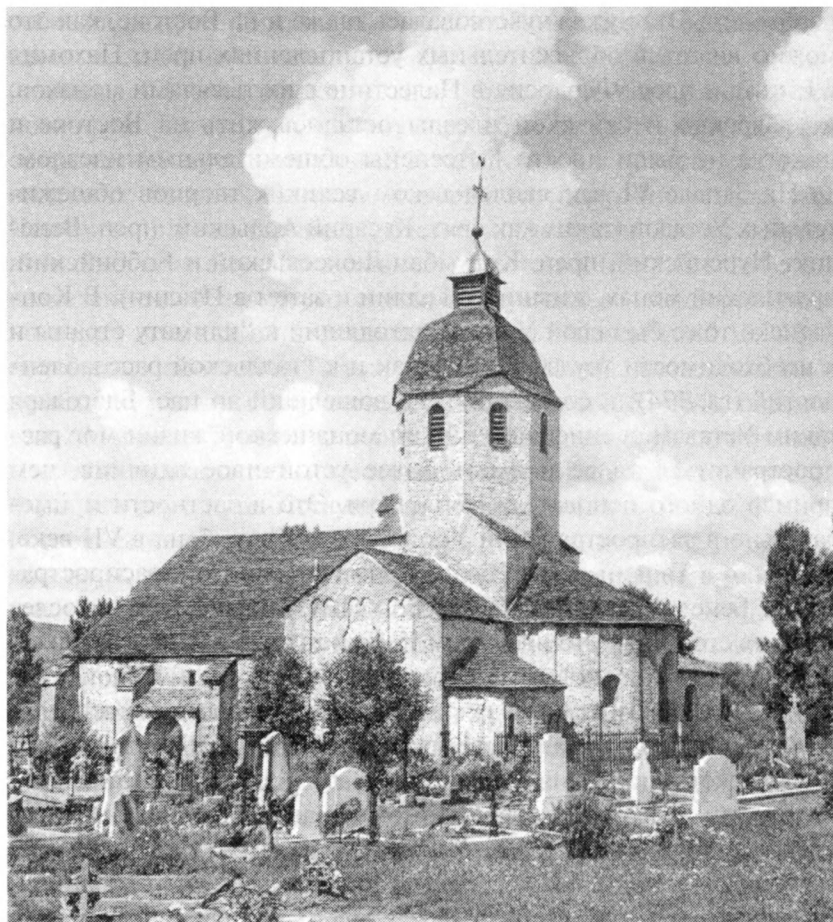
(гл. 127), а обувь его была “жесткой и грубой, по образу древних Отцов. Голени его были обвязаны обмотками, а ступни — в сандалиях. Но к службам утрени и часов он приходил всегда, даже в самые лютые морозы или когда все было покрыто снегом, не имея на своих обнаженных ногах ничего, кроме деревянных калош на галльский манер. Такой же была его обувь и когда, весьма часто, в утренние часы он далеко ходил по снегу, чтобы посетить братское кладбище и помолиться там” (гл. 129). Подобно препп. Роману и Лупикину, он был чудотворцем, и слава его была столь велика, что в течение столетий город, выросший вокруг Кондадиско носил его имя (Сен-Ойенд по-французски). Там было так много паломников, что они, “казалось превышают числом множество монахов” (гл. 147).

Преп. Евгенд руководил монахами с величайшей рассудительностью и мудростью: “Он прилагал всяческую заботу, чтобы определить каждому монаху те функции или дела, к которым он находил их более наделенными дарами Святого Духа. Так миролюбивому и кроткому брату давалось такое послушание, где преимущества его кротости и терпения не сводились бы на нет горячностью его нетерпеливого товарища. Находил ли других, отмеченных порокам гордости и тщеславия? Он не позволял им жить отдельно из опасения, что надмившись губительным чувством, они могут пасть еще ниже в более серьезные вины, даже не сознавая своих грехов и пороков, несмотря на повторяемые публичные выговоры. Узнавал ли он, между тем, что некие братья, поддавшись человеческой слабости, подверглись нападкам мучительной печали? Он неожиданно и намеренно показывал такую необычайную веселость и радость, согревал сердце несчастных словами столь святыми и сладостными, что последние, очистившись от губительнейшего яда печали, находили себя исцеленными от своего горького пессимизма, как бы помазанием каким целебным елеем. Но те монахи, чье поведение было чересчур вольным, те, кто был слишком легкомысленным, всегда находили в авве больше резкости и суровости” (гл. 149-150).

В период аббатства преп. Евгенда имело место некое событие, произведшее целую смену эпох в западном монашестве.

Случившись около 500 года, оно стало как бы водоразделом между менее организованным, полуотшельническим монашеством лаврского типа IV и V столетий, весьма зависевшего от личных качеств своих великих первоначальников (свят. Мартина, преп. Гонората, препп. Романа и Лупикина) и более строгого общежительного монашества VI и последующих столетий. Этим событием было полное разрушение во время пожара монастыря Кондадиско. “Поскольку он был построен из дерева и не только состоял из вплотную примыкающих друг к другу келий, но и был надстроен вторым ярусом, то столь внезапно обратился в пепел, что к следующему утру не только ничего не осталось от зданий, но и сам огонь почти совсем затух” (гл. 162). В то время в монастыре было столько монахов, что не будь даже пожара, восточный лаврский идеал монаха, живущего в своей особой келье, стал на практике неосуществим: кельи вместо того, чтобы отстоять друг от друга на известное расстояние (на бросок камня, по позднему описанию скитского идеала русским отцом, преп. Нилом Сорским), кельи скорее врастали одна в другую. Посему преп. Евгенд, восстанавливая монастырь, ввел в нем более строгий общежительный устав, скорее в духе преп. Пахомия, чем большинства других отцов монашества Востока. “Отказавшись следовать в этом примере восточных архимандритов, он решительнее подчинил всех монахов общему житию. По разрушении малых отдельных келий, он решил, чтобы все отдыхали вместе с ним в одном помещении: тех, кого общая трапезная объединяла уже для общей трапезы, он захотел объединить также и в общем dormitorio, где лишь постели были раздельными. Там была, как и в часовне лампада, светившая в течении всей ночи” (гл. 170).

Нельзя не пожалеть об исчезновении первой монашеской “неформальности” на Западе, но однако господство общежительного Устава было действительно неизбежным. Свят. Мартин с его 80-ю монахами мог жить в уединении Мармутьера как “восточные архимандриты” с братией в своих лаврах; возможно, даже несколько сот братии могли бы жить так в глуши Юрских гор. Но когда туда пришло множество новоначальных (возможно, около тысячи), строгий надзор за ними стал очевидно

Церковь св. Имет'ера,
где пребывают и святые мощи
сего подвижника VI века.

необходим. Эта нужда чувствовалась также и на Востоке, как это можно видеть в общежительных установлениях преп. Пахомия в Египте и преп. Феодосия в Палестине с их тысячами монахов; но лаврский и скитской идеалы остались жить на Востоке и никогда не были просто вытеснены общежительным идеалом.

На Западе VI век явился веком великих творцов общежительных Уставов (таких как свят. Кесарий Арльский, преп. Венедикт Нурсийский, преп. Колумбан Люксельский и Боббийский, ирландский монах, живший в Галлии и затем в Италии). В Кондадиско тоже был свой Устав, подходящий к “климату страны и к необходимости труда” так же, как и к “галльской расслабленности” (гл. 174); к сожалению, не дошедший до нас. Благодаря таким Уставам специфический тип монашеской жизни мог распространяться далее и иметь более устойчивое влияние, чем пример одного основателя монастыря. Это в частности примечательно в распространении Устава преп. Колумбана в VII веке, особенно в Галлии, и еще более примечательного в распространении Бенедиктинского Устава по всему Западу в VII и последующих столетиях. Ко временам Каролингов (IX-X вв). Устав св. Венедикта был основным даже в индивидуалистической Галлии. Таким образом, монашество выжило и было в относительно хорошем состоянии, но свежесть и “неофициальность” юного монашеского движения была тем самым в значительной степени утрачена. Когда в современном Православии монашество представляет собой столь незначительное и хрупкое явление, нет ничего удивительного, что нас притягивает скорее ранняя, “неорганизованная” его фаза на Западе, чем поздняя, “организованная”. Галлия VI века за редкими исключениями все еще сохраняла ранний индивидуалистический характер монашества, представленный по большей части отшельниками и пустынножителями, будь то в пустынных местах или же в городах.

В VI и последующих столетиях в Юре были монахами из Кондадиско основаны еще и другие обители: в таких городах как Гранво и Лак де Бонлю до сих пор сохраняются развалины этих монастырей. В селении Сен-Гиметьер близ города Антра все еще можно видеть одну из старейших, сохранившихся в Юре, церквей. Построенная в VII или VIII веке, она хранит в

себе мощи преп. Гиметьера, инока из Кондадиско, основавшего здесь пустынь в VI веке.

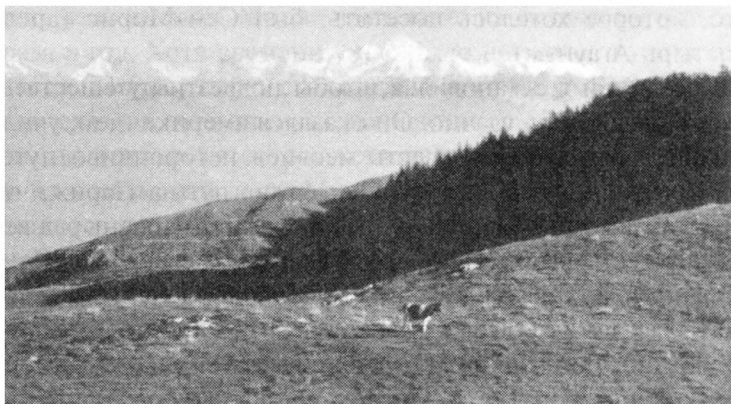
Автор “Жития юрских Отцов” был учеником и сотаинником преп. Евгенда, и потому способен открыть нечто из его сокровенной духовной жизни. В частности, он повествует о пяти видениях, бывших Святому, которые тот подробно описал ему. Сия суть: видение бывшее в детстве, когда препп. Роман и Лупикин показали ему его духовное потомство (глл. 121-124); его возведение в аббаты двумя святыми, случившееся непосредственно перед тем, как он действительно стал аббатом (глл. 135-136); посещение апостолов Петра, Андрея и Павла, возвестивших о прибытии частиц своих мощей из Рима (глл. 153-154); видение свят. Мартина Турского, пользовавшегося великим почитанием в юрских монастырях, известившего преп. Евгенда о том, что он охраняет двух путешествующих иноков монастыря (гл. 160); и последнее явление препп. Романа и Лупикина за пять лет до его кончины, ведущих его в ораторий на его погребении, в то время, как его монахи протестовали (гл. 176-177).

Самое длинное и наиболее детально описанное из этих видений вполне заслуживает сравнения с подобными же видениями в восточной агиографической литературе (например, видение птиц, означающих его духовное потомство, в житии преп. Сергия Радонежского): “Святый отрок в видении был поведен двумя монахами и поставлен перед входом в дом его отца таким образом, что он мог внимательно созерцать пристальным взглядом восточную часть неба с ее звездами, как некогда патриарх Авраам созерцал свое бесчисленное потомство. И ему было также сказано неким образным языком: “Такъ бѣдетъ стѣмъ твоѣ” (Быт. 15, 5). Немного спустя один некто появился здесь, другой там, иной на ином месте, покуда все растущее множество их не стало бесчисленным: они окружили блаженного отрока и преподобных отцов — вне всякого сомнения препп. Романа и Лупикина — которые духовно воздвигли его... Это было, как если бы огромный пчелиный рой, похожий на некий медоточный грозд, собрался вокруг них и заключил их в себе. И внезапно с той стороны, куда был устремлен его пристальный взгляд, Евгенд увидел как бы огромную дверь отверстую в небесную высь

и некий полого спускающийся к нему оттуда путь, окруженный светом и похожий на слегка наклоненную лестницу со ступенями из кристалла и ликами ангелов, облаченных в белое, и радостно поющих, идущих вместе с ним и его товарищами: они ликовали, хваля Христа, и в то же время, несмотря на все увеличивающееся число людей, священный страх Божий, поразивший их, не позволял кому-либо пошевелить устами, чтобы сказать нечто, или головой, чтобы подать знак. Мало-помалу, с осторожностью ангельские множества смешались со смертными; ангелы собирали сих земнородных, присоединяя их к себе и воспевая все ту же песнь, восходили снова к священным небесным обителям, также как и пришли.

Из этой песни святой отрок уловил лишь одну фразу, фразу из Евангелия, как он узнал годом позже, когда поступил в монастырь. Вот что чередующиеся хоры ангелов возглашали по образу антифонов, (я очень хорошо помню это, потому что Евгенд сам любезно открыл это мне): **“Азъ есмь пѣть и истина и животь”** (Ин. 14, 6). Затем это великое множество удалилось; усеянный звездами участок неба, который созерцал он довольно долгое время, тоже закрылся; отрок, видя себя одного на сем месте, очнулся и вздрогнул, и пораженный ужасом этого видения, немедленно поведал о случившемся своему отцу. Благочестивый священник сразу же понял, кому должен быть посвящен такой в высшей степени святой сын. Без промедления отец преподавал ему начальные знания, и в конце того же года Евгенд был поручен преп. Роману... В нем воистину слились воедино благодатные дарования, присущие блаженным старцам, духовно изведшим его из его земного пристанища, так что последующее поколение монахов уже сомневалось, спрашивая, на Лупикина ли более походит Евгенд или же на Романа”. (гл. 121-125).

В этом замечательном описании лестницы Иакова (Быт. 28, 12) тот же образ, что и преп. Евхерий использует в своей “Похвале пустыне”, описывая “невидимое посещение... ликующих ангелов, несущих неусыпную стражу над простором пустыни” (гл. 38) — автор “Жизни юрских Отцов” хорошо показывает духовный плод Кондадиско и галльского монашества в целом.

Паломничество в Юрские горы

Рассказ одного американского солдата, служившего в Германии и обращенного в Православие.

В день пророка Илии, 20 июля/2 августа 1976 года я начал свое паломничество к православным святым местам восточной Франции и Швейцарии. Оно началось в Висбадене в церкви праведной Елизаветы. Приехал в Висбаден на выходной, как часто это делаю. В этот день отец Марк служил вечерню и Божественную литургию в честь святого Пророка, а потом прочитал молитву на начало моего путешествия. Из Висбадена поехал я на близлежащую базу ВВС США во Франкфурте, где взял в аренду автомобиль. Мне не очень хотелось путешествовать одному, но, получив Божие благословение, я отправился.

Начал свое путешествие на следующее утро. Ехать по Германии очень приятно, поскольку вдоль дороги много мест, где можно отдохнуть и поесть. Когда доехал до Швейцарии, начался подъем в гору, и местность стала более живописной. Проехал через Берн, шоссе закончилось, и началось приятное путешествие по сельским дорогам вдоль швейцарских деревень. Их там множество, и все построены в характерном швейцарском стиле. Погода была теплая и ясная, что благоприятствовало моей поездке. Проехав Лозанну, я продолжил свой путь вокруг Женевского озера, направляясь к долине Роны. Первое святое православное

место, которое хотелось посетить, был Сен-Морис (древний монастырь Агаунум).

За Лозанной я остановился, чтобы подвезти путешественника, и это было очень удачно. Он оказался американцем, учился в Таиланде, но последние шесть месяцев неторопливо путешествовал через Азию и Европу. Он держал путь в Париж, чтобы оттуда лететь домой в Индиану. Я, конечно, был очень рад встретить соотечественника. Он двигался по направлению к Шамони во Франции и, поскольку нам было по дороге, было неплохо прокатиться вместе. Звали его Дэвид.

Дорога из Лозанны в Сен-Морис огибает северо-восточную сторону Женевского озера, а потом идет по долине Роны. Дорога вдоль озера прекрасна. Очень живописные горы, а речная долина усеяна фермами и деревеньками. Скоро мы доехали до городка Сен-Морис. Он расположен рядом с обрывистыми скалами; окружают его в основном поля фермеров. Мы без труда нашли аббатство по издали видневшейся колокольне. Припарковав машину, мы зашли в здание, примыкающее к церкви и спросили, говорит ли здесь кто-нибудь по-английски. Привратник, встретивший нас, говорил только по-французски, и с моим слабым знанием французского мы почти ничего не понимали. Он направил нас в церковь, и там мы нашли молодого человека, очевидно, готовящегося к вечерней службе. Он немного говорил по-английски и весьма нам помог. Выяснилось, что это был молодой священник общины каноников-августинцев, которая населила это место в 1128 году, когда каноники захватили аббатство. В результате реформ в римской церкви члены общины в основном носили мирскую одежду, за исключением времени церковных служб.

Мы прибыли слишком поздно, чтобы успеть на последнюю экскурсию по “Сокровищнице”, но молодой священник любезно разрешил нам посмотреть мощи и сокровища. Мощи св. Мориса, а также других святых наряду со многими древними экспонатами хранятся в специально сооруженном склепе. К сожалению, все это больше напоминало экспонаты в музее, чем святыни. Я набрался смелости и спросил о возможности приложиться к мощам (хранящимся под стеклом), но мне ответили,

что это невозможно. Мощи извлекают из склепа только один-два раза в год. Хотя времени у нас было немного, я успел помолиться св. Морису перед его мощами и помянул Ваше Братство.

Нам сказали, что один из священников общины был англичанин, но в то время он отсутствовал, и должен был появиться лишь на следующий день. Мне хотелось посмотреть больше, но становилось поздно, и я должен был подумать о том, где провести ночь. Дэвид (американский студент) направлялся в Шамони, как раз рядом с границей во Франции, и, поскольку он знал, где там можно остановиться недорого, я решил ехать на ночь туда.

Из Сен-Мориса мы поехали в Мартиньи, за которым начался подъем в гору. Дорога там очень крутая и живописная, особенно подъем из долины Роны. Мы пересекли французскую границу и вскоре доехали до Шамони, где поужинали и нашли недорогой приют для ночлега.

На следующее утро проснулись в тени Монблана, который величественно возвышается над этой местностью. Я планировал поехать обратно в Сен-Морис, надеясь встретить там английского священника и узнать от него подробнее об аббатстве. Оттуда собирался ехать в Женеву. Дэвид согласился поехать со мной, и я рад был его компании.

Несколько слов о Дэвиде. Это был молодой человек лет 20-21, среднего роста, с длинными светлыми волосами в модном тогда среди молодежи стиле. Во время его путешествий с ним произошло несколько интересных приключений. Не могу сказать, что он был особенно религиозен, но он был открыт вере и задавал мне много вопросов. Он был из протестантской семьи и не имел твердых убеждений, кроме некоторых самых общих знаний о Христианстве. К сожалению, он был заражен некоторыми идеями (вероятно, когда обучался в американской системе), которые можно назвать либеральными, и мы пару раз оживленно поспорили о них.

Когда вернулись из Шамони в Сен-Морис, смогли найти священника-англичанина, отца Фокса. Он был пожилой, хотя еще энергичный человек. Неодобрительно говорил о французском архиепископе Лефевре, который игнорировал папу по поводу латинской мессы и других реформ, введенных Ватиканом.

При этом я уловил нотку сожаления, когда отец Фокс упомянул, что службу в аббатстве сейчас поют на французском языке, а не на латыни, как это было примерно в течение пятнадцати предыдущих столетий.

Отец Фокс был очень дружелюбен. Я объяснил ему, зачем приехал, кое-что рассказал о “Православном слове” и о твоих планах напечатать некоторые сочинения свят. Григория Турского. Он весьма заинтересовался этим, немедленно пошел в библиотеку аббатства и снял с полки старый том латинской патрологии, содержащей работы свят. Григория. Позднее прочел немного из написанного Святителем, в котором упоминалось это аббатство.

Отец Фокс показал нам тропинку на утесе, ведущей к часовне, где когда-то, в VI веке, было убежище св. Амата. Подъем довольно крутой, но дорожка в хорошем состоянии, местами даже укреплена камнями. Очевидно, там регулярно молятся и там часто бывают паломники; когда мы дошли до часовни, там молилась монахиня. Рядом — маленький домик, так что, возможно, кто-то жил там даже в недавние времена.

Когда мы спустились с утеса, то снова встретились с отцом Фоксом, и он показал нам церковь аббатства. Эта церковь старая, но она не первая. Первоначальная церковь (очевидно, та базилика, которую посещал св. Роман), была построена прямо около скалы; все, что от нее осталось, это фундамент и под ним — подземная крипта. Отец Фокс рассказал нам, что при раскопках крипты они нашли древнюю фреску, которая, видимо под действием воздуха, исчезла буквально за несколько часов, но они успели до этого ее сфотографировать.

Главной целью всего моего визита в аббатство было посмотреть то место в крипте, где были мощи св. Мориса и других мучеников. Я попросил у отца Фокса кусочек камня с могилы, где были мощи, и, хотя он сперва сомневался, дал мне все же частичку скалы с того места, где были мощи св. Мориса и еще один кусочек с одного места в небольшом расстоянии от первого, где были другие мощи.

Выехав из Сен-Мориса, мы остановились посмотреть приходскую церковь св. Сигизмунда, благочестивого короля

Бургундии VI века. Он был у основания аббатства; мощи его пребывают под алтарем приходской церкви. Здесь я также кратко молился. Мы продолжили наше путешествие вдоль южного берега Женевского озера, проехав по Франции, а затем и по Швейцарии — до Женевы.

Женева — очень оживленный и многонациональный город. Прежде всего я хотел найти там Русский Православный собор и архиепископа Антония, надеясь получить здесь место для ночлега. Мы нашли собор, но не могли найти Архиепископа. Позднее я узнал, что он в то время находился в Германии. У Дэвида была кое-какая информация о том, где можно недорого переночевать, и мы нашли такое место, расположенное как раз у дворца Лиги наций. На следующий день снова отправились в Русский собор, чтобы осмотреть его внутри. Внешний вид его весьма впечатляющий, внутри — поскромнее. Я поставил свечу, помолившись о Женевском епископе Леонтии, брате нынешнего Архиепископа, а потом мы уехали, направляясь к Французской Юре. Дэвид решил сопровождать меня во Францию.

Юра от Швейцарии недалеко. Это горы не столь впечатляющие, как Альпы, но у них своя, суровая красота. Поднявшись невысоко в горы, мы обнаружили очень приятную долину и там повернули не в ту сторону. Проехали несколько километров, прежде чем я обнаружил свою ошибку, но поездка по сельской местности, где в основном видны были фермы и маленькие деревни, очень радовала глаз. Мы нашли в конце концов нужное направление и вот, приехали в Сен-Клод. Это оживленный курортный городок. Поскольку мой французский язык очень слаб, я упорно искал кого-нибудь, кто умеет говорить по-английски, но в местном туристическом агентстве и в соборе говорили только по-французски. Это меня весьма обескуражило, поскольку у меня было много вопросов.

Собор, построенный на месте монастыря преп. Романа, ведет свое происхождение из средних веков, но ничем особенным не выделяется. С одной стороны над городком нависают крутые скалы (Ле Байярд). Внутри собора есть часовня св. Клода, который был аббатом, а также епископом в VII веке. Нетленные мощи Святого были уничтожены богоборцами во время

Французской революции, и все что осталось — это палец левой руки. Я помолился перед этой реликвией, поставил свечи.

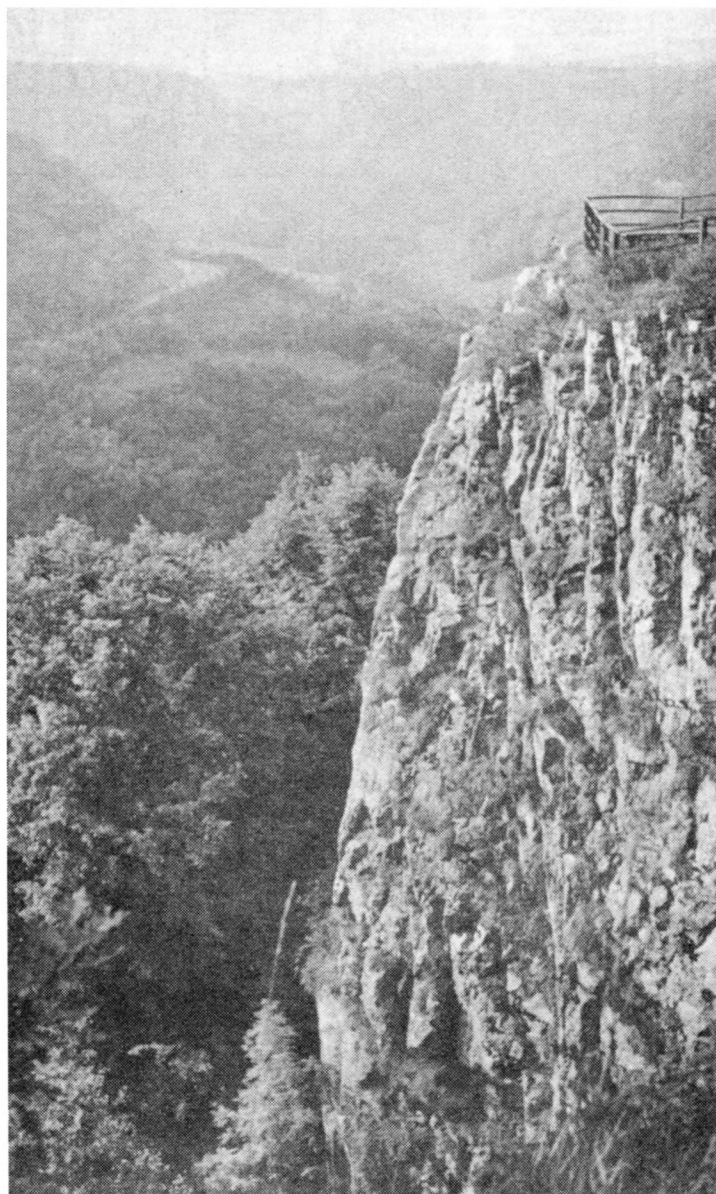
Поскольку мне было так трудно найти кого-нибудь, с кем я мог бы говорить о преп. Романа и его монастыре, я решил поехать в какое-нибудь из близлежащих мест, о которых ты мне писал. Следующая остановка была Сен-Лупикин.

Похоже, что место, где был расположен монастырь преп. Романа, было не очень пригодно для земледелия, и по мере роста братии необходимо было находить другие места, чтобы выращивать что-либо на пропитание. Одним из таких мест и было современное село Сен-Лупикин, названное в честь брата преп. Романа. Преп. Лупикин жил, в основном, в этом монастыре, основанном для того, чтобы обеспечивать пропитанием главный монастырь. Деревня эта расположена недалеко от Сен-Клода, но земля там разная, и местность вокруг Сен-Лупикина кажется определенно более подходящей для земледелия.

Сен-Лупикин — сонное село. Главное здание в нем — церковь, которая кажется довольно старой, хотя я не стал бы гадать о ее возрасте. Передняя дверь ниже уровня улицы. В облике самой церкви нет ничего примечательного, но я был очень рад узнать, что мощи преп. Лупикина сохранились там и покоятся под боковым приделом. Я помолился и перед сими мощами.

Недалеко от церкви стоит в переулке дом сельского священника. Думаю, что здание это было когда-то частью монастыря. Мне удалось найти священника, и мы смогли поговорить, так как он немного говорил по-немецки. Он был очень любезен. Я рассказал, зачем сюда приехал, чего ищу, и он объяснил мне, как найти село Сен-Роман. Также он рассказал мне о гроте св. Анны, расположенном рядом с Сен-Клодом. Этот священник (тоже одетый в мирское платье) сделал одно замечание, которое показалось мне точным. Он сказал, что в Православной Церкви почитание святых велико, среди протестантов его вообще нет, а римские католики где-то посередине. Он заметил, что о церкви в Сен-Лупикине скоро выйдет брошюра с иллюстрациями.

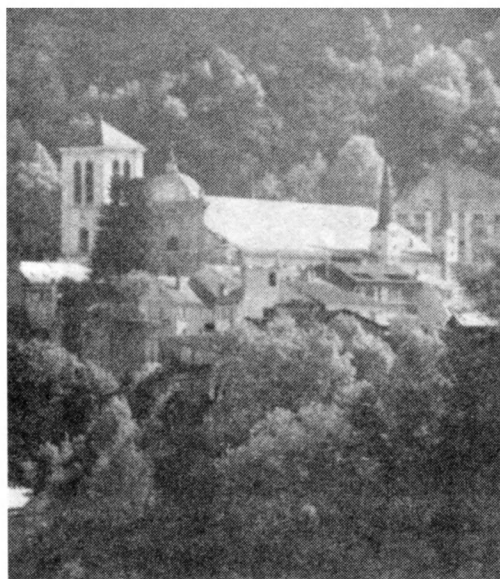
От Сен-Лупикина мы проехали около пяти километров до села Сен-Роман. Около села на скале, глядящей на речную долину, есть маленькая часовня. Она стоит прямо у края обрыва.

Вид Юры.

Изображение мученичества св. Мориса, бывшее в III веке в городке Агаунум (сейчас Сен-Морис).

Собор городка Сен-Клод, построенный в XV веке на месте маленькой молельни, которую препп. Роман и Луикин соорудили за тысячу лет до того и посвятили апостолам Петру, Павлу и Андрею.

Совершенно пуста, но в ней рака с мощами преп. Романа. Я обошел вокруг, чтобы посмотреть, открывается ли рака и, действительно, там была маленькая дверца. Внутри раки — стеклянный ящик с мощами преп. Романа. То было истинно великое благословение — удостоиться чести видеть мощи Преподобного и молиться пред ними.

Из Сен-Романа мы вернулись в Сен-Клод — для того, чтобы найти грот св. Анны. Меня направили на тропинку, ведущую вверх скалы. По пути я, как ты просил, сорвал с одной елочки шишку и отломил ветку. Мне удалось найти грот, но это была просто большая пещера, в ней не было ничего примечательного. Очевидно, в древние времена она служила жилищем отшельнице. Примерно на полпути до грота был старый заброшенный дом.

Потом мы направились к Грандво. Наш путь лежал на север, из края высоких гор в прекрасную сельскую местность, покрытую озерами и холмами. Озеро Грандво очень красиво. Когда-то у этого озера был монастырь, один из тех, которые основали юрские монахи по смерти преп. Романа, но теперь от него осталось лишь село с приходской церковью. Церковь была закрыта, так что я не видел интерьер. Мы также посетили Лак де Бонлэ, более глухое место, чем Грандво. Дощечка рядом с озером напоминает о том, что здесь когда-то жили монахи-картезианцы. На небольшом расстоянии от озера я заметил несколько зданий, которые, возможно, были когда-то монастырем, но сказать утвердительно не могу.

Утром мы снова были в пути, направляясь теперь в Германию. По пути остановились в Романмутере, к юго-западу от озера Нойшатель. Это место монастыря, основанного преп. Романом. Село, расположенное в прекрасной, мирной долине, очень старое и живописное. Церковь старинная — лет тысяча или около того — и хорошо отреставрированная. Внутри она очень простая, как и все протестантские церкви, и стала такой с тех пор, как во время реформации был навязан новый устав и введена в городке протестантская религия. На стенах раньше были фрески, но протестанты их забелили. Некоторые фрески восстановили, но они довольно бледные. В настоящее время церковь в

руках протестантов, о ней заботятся две сестры-протестантки, и им помогают две сестры римо-католической веры, с которыми они по экуменической моде молятся вместе.

Из Романмутьера мы отправились обратно в Базель, а потом в Германию, приехав, наконец, ко мне домой. Так закончилось это паломничество. За несколько дней я проехал много километров и повидал много интересного и вдохновляющего. Мне бы хотелось попутешествовать побольше, но это было невозможно. Я видел мощи многих святых и посетил места, освященные их житиями, и благодарен за это.

Но все это так малоизвестно миру. Эти святые, если не считать того, что их почитают на местах, никому не нужны. Хуже того, на Западе есть, несомненно, много иных мест, подобных тем, в которых я побывал и которые также забыты. Паломников теперь нет — одни туристы. Разные святые места многое видели за долгие годы: они страдали от войн, от реформации, от революции. А сейчас эти дивные места превращены в аттракционы для туристов. Это похоже на совершенное богохульство. Все, что можно вынести из таких музеев, — это холодность и чувство сожаления о том, что было утрачено.

Я пытался рассказать Дэвиду о святых и их значении для православных христиан. Это было нелегко, поскольку все это не ведомо на Западе. И все же Православие столь глубоко! Действительно, ключ к Православию — это святые. Они не идеи и не теории, над которыми подтрунивают ученые и псевдоученые, они, скорее, — есть богословие на деле, они — живые носители Православия, они — то, к чему мы призваны. И слава Православной Церкви в том, что святые ее живы, реальны и современны, они указывают нам путь и помогают нам своим примером, своими наставлениями и своими молитвами. Если святые для нас не то, чем они должны бы быть, так это потому, что мы отделились от них, забываем их, пренебрегаем ими. Ужасно, но нам грозит опасность утратить своих святых, как это уже произошло на Западе. Только прилагая упорные усилия, борясь, мы можем их сохранить.

Архиепископ Иоанн, просто проявив интерес к святым Запада, дал нам импульс к стремлению узнать и полюбить святых

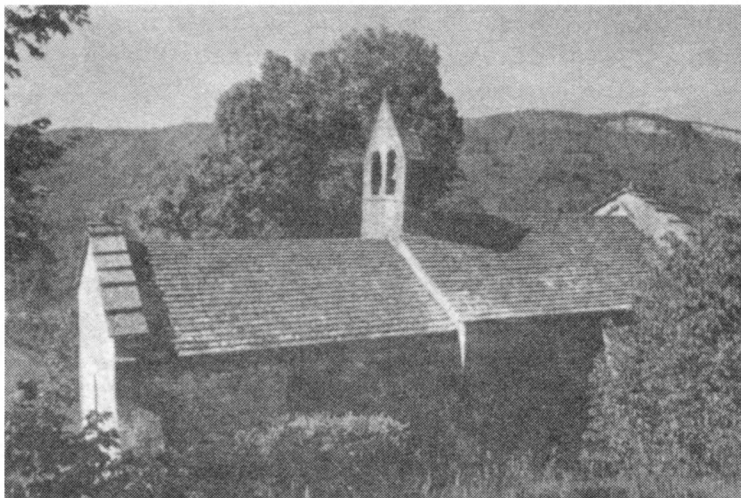
Городок Сен-Клод — место древнего Кондадиско.

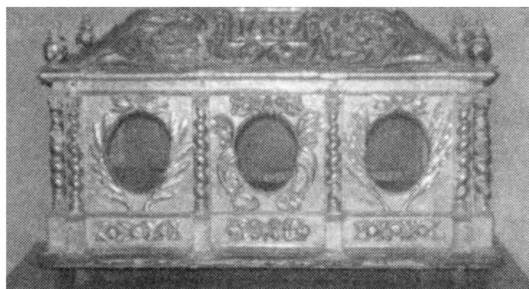
Монастырь Агаунума, видно основание древней базилики.

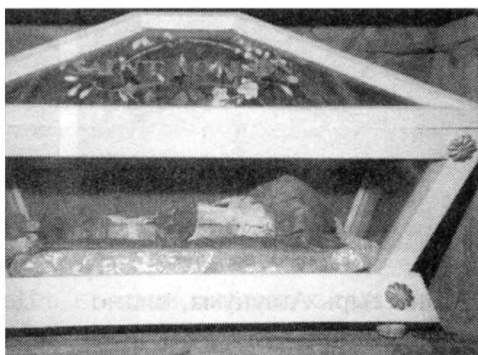
Церковь Сен-Лупикина, где пребывают его мощи.

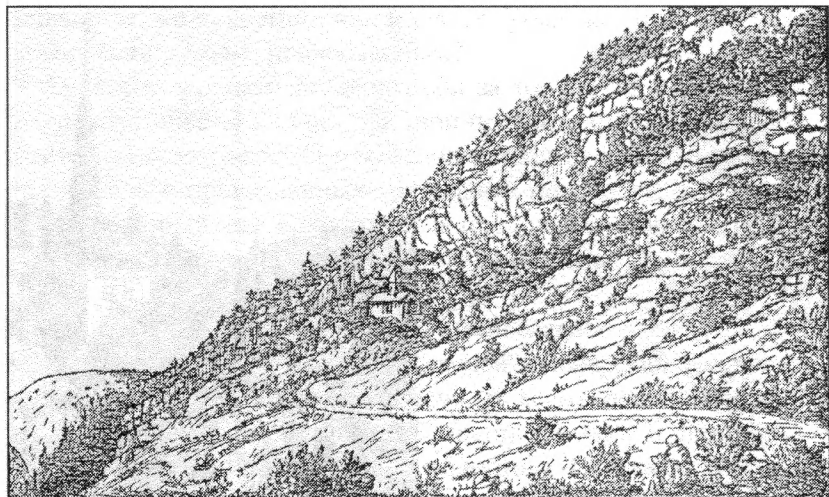
Часовня преп. Романа, где пребывают его мощи.

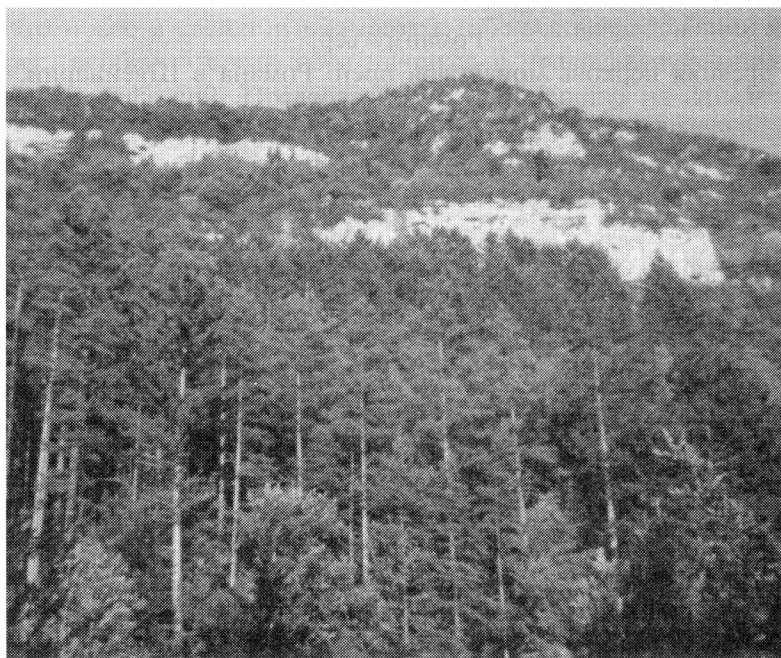
Рака преп.
Лупкина.

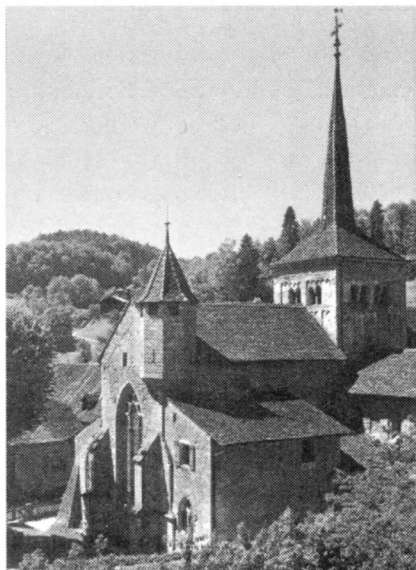
Мощи преп. Романа.

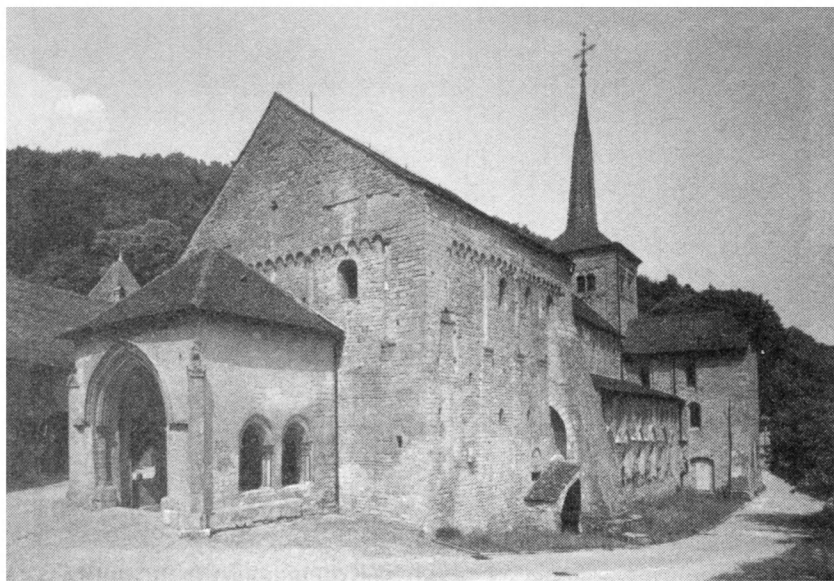
Грот и пустынь св. Анны на горе над Кондадиско.

Еловый лес вокруг Кондадиско.

Романмутьер,
древняя церковь монастыря преп. Романа в Швейцарии.

Запада так же искренно, как и своих. Кому же еще они принадлежат, если не нам, православным?

От всего сердца благодарю тебя за то, что ты подсказал мне это паломничество, а также за твои предложения и советы о том, что надо посмотреть. Да благословит тебя Господь за твое усердие зажечь в православных христианах сих последних дней тот огонь, который так ярко горел и продолжает гореть для тех, у кого есть глаза, чтобы видеть, в святых Запада.

3. Современное православное

монашество в свете православной монашеской Галлии

Что мы можем сегодня извлечь из всего этого? Приложимо ли к нам что-либо в примерах препп. Романа и Лупикина, в словах великих западных преподобных Отцов, в галльском монашестве V-VI вв.? Взглянем на собственное наше положение.

Православное монашество приходит сегодня на Запад как нечто новое и свежее и вызывает к себе все возрастающий интерес, особенно среди обратившихся в православную веру из других конфессий. Православное миссионерство на Западе не породило монашеского движения вплоть до середины XX века, но в последние примерно 20 лет, с тех пор как серьезная аскетическая литература стала доступна, особенно на английском, возымело место определенное проявление не только интереса к православному монашеству, но и осуществление его на практике. Параллельно этому явлению в Западной Европе и Америке имело место также и заметное монашеское возрождение в Греции и на Афоне. Часто, и весьма понятно, сие монашеское движение, хотя, возможно, еще слишком рано именовать его так, связывается с хранением православного предания в целом, вопреки общему религиозному направлению модернизма и обновленчества, и благодаря ему уже произошло некое возрождение древних норм православного благочестия, таких как почитание святых и святых мошей, серьезное чтение житий святых и основных святоотеческих текстов о духовной жизни, любовь к полноте православного богослужения и т.п. Сегодня — в противоположность ситуации всего четверть века тому назад

— для православного конверта вполне возможно избрать для себя монашеский путь с некоторой надеждой на успех.

Желающий проводить сегодня монашескую жизнь находит перед собой три основных типа монашеской ситуации.

1. Давно существующие институты со своим определенным местом в церковной “организации”. Здесь акцент обычно ставится на самом институте, который продолжает существовать без изменений, не зависимо от того, кто приходит и уходит. Монастырское начальство в целом не доверяет самой идее “обновления”, и “ревность”, общая молодым послушникам, рассматривается им как проявление духовной незрелости, от которой можно избавиться лишь долгим опытом. Такие институты несут огромный, тяжелый (и обычно неблагодарный) труд по сохранению и передаче православного монашеского предания, насколько это возможно в мире, глубоко враждебном ему. Эти монастыри действительно суть твердыни Православия в чуждом мире. Новоначальные сегодня, однако, легко разочаровываются в таких монастырях, глядя на их погрешности (реальные и воображаемые) чересчур критическим оком и относясь к ним как к “идиоритмическим” и далеким от чистых монашеских традиций; те же, кто остается в таких монастырях, находят это тяжким игом для себя, благодаря, прежде всего, глубокой дисгармонии между православной духовностью и жизнью современного мира. Но непрерывная связь с прошлым в таких общинах и самые страдания, связанные с пребыванием в них, продолжают приносить духовный плод. Те, кто в состоянии оставаться в них не впадая в апатию, безнадежность или разочарование, могут достичь высокого духовного уровня; но очень часто молодые послушники оставляют их в поисках чего-то более “правильного” или “совершенного”.

2. Отдельный подвижник, обычно конверт, вдохновленный высшими монашескими идеалами (часто скитской или отшельнической жизни) “открывает монастырь” и начинает жить согласно своему пониманию или адаптации примеров великих подвижников прошлого, иногда стяжав и нескольких учеников. Это самый опасный из открытых сегодня монашеских путей. Его великим искушением является чрезмерное доверие самому

себе; великой его ловушкой — отсутствие контакта с вековой монашеской традицией. В XX веке было уже много эксцентричных “старцев” с непререкаемым авторитетом их собственных мнений. Профессор И.М. Концевич в своем классическом труде об институте старчества в Православной Церкви (“Оптина Пустынь и ее время”, Джорданвилль, 1970) считал себя обязанным написать особый раздел (стр. 10-13) о “лжестарцах”, покалечивших и разоривших так много душ в своей духовной претенциозности; среди конвертов — это особенно опасное искушение. Даже когда они не так глубоко заблуждаются, такие “старцы” редко бывают способны предложить новонаначальному что-нибудь большее, чем собственные, не от опыта почерпнутые, мнения о том, каким надлежит быть подвижнику. Часто в таких случаях духовные язвы остаются неизлеченными из-за потери взаимного доверия между духовным отцом и его чадом; таким образом глубоко вкоренившиеся грехи и уклонения могут остаться исповеданными и неуврачеванными. (Это может случиться и в “устроенных” монастырях также, но обычно с менее серьезными духовными последствиями, поскольку подлинная монастырская окружающая среда может хоть отчасти компенсировать любые личные недостатки). Иногда также, неведомо для самого новонаначального, энергия для подвигов исходит больше от страстей, особенно тайной гордости и тщеславия, чем от подлинной жажды Бога. Многочисленные примеры прошлого, конечно, показывают, что такой путь возможен, но условия современного мира делают возможность успеха такого предприятия довольно малой. Когда его собственная духовная энергия и ресурсы оказываются исчерпанными, самостоятельный подвижник часто терпит на этом пути крах и вовсе бросает духовную брань (а иногда и Православие). Житие преп. Романа Юрского (так же как и многие другие жития святых, например, преп. Сергия Радонежского) показывают нам основные условия, необходимые для достижения успеха на монашеском поприще вне уже организованного монастыря: глубокая укорененность в Православии с детства с опытом простой и трудной повседневной жизни, уравновешенный характер и долгий опыт стяжания добродетелей, начальные духовные навыки и познания, твердая

реши́мость претерпеть все ради Христа, принятие физических трудностей как должного, желание быть “потерянным” для мира, отсутствие какого-либо желания “быть кем-то” или делать такое важное дело как “открывать монастырь” и глубокое смирение и недоверие самому себе. Те, кто отваживается на сие поприще без, по крайней мере, большинства этих необходимых предпосылок: берегитесь!

3. Более частый случай в последние годы: группа из двух или более молодых подвижников открывает для себя древние традиции монашества и начинает совместно подвизаться, обычно по общежительным правилам. Они говорят о традиционных монашеских явлениях (на которых редко делается ударение в более старых монашеских институтах), а иногда и строго следуют им: это — “исихазм”, “старцы”, “исповедание помыслов”, строгое послушание и т.п. Особое внимание уделяется сознательной духовной жизни, обычно с частым причащением. Такие группы открывают новые монастыри или входят в старые и “обновляют” их, и часто достигают замечательного успеха, особенно если их лидер наделен личной “харизмой”. Они могут состоять как из природных православных, так и по большей части из конвертов и они, в основном, имеют доступ к монашеским источникам на одном из наиболее изобилующих ими языке (греческом или русском). Лидер — обычно православный “по крови”, не конверт, хотя группа в целом может казаться (особенно монахам из старших “нормальных” монастырей) определенно неофитской. У таких групп довольно большие шансы добиться относительной устойчивости и внешнего успеха, но их подстерегают особые опасности, которые не следует недооценивать. Среди главных искушений для таких групп, особенно если они весьма преуспевают, — затмение внешним успехом внутренних недостатков, сплоченность и благополучие общины могут наполнить их ложным чувством своей значимости, а видимость “правильности” может производить духовное самодовольство и пренебрежительное отношение к тем, кто, не будучи членом их группы, — не столь “правильны”. Если эти искушения не преодолены, смертельно опасная “групповая гордость” может подменить собой гордость личную и увести всю

общину на роковой путь, так что никто из членов ее этого даже не осознает, потому что это не его личный грех. “Обновленная” община может настолько перестать гармонировать с “необновленной” остальной частью Церкви, что это выразится в создании своей собственной как бы “юрисдикции”, и даже в расколе, вызванном ее чрезмерным чувством “правильности”. Чем меньше такая группа находится в центре общественного внимания и чем меньше сосредотачивается на своей “правильности и своих отличиях от более старых институтов, тем больший шанс она имеет сохранить свое духовное здоровье.

Ввиду сих современных монашеских ситуаций, с присущими каждой из них собственными опасностями и искушениями, возможно, не будет преувеличением сказать, что современное православное монашество в целом, несмотря на некоторую видимость внешнего процветания — слабо, вяло, неглубоко укоренилось и весьма незрело (по крайней мере, в понимании “недозрелого” как еще не окончательно сформировавшегося и опробованного). Каждый из трех вышеописанных путей (а также и других, ибо эти — лишь наиболее часто встречающиеся) может принести здоровые духовные плоды; но возможность неудачи, так же как и духовной подделки больше, чем когда-либо прежде, и было бы безрассудно, особенно для того, кто сам стремится к монашеству, не помнить постоянно об этом.

Монашество, несмотря на свою надмирную цель, все еще находится в миру, и его состояние не может не отражать состояния современного ему мира. Изнеженная, самодовольная, эгоцентричная молодежь, составляющая большинство тех, кто поступает сегодня в монашество (по крайней мере, в “свободном мире”) не может не приносить с собой свой мирской “багаж” взглядов и привычек, а эти в свою очередь не могут не влиять на монастырскую обстановку. При жесткой и сознательной борьбе с ними, их влияние может быть сведено к минимуму; без такой постоянной борьбы, они могут возобладать даже в самом прекрасно организованном монастыре, часто незаметным образом.

Истинно-православное монашество по самой своей природе чуждо принципам современного комфорта. Постоянное дело

монаха — не давать себе ослабы, жертвовать собой, предаваться всей душой и всем сердцем чему-то высшему самого себя; но это совершенно противно принципам современной жизни, базирующейся на хилиастической мечте сделать легкой жизнь на земле. Предать самого себя на сознательную битву с принципами и привычками современного комфорта — вещь редкая и опасная; так что ничего удивительного, что наше монашество столь слабо — оно не может не отражать немощи православной жизни в целом сегодня.

В новопросвещенных землях Запада старшее поколение тех, кто в XX веке стремился к монашеству, полагалось больше на свои силы и свои мнения: у него было мало шансов войти в плодотворный контакт с подлинной православной монашеской традицией. Многочисленные конверты, без или почти без всякого руководства и недостаточно укоренившись в духовных познаниях и монашеской практике, пытались подвизаться сами по себе (вплоть даже до продолжительных постов, больших молитвенных правил с поклонами, ношения вериг и т.д., или даже до “открытия монастырей”). Все эти попытки встречали одинаковый неуспех; помимо других ошибок эти попытки были слишком личностными и эксцентричными, слишком мало в традиции Православия.

Теперь, однако, общая атмосфера изменилась: стало больше монастырей, больше книг, больше наставников, и тем самым православное монашество на Западе стало чем-то более нормальным и менее эксцентричным. Мало кто ныне отважится вступить на монашескую стезю сам по себе, без какого-либо руководства и основных знаний. Внешне по крайней мере, православное монашество известно на Западе, и каждый, кроме самых уж новоначальных, знает, что ему нужно искать себе духовного отца, не начинать монашествовать (и особенно “открывать монастырь”!) без благословения и руководства со стороны какого-либо признанного монашеского наставника и опасаться духовной прелести. Учение новейших аскетических учителей — в частности свят. Игнатия Брянчанинова и свят. Феофана Затворника — оказало отрезвляющее действие на многих, кто иначе мог бы быть увлечен монашеским “романтизмом”; чтение

духовных книг, специально адресованных православным христианам и монахам последних времен (“Невидимая брань”, “Аскетические опыты”) “приземлило” тех, кто слишком увлекался возвышенным учением таких отцов, как преп. Исаак Сирий и Симеон Новый Богослов. К сожалению, осведомленность о православном монашестве и его азах остается даже сегодня по большей части внешней. Разговоров о “старцах”, “исихазме” и “прелести” больше, чем собственно плодотворных монашеских подвигов. В самом деле, все еще слишком возможно добиться всех внешних признаков чистейшей и возвышеннейшей аскетической традиции: абсолютного послушания старцу, ежедневного исповедания помыслов, длинных богослужений или индивидуального правила из молитвы Иисусовой и поклонов, частого причащения, чтения и понимания основных текстов о духовной жизни; и делая все это, ощущать глубокий душевный мир и покой — и в то же самое время оставаться духовно незрелым. Возможно скрыть в себе неуврачеванные страсти посредством видимости или техники “правильной” духовности, не имея истинной любви ко Христу и ближнему. Рационализм и холодность сердца современного человека вообще делают это, возможно, наиболее коварным из монашеских искушений сегодня. Православные монашеские формы, достаточно истинные, насаждены на Западе, но как обстоят дела с душой монашества и Православия в целом — покаянием, смирением, любовью ко Христу Богу нашему и неутолимой жадной Его Царствия?

Со всем смирением признаем бедность нашего христианства, холодность нашей любви к Богу, легковесность наших духовных притязаний и будем считать это осознание началом нашего монашеского пути, который есть путь исправления. Отдадим же себе вполне отчет, о монахи последних времен, о своих падениях и о ловушках, подстерегающих нас, не робея перед ними, но усерднее обратим к Богу свои смиренные мольбы, да оставит Он нам грехи наши и исцелит наши израненные души.

Галльские Отцы показывают нам, что монашеский путь — не что-то чисто восточное, он принадлежит вселенскому Христианству и, в самом деле, практиковался прежде на Западе и притом с большим духовным успехом. Учение препп. отцов

Востока и Запада — одно и то же, и оно посвящено ничему другому — для имеющих уши слышать — как кратчайшему пути в Христово Царство.

И еще, православное монашество Галлии всегда близко к своим корням, всегда отдает себе отчет в своей цели, не увязая в букве своих постановлений и внешних форм. Его свежесть и непосредственность — источник великого вдохновения даже сегодня.

Наконец, оно открывает нам насколько истинное монашество близко к Евангелию. У свят. Григория Турского, в его “Жизни Отцов” каждое житие начинается с Евангелия, и деяния каждого святого вытекают из него как из своего источника. Что бы он не описывал в православной Галлии — будь то писание икон, подвятие подвижнических трудов, поклонение мощам святых — все это делалось *ради любви Христовой*, и это нельзя забывать.

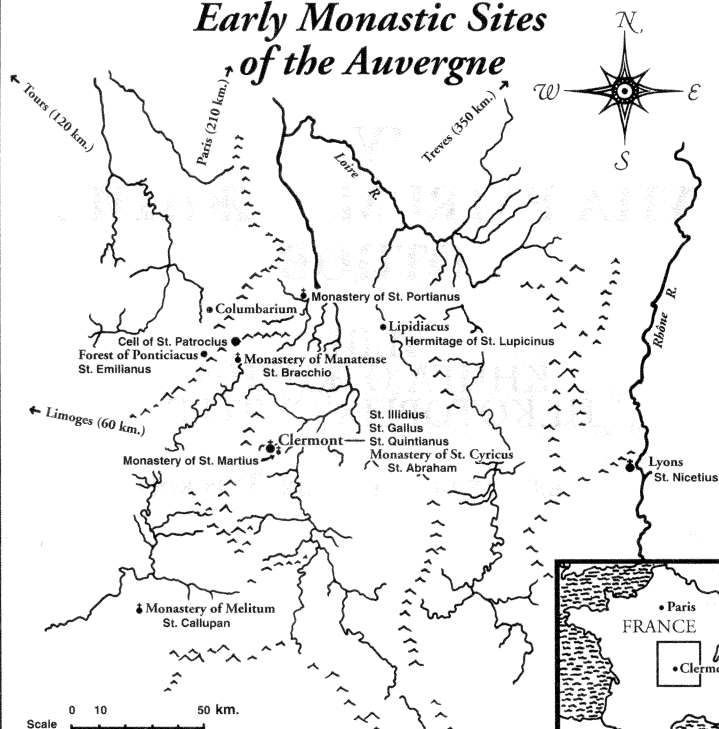
В самом деле, монашеская жизнь, даже в наши времена теплохладной веры, все еще прежде всего *любовь Христова*, христианская жизнь по преимуществу, постигаемая претерпением многих скорбей и великой боли. Даже сегодня есть те, кто постигает тайну рая на земле — чаще всего через смиренные страдания, чем через внешнюю “правильность” — рая, который мирские люди едва могут представить себе. И да поможет пример описанных здесь святых умножить число их и преисполнить всех большей любовью к Богу, воистину дивному во святых Своих.

**IV.
VITA PATRUM — ЖИТИЕ
ОТЦОВ**

**ИЛИ
КНИГА О ЖИЗНИ
НЕКОТОРЫХ СВЯТЫХ**

СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

Early Monastic Sites of the Auvergne

Места ранних монашеских поселений в Оверни

ПРОЛОГ

святителя Григория

Имел я намерение написать только о том, что промыслом Божиим совершалось на могилах святых мучеников и исповедников, но, поскольку узнал недавно нечто о людях, которых достоблаженное их пребывание здесь, внизу, вознесло на небеса и поскольку, думаю, что образ жизни их, известный по некоторым рассказам, будет поучителен для Церкви, я не желаю, раз предоставляется такая возможность, откладывать рассказ о них по той причине, что житие этих святых не только показывает их решимость, но и воспламеняет души узнавших о них желанием им подражать.

Есть люди, которые спрашивают, бужем ли мы говорить о *жизни* святых или об их *жизнях*. Агеллий* и некоторые другие философы хотели говорить о *жизнях*. Но автор Плиний** в третьей книге своего “Искусства грамматики” выражается так: “Древние говорили о *жизнях* всех нас, но филологи полагают, что слово “жизнь” не имеет множественного числа”. Поэтому определенно лучше говорить “Житие Отцов”, чем “Жития Отцов”, потому что, хотя они и отличаются между собой разными добродетелями и достоинствами, тем не менее, жизнь в этом мире у них одинаковая.

В книге своей об исповедниках я, конечно, кратко написал о том, что совершили, находясь в своей телесной оболочке, некоторые, хотя совершенные по воле Божией великие деяния кажутся малыми при описании их. Сейчас, в этой книге, которую мы называем “Vita Patrum” — “Житие Отцов”, намереваемся, несмотря на неопытность свою и невежество, рассказать об этих деяниях подробнее, моля Господа о том, чтобы Он, часто отверзавший уста немых, дабы заговорили они, дал бы и нашим устами способность сказать читателям и слушателям нечто, достойное святых Отцов. И пусть то, что Он вдохновит нас написать о святых, воспримет Сам как похвалу в Его честь.

*Аулий Геллий, писатель и филолог (скорее, чем “философ”, этот термин свят. Григорий использует в очень широком смысле) II века, автор “Аттических ночей”.

**Плиний Старший, I век, автор “Естественной истории”.

Преп. Роман и Преп. Лупикин Юрские.

1.
**Преподобные Роман и Лупикин,
ОТШЕЛЬНИКИ ЮРСКИХ ГОР**

*28 февраля/12 марта († 460)
и 21 марта/3 апреля († 480)*

В тексте евангельском говорится, что таланты, полученные нами от щедрости Господней и употребленные в дело, если даст Бог, принесут большие таланты, и нет пользы оставлять их без дела, зарывая в землю. Разумно приобретенные новые таланты служат обретению вечной жизни, так что когда Господь спросит о данных Им талантах и увидит, что они умножились вдвое, то скажет: “Добрѣ, рабѣ благій и вѣрный! ѡ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тѣ поставлю; вниди въ радость Господа твоего” (см.: Мф. 25, 21). И правда, лишь избранникам дано исполнить подобное с помощью Божией; лишь тем, кто с колыбели (как мы о многих из них читали) удостоился узнать Господа и, познав Его, следовал всегда заповедям Его и от самого таинства крещения отнюдь не запятнал нечестивыми поступками драгоценных белоснежных одежд души своей. Это те, кто верно “послѣдѣютьъ Агнца, аможе аще поидетъ” (Ап. 14, 4), кто несравненное сияние Самого Агнца увенчал лилиями славы, которые не в силах заставить увянуть никакой жар и искушения.

Такими венцами рука Всемогушества Божия побуждает начинающих, укрепляет совершающих, увенчивает победивших, которых Он до того еще отметил печатью имени Своего, коих избавляет земных страданий и возвеличивает в славе до счастья

Небесного. В число сих избранных, белых, как снег, не сомневаюсь, входят такие люди, которые, пройдя сквозь темные, глухие ущелья Юры, не только сами удостоились стать храмами Божиими, но и многие душу усовершеншили до возможности стать сосудами благодати Духа Святого — Лупикин и брат его Роман.

1. Лупикин с самого начала жизни своей всем сердцем искал Господа; выучился грамоте, а, когда достиг возраста, по воле отца принял узы брака, хотя душа его и противилась этому. Роман тогда был еще юношей и, также желая посвятить душу свою труду во славу Божию, отказался от женитьбы. Когда родители их покинули этот мир, они оба согласно возжаждали пустыни; вместе ушли в пустынные места Юрских гор между Бургундией и Алеманнией рядом с районом Авенше; там они соорудили себе жилище и каждый день, простираясь ниц, воспевали псалмы Господу, пропитанием же им были корни растений. Но тот, кто ниспал с Неба из-за гордыни своей имеет обыкновение расставлять роду людскому ловушки, и, конечно, вооружился он и против новых подвижников и с помощью пособников своих пытался отвратить их от избранного ими пути. Да, ни на один день не прекращали бесы забрасывать их камнями, и каждый раз, когда братья преклоняли колени в молитве Господу, бесы обрушивали на них град камней, так что они часто получали ранения и переносили ужасные страдания.

Тогда, еще не искушенные, они боялись этих ежедневных нападений врага и, не в силах переносить более страдания, решили оставить пустынь и вернуться домой. Чего только не вынудит сделать злоба врага? Но оставив свое убежище, они достигли населенных мест, вошли в дом одного бедного человека. Жена его спросила их, откуда пришли воины Христовы. Они не без смущения ответили, что покинули свою пустынь и подробно описали ей, почему бросили начатое. Тогда она сказала: “Вам надо было, Божьи люди, мужественно противостать козням диавола, не боясь ненависти того, кто так часто побеждаем бывает рабами Господа. Ибо он завидует святости, боится, чтобы род людской, возвысаясь верой, не достиг бы тех высот, откуда сам он пал из-за ничтожности своей”. И тогда, тронутые

Дорога к городу Сен-Клод вдоль реки Вьенны — место
древнего Кондадиско, где преподобные
Роман и Лупикин основали
монастырь.

до глубины души, они сказали друг другу втайне от женщины: “Горе нам, согрешившим против Господа тем, что отказались от намерения своего! Посмотри только, как женщина обличила нас в немощи! И какой же дальше будет жизнь наша, если не вернемся мы на место, с которого согнала нас злоба врага?”

2. Тогда, вооруженные крестным знаменем, с посохами в руках, они вернулись в глушь свою. По их прибытии бесы вновь стали забрасывать их камнями, но упорной молитвой обрели они Божией милостью избавление от искушения и продолжили свободно, без помех служить Господу. И посвятили себя молитве, а со всех сторон стали к ним стекаться толпы братии, жаждущей услышать от них слова наставлений. Блаженные отшельники стали известны людям, а потому основали они монастырь, который наименовали Кондадиско. В этом месте, где вырубил лес и выравниали землю, добывали они пищу трудами рук своих. И жители соседних мест так воспламенялись любовью ко Господу, что множество людей, стекающихся туда, чтобы послужить Богу, не могло там уместиться, и пришлось устраивать еще один монастырь, куда перенесен был рой от блаженного улья. Но сей новый рой, с Божией помощью, так впоследствии разросся, что основали и третий монастырь, на территории Алеманнии. Два отца по очереди ездили навещать чад своих, которых напоявали Божественным учением, говоря в каждом монастыре проповеди, способствуя формированию душ.

Аббатом же надо всеми был Лупикин. Он был весьма суровым аскетом, от еды и питья воздерживался до такой степени, что часто принимал их лишь раз в три дня. Когда его, по телесной потребности, мучила жажда, он приносил, бывало, сосуд с водой и надолго погружал в него руки. И, о чудо! Плоть его настолько насыщалась влагой, словно вода входила в рот, и сжигавшая его жажда уходила. Он сурово поддерживал дисциплину братии, никому не позволял не только сделать, но и сказать что-либо неподобающее. Тщательно избегал встреч и разговоров с женщинами. Роман же, наоборот, был так прост, что женщины не производили на него никакого впечатления, всем равно, и

мужчинам, и женщинам он преподавал, призывая имя Божие, испрашиваемое ими благословение.

3. Случилось так, что у аббата Лупикина не стало хватать средств для пропитания такой большой общины, тогда Господь открыл ему место в глуши, где давным-давно было спрячано сокровище. Он пошел в это место один и принес в монастырь столько золота и серебра, сколько мог на себе унести; купив затем на эти деньги пропитания, кормил он большую братию, собравшуюся для служения Господу. И так делал каждый год. Никому из братии не открыл то место, указанное ему Господом.

Как-то раз приехал он навестить братию в Алеманнии. К полудню, когда все были еще на полях, он вошел в трапезную; там увидел, что готовится множество разных блюд, разной рыбы в том числе, и сказал сам себе: “Не годится, чтобы монахи, ведущие отшельническую жизнь, пользовались всем этим пышным изобилием”. И тот час же велел приготовить большой котел. Котел поставили на огонь, и, когда в нем начала кипеть вода, он бросил туда все приготовленные блюда — рыбу попеременно с овощами и приправами, все, что предназначалось к пище монахов — и сказал: “Пусть братия лучше едят из этого котла вместо того, чтобы поглощать вкусности, отвлекающие их от Божиих трудов”. Когда монахи узнали об этом, то многим это очень не понравилось. И двенадцать человек, посоветовавшись между собой, решили в пылу гнева уйти, и ушли, продираясь сквозь заросли, в поисках мирской вкусной пищи.

Все это немедленно открылось Роману в видении, ибо Господь не желал скрывать от него то, что произошло. Поэтому, когда Аббат вернулся в монастырь, он сказал ему: “Если ты пошел туда, чтобы разогнать братию, лучше было бы тебе вообще туда не ходить!” Лупикин на это ответил: “Не беспокойся, возлюбленный брат мой, о том, что произошло. Знай, что ток Господа очищен, в амбар попала только пшеница, а солома выброшена”. — “Пусть бы было так, — ответил Роман, — чтобы никто из них не ушел. Прошу, скажи мне, сколько их ушло?” — “Двенадцать человек, — ответил Лупикин, — лицемерных и гордых, в которых не обитает Господь”. Тогда Роман произнес в

слезах: “Верю, в милости Своей Господь не отдалит их от сокроуишницы Своей, а соберет и вернет всех, кому предназначено страдать”. И, помолившись о них, он добился их возвращение к благодати Господа Всемогушего. Господь действительно тронул сердца их, и, совершая свою епитимью за грех свой, они собрались вместе и основали свой монастырь, где до сего дня прдолжают славить Господа. А Роман пребыл таким же простодушным и прославился добрыми делами, навещая больных и исцеляя их молитвой.

4. И однажды, когда он ехал навестить братию, случилось так, что, застигнутый в пути темнотоу, он свернул с дороги в сторону и попал в маленький приют для прокаженных. В нем было девять человек. Они приветствовали его, а он, полный христианской любви, немедленно велел согреть воды, собственноручно умыл им ноги и разделил с ними трапезу. Потом приготовил большое ложе, чтобы отдыхать вместе со всеми, не страшась ужасных пятен проказы. Когда прокаженные заснули, он бодрствовал, пел псалмы. И во время псалмопений протянул руку и коснулся одного из людей, и тот сразу же очистился. Он коснулся другого таким же целительным прикосновением, и тот также сразу был исцелен. Когда они поняли, что им вернули здоровье, то стали тормошить своих соседей, чтобы все проснулись и смогли бы попросить Преподобного и их очистить. А когда наступило утро, то, видя, что у всех у них чистая, здоровая кожа, Роман возблагодарил Бога, со всеми распрощался, каждого поцеловал и уехал, наказав им всегда хранить в сердцах своих заповеди Божии и совершать богоугодные дела.

5. Однажды Лупикин, уже в преклонном возрасте, обратился к королю Хильпериду, который в то время правил Бургундией, узнав, что тот в то время был в городе Женеве. Когда он вошел в дверь, стул Короля, сидевшего тогда за обедом, задрожал. Охваченный страхом, тот спросил у людей своих: “Землетрясение?” Присутствующие говорили, что они ничего не почувствовали. Тогда Король сказал: “Бегите скорее к двери, может быть там какой-то враг, возжелавший нашего королевства или навредить нам, не без причины же зашаталось сидение мое”. Поспешив к двери, они нашли там Старца, одетого в звериные шкуры; когда

доложили о нем Королю, тот велел: “Приведите его пред очи мои, хочу видеть, что это за человек”.

Его привели, и Лупикин предстал пред Королем, как когда-то Иаков пред фараоном (Быт. 47, 7). Хильперик спросил его: “Кто ты и откуда пришел? Чем занимаешься? Какая нужда привела тебя к нам? Говори!” Лупикин отвечал: “Я — отец стада Божия; хотя Господь устраивает, что с Его постоянной помощью духовную пищу они имеют, пищи телесной иногда не хватает. Поэтому прошу Ваше Величество дать им необходимую пищу и одежду”. Услышав эти слова, Король сказал: “Берите поля и виноградники и сможете жить и удовлетворять свои потребности”. Но Лупикин ответил: “Мы не возьмем поля и виноградники, но если то угодно будет Вашему Величеству, назначьте нам часть доходов. Ибо не престало монахам увлекаться мирским изобилием, а в смирении сердечном искать Царствия Божия и правды Его”. Когда Король услышал эти слова, он отдал приказание, чтобы они каждый год получали триста мер пшеницы и столько же вина в добавление к ста золотым монетам на покупку одежды для братии. Говорят, что казна выделяет все это до сих пор.

6. Когда аббату Лупикину и его брату Роману стало много лет, Лупикин сказал брату: “Скажи мне, в каком монастыре ты хочешь, чтобы приготовили тебе могилу, чтобы мы могли покоиться вместе?” Тот ответил: “Невозможно, чтобы могила моя была в монастыре, куда доступ женщинам запрещен. Ты ведь знаешь, что, несмотря на недостойность мое и без всякой заслуги с моей стороны, Господь Бог мой удостоил меня дара исцелять и что многие были бы исцелены наложением моей руки и силой Креста Господня от разных болезней. Многие будут приходить к моей могиле, когда я оставлю этот мир. Вот почему я прошу, чтобы меня положили вне монастыря”. По этой причине, когда он умер, похоронили его на холме в десяти тысячах шагов от монастыря. Позже над могилой его была построена большая церковь, где каждый день собиралось много народа. И там действительно во имя Божие совершались многие чудеса: слепые обретали зрение, глухие слух, парализованные способность ходить.

Что касается аббата Лупикина, когда он умер, его похоронили в базилике монастыря, и он, таким образом, принес Господу таланты, преумноженные из данных ему (Мф. 25, 16-17), то есть блаженные сообщества монахов, посвятивших свою жизнь прославлению Всевышнего.

ПРИМЕЧАНИЯ

Более полное анонимное житие сих святых, а также их последователя преп. Евгенда дошло до нас примерно с 520 года, это приблизительно за семьдесят лет до появления “Жития” свят. Григория (*Vita Patrum Jurensium*, латинский текст и французский перевод в *Vie des Peres du Jura* Франсуа Мартэна, Париж, 1968 г., “Христианские источники”, № 142).

Преп. Роман умер около 460 года и поминается 28 февраля, в один день с преп. Иоанном Кассианом (в невисокосные годы), чьи “Правила” он принес с собой в глушь. Преп. Лупикин умер примерно в 480 году и поминается 21 марта.

“Жизнь Отцов” — “*Vita Patrum*” святителя Григория немного отличается от “Жития Юрских Отцов” — “*Vita Patrum Jurensium*”. В частности, в последней книге утверждается, что преп. Лупикин никогда не был женат. Возможно, подчеркивание святителем Григорием того, что преп. Лупикин был главным аббатом, связано с тем, что последний после кончины преп. Романа в течение примерно двадцати лет был единственным аббатом.

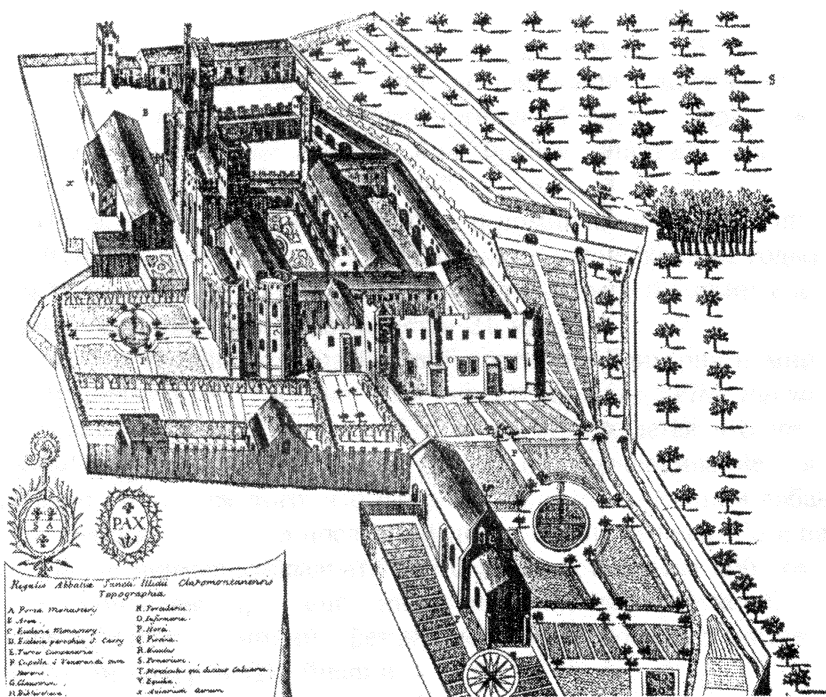
Второй монастырь, основанный святыми, был в Лауконе, где чаще жил преп. Лупикин; третьим монастырем обычно считается Романмутьер в Швейцарии.

Король Хильперик — это, возможно, король бургундцев, который правил в Женеве в 476-477 гг.; его дочерью была св. Клотильда, супруга короля Кловиса.

Монастырь Кондадиско процветал в течение многих столетий по своему основанию. В средние века он был богатым землевладельцем, а его аббат занимал важное положение в феодальном обществе Запада. В XVIII веке монастырь был секуляризован, а его святыни осквернены во время Французской революции. В настоящее время это горный курортный городок Сен-Клод. (Его

историю см. в “Истории аббатства и земли Сен-Клод” Поля Бенуа, Монтре-сюр-Мер, 1890, 2 тома.)

Преп. Роман был погребен в обители, которую святые основали для своей сестры Иолы (не упомянутой в этом житии); это место, в нескольких километрах от Кондадиско, сейчас деревня Сен-Роман-де-Рош. Преп. Лупикин был погребен в Лауконе (сейчас село Сен-Лупикин). В этих местах, возможно, все еще почивают их мощи.

Монастырь свят. Иллидия в Клермоне
(разрушен во время Французской революции).
Гравюра XVI века из монастыря Галликорум.

2.
Святитель Иллидий,
КЛЕРМОНСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ
Память 5/18 июня († 385)

Среди семян вечной жизни, которые Небесный Сеятель в поле с непаханой землей орошает водами, изливающимися из Божественного источника в его проповедях и которые оплодотворяет Своим учением, есть одно, о котором Он говорит нам: “Иже не прїиметъ креста своего и вслѣдъ Мене градеть, нѣсть Мене достоинъ” (Мф. 10, 38). И еще Он говорит: “Аще зерно пшенично падъ на земли не оумретъ, то едино пребываетъ; аще же оумретъ, многъ плодъ сотворитъ. Любай дѣшѣ свою, погубитъ ю; и ненавидай дѣши своея въ мїрѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю” (Ин. 12, 24-25). Более того, разве не сказал апостол Павел, сей избранный сосуд: “Всегда мертвость Господа Исуса въ тѣлѣ носяще, да и животъ Исусовъ въ тѣлѣ нашемъ явитса” (2 Кор. 4, 10)?

Поэтому исповедники Христовы, которым не выпадала доля мученическая во времена гонений, становились собственными своими преследователями; чтобы быть достойными Господа, они поднимали на себя кресты воздержания, а чтобы жить с Ним Одним, умерщвляли члены свои, помня о словах Апостола: “Живѣ же не ктою азь, но живетъ во мнѣ Христосъ” (Гал. 2, 20). И опять же, цитируя стих 43-го псалма: “Тебѣ ради оумерцвлемъ есмы весь день, вѣннѣхомъ такоже овцы заколенїа” (Рим. 8, 36). Ибо внутренним зрением своим видели они Господа Небесного, спускающегося на землю, не унижаемого смирением, но волей Своей смиряющего Себя ради спасения мира; видели они,

что на Крест вознес Он не славу Божества, а жертву плоти, о нем предсказал Иоанн незадолго до того: “**Се Агнецъ Божій, вземай грѣхъ мїра**” (Ин. 1, 29). Они чувствовали своей плотью, как вбивают гвозди, когда, распятые страхом пред Ним и исполненные ужаса пред Божественным Судом, в тела свои не допускали ничего недостойного Его Всемогушества, следуя словам 118 псалма: “**Пригвозди страхъ Твоемъ плоти моеѣ, ѿ сѣдѣвъ бо Твоихъ оубоахса**” (120).

В них тоже горел тот яркий свет Воскресения, которым просиял ангел, отваливший от гроба камень, о нем упоминается в 16-ой главе от Марка: “**И вшедша во гробъ, видѣша юношѣ сѣдѣща въ десныхъ, одѣнна во одеждѣ бѣлѣ; и оужасошася.**” (5). Так и Иисус просиял, когда вошел неожиданно, при закрытых дверях, к апостолам и когда, напитав их словами жизни, вознесся на Престол Небесный.

Среди таких блаженный исповедник Иллидий имел в сосуде сердца своего то, что достоин был стать храмом Духа Святого. Собираясь написать нечто о жизни его, я прошу снисхождения у своих читателей. Действительно, не изучал я грамматику, не читал ученых мирских авторов, но подчинился настоянию блаженного Авита, епископа Клермонского,* который побудил меня написать труды для Церкви. Даже то, что я слышал в его проповедях или что он обязал меня прочесть не сформировали моего суждения, так как я не знал, как исполнить, именно он после песней Давида подвел меня к словам проповеди Евангелия, а потом к деяниям и посланиям апостолов. Именно от него узнал я об Иисусе Христе Сыне Божиим, Который пришел, чтобы спасти мир и научился я относиться с достойным их уважением к Его друзьям, которые подняли крест сурового образа жизни и последовали за Женихом. Итак, обнаруживая всю дерзость моего невежества, я собираюсь как можно лучше рассказать то, что узнал о блаженном Иллидии.

1. Святитель Иллидий, зарекомендовав себя святостью своей совершенной жизни и соединивший в себе разнообразные дары, которыми его Господь удостоил, сподобился (того, чего до того

*Наставник свят. Григория в юности, жил в 517-594 гг. См. житие свят. Григория выше, гл. 6.

времени не хватало его святости, уже столь высокой) быть избранным богодухновенными людьми епископом Церкви Клермона и пастырем агнцев Божиих. Слава о его святости, умноженной разнообразными добродетелями, распространилась не только по всем частям земли Овернь, но и перешла границы соседних городов. И случилось так, что весть о его славе достигла слуха Императора в Трире,* дочь которого одержима была нечистым и очень страдала. Не могли найти никого, кто бы мог избавить ее от этого, пока слухи людские не указали на святителя Иллидия. Император немедленно послал гонцов, которые быстро выполнили его приказ и доставили в вышеупомянутый город святого Старца, принятого с большим почтением Императором, сильно печалившимся из-за несчастья с его дочерью. В сильной вере в Господа Епископ простерся ниц в молитве и после того, как провел всю ночь в псалмопениях и песнопениях духовных, он засунул пальцы в рот отроковицы и вырвал злого духа из ее измученного тела. Император, увидев такое чудо, предложил Святителю много золота и серебра. Владыка отказался от денег, но получил дозволение, чтобы город Клермон, плативший дань пшеницей и вином, мог платить ее золотом, потому что дань в прежнем виде было очень трудно перевозить. Святитель, исполнив срок своей земной жизни, умер, как говорят, в этом самом путешествии, дабы отправиться ко Христу. Его перевезли и похоронили в родном городе.

2. Быть может, поскольку люди очень часто склонны ворчать, кто-нибудь начнет брюзжать, говоря: “Невозможно, чтобы за сотворение единственного чуда этого человека зачислили в святые”. И все же, если хорошенько взвесить, что сказал в Евангелии Господь: **“Мнози рекѹтъ Мнѣ во онѣ день: Господи! Господи! не Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ? и Твоимъ именемъ силы мнози сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ: такъ николиже знахъ васъ”** (Мф. 7, 22-23), тогда, конечно, все скажут, что благодать, которая исходит от могилы, более достойна славы, чем та, которая

*Трир (или Тревес) на севере Галлии был известен как “Рим за Альпами”, второй город Империи на Западе и место частого пребывания римских императоров в IV веке. Император, о котором здесь идет речь, это Максим, правивший на Западе с 384 года.

явлена была при жизни в этом мире, поскольку последняя может быть запятнана от всяких мирских занятий, а первая полностью чиста.

Поскольку, как мы полагаем, что то, что сотворено было святителем Иллидием до того времени, было предано забвению и до нас не дошло, мы поведаем о том, что видели собственными глазами, что нами проверено или что мы узнали от достойных доверия людей.

В то время, когда Церковью Клермона управлял епископ Галл,* пишущий эти строки был еще юн и тяжело болел; Епископ часто навещал его и, будучи его родным дядей, нежно его любил. Желудок его был наполнен большим количеством жидкости, и он был охвачен сильным жаром. Тогда к отроку пришло желание, внушенное, наверное, Господом, чтобы его отнесли в базилику святителя Иллидия. И когда слуги на руках отнесли его к могиле Святого, где он со слезами помолился, он почувствовал себя лучше, чем было до этого, но когда его отнесли обратно в дом, лихорадка возобновилась.

И вот однажды, когда ему стало хуже, температура поднялась выше, чем обычно, так что засомневались, оправится ли он, мать пришла к нему и сказала: “Дорогой мой сын, сегодня у меня будет печальный день, раз у тебя такая высокая температура”. И он ответил: “Прошу тебя, забудь всю печаль, а отправь меня обратно к могиле блаженного епископа Иллидия, так как я думаю и верю, что его добродетелью ты обрешь радость, а я здоровье”. Потом, когда его отнесли к могиле Святителя, то, распростершись там, он вознес молитву Иисусу и обещал, что если заступничеством епископа Его он будет исцелен от болезни, то будет служить Церкви, и что он не покинет этого места, пока молитва его не будет услышана. Не успел он этого произнести, как почувствовал, что температура его сразу же упала, и, позвав слуг, попросил, чтобы его отнесли домой. Там его положили на постель, и, пока все обедали, у него сильно пошла из носа кровь, и с истечением этой крови, ушла и его болезнь, что произошло, конечно, благодаря блаженному Исповеднику. Подобным же

*Его жизнеописание в главе 6-ой этой книги.

образом недавно слуга графа Венеранда, который долгое время был слепым, целую ночь читал молитвы у могилы Святителя и вернулся домой исцеленным.

3. Что касается того, что происходило от его мощей, вот что видел собственными глазами вышеназванный писатель.* В первый год его служения епископом (573) он открыл часовню в Туре, пониже своей епископской резиденции, и поместил в нее некоторые мощи этого Святителя вместе с мощами других святых.** Через много дней после ее открытия его аббат посоветовал ему сходить посмотреть на мощи, которые он возложил внутри, чтобы они не начали портиться от сырости нового здания. Увидев, что они сырые, он достал их и начал сушить перед огнем. Потом положил обратно в их ковчежцы и перешел к мощам блаженного епископа Иллидия. Когда он держал их перед огнем, нить, которая их скрепляла, так как она была слишком длинная, упала на тлеющие угли и начала сверкать из огня подобно меди или железу. И он не обратил было особого внимания на то, что случилось с нитью, думая, что она уже превратилась в пепел, но нашел ее целой и невредимой, ибо она до этого служила славному Иерарху.

4. У одного ребеночка примерно десяти месяцев от роду (он считался и потом признали, что это так и есть, правнучатым племянником самого Святителя) началось серьезное заболевание. Мать его плакала не столько из-за возможной его смерти, сколько из-за того, что ребенок не принял еще святого таинства крещения. Наконец, послушавшись совета, она отправилась к могиле блаженного Исповедника, положила на камень больного младенца, который едва дышал, и принялась усиленно молиться над могилой.

Когда птица, возвещающая зарю, захлопала крыльями и громче, чем обычно, запела, дитя, всю ночь пролежавшее распростертым на могиле и почти мертвое, обрело силы. Ребенок улыбнулся и позвал мать. Божественное провидение руководило его устами, когда он сказал: “Иди сюда”. Но мать, исполненная и радости, и страха (ибо она никогда прежде не слыхала голоса своего сына),

*То есть сам святитель Григорий.

**Описание этого события см. в “Житии святителя Григория”, гл. 25.

стояла, как громом пораженная. “Чего тебе надобно, дитяtko?” Он ответил: “Побеги быстрее и принеси мне чашку воды”. Но она не сошла с места и продолжала молиться до наступления дня, воздавая хвалу Святителю и посвящая ему своего сына; потом вернулась домой. Ребенок попил воды, еще более окреп и полностью выздоровел. Но теперь он снова не мог говорить (а лишь кричал, как всякий младенец), пока не достиг того возраста, когда уже пора было говорить.

Думаю, следует мне рассказать и о том, что случилось, когда разожгли печь, чтобы обжечь известь для базилики. Перемычка, на которой держался вход в печь, сломалась, а около печи в это время спали люди, и в их числе Аббат этой церкви. Аббат сразу же увидел во сне Епископа, который сказал ему: “Поскорее разбуди всех, как бы они не пострадали. Перемычка, на которой держится масса камней вот-вот упадет”. Аббат проснулся, всех заставил отбежать от печи, и масса камней упала по обе стороны от печи, не повредив никому из бывших там, а ведь без вмешательства епископа случилось бы, полагаю, по-другому. Потом Аббат после молитвы над могилой Святителя велел перемычку починить, камни вернули на место, и, содействием Святителя, они завершили начатую работу.

Блаженное тело Исповедника было издавна похоронено в склепе, но, поскольку строение было узкое и туда трудно было войти, святитель Авит заказал выполненную в круглой форме апсиду, и сделана она была превосходно; и, собрав святые мощи, которые он нашел в деревянном гробу, поместил их, согласно обычаю, в саркофаг. В этом месте покоится тот, кто по заслугам был прославленным иерархом.

5. Сообщали также о многих других чудесах этого Святого, но я посчитал, что их пересказ займет слишком много места; думаю, что сказанного вполне достаточно для верующих право, а тому, кому этого малого недостаточно, и долгие рассказы не пойдут на пользу. Истинно, у его могилы слепые прозревают, бесы изгоняются, глухие обретают слух, хромы исцеляются по милости Господа нашего Иисуса Христа, Который обещал дать верным все, о чем они попросят, не сомневаясь в своих молитвах.

Примечания

Свят. Иллидий (*Allyre* по-французски) был четвертым епископом Клермона. Он умер, вероятно, в 385 году, 5-го июня, это день его поминовения.

Могила дочери императора Максима сохранялась в аббатстве свят. Иллидия, по крайней мере, до 1311 года, когда она была вскрыта (римо-католическим) епископом города, и была уничтожена надпись, свидетельствовавшая о ее исцелении свят. Иллидием.

Аббатство свят. Иллидия в городе Клермон-Ферран, где пребывали мощи Святого, было разрушено во время Французской революции.

3.
Преподобный Авраам, аббат,
СВЯТОЙ ИЗГНАННИК С ВОСТОКА
Память 15/28 июня († 477)

Думаю, что все православные христиане знают то, что говорит Господь в евангелии: “**Аминь во глаголю вамъ, такъ, иже аще речетъ горѣ сей: двигнися и верзися въ море, и не размыслитъ въ сердцѣ своемъ, но вѣрѣ иметъ, такъ, еже глаголетъ, бываетъ, — вѣдетъ емѣ, еже аще речетъ**” (Мк. 11, 23). Тогда нет сомнения, что святые могут получить от Господа, чего они просят, потому что вера в них твердая и никаким колебаниям волнами не поддается. И за веру такую они не только бывали изгнанниками в своей собственной стране, потому что жаждали жизни небесной, но также они отплывали за моря в чужие страны, чтобы больше угодить Тому, Кому обещались послужить.

В наше время таким был блаженный аббат Авраам, который после многих мирских искушений достиг земли Овернь. И, конечно, не без причины его сравнивают за величие его веры с тем древним Авраамом, которому Господь сказал однажды: “**Изыди ѿ земли твоеѣ, и ѿ рода твоегѡ (...) въ землю, юже ти покажѡ**” (Быт. 12, 1). И он оставил не только страну свою, но и жизнь ветхого человека и преобразился в человека нового, который по справедливости своей, святости и истине уподобился Господу, стал преподобным. Поэтому, когда его посчитали в совершенстве творящим дело Божие, он не колебался в своей вере и в стремлении к тому, чего святой своей жизнью мог уверенно обрести; и чрез него Творец небес, воды и земли сотворил чудеса, немногие правда по числу, но достойные восхищения.

Сей Авраам рожден был близ берегов Евфрата, где, когда он возвысился в трудах Божиих, у него родилось желание отправиться в пустынь Египта навестить отшельников. По дороге его схватили язычники и заковали в оковы и били нещадно за имя Христа. Пять лет он, радуясь в душе, провел в железах, а потом был освобожден ангелом. Желая посетить также земли Запада, пришел в Клермон и основал там монастырь рядом с базиликой святого Кирика. Чудодейственной силой изгонял он бесов, подавал свет незрячим и был самым сильным целителем прочих болезней.

Так, когда пришел праздник вышеназванной базилики, он благословил эконому приготовить во дворе, согласно обычаю, сосуды, полные вина, для освежения людей, пришедших на торжество. Монах извинился, говоря: “Посмотри, как же мы будем принимать епископа с герцогом, гражданами, когда у нас осталось не больше четырех амфор вина? Как такой малостью сможем всех напоить?” И он ответил: “Открой мне подвал”.

Когда это было сделано, он вошел и, как новый Илия, воздев молитвенно руки к небу, с глазами, полными слез, произнес: “Господи, молю Тебя, чтобы вино в этом сосуде не кончалось, пока всем в изобилии его не подадут”. И, исполненный Духа Святого, изрек: “Господь сказал, что вино в этом сосуде не кончится, пока всем, кто попросит его, не будет достаточно, и там еще немного останется”.

И, как он и сказал, вино подавали свободно всем людям, с радостью пившим его, и после еще осталось. Поскольку накануне эконом измерил, сколько было в сосуде вина, и было там не больше, чем на четыре ладони, на следующий день он опять проверил после всего, что видел, и нашел в сосуде ровно столько же вина, сколько было накануне.

Так была явлена людям сила Святого, который и почил в этом монастыре в глубокой старости и с почестями был в нем похоронен. В то время епископствовал там святитель Сидоний, а герцогом был Викторий, который после смерти готского короля Эрика правил семью городами.

Блаженный Сидоний написал эпитафию святому, в которой говорит нечто и о том, о чем мы только что повели:

“Авраам, достойный стать рядом с небесными покровителями, которых я не побоюсь назвать твоими собратьями, поскольку они раньше вступили на тропу, которой ты последовал; причастие к славе мучеников — это причастие к Царствию Небесному. Рожденный Евфратом, ради Христа претерпел ты узы, цепи и голод в течение долгих пяти лет. Ты бежал от жестокого царя Саза,* в одиночестве достигнув отдаленной страны Запада. Чудеса, рожденные святостью, шли по стопам исповедника; сам беглец, ты обратился в бегство злых бесов. Где бы ни пролегали следы твои, толпы картавых кричали, что сдаются; голос гонимого обращал бесов в бегство. Все искали тебя, твоей помощи, но тщеславие было чуждо тебе, ты считал, что почести — это тяжелейшее бремя. Ты избежал волнения в Риме и Византии, и у стен города, которые проломил воинственный Тит (Иерусалим). Ни Александрия тебя не удержала, ни Антиох, с презрением отверг ты Бирсу (Карфаген), прославленный дом Дидо. Ты обошел по болотам населенные земли Равенны и город, названный по имени волосатой свиньи (Милан). Тебе угоден был сей уголок земли, сия бедная окраина, сия хижина, покрытая камышом. Здесь для тебя был священный дом Господень, для тебя, чье собственное тело само по себе уже было Его храм. Здесь окончились твои скитания, и здесь окончился твой путь земной жизни, труды же твои теперь вознаграждены двойным венцом. Ты пребываешь теперь в раю среди сонмов святых, с Авраамом как со своим попутчиком. Теперь пришел ты в свою страну, откуда ниспал Адам, теперь путь твой лежит прямо к источнику твоей родной реки”.**

Некоторые из больных лихорадкой были вырваны из когтей смерти блаженным Авраамом небесными средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Преп. Авраам скончался в 477 году, 15 июня, в этот день и почитается его память.

Надпись на его могиле, принадлежащая свят. Сидонию Клермонскому и процитированная выше, взята из “Писем Сидония”,

* Персидский Сазанианский царь Ездегерд, который в 420 году начал великие гонения, продолжавшиеся тридцать лет.

** То есть реки Евфрат, традиционно считающейся одной из рек рая.

переведенных О.М. Дальтоном, Оксфорд, 1915, том II, стр. 134-5. В том же самом письме свят. Сидония содержится его наставление другу Волусиану (позднее епископу Турскому) касательно поддержания порядка в монастыре преп. Авраама после его смерти:

“Сими строками я заплатил, как ты пожелал, последнюю дань тому, кого погребли теперь для вечного сна. Но если долг еще здравствующих (братии, друзей и товарищей) — повиноваться законам братской любви, я, в свою очередь, прошу тебя выполнить мою просьбу. Я попросил бы тебя использовать те принципы, которыми ты так замечательно одарен, для утешения последователей усопшего — утверди дисциплиной Лерина или Григни* пошатнувшийся устав братства, оставленного сейчас без руководства на волю волн. Если найдешь какое-то непослушание, лично разберись, чтобы виновные были наказаны; послушных сам похвали. Сейчас их главой считается о. Авксений, но, как ты хорошо знаешь, он слишком слаб телом и слишком мягок характером, ему больше прилежит послушание, а не управление. Он и сам настаивает на том, чтобы призвать тебя, чтобы, становясь преемником главы, он мог опираться на твою поддержку как стоящего над ним, так как если бы кто из монахов помоложе стал бы к нему как к не имеющему в достаточной мере ни твердости, ни опыта, относиться с неуважением, то благодаря тебе, при совместном управлении не было бы допущено ни малейшего послабления. Я все сказал. Если в нескольких словах передать тебе мои пожелания, то они таковы: я хочу, чтобы брат Авксений был аббатом над всеми остальными, а ты сам бы был над аббатом. Прощай” (“Письма Сидония”, стр. 136).

Не трудно предположить, что монастырь преп. Авраама ввиду “восточной” направленности галльского монашества в V веке, и особенно восточного происхождения и путешествий самого Преподобного, был устроен наподобие отшельнических обителей Востока, как и монастырь Кондадиско, основанные современниками преп. Авраама — преподобными Романом и Лупикином (см. гл. 1). Описание святителем Сидонием “бедной окраины, хижины, покрытой камышом” Преподобного

*Один из первых монастырей, расположенный в Григни на реке Роне рядом с рекой Вьенной.

указывает на то, что монастырь его состоял из отдельных хижин, как в Кондадиско или в монастыре свят. Мартина неподалеку от Тура. Вышеприведенные наставления свят. Сидония, возможно, означают начало тенденции к “западной” организации обителей, которые в начале VI века преобразовали и Кондадиско.

Могила преп. Авраама сохранялась в базилике св. Кирика до X века, но позже пребывала в забвении. Она была обретена вновь в 1684 году, когда вновь стали совершаться многочисленные чудеса в ответ на обращенные к Преподобному молитвы. В 1761 году было открыто и само каменное надгробие, а в 1804 году останки преп. Авраама перенесли в приходскую церковь св. Евтропия. Часть стен древней базилики сохранилась на рыночной площади в городе Клермон-Ферран между улицами Сен-Кирге, Фонтгив и Ля Плас Фаель, менее чем в полумиле к юго-западу от места базилики свят. Иллидия (глава 2-я).

4.
Святитель Квинтиан,
ОБРАЗ ХРИСТИАНСКОЙ ТВЕРДОСТИ
И ЛЮБВИ ВО ВРЕМЕНА СМУТНЫЕ
Память 13/26 ноября († 525)

Все, живущие в земной плоти, должны жить, не предаваясь делам земным и тешащим эту плоть, потому что, по слову апостола Павла, “~~та~~влена же с~~ы~~ть д~~я~~бла плотская” (Гал. 5, 19) как нечистые и порочные, делающие человека, ищущего их, замаранным и грязным, доводят его, в конце концов, до вечных стенаний. А плоды Духа — это все, что полезно и угодно Господу, все, что в этот век путем умерщвления плоти радует душу и приносит ей вечную радость в веке грядущем.

По этой причине мы, пребывающие ныне в телесном своем облиии, должны за пример себе взять то, что воплотил Господь в святых Своих, которых — словно сосуды со святыми дарами, украшенные разнообразными цветами добродетели, заслуги коих сияют ярким блеском, явившиеся Божиими обителями и возвестившие величие Его десницы — удостоил Он в милости Своей исполнением того, о чем они просили, что можем мы видеть на примере святителя Квинтиана, о котором желаем теперь повествовать. Он был человеком благородного ума и дивного великодушия, в нем воплотил Господь самые совершенные Свои деяния. Давайте же и мы зову плоти не позволять принижать нас и заставлять жить подобно скоту, а скорее, по примеру святых, мудро постигая все Божественное, предоставим Духу возвысить нас, поднимая к небесному, вечному; пусть нашим разумом управляют не нечистые помыслы, а правит им мудрость, и за деяния свои да достигнем мы вечного престола.

1. Святитель Квинтиан родом происходил из Африки и, по известным сведениям, был племянником епископа Фавста, который, как свидетельствуют, воскресил его мать, был одарен святостью, прославленной добродетелями, горящей огнем христианской любви и украшенной цветами целомудрия. Он был избран епископом Родеза и посвящен. В этой епархии добродетели его еще более возросли, и, поскольку он всегда нудился подвизаться в подвигах о Боге, то благословил перенести святые мощи святителя Амантия в храм, построенный и освященный во имя этого Святителя; но деяние сие не было угодно самому Святому. И святитель Амантий явился в сонном видении Квинтиану и сказал: “Поскольку ты совершил эту дерзость и кости мои, покоившиеся в мире, переместил, то знай — я удалю тебя из этого города, и ты будешь изгнанником в чужой стране; но почестей, которыми ныне пользуешься, не лишишься”.

И действительно, вскоре после этого между горожанами и епископом разгорелась ссора: у готов, которые тогда были в городе, зародилось подозрение, что епископ хочет перейти под власть франков; посоветовавшись, они порешили убить его мечом. Когда святителю стало это известно, он среди ночи поднялся и с самыми верными слугами покинул город и добрался до Клермона в Оверни. Там преемник покойного епископа Апрункула святитель Евфрасий принял его и дал ему дома, поля и виноградники. Сей епископ и епископ Лионский отнеслись к владыке Квинтиану с величайшим уважением. И он, действительно, был почтенный старец и истинный раб Божий.

А когда святитель Евфрасий почил (в 515 году), то верные избрали на его место святителя Квинтиана. Альхима и Плачидана, жена и сестра Аполлинария,* пришли к святителю Квинтиану и сказали: “Владыка святой, в Вашем почтенном возрасте Вам было бы достаточным, что Вы однажды уже управляли епархией. Вы, такой благочестивый, быть может, позвольте слуге Вашему Аполлинару занять здесь епископскую кафедру? Если он действительно удостоится этой чести, то во всем будет слушаться Вас. Вы будете повелевать, а он будет исполнять Ваши благопожелания. Просим Вас, отнеситесь с сочувствием к нашей смиренной просьбе”.

*Сын св. Сидония Аполлинарий был епископом Клермонским с 472 по 488 год.

“Но что же я могу для вас сделать? — спросил владыка Квинтиан. — Меня ведь выбрали. Хотя я ничего не прошу, кроме насущного хлеба, чтобы я мог полностью предаться молитве”.

Когда женщины услышали этот ответ, они послали Аполлинария к королю Феодорику.* Тот взял с собой множество даров. И тогда же был назначен епископом. Пробыв же на кафедре только четыре месяца, умер.**

Когда король Феодорик прослышал об этом, то повелел святителю Квинтиану занять епископскую кафедру вместо Аполлинария и взять на себя всю полноту церковной власти, сказав при этом: “Он был изгнан из родного города любовью Господней к нам”.

В Клермон послали гонцов. Собрали местных епископов и горожан, и они избрали Квинтиана на кафедру; он стал 14-м правящим епископом в сей епархии.***

Когда Квинтиан святительствовал в том городе, некий Прокул, купивший священнический сан за деньги, много досаждал ему, захватив себе всю власть над церковным имуществом, оставив Владыке едва-едва на повседневные нужды. Но когда Святитель обратился к умудренным гражданам по этому делу, ему была возвращена полная власть, и он стал держаться поодаль от таких ловушек. Тем не менее, вспоминая, какие несправедливости он претерпел, как в свое время апостол Павел от Александра, так и Квинтиан, говоря о Прокуле, сказал: “*Прокул много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его!*” (См.: 2 Тим. 4, 14) И так вскоре и свершилось.

2. Святитель был неутомим в молитве, и так сильно любил он паству свою, что когда Феодорик пришел с войском осадить город (в 525 году), Святой Божий всю ночь ходил по стенам, пел псалмы и, чтобы призвать Господа на скорую помощь земле сей и ее обитателям, бдел и постился. Когда король Феодорик собрался уже разрушить стены города, по милости Божией и молитвами Его Святителя, которого Король хотел отправить в ссылку, сердце его было умягчено. Ночью, охваченный страхом,

*Франк, один из четырех сыновей короля Кловиса, который по смерти последнего, в 511 году, разделил его королевство.

**Три последних абзаца были добавлены из “Истории франков” (III, 2), где святой Григорий рассказывал об этом более подробно, чем в “Vita Patrum”.

***Этот абзац также был добавлен из “Истории франков” (III, 2).

он соскочил с кровати своей и пустился один бежать по дороге. Король потерял разум и уже не понимал, что творит. Когда его подданные увидели это, они попытались остановить его и успокоить, и сделали это с большим трудом, умоляя осенить себя в укрепление крестным знаменем. Затем Хилпинг, один из его герцогов, приблизился к Королю и сказал: “Послушайте, славный Король, совета моего ничтожества. Посмотрите, стены города очень крепки и пред ними большие укрепления. А чтобы Ваше Величество хорошо знали, мне должно сказать о церквях святых, которые стоят рядом с городскими стенами. И епископ здешний велик пред Господом. Не делайте того, что задумали, не досаждайте епископу и не разрушайте город”. Король благосклонно принял этот совет и повелел, чтобы не трогали никого на расстоянии восьми миль от города. И никто не сомневался, что все были обязаны тогда молитвам Святителя.

А позже, когда пали стены крепости Воллор, вступившими в нее войсками священник Прокул был изрублен мечом на куски прямо перед алтарем его церкви. Так воздал ему Господь за дела его, как и предсказал Святитель. И я бы не удивился, если бы узнал, что крепость попала в руки врагов по вине Прокула, так как до того она считалась неприступной.*

3. После битвы и разорения Клермона Гротензий, один из сенаторов, бывший тогда главой города, как-то несправедливо задержал на улице одного из близких Святого по имени Гонорат. Святителю это сразу же стало известно. Через друзей своих он получил аудиенцию у Гортензия и попросил у него отпустить арестованного, но ничего не добился. Тогда благословенный Старец сам отправился туда, где держали Гонората, и, назвавшись, попросил солдат пропустить его, но они, преисполненные страха, не осмелились выполнить просьбу епископа. “Тогда быстро отнесите меня к дому Гортензия,” — сказал он, так как был уже весьма стар и ходил с трудом. Слуги его отнесли его к дому Гортензия, и напротив этого дома он отряхнул пыль от ног своих, говоря: “Проклят будь этот дом, и прокляты навсегда те, кто в нем обитает; да опустеет он, да никто в нем не живет

*Это последнее предложение добавлено из “Истории франков” свят. Григория (III, 2).

отныне”. И бывшие при нем сказали: “Аминь”. А он добавил: “Прошу, о Господи, чтобы никто из этой семьи, не послушавший своего епископа, не возвысился до епархиальной знати”.

И как только епископа унесли, все члены семьи, бывшие в том доме, были поражены лихорадкой и, болея краткое время, умирали. Это продолжалось три дня, а Гортензий, видя, что никто из его подданных не может выжить, испугался, что и сам погибнет, и в отчаянии пошел к Святителю, бросился к его ногам и со слезами молил о прощении. Святитель снизошел к его просьбе и послал в дом его святую воду; когда стены его окропили, болезнь немедленно отступила, и там проявилась великая сила. Больные исцелились, а из здоровых больше никто не заболел.*

Был в то время один местный чиновник по имени Литигий, который постоянно интриговал против святителя Квинтиана. Святитель дошел до того, что унижался пред этим человеком, но Литигий даже после этого не стал проявлять к нему никакого уважения. Более того, однажды зашел так далеко, что смеялся над епископом перед своей женой. Она оказалась разумнее своего мужа. “Сегодня Квинтиан может быть унижен, — сказала она, — но это не принесет тебе добра”. Всего через три дня прибыли гонцы от короля, связали Литигия и вместе с женой и детьми куда-то увезли. Больше в Клермоне его никогда не видели.**

4. Святитель очень хорошо знал церковное учение и щедро раздавал милостыню. Когда бы он ни услышал, как призывает о помощи бедняк, говорил обычно: “Прошу вас, помогите этому бедному человеку и дайте ему все необходимое. Ибо вы невнимательны, не знаете, не Тот ли это, Кто в евангелии Своим сказал: **“Понеже сотвористе единомꙋ снхъ братїи Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе”** (Мф. 25, 40).

Кроме того, он изгонял бесов, творящих зло. Прибыв в монастырь Канбидобринз (в Клермонской епархии), увидел там одержимого, терзаемого ужасными судорогами, и послал священников возложить на него руки. Но когда они не смогли

*Однако в другом месте свят. Григорий отметил, что “произнесенное Господом устами Квинтиана, не могло быть изменено,” и никто из этой семьи никогда не становился епископом, даже когда их прочили на это. См. “Историю франков” (IV, 35).

**Этот абзац был добавлен из “Истории франков” (III, 13).

изгнать из него бесов, Святитель Божий приблизился, вложил пальцы свои в рот человека и освободил его. Святой Божий сотворил много и других чудес и по молитвам своим часто получал то, о чем просил Господа.

Однажды жестокая засуха опустошила поля Оверни. Поскольку трава высохла, нечего было заложить в фураж. В то время Святитель благочестиво совершал молебен пред Вознесением Господним. На третий день его попросили пропеть антифоны, сказав при этом: “Владыко святой, если Вы исполните благочестиво антифоны, то мы, полагаясь на Вашу святость, верим, что Господь по милосердию Своему сразу же дарует нам проливной дождь”. Святитель распростерся посреди дороги на своей власянице и долгое время со слезами молился. Потом поднялся и из всей силы пропел антифоны, о которых они просили и в которых были такие слова из молитвы Соломона: *“Когда заключится небо и не будет дождя за то, что они согрешили пред Тобою, и будут молиться на месте сем, и исповедают имя Твое, и обратятся от греха своего, потому что Ты смирил их, тогда Ты услышь с неба и прости грех рабов Твоих и народа Твоего, указав им добрый путь, по которому идти им, и пошли дождь на землю Твою, которую Ты дал народу Твоему в наследие”* (2 Пар. 6, 26-27). И когда они стали петь со всем благоговейным смирением, молитва исповедника достигла слуха Всевышнего и — вот, небеса потемнели и покрылись облаками и, прежде чем они подошли к воротам города, стена дождя обрушилась на землю, так что все были поражены и говорили, что все это по молитвам угодника Божия.

5. Пришло время, и Святитель Божий состарился до того, что не было у него уже сил и плюнуть на землю, а он обтирал рот носовым платком. Но и тогда глаза его не померкли, а сердце не забыло пути Господнего. Он никогда не отворачивался от бедных, никогда не боялся могущественных, но всегда был священно свободен и плащ бедного человека принимал с таким же почтением, как и изукрашенную тогу сенатора. Умер он совершенным в святости своей и был похоронен в базилике святого Стефана, слева от алтаря. И по смерти его многие больные малярией получали от мощей его облегчение, и смягчались их страдания.

ПРИМЕЧАНИЯ

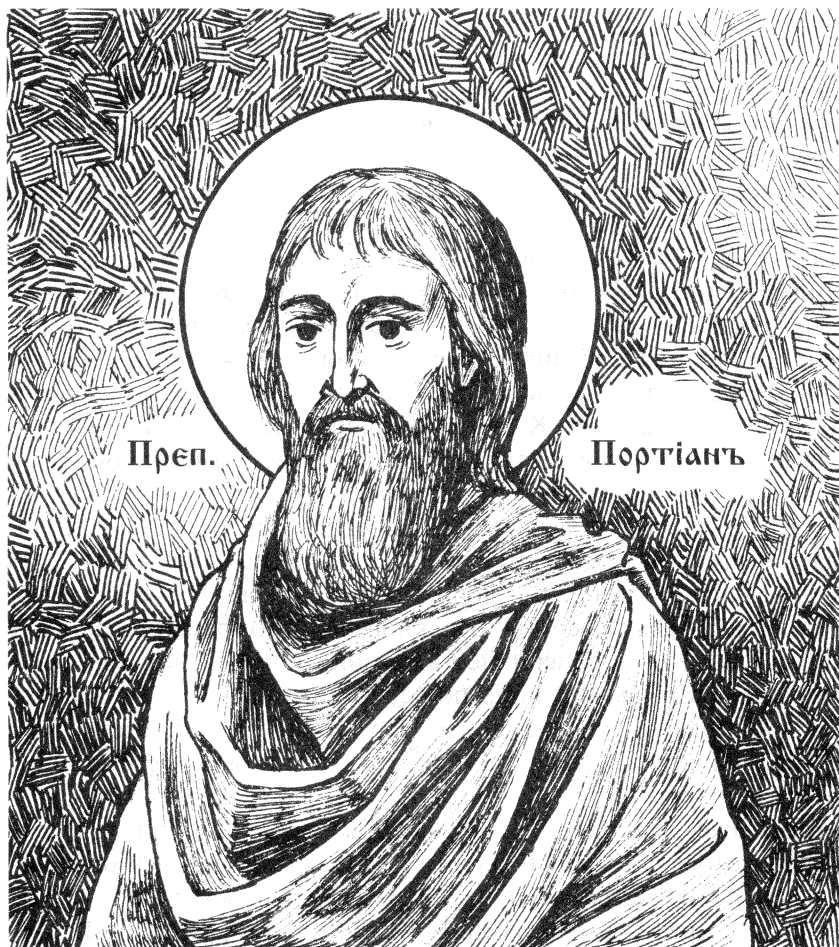
Святитель Квинтиан умер около 525 года, 13 ноября, в этот день и было установлено его поминовение. Он подписал Деяния Соборов в Эдже (506) и Орлеане (511) в Галлии как епископ Родеза (по латыни — Рутена).

Историческую обстановку при жизни святителя Квинтиана описывал святитель Григорий в “Истории франков”, книга II, главы 35, 36 и 37, и книга III, главы 11, 12 и 13. В то время было сильное соперничество между франками под управлением только что крещеного короля Кловиса и готами, управляемыми Алариком II. Франки победили готов во многих сражениях, и в битве при Вуилле близ Пуатье (507) Кловис одержал великую победу и убил Аларика. Свят. Квинтиан, живший под правлением готов, был заподозрен в симпатиях к франкам, тем более, что он, как и Кловис, был православным, а готы ариане.

С наступлением власти франков свят. Квинтиан стал пользоваться расположением короля франков Феодорика, сына Кловиса. Однако позднее Феодорик, очевидно, забыл об этой дружбе, когда осаждал Клермон. Столкновения того времени возникали в основном из-за соперничества разных королей, все еще остававшихся варварами; лишь постепенно земля Галлии была освящена глубоко укоренившимся Православным Христианством.

Моления, упоминавшиеся в этом житии, впервые были введены свят. Мамертом, епископом Вьенны (рядом с Лионом) в пятом веке, в то время, когда во время Великого поста и Пасхи город сотрясали землетрясения и досаждали нападения диких зверей. Они состояли из поста, раздачи милостыни и сугубых молитв с крестными ходами. (См.: “История франков”, II, 34.) Этот обычай быстро распространился и на остальную Галлию, где его совершали как раз перед праздником Вознесения.

Церковь святого Стефана, куда поместили мощи свят. Квинтиана, была построена вне стен Клермона в середине пятого века вдовой епископа Наматия Клермонского. В “Истории франков” (II, 17) свят. Григорий описывал, как она украсила эту церковь иконописными фресками. Мощи свят. Квинтиана позднее были перенесены в церковь Сэнт-Симфорьен-э-Сэнт-Жен, где они почивали вплоть до XVII века. О них ничего неизвестно со времен Французской революции.

Преп.

Портіанъ

5.
Преподобный Портиан, аббат,
ЗЕМНОЙ РАБ,
УНАСЛЕДОВАВШИЙ ЦАРСТВИЕ БОЖИЕ
Память 24 ноября/ 6 декабря († 527)

Какое благо Господь Всемогуший дает во имя Свое тем, кто посвятил себя верному служению Ему в делах благих! Он обещает им великую награду на небесах, но часто и в этой жизни дает им представление о том, что они там получают. Ибо часто Он освобождает рабов, а тех, кто свободен, прославляет, по слову псалмопевца: **“Воздвизаѣи ѿ земли нища, и ѿ гнонѣща возвышаѣи оубога, посадити его съ князи, съ князи людей своихъ”** (Пс. 112, 7-8). Об этом Анна, жена Елканы, сказала: **“Сытые работают из хлеба, а голодные отдыхают”** (1 Цар. 2, 5). И о сем же Сама Матерь нашего Спасителя Дева Мария сказала: **“Низложи сильныя со престолъ, и вознесе смиренныя”** (Лк. 1, 52). И Сам Господь сказал, как писано в Евангелии: **“Такъ вѣдѣтъ послѣдній перви, и первѣи послѣдни”** (Мф. 20, 16). Да осияет Божие милосердие бедных любовью Его, чтобы из малых людей восстали великие, а из немощных — сонаследники Его Единородного Сына. Ибо это вознесет нищету этого мира до небес, до которых не может достигнуть земное царство, так как простые люди придут в то место, куда облеченные в пурпур не смогут попасть.

Так произошло и с блаженным аббатом Портианом, которого Господь освободил не только от тяжести мирских уз, но и прославил великими добродетелями, и которому дал Он вечный покой после всех трудов и скорбей этой жизни, поместив его посреди хора ангельского, из которого был изгнан князь мира сего.

1. Блаженный Портиан, ко всему прочему, от самого начала своей жизни всегда устремлен был к Царю Небесному, хотя бы и в земном служении. Действительно, говорят, что он был рабом какого-то варвара и несколько раз укрывался в одном монастыре, аббат которого заступался за него перед хозяином. В конце концов, он бежал, хозяин шел по его следам и стал нападать на аббата того монастыря, обвиняя его в переманивании его слуги, в том, что он лишился своего работника. И когда, согласно обычаю, потребовал отдать его раба обратно, аббат сказал Портиану: “Что ты хочешь, чтобы я сделал?” — “Чтобы меня простили,” — ответил он.

Когда его простили и хозяин хотел забрать его обратно к себе, зрение хозяина так ослабло, что он ничего не мог различить. Чувствуя, что терзает его сильная боль, хозяин позвал аббата и сказал: “Прошу тебя, попроси за меня Господа и забери этого раба к себе в услужение; быть может, я вновь обрету свет, который потерял”. Тогда аббат позвал Блаженного и сказал: “Прошу тебя, возложи свои руки на этого человека”. И когда он отказался, аббат так стал упрашивать его, что он сотворил крестное знамение над глазами бывшего хозяина, и вся тьма того мгновенно отступила, и обрел он прежнее здоровье.

После того блаженного Портиана сделали клириком, и он явил такие добродетели, что, когда аббат преставился, он стал его преемником. Про него говорили, что летом, когда яркое солнце лишало всех сил своим жаром, истощало силы даже тех, кто благодаря обильной еде и питью был более здоров, Портиан, рот которого от поста полностью пересыхал, жевал соль, чтобы смочить ненадолго свои запекшиеся десны. И хотя он этим увлажнял свое сухое небо, тем не менее, к своему физическому изнеможению добавлял жажды. Ибо всем известно, что соль скорее увеличивает жар жажды, чем избавляет от нее, но благодаря Господу у него доставало сил.

2. В те дни на земли Оверни пришел Феодорик, он разрушал и разорял все вокруг. Когда он расположился лагерем в полях деревни Арфон, блаженный Портиан, уже старец, поспешно отправился к нему, чтобы вступить за людей. И, придя в лагерь утром, когда король еще спал в своей палатке, он пошел в палатку

Сигивальда, адъютанта Короля. Когда же он попросил об освобождении пленников, Сигивальд предложил ему омыть руки и выпить с ним вместе вина, говоря: “Божественное милосердие удостоит меня сегодня великой радости и пользы, если, войдя в мою палатку, ты, помолившись, удостоишь меня чести выпить моего вина”. Ибо он слышал о святости этого человека и потому, чтя Господа, оказал ему такую честь. Но Преподобный всячески извинялся и говорил, что этого не может быть, поскольку еще не подошло время трапезы, поскольку он еще не представился Королевскому Величеству и, самое главное, поскольку он не воспел еще псалмы Господу. Но Сигивальд, не обращая на все это внимания, вынудил его и, когда принесли чашу, попросил Преподобного сперва благословить ее. Когда тот поднял руку для крестного знамения, чаша разломилась надвое, и вино пролилось на землю вместе с огромной змеей. Все присутствовавшие преисполнились огромного страха и бросились к ногам Блаженного, целуя его ступни и следы. Все дивились добродетели Старца; все восхищались тем, что чудесным образом спаслись от яда змеи. Все воины сбежались посмотреть на такое чудо, и все столпились вокруг Блаженного, желая только коснуться складок его одежды, раз не могли выразить своего почтения поцелуем. Король вскочил с постели, побежал к блаженному Исповеднику и прежде чем тот успел сказать хоть слово, освободил всех плененных — даже и тех, которых еще только собирался пленить. Так, милостью Божией, Святой совершил двойное благо — иных спас от смерти, а других от ига рабства. Воистину (и это мое твердое убеждение), одними словами он принес спасение тем, кто был избавлен от беды.

3. Хочу рассказать также о том, как диавол, пытаясь обмануть его при помощи разных уловок, но видя, что не может ему повредить, пошел в открытую атаку на него. Так, однажды ночью он внезапно пробудился ото сна и увидел, что келья его горит. В ужасе вскочив, он отыскивал дверь. Но не в силах ее открыть, палил в молитве; а потом когда перед собой и вокруг себя оградились спасительным знамением (креста), то увидел, что прозрачное пламя немедленно исчезло, и понял, что то было дьявольское наваждение. Это тут же открылось блаженному

Протасию, отшельничавшему тогда в монастыре Канбидобринз, и он тотчас же послал брату своему из своей кельи монаха, чтобы изгнать диавола и сказать: “Ты должен, любимейший брат мой, мужественно отражать нападки диавола, не бояться никаких его мошенничеств, но преодолевать все, что он выдумает против тебя, постоянной молитвой и крестным знамением, потому что он всегда пытается одолевая рабов Божиих подобными искушениями”.

Блаженный человек состарился и, совершив все предписанные ему добрые дела, отошел ко Господу. Могила его все еще часто прославляема бывает Божественной силой. Вот сколько знаем мы об этом святом человеке, и если те, кто знает больше о нем, захотят написать что-то во хвалу ему, мы это только приветствуем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Преподобный Портиан (по-французски Saint-Pourcain) умер примерно в 527 году, память его 24 ноября.

Монастырь преп. Портиана положил начало городу Сен-Пурсен, примерно в шестидесяти километрах к северу от Клермона. Монастырь существовал до Французской революции; сегодня все, что осталось от него, — это церковь Святого Креста, построенная в романском стиле.

Случай, когда блаженный отшельник Протасий (также вспоминаемый 24 ноября) отправил преп. Портиану увещательное послание, касающееся бесовских уловок, напоминает иной случай из жития XIV века преп. Павла Обнорского, когда его духовный наставник преп. Сергей Нуромский сказал ему, что кажущееся разрушение его кельи не реальность, но бесовский обман (см.: “Северная Фиваида”, изд. Братства преп. Германа Аляскинского).

6.
Святитель Галл,
СЫН СЕНАТОРА,
ПОКИНУВШИЙ МИР И ОБРЕТШИЙ НЕБО
Память 1/14 июля († 551)

Стоящие в миру на вершине власти всегда горячо стремятся к тому, что может удовлетворить их страсти: купаются в почестях, кичатся своим благосостоянием, заваливают суды исками, живут воровством, находят удовольствие в злословии, алчно жаждут золота, которое тускнеет, а когда у них уже все есть, воспаляются желанием иметь больше, и чем больше они скапливают, тем больше хотят, как сказал Прудентий,* “ибо жадность к золоту только возрастает от обладания им”.

И так получается, что пока они упиваются роскошью этого мира и обольщаются пустыми почестями, они совершенно не думают о том, что им действительно стоило бы узнать, и не принимают во внимание то, что невидимо, до тех пор, пока обладают, себе на горе, тем, что по их мнению может насытить их души. Но есть и другие, которые, подобно птицам, вырвавшимся из клеток и взлетевшим высоко вверх, освободили души свои для чего-то возвышенного. Оставив и презрев земные блага, они все силы свои обратили к небесному.

Одним из таких был святитель Галл, житель города Клермона, которого нельзя было отвлечь от любви ко Господу ни богатством его рождения, ни высоким саном сенатора, ни огромным богатством, любовь которого к Богу не могли

*Христианский поэт IV века.

уменьшить ни привязанность отца, ни нежность матери, ни ласки тех, кто его вынянчил, ни послушание собственных слуг. Ни во что он не ставил все это, возлюбив Господа и дав обет служить Ему, подчинился монашескому уставу, так как знал, что юношеский жар можно преодолеть только строжайшим блюдением себя. Знал он также, что должен подняться от низин этого мира к высшему и терпением обрести ту высоту славы, которой позднее суждено было придти.

1. Святитель Галл с детства посвящен был Господу; он всей душой любил Бога и дорожил всем тем, что, как он знал, любит Господь. Имя его отца было Георгий, а мать звали Леокадия, из рода Вектия Эпагата, претерпевшего мученичество в Лионе, согласно “Истории (Церкви)” Евсевия.* Они были в числе главных сенаторов, и в Галлии нельзя было найти никого более благородного и родовитого происхождения. И хотя отец его хотел приискать для него дочь какого-нибудь благородного сенатора, он уехал с молодым слугой и удалился в монастырь Крононес в десяти километрах от города Клермон, смиренно прося аббата, чтобы тот удостоил его пострига. Сей аббат, видя столь миловидного и благоразумного отрока, спросил его имя, из какой он семьи, из какой страны. Тот ответил, что зовут его Галл, он гражданин Клермона и сын сенатора Георгия. Когда аббат узнал, что юноша принадлежит к первой семье города, то сказал: “Желание твое похвально, сын мой, но сначала об этом должен узнать твой отец, и если он даст согласие, я выполню твое желание”. И аббат послал его к отцу его, дабы узнать распоряжения того относительно сына. Отец, несколько опечаленный, сказал: “Это мой первенец, и я хотел, чтобы он сочетался узами брака, но если Господь удостоил его принять Себе в служение, то да исполнится воля Его, а не моя”. И добавил: “Сделайте то, о чем по вдохновению Божию просит Вас сын мой”.

2. Тогда аббат услышав все это от посланных своих, сделал юношу клириком. Тот же сохранил неповрежденное целомудрие: воздержался от юношеских излишеств, а, став старше, не испытывал недостойных желаний. Голос его был дивной мягкости,

* Книга V, I; Вектий Эпагат был умучен в 177 году.

пел он приятно; подолгу сидел за книгами, любил поститься и сильно ограничивал себя в еде. Когда блаженный епископ Квинтиан приехал в этот монастырь и услышал, как он поет, то не дал ему там дольше оставаться, забрал с собой в город и как духовный отец воспитал его в сладости духовной жизни.

После смерти его родного отца, поскольку голос его день ото дня становился все лучше и лучше и среди людей он пользовался величайшим уважением, король Феодорик был извещен о нем, и юношу привели к нему. Королю он так понравился, что тот возлюбил его больше собственного сына. И Королева питала к нему столь же сильную любовь не только из-за красоты его голоса, но и за его целомудрие. В то время король Феодорик забрал из Клермона многих клириков, которым определил служить Богу в церкви Треве, и там никогда не позволял блаженному Галлу отлучаться от себя.

Так и было, что когда Король отправился в Кельн, Галл поехал с ним. В том городе было капище, наполненное разными украшениями, куда варвары тех мест обычно приносили приношения и где они объедались и опивались вином до блевотины. Там они также как богам поклонялись своим идолам и ставили сделанные из дерева изображения разных частей человеческого тела, когда это место у них начинало болеть. Как только святой Галл узнал об этом, то немедленно поспешил туда с еще одним клириком и, пока там не было этих невежественных язычников, они разожгли огонь и сожгли все капище дотла. Но язычники, увидев, как поднимается в небо дым, кинулись искать поджигателя и, найдя его, стали преследовать с обнаженными мечами. Он бежал от них и спрятался в королевском дворце. Король, узнав из угроз язычников, что произошло, обратился к ним с мягкими словами и тем успокоил их неразумный гнев. Блаженный часто со слезами вспоминал об этом поступке и говорил: “Горе мне, что я не остался там, чтобы в том закончить жизнь свою”. В то время он был диаконом.

3. Когда блаженный епископ Квинтиан по воле Божией окончил свои земные дни, святой Галл жил в Клермоне. Обитатели Клермона собрались в доме священника Императа, дяди Галла, оплакивая смерть епископа и рассуждая, кого следует поставить

на его место. Они долго говорили об этом, а потом все разошлись по домам. После того, как они ушли, святой Галл позвал одного из клириков и, исполненный Духа Святого, сказал: “Почему сокрушаются эти люди? К чему они стремятся? О чем думают? Все это ни к чему, так как епископом буду я! Господь меня удостоил уже этой чести. Что касается тебя, то когда ты услышишь, что я удалился от короля, бери запряженного коня моего предшественника и приезжай ко мне. Но если ты ослушаешься меня, берегись, потому что позже об этом пожалеешь”.

Говоря это, он лежал на кровати. Клирик на него рассердился, сильно разбил его и даже ударил его боком о кровать, а потом ушел, страшно возбужденный. После его ухода священник Императ сказал блаженному Галлу: “Чадо! Выслушай мой совет. Не откладывай, а сразу же отправляйся к королю, расскажи ему о том, что здесь произошло, и, если Господь управит его дать тебе эту епархию, мы вознесем Господу великую благодарность за это; если же король поступит иначе, то, по крайней мере, ты представишься тому, кто будет поставлен епископом”.

Итак, он отправился и рассказал королю, что произошло в связи со смертью блаженного Квинтиана. Тогда умер также и Апрункул, епископ Треве. Священники этого города, собравшись перед королем Феодориком, попросили себе во епископа святого Галла. Король сказал им: “Идите обратно и поищите кого-нибудь другого, так как для дьякона Галла я приготовил кое-что другое”. Потому они выбрали святого Никиту, и тогда получили одобрение короля.*

Что касается священников Клермона, они пришли к королю с восхвалением народа и многими дарами. В то время уже начал распространяться этот пагубный обычай, когда главенство в епархии продавалось королем и покупалось священством. Церковники Клермона услышали от короля, что их епископом будет святой Галл. Когда его рукоположили во священника, король повелел, чтобы граждан приглашали на пир, устроенный за общественный счет, чтобы они там праздновали в честь Галла, своего будущего епископа, и это было выполнено. Святой Галл

*Житие святителя Никиты — в главе 17-й *Vita Patrum*.

обычно говорил, что за свой пост он отдал всего лишь треть медной монетки повару, который готовил праздничный стол. Потом король послал святого Галла в Клермон, дав ему в сопровождение, дабы не было одиноко, двух епископов.

Что же касается того клирика (имя его было Вивент), который повредил Галлу бок, ударив его о край кровати, он по распоряжению Иерарха поспешил предстать пред ним, очень смущенный; с собой он привел лошадь, которую требовал святитель Галл. Когда они вместе пошли в баню, святитель Галл слегка попенял ему за боль в боку, вызванную выходкой с яростью гордого церковника, и привел его в большое смущение своими словами, сказанными не с гневом, а скорее шутливо и ободряюще. Позже он вступил в город, где встречали его пением псалмов и посветили во епископа в его церкви.

4. Приняв на себя эти обязанности, он со всеми был столь смиренен и любвеобилен, что снискал всеобщее поклонение. Терпение его было велико, так что, если можно так выразиться, его можно было сравнить с Моисеем за переносимое им. Случалось такое, что когда во время трапезы священник его ударял его по голове, он сохранял обычное спокойствие, не позволяя себе ни одного резкого слова; он терпеливо переносил все, что ему выпадало, оставляя все решению Суда Божия, и это его укрепляло. Так, когда некий Эводий, священник из сенаторской семьи, за церковной трапезой подверг его оскорбительным и клеветническим нападкам, владыка Галл встал из-за стола и пошел к тому месту в городе, где были святые базилики. Когда Эводию об этом сказали, он помчался за ним и посреди улицы бросился ему в ноги, моля о прощении и о том, чтобы молитвы Епископа ко Всемогущему Судии не стали ему приговором. Епископ, являя доброту, поднял его с земли, великодушно простил за все, им сказанное, и лишь предупредил, чтобы в будущем он не дерзал говорить против епископов Господа Бога, или сам никогда не будет достоин стать епископом, что позднее и подтвердилось. Потому что, когда он был избран епископом Габалитана и все было готово для хиротонии, все люди вокруг поднялись против него, он едва унес ноги и умер в конце концов простым священником.

5. В городе Арле, когда епископ Марк был обвинен злыми людьми и отправлен в ссылку, по приказанию короля Хильдебера был созван собор епископов. На этом соборе* блаженные владыки признали, что все обвинения против Епископа были беспочвенны, и его восстановили в городе и епархии. Тогда в услужении у святителя Галла был один дьякон, Валентин, позже священник и певец. В то время, когда другой епископ совершал литургию, этот дьякон хотел запеть — не из богопочитания, а скорее из тщеславия, и святитель Галл запретил ему это, говоря: “Оставь, чадо. Когда, по воле Божией, мы будем совершать Божественную службу, тогда тебе и следует петь. А сейчас пусть поют клирики того, кто совершает литургию. Дьякон сказал, что он и сейчас тоже может петь, на что Епископ ответил: “Делай, что хочешь, но ты не сможешь выполнить желаемое”. Дьякон, не приняв во внимание слова Иерарха, выступил вперед, но спел так невпопад, что его осмеяли. Когда же пришло следующее воскресение и святитель Галл совершал литургию, он велел дьякону быть на месте, сказав ему: “Сейчас, во имя Господа, ты будешь петь так, как сам того желаешь”. И голос дьякона звучал на этот раз так красиво, что все наперебой хвалили его. О, Блаженный, наделенный такой благодатью, что не только души людей, но и их голоса были в его власти до такой степени, что он мог или воспрепятствовать им петь, или разрешить это!

6. Через него Господь сотворял также другие чудеса. Когда некий Иулиан (сначала он был адвокатом, потом стал священником), человек с очень покладистым характером, подхватил жестокую малярийную лихорадку, ему помогло ложе Святителя: он лег на него, поспал немного, накрывшись его покрывалом, и так исцелился, что впоследствии ни разу эта болезнь у него не возникала.

Однажды, когда Клермон был охвачен большим пожаром и Святитель узнал об этом, пошел он в церковь и долго со слезами молился Господу пред святым алтарем, потом поднялся, взял евангелие, вышел из церкви и поднял раскрытое Евангелие вверх пред огнем. Пламя тут же угасло, не оставив ни единой искры.

*Пятый собор в Арле, собиравшийся в 549 году.

Когда в разных местностях бушевала эпидемия бубонной чумы и хуже всего было положение в провинции Арля, святитель Галл боялся не столько за себя, сколько за паству свою. Денно и ночью молился он Господу о том, чтобы при жизни своей не довелось ему увидеть гибель своего народа, и во сне явился ему Ангел Божий с белоснежными волосами и в белоснежных одеждах и сказал ему: “О Святитель, Божественное провидение благосклонно к твоим мольбам за народ. Так что не бойся, ибо молитва твоя услышана, и послушай! Ты и народ твой освободитесь от этой болезни, и никто, пока ты жив, не погибнет в твоих краях от сей эпидемии. Сейчас не бойся, но по истечении восьми лет ты покинешь этот мир”. И действительно, так позднее и свершилось. Проснувшись и возблагодарив Господа за это утешение, которым он был удостоен через Его небесного посланца, святитель Галл установил те молебны, которые совершаются в середине поста, когда они идут крестным ходом, распевая псалмы, до базилики блаженного Иулиана-мученика. В том пути 72 километра. Итак, потом, когда чума, как мы уже говорили, опустошила эти районы, она благодаря молитвам святого Галла не затронула город Клермон. И я думаю, немалой благодатью был удостоен сей пастырь: не увидел он, как эпидемия пожирает его паству, ибо Господь охранил ее.

7. Но давайте перейдем к тому времени, когда Господь благоизволил забрать его из этого мира. Он лежал больной в постели, и внутренняя лихорадка так изнуряла его, что он одновременно потерял все волосы и бороду. Господь открыл ему, что он умрет через три дня, и он собрал людей и, преломив хлеб, раздал его в святое приобщение и объявил свою волю. На третий день, на который приходилось воскресенье и который принес скорбь гражданам Клермона, когда небо начало светлеть, он спросил, что поют в церкви. Ему ответили, что совершается утренняя, читают 50-й псалом. И он пропел сей псалом и продолжил молитвословия — до конца утрени. В конце службы сказал: “Теперь мы прощаемся с вами, братия”. И с этими словами все тело его распрямилось, а дух вознесся ко Господу, куда он всегда и стремился. Отошел он на 65-м году земной жизни, на 27-м году епископства.

Его обмыли, облачили и отнесли в церковь в ожидании приезда на похороны епископов этой провинции. И там перед людьми совершилось великое чудо: лежа там, он распрямил свою правую ступню и повернул на ту сторону, которая была обращена к алтарю. Когда это произошло, начались пасхальные моления. Он лежал в церкви три дня, и все это время при большом стечении народа продолжалось пение псалмов. На четвертый день прибыли епископы, вынесли его из церкви и, отнеся в базилику св. Лаврентия, похоронили его там.

Едва ли поддается описанию скорбь, которая царила на его похоронах, и сколько там собралось народа. Женщины были в траурных платьях, словно они потеряли собственных мужей, а мужчины, в свою очередь, покрыли головы, словно хоронили жен своих. Даже некоторые евреи шли в конце процессии, плача и держа в руках лампы. И все в один голос говорили: “Горе нам, с этого дня никогда у нас не будет такого иерарха”.

И поскольку епископы провинции, будучи на большом отдалении, смогли приехать лишь на четвертый день, верующие, по сельским обычаям, обложили тело Святителя дерном, чтобы оно не распухло на жаре. А после похоронной церемонии одна женщина, точнее, как я достоверно узнал, дева, чистейшая и преданнейшая Богу, по имени Мератина, унесла этот дерн в свой сад. Она часто его поливала, и, помощью Божией, он жил и произрастал. Больные, которые брали кусочки этого дерна и опускали его в питье, излечивались, и даже верующий, который просто помолился над ним, получил то, о чем просил. Позднее, когда дева та умерла и за дерном никто больше не ухаживал, он засох.

У гробницы Святителя произошло множество чудес. Болеющие малярией и разными другими видами лихорадок обретали здоровье, едва только с верой касались ее. Певчий отец Валентин (о котором мы говорили раньше и который теперь был уже священник), когда дьяконом служил службу, испытал приступ малярии и тяжело страдал от нее несколько дней. Случилось так, что в день, когда на него напала эта лихорадка, он решил посетить святы места и помолиться там; придя к гробнице Святителя и пав ниц, он сказал: “Помяни меня, блаженный Отче. Ты растил меня, наставлял, укреплял. Вспомни ученика своего,

которого любил ты редкой любовью и освободи меня от терзающей меня лихорадки”. Сказав это, он собрал маленькие веточки, которые верующие разбросали вокруг могилы Святителя в его честь, и, поскольку они были зеленые, вложил их в рот, разжевал и проглотил их сок. В этот день малярия его не беспокоила, а позднее он так окреп здоровьем, что ни разу больше у него не было озноба. Я слышал это из его собственных уст. И нет сомнения, что Тот, Кто воскресил Лазаря, Он силой Своей совершает чудеса и на могилах рабов Своих.

ПРИМЕЧАНИЯ

Святитель Галл, последователь святителя Квинтиана (см. гл. 4) на кафедре Клермонской, стал его преемником в 525 году, а умер в 551; поминают его 1 июля.

Святитель Галл был родным дядей святителя Григория, братом его отца, его святитель Григорий знал лично, хотя ему было только 13 лет, когда святитель Галл преставился.

Король Феодорик (Тьерри I, умер в 534 году) и король Хильдебер (умер в 558 году) были оба сыновьями короля Кловиса и после смерти последнего в 511 году разделили его королевство с двумя другими братьями. Феодорик правил в северной его части (включая Треве или Тир, Кельн и другие части современной Германии), где в VI веке все еще сильным было язычество. Более поздние главы “Жития Отцов” частично описывают христианскую миссионерскую деятельность среди тамошних язычников. Супругой Феодорика была Сувегота, дочь святого короля Сигизмунда (см. “Историю франков”, III, 5).

Базилика св. Лаврентия, в которой был погребен свят. Галл, была на небольшом расстоянии от кафедрального собора в Клермоне; очевидно, еще в давние времена была разрушена, и могила свят. Галла утеряна. Эпитафия на смерть Святителя была написана христианским поэтом Фортунатом (Кармина, I: IV, 4).

7.
Святитель Григорий,
НЕТЛЕННЫЙ ЧУДОТВОРЕЦ ЛАНГРСКИЙ
Память 4/17 января († 539)

Люди совершенной святости, которых длань Божества вознесла с земли на небо, суть те, что отличаются полной нестяжательностью, обогащены плодами благотворительности, украшены цветами целомудрия, увенчаны венцами мучеников или, наконец, те, чьим главным устремлением было соделать собственные тела храмами, способными принять Духа Святого и вознестись через то на вершины других добродетелей. И потому, став собственными притеснителями, препобеждая пороки в самих себе, подвергая себя мученическим трудам, они с триумфом заканчивают течение своей духовной брани, чего никто не в состоянии соделать без помощи Божией, без защиты щитом и шлемом Божественного споспешествования и чего человек не может достигнуть собственными силами, а относит к славе имени Божия, по слову Апостола: **“Хвалѣйсѧ, ѡ Господѣ да хвалитсѧ”** (1 Кор. 1, 31). Именно в этом искал блаженный Григорий собственную славу, он, который с высоты сенаторского своего сана снизошел до такого смирения, что, презрев все заботы сего мира, посвятил себя целиком трудам Божиим, храня Господа в сердце своем.

1. Святитель Григорий, первый среди сенаторов, прекрасно образованный литературно, стал графом города Отон и в течение сорока лет со всей справедливостью управлял этими местами. Он был столь строг и суров по отношению к преступникам, что едва ли мог найтись хоть один, улизнувший от него. У него

была жена Арментария, из рода сенаторского, которую, как говорят, он познал только для продолжения рода. Бог даровал ему сыновей, и он никогда ни возжелал какой-либо еще женщины, как это часто случается в пылу юности.

2. По смерти супруги своей он полностью предался Господу и, избранный народом, был посвящен во епископа Лангрского. Велико было его воздержание в пище, но, дабы это не приписали гордости, он прятал маленькие ячменные хлебцы под пшеничными; потом, разломив и раздав другим пшеничный хлеб, незаметно брал себе ячменный. То же самое делал он и с вином: разносящий чаши давал ему воду и, чтобы скрыть это, чтобы не видна была прозрачность воды, чаша святителя Григория была темной. Он так верно и строго постился, раздавал милостыню, молился, бодрствовал, что воссиял словно отшельник среди мирской суеты. Так, поскольку обитал он обычно в замке Дижона, который находился рядом с баптистерием, где пребывали мощи многих святых, то святитель Григорий часто вставал с постели посреди ночи и никем не замечаемый, разве Одним только Господом, шел молиться в баптистерий, дверь которого чудесно сама собою отворялась, и он усердно воспевал там псалмы.

Так было довольно продолжительное время — тайно от людей, но однажды один дьякон узнал сие: он увидел ночью святителя Григория, пошел за ним на расстоянии и наблюдал за тем, что тот делает, причем блаженный муж не заметил того. И диакон говорил, что когда Божий Святитель подошел к двери баптистерия и стукнул в нее рукой, она отворилась, хотя не было видно никого, кто бы мог открыть ее; и что после того, как он вошел внутрь, очень долго царила там тишина, а потом на протяжении более трех часов слышно было пение псалмов несколькими голосами. Я думаю, что, поскольку там хранились мощи многих святых, они являлись сему блаженному мужу, чтобы воспевать с ним вместе псалмы Господу. А когда он заканчивал, то шел обратно и ложился в свою постель так тихо, что никто ничего не знал. Утром сторожа, найдя дверь запертой, открывали ее, как обычно, ключом и звонили в колокол, и Святитель Божий вновь приходил туда с остальными на богослужение.

В первый день его пребывания в сане епископа, когда бесноватые признавались в своей одержимости, священники попросили его преподать им благословение, чего он, дабы не овладело им тщеславие, категорически не желал делать, объявив себя недостойным быть орудием проявления чудес Божиих. Тем не менее, не в силах отказываться слишком долго, он велел привести одержимых; потом, не дотрагиваясь до них, а лишь словом и крестным знамением велел бесам уйти. Услышав это, они сразу покинули тела людей, к которым в злобе своей привязались. Даже в отсутствии Епископа многие после этого останавливали одержимых и изгоняли бесов, сотворив посохом его крестное знамение. Более того, если какой-нибудь больной уносил частичку чего-либо от ложа его, то это было верное лекарство для него. Его внучка Арментария* однажды в юности испытала жестокий приступ лихорадки, врачи неоднократно пытались ей помочь, но безуспешно, и сам блаженный исповедник часто увещевал ее обратиться к молитве. Однажды ей захотелось лечь на его ложе, и лихорадка тогда исчезла напрочь, так что она уже никогда больше от нее не страдала.

3. Святитель Григорий, отправившись в город Лангр на праздник Богоявления, тоже заболел лихорадкой, в результате чего и покинул этот мир, чтобы предстать пред Христом. Его святой лик по смерти сиял таким великолепием, что напоминал благоухающие розы. На щеках был румянец, в то время как все остальное тело было белым, словно лилия, так что думалось, что он уже готов для будущего воскресения. Когда его доставили в замок Дижона, где он распорядился похоронить себя в долине к северу от замка, рядом с ним, несшие не могли держать гроб и поставили его на землю; потом, собравшись с силами, подняли его и понесли в церковь, расположенную внутри городских стен.

На пятый день прибыли епископы, и его перенесли из церкви в базилику святого Иоанна. Когда проносили его мимо тюрьмы, то узники начали кричать, обращаясь ко гробу: “Смилуйся над нами, о Блаженный; тех, кого ты не освободил, будучи в этом мире, можешь освободить сейчас, когда, будучи мертвым

*Мать святителя Григория Турского.

здесь, живешь в Царствии Небесном. Просим тебя, посети нас и сжался над нами”. Пока они это кричали, тело становилось все тяжелее — до того, что несшие не могли уже его держать. Поставив гроб на землю, они ожидали чуда от блаженного Епископа. И когда они ждали, ворота тюремные вдруг отворились, и бревно, к которому были прикованы ноги узников, разломилось пополам. Лязгнули оковы, рассыпались цепи, все стало свободны и без препятствий бросились к святым мощам. Тогда несшие гроб легко его подняли, и заключенные пошли за ним вместе с остальными; а позже судья отпустил их без наказаний.

4. После этого блаженный Исповедник сотворил еще много чудес. Один монах говорил, что в день его похорон он видел, как отверзаются небеса; нет сомнений, что после своих равноангельских деяний Святитель наш был допущен в небесное жилище. Однажды в вышеназванный замок вели узника, вели тем же путем, которым из Лангра несли тело Святителя. Солдаты ехали на лошадях и тащили за собой пленного; и таким образом они подошли к тому месту, где покоились мощи блаженного Исповедника. Когда они проходили мимо этого места, узник воззвал к имени Святителя и попросил, чтобы тот в милости своей освободил его. Пока он так молился, узы спали с рук его. Почувствовав себя свободным, он вел себя спокойно, и, поскольку руки его были закрыты, все думали, что он все еще связан. Но после того, как они прошли через ворота замка и приблизились к церковному двору, он ринулся прочь, сжимая в руке ремень, которым тащившие его связали его, и так с помощью Всемогущего Господа и заступничеством блаженного Иерарха он был освобожден.

Достоинно восхищения также и то чудо, при котором мощи Блаженного воссияли при своем перемещении через длительное время после смерти. Поскольку Святитель был похоронен в углу базилики, и там было так тесно, что жаждавшие поклониться ему не могли подойти, святитель Тетрик, его сын и последователь, обратил на это внимание и, видя, что у могилы его непрерывно совершаются чудеса, сломал фундамент этой части базилики перед алтарем и запланировал там апсиду, которую с изумительным мастерством сконструировал в форме круга. А

когда круглая стена была закончена, он снес старую высокую стену и построил арку. По окончании и украшении сооружения, в середине апсиды он изрыл гробницу, собираясь поместить туда мощи своего блаженного отца.

Он призвал аббатов и священников, которые усердно молились, чтобы Святитель позволил перенести себя на приготовленное для него место. На следующее утро, при пении хора, они взяли саркофаг с его места перед алтарем и перенесли его в апсиду, построенную Епископом. Но, когда старательно обустраивали гробницу, вдруг (по воле Божией, я полагаю) крышка саркофага упала в сторону и — вот: явлен был блаженный лик Святителя, целый и нетронутый тлением, так что его можно было бы принять не за усопшего, а за уснувшего. Не подверглись также никакой порче и одежды, в которые он был облачен. Причина того, что плоть его была явлена столь прекрасной по смерти его в том, что она не была осквернена страстями. И действительно, велика чистота телесная и сердечная тех, что хранят благодать в этом мире и удостаиваются жизни вечной в будущем, о чем апостол Павел сказал: **“Миръ имѣйте и свѣтыню со всѣми, нѣже кромѣ никтоже оузритъ Господа”** (Евр. 12, 14).

5. Как-то в воскресный день одна девочка расчесывала волосы гребенкой. Из-за того (думаю), что она оскорбила этим святой день, гребенка вырвалась у нее из рук, и зубья вонзились ей в пальцы и ладонь, причинив сильную боль. Со слезами и молитвами обойдя базилику Святых, она пала ниц пред могилой блаженного Григория, надеясь на его помощь. После того, как она долго молила об этом блаженного Исповедника, гребенка выпала из руки, и рука обрела свой прежний вид. Также и одержимые, взывая к его имени у гробницы, часто очищались. И несколько раз после смерти его мы наблюдали, как, если коснуться этих людей его посохом, они так застывали у стен, что можно было подумать, что их удерживают там больше, чем хорошо заостренные с концов колья.

6. Знаем мы много и других его деяний, но, чтобы не утомить вас, кратко рассказали теперь лишь о некоторых из них. Почил он на 33-м году своего епископства и на 90-м году жизни — он, прославивший себя многократно сотворением чудес.

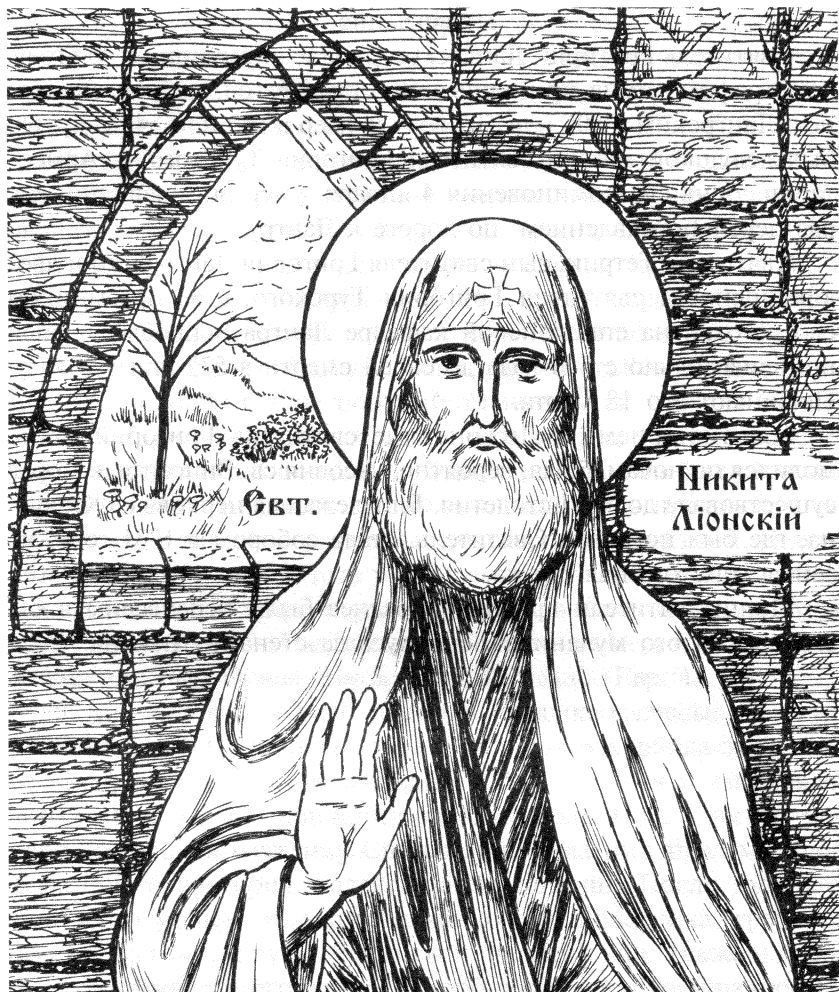
Примечания

Святитель Григорий Лангрский родился примерно в 450 году, был графом Отона примерно с 466 по 506 год, избран епископом Лангрским в 506 или 507 году и умер в 539 или 540 году. Он был дедушкой матери святителя Григория Турского — Армен-тарии. День его поминовения 4 января; умер он, очевидно, как раз перед Богоявлением, по дороге к Лангру.

Святитель Тетрик, сын святителя Григория Лангрского и двоюродный дед святителя Григория Турского, стал преемником своего отца на епископской кафедре Лангра и пробыл на ней приблизительно с 540 года до своей смерти в 572 или 573 году. Поминают его 18 марта.

“Баптистерием” в Дижоне, где святитель Григорий тайно молился по ночам, была, вероятно, часовня св. Винсента, которая существовала до XVII столетия. Близлежащая церковь св. Стефана, где был погребен Святитель, стала собором в 1731 году, но сейчас там хлебная биржа.

Мощи святителя Григория позднее были перенесены в базилику святого мученика Бенигнуса за стенами Дижона.

8.

Святитель Никита Лионский, ОБРАЗЕЦ КРОТОСТИ, ОСВОБОДИТЕЛЬ УЗНИКОВ

Память 2/15 апреля († 573)

Откровения Священного Писания часто свидетельствуют о тех, кому великодушием Божественного предвидения предназначено Его Царствие, как узнаем мы из тех мистических слов из Божественных уст, сказанных великому пророку Иеремии: “Прежде неже **Мнѣ** создати тѣ во чревѣ, познахъ тѣ, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложесны, **всвятихъ тѣ**” (Иер. 1, 5). И Сам Господь, Автор обоих Заветов, когда Он помещает по правую руку Свою тех, кого в благой щедрости Своей покрыл овчим руном, что Он говорит им: “Прїидите, **благословеннїи Отца Моегѡ**, наслѣдуйте оуготованное вамъ Царствїе ѿ сложенїа мїра” (Мф. 25, 34). И благословенный Апостол, сей избранник, говорит: “Ихже во предвѣдѣ, **тѣхъ** и представи совбразныхъ быти **вбразѣ Сына Своегѡ**” (Рим. 8, 29). Так он предопределил и Исааку (Быт., гл. 17), и Иоанну (Лк., гл. 1), как они родятся, как будут жить, их имена, труды и заслуги.

Так и что касается блаженного Никиты, та древняя благодать, которая обогащает не заслужившего ее, освещает нерожденного и определяет и уставляет все еще до их создания, пожелала открыть сперва его матери, какими цветами духовной благодати он процветет в этом мире. В наши руки попала одна книга о его житии, автора которой я не ведаю, которая сообщает нам многое о его добродетелях, но в то же время не содержит определенных сведений ни о его рождении, ни о его обращении, ни последовательности совершенных им чудес. И хотя мы не

исследовали все чудеса, что сотворил Господь, избрав его Своим орудием, когда он бывал один или прилюдно, тем не менее мы по-простому собираемся рассказать о том, что прошло мимо внимания первого автора.

1. Однажды некоему Флорентию, имевшему сенаторский сан, жену по имени Артемия и двоих детей, была предложена епископская кафедра города Женевы. Получив на это согласие правителя, Флорентий вернулся к себе домой и рассказал обо всем жене. Выслушав его, она сказала: “Прошу тебя, дорогой муж мой, отказаться от сего и не искать епископства в этом городе, ибо во чреве своем я ношу Епископа, которого зачала от тебя”.* Услышав это от супруги, сей мудрый человек ничего не ответил, вспоминая, как в былые времена Божественный голос повелел праотцу нашему блаженному Аврааму: “**Всѣ елика аще речеть тебѣ Сарра, слѣшай гласа еѣ**” (Быт. 21, 12).

Наконец, пришло время родов, и жена его произвела на свет дитя, которого при крещении нарекли Никитой, как бы объявляя, что он будет победителем мира.** Они воспитали его с величайшей заботой о его церковном обучении. После смерти отца Никита, хотя и был уже церковнослужителем, продолжал жить с матерью в отцовском доме, сам вместе со слугами работа по хозяйству, так как понимал, что телесные позывы укрощаются физическим трудом.

Однажды, когда он жил еще дома, на лице его вскочил гнойный волдырь, и со временем увеличился, воспалился, так что юноша пришел в отчаяние. Мать его постоянно призывала имя блаженного Мартина вместе с именами других святых, сугубо умоляла о милости к своему сыну. И когда в течение двух дней отрок не вставал с постели, лежал с закрытыми глазами, не сказав своей скорбящей матери ни слова утешения, и она, пребывая между надеждой и страхом, уже готовила все необходимое для его похорон, вечером на второй день он открыл глаза и спросил: “Куда ушла мама?” Сразу же подойдя, она сказала: “Я

* Полагалось так, что женатый человек, если его избирают епископом, должен был жить отдельно от своей жены, поэтому то, что его жена ждала ребенка, обязывало его продолжать семейную жизнь и отказаться от сана епископского.

** Имя Никита означает “победитель” (греч.).

здесь. Чего хочешь, сынок?” И он ответил: “Мама, не бойся, блаженный Мартин сотворил надо мною крестное знамение и велел мне выздоравливать”. Едва произнеся это, он тут же встал с постели. Силы небесные усилили благодать этого чуда и для того, чтобы возвестить о Мартине, и для того, чтобы избавить от заразной болезни будущего Святителя. Рубец на его лице остался напоминанием о том на всю жизнь.

2. В возрасте тридцати лет удостоился он чести стать священником, но и это не мешало ему продолжать делать ту же работу, что и прежде: он всегда трудился физически вместе со слугами, чтобы выполнить апостольский завет: “Дѣлаа своима рѣкама благое, да имать подаати тревѹющемъ” (Еф. 4, 28). Особенно внимательно следил он за тем, чтобы все дети, которые рождались в его доме, как только они начинали говорить, обучались грамоте и псалмам, чтобы они могли петь их, размышлять над ними вместе с другими и наполнять, таким образом, души свои тем добром, которое дает богопочитание.

Говоря о его целомудрии, скажем, что он не только тщательнейшим образом охранял его в себе, но и других всегда увещевал хранить благо чистоты и воздерживаться от нечистых прикосновений и неприличных слов. И действительно, я помню, что в детстве, когда начинал я учиться грамоте и мне шел восьмой год, он велел мне, недостойному, подойти к его кровати, обнял с нежной отцовской любовью; зажав пальцами край своей одежды, так он завернулся в тунику, чтобы не коснуться телом. Прошу вас обратить внимание на эту предосторожность Божия человека, который таким образом остерегся касаться ног ребенка, чтобы не могло быть ни малейшей вспышки похоти, ни малейшего возбуждения нечистых помыслов. Насколько же сильнее в таком случае он избегал любых ситуаций, где мог быть хоть какой-то намек на нецеломудрие? На самом деле, как мы уже сказали, он был столь непорочен телом, столь чист сердцем, что ни разу в жизни не пошутил, но говорил всегда только о Божем. И хотя всех людей обнимал он узами небесной любви, при этом матери своей слушался, как один из ее слуг.

3. Святитель Сакерд, епископ Лионский, заболел, будучи в Париже, и, поскольку старый Хильдебер очень его любил, Король

пожелал навестить его во время болезни. При его приближении Епископ сказал: “О, благочестивейший Король, ты прекрасно знаешь, что я всегда служил тебе и ревностно выполнял все твои повеления. Теперь же прошу тебя, поскольку пришел конец моей жизни, чтобы не дал ты мне покинуть этот мир в печали, но выполнил мою просьбу”. И Король сказал: “Проси, что хочешь, и у тебя это будет”. — “Прошу, — сказал Епископ, — чтобы священник Никита, мой племянник, стал моим преемником на епископской кафедре Лиона. Свидетельствую, что он дорожит целомудрием, любит церкви, не забывает раздавать милостыню, что и в работе своей, и в поведении он с радостью делает все так, как и приличествует рабам Божиим”. Король ответил: “Да свершится воля Божия”. Так Никита с полного согласия Короля и народа был посвящен во епископа Лионского.

Всегда он показывал себя истинно любящим мир и согласие, и, если кто-нибудь его оскорблял, он тут же прощал или предлагал, чтобы попросили прощения. Однажды я видел священника Василия, посланного им к графу Арментарию, который тогда, согласно закону, управлял городом Лионом; священник сказал ему: “Наш Владыка своим суждением положил конец тому делу, которое, тем не менее, было вновь поднято, и он советует тебе не заниматься снова возбуждением его”. Граф, возгоревшись гневом, ответил священнику: “Иди и скажи ему, что много есть дел, с которыми обращаются к нему, но заканчивать их должно не по его решению”. По возвращении священник простодушно передал все, что слышал. Тогда святитель Никита рассердился на него: “Истинно, не получишь ты благословения от руки моей, раз довел до моих ушей слова, сказанные в гневе”. Он опирался о стол, а я был ближе всех к нему с левой стороны, исполняя обязанности дьякона, и он шепотом сказал мне: “Поговори со священниками, чтобы они за него вступились”. Я сказал им это, но они молчали, не понимая намерения Святителя. Видя это, он обратился ко мне: “Встань и попроси за него”. Я встал, дрожа и целуя его святые колени, и попросил за этого священника. Он удовлетворил мою просьбу и, благословляя его, сказал: “Молю вас, возлюбленные мои братья, чтобы бесполезные, сказанные грубо слова не ос-

корбляли моего слуха, ибо не пристало разумным людям поддерживать дерзкие слова людей неразумных. Скорее, вам следует научиться разрушать своими аргументами планы тех, кто затевается вредить Церкви. Что до бессмысленных слов, я не только не связываюсь с ними, но вообще не желаю их слышать. Пусть слова эти слышат те, кто не умеет прощать оскорблений, а даже, созвав целый город для отмщения, не бояться использовать свидетелей, злонамеренно говорящих: “Мы слышали, как такой-то говорил про Вас то-то и то-то”. И получается так, что бедные христиане из-за таких обвинений впадают в немилость”.

4. Однажды утром святитель Никита поднялся к заутрени и, вошедши в церковь и дождавшись, когда дьякон начал петь, с гневом сказал: “Да замолчит он, да замолчит, враг справедливости да лишится дерзости петь”. И не успел он произнести этих слов, как дьякон умолк, словно что-то замкнуло ему рот. Святитель велел подвести его и сказал: “Разве я не запрещал тебе вступать в церковь Божию? Почему ты столь дерзко вошел сюда? Как осмелился своим голосом петь священное?” Все присутствующие были изумлены, не зная за дьяконом ничего дурного, но тут демон возопил в нем и признался, что Святитель подверг его ужасным мучениям. Он действительно дерзнул петь в церкви, но Святитель узнал его голос, не узнанный другими, и своими резкими словами он оскорбил не дьякона, но дьявола. Потом, возложив руки на дьякона и изгнав из него беса, привел этого человека в чувство.

5. Прославившись пред людьми этим и другими случаями, отошел он ко Христу на 22-м году своего епископства и 60-м году жизни.

Когда Святого несли хоронить, маленький ребенок, долгое время пораженный слепотой, шел вместе с другими (кто-то помогал ему, поддерживал) и плакал. Пока он так шел, услышал какой-то голос, шепнувший ему: “Подойди ко гробу, и как только подойдешь, сразу прозреешь”. Мальчик спросил мужчину, сопровождавшего его, что за человек шепнул ему в ухо эти слова, но мужчина ответил, что никого, кто бы мог с ним говорить, он не видел.

А мальчик во второй раз услышал этот голос, и в третий, и понял, наконец, что ему нужно так и поступить, и попросил, чтобы его подвели ко гробу. Он подошел близко, проскользнул через толпу дьяконов в белых облачениях, встал, куда ему было указано, и призвал лишь имя Святителя, как зрение вернулось к нему.

После этого случая ребенок стал усердно служить у гробницы Святителя, зажигал там лампы. Но некоторые из влиятельных людей горда так его преследовали и угнетали, что он даже не мог получать от благотворителей еду. Поскольку он часто жаловался на это у изножия благословенной гробницы, Святитель явился ему и сказал: “Иди к королю Гунтараму и подробно расскажи ему, что ты претерпел, он вызволит тебя из рук твоих врагов и даст тебе и пищу, и одежду”. Побужденный этими словами мальчик пошел к Королю и получил то, о чем просил.*

Так благодать Господня безотлагательно прославила сим знаменiem блаженные останки того, чья душа отлетела на Небо в хор ангельский.

Когда пришел определенный римским законом срок для оглашения завещания покойного, завещание Епископа принесли на собрание, вскрыли там, и судья в присутствии народа прочитал его. Священник базилики, разозлившись оттого, что Святитель ничего не оставил храму, где был погребен, сказал: “Многие говорят, что Никита был нищ духом, сейчас это вполне очевидно, поскольку он ничего не оставил базилике, в которой погребен”. Но на следующую ночь Святой в сияющем облачении, с двумя иными святителями — Иустином и Евхерием** — явился священнику и сказал: “Этот священник, возлюбленные братия, клеветает на меня, говоря, что я ничего не оставил храму, в котором покоюсь, забывает о том, что я оставил ему самое дорогое — свой прах”. И они отвечали: “Это он зло сотворил, принизив раба Божия”. Затем Святитель

*Случай этот был добавлен из другого повествования свят. Григория о свят. Никите в “Славе исповедников”, гл. 61.

**Они были епископами Лионскими до свят. Никиты.

повернулся к священнику и ударил его по горлу кулаками, затем ладонями, приговаривая: “Грешник, которого ногой следовало бы растоптать, прекрати свои глупые разговоры”. Священник проснулся и почувствовал, что его распухшее горло терзает такая боль, что он едва может сглотнуть слюну. Сорок дней после того пришлось ему пролежать в постели, жестоко страдая, но, призвав имя Исповедника, он вернул себе здоровье и после этого уже не осмеливался произносить такие слова, что позволял себе раньше.

Епископ Приск, который, как всем известно, всегда был ярым противником Святого, дал одному дьякону мантию Никиты. Она была просторной, ибо Божий угодник был телом крепок. Капюшон мантии был широким, пришитым, как того требовал обычай для белых мантий, которые духовные лица одевали на праздник Пасхи. И вот этот дьякон ходил в этой мантии, мало обращая внимания на то, к чему она была предназначена. Он в ней и спал, и на форум ходил, не думая о том, что и края этой одежды могли бы исцелять тех больных, у которых была сильная вера. Кто-то сказал ему: “О дьякон, если бы ты знал силу Господа и кем был тот, чье одеяние ты носишь, ты бы с большой осторожностью его использовал”. Он ответил: “Я тебе вот что скажу. Эту мантию я использую, чтобы прикрывать себе спину, а, поскольку капюшон для меня слишком велик, собираюсь сделать из него тапки”. И несчастный сразу же сделал так, как сказал, и немедленно вынужден был испытать на себе силу отмщения Божия. Как только отрезал он капюшон, сделал из него тапки и надел их на ноги, то сразу же упал на землю, одержимый бесом. Он был тогда в доме один, и никто не мог помочь бедняге. И пока он плевал кровавой пеной изо рта, протянув ноги к очагу, огонь сжег его ноги вместе с тапками. Вот это я хотел сказать вам об отмщении.

6. Агиульф, наш дьякон, возвращался из Рима, нес нам благословенные мощи святых. По пути домой он свернул в сторону, чтобы помолиться в месте, где покоится Святой, и, зайдя в храм, начал было просматривать записи чудес, которые там бывали, как вдруг увидел огромную толпу людей рядом с могилой, которые собирались, как рой пчел у улья. Некоторые

брали у священника, стоявшего там, крошки воска и уносили их как благословение; другие немного праха; некоторые забирали ниточки из покрывала на могиле — и все уносили одинаковую благодать исцеления для разных случаев. Дьякон, исполненный веры, наблюдал это со слезами, говоря: “Раз благочестие моего Епископа понудило меня пересечь текущие воды моря, чтобы я смог посетить гробницы мучеников Востока и привезти с собой их мощи, почему же мне не взять то же самое у Исповедника галлов и этим хранить здоровье свое и близких?” И он при этом подошел поближе и взял травок, которые благочестивые люди разложили вокруг святой могилы* и которые священник сам дал ему, завернутые в ткань. Дьякон принес их домой, аккуратно сложил, и его вера при этом вознаграждена была произошедшими чудесами. Ибо когда он измельчил часть травы, положил в воду и дал это питье простуженным, они, выпив, сразу же выздоровели, и позднее так же было и со многими другими. Рассказывая нам это, он сказал, что таким образом исцелились от болезни уже четыре человека.

Иоанн, наш священник, возвращаясь из Марсея с тем, что он там наторговал, пошел помолиться у могилы Святителя, а затем, поднимаясь с колен, заметил сломанные кандалы и звенья цепей, которыми заковывали шеи и ноги осужденных, и подивился этому. И даже во время его визита не обошлось без чуда: когда он вернулся домой, то клятвенно уверял, что там в его присутствии обрели зрение три человека, которые ушли домой исцеленными.

Когда мощи Святителя с почестями, при пении псалмов переносили в Орлеан, один из главных городов галлов, Господь явил такую милость, что смиренно поклонявшиеся мощам слепцы прозрели, исцелились и хромые. Никто не сомневался в близости Исповедника, видя, какому количеству больных даруется исцеление.

*Повсеместный обычай в Галлии VI века. В “Истории франков”, VII, 12, свят. Григорий пишет о травах, положенных на церковный алтарь. Можно это сравнить с современным православным обычаем брать как благословение цветы, которые касались чудотворной иконы.

7. В одном месте поднялся мятеж: разъяренная толпа швыряла камни и факелы и вооружалась, чем могла. Один человек, вооружившись мечом, сильно ударил другого, а через несколько дней брат убитого так же поступил и с убийцей. Узнав об этом, судья того места посадил этого человека в тюрьму, говоря: “Он достоин смерти, этот негодяй, потому что по собственной воле, не дожидаясь решения судьи, так безрассудно отомстил за смерть брата”. Находясь под стражей, заключенный, призвав имена разных святых, дабы возбудить их сочувствие, особенную свою молитвенную просьбу адресовал Святителю Божию: “Я слышал о тебе, святой Никита, что ты славись милосердием и великодушно освобождаешь узников, взывающих к тебе. Молю тебя, снизойди к моей просьбе, яви чудо, какое ты являл уже, освобождая других”. Спустя короткое время во сне явился к нему Блаженный и сказал: “Кто ты, призывавший имя Никиты? И откуда знаешь обо мне, что так безостановочно умоляешь?” Мужчина подробно описал ему все, что произошло и добавил: “Смилуйся надо мной, прошу тебя, если ты и есть угодник Божий, которого я призывал”. Святитель сказал ему: “Вставай, во имя Христа, и свободно уходи. Никто тебя не остановит”. Проснувшись при этих словах, он с изумлением увидел, что цепи его разорваны, а брус сломан. Никто его не остановил, и он сразу же, без страха отправился к могиле Святителя. Позже, когда судья освободил от вынесенного ему наказания, он пришел к себе домой.

8. С удовольствием добавим к этим свидетельствам рассказ о том чуде, которое он совершил с лампадой рядом со своей кроватью, ибо то, что этот Святитель, пребывающий ныне на небесах, творит сейчас на земле, воистину велико. Итак, кровать, на которой обычно спал Святой и которая с величайшим тщанием была изготовлена Эферием (ныне он епископ), часто прославлялась дивными чудесами. Не без причины ее почитали святой, так как болевшие лихорадкой часто исцелялись от нее, исцелялись и от озноба, полежав на ней, а иные больные выздоравливали, едва только приложившись на нее. Покрыта она прекрасной тканью, и пред ней постоянно горят лампы. Одна из них горела сорок дней и сорок ночей, причем, как уверял нас

ризничий, никто и никак не поддерживал этот огонь — не добавляли ни фитиль, ни масло. Как ее в первый раз зажгли, так она и продолжала гореть.

Галломан, епископ Тройе, прибыл поклониться благоговейно мощам Святителя, и, когда их проносили с пением псалмов, благодаря их действию глаза слепых открывались, больным другими болезнями также даровалось исцеление. Нам также вынесли изукрашенный платок, который был на главе Святого в день его смерти и который мы приняли как дар небесный. Случилось так, что несколько дней спустя нас пригласили освятить церковь в приходе Пернэ в Турской епархии. Я поехал туда, освятил алтарь, из платочка вытащил несколько ниток и положил их в храме. Потом, после того как совершил литургию и помолился, я ушел. Через несколько дней те, кто нас приглашал, пришли, нашли нас и сказали: “Возрадуйся во имя Господне, служитель Божий, деянию блаженного святителя Никиты; узнай о великом чуде, которое он сотворил в освященной тобой церкви! В наших краях был незрячий, долго пребывавший во тьме слепоты, которому во сне явился человек и сказал: “Если хочешь исцелиться, иди и пади ниц пред алтарем базилики святителя Никиты, тогда вернется тебе зрение”. Когда он так и сделал, тьма разошлась, Божия сила вернула ему свет. Я свидетельствую, что поместил частички мощей также и в алтарях других церквей, и одержимые там исповедуются Святителю, и часто молитва, полная веры, приносит результат.

Слуга Пронима, епископа Егда, так сильно заболел эпилепсией, что часто падал с пеной у рта, кусая собственный язык. После лечения у разных врачей болезнь его на несколько месяцев отступила, но затем страдания начались снова, и он чувствовал себя хуже, чем прежде. Хозяин его, видя, какие великие чудеса творятся у могилы блаженного Никиты, сказал ему: “Иди, пади ниц пред могилой Святого, молись, чтобы он удостоил тебя своей помощи”. Слуга, выполнив это, вернулся домой здоровым, и впредь болезнь его больше не беспокоила. Его Епископ представил его нам через семь лет после исцеления.

9. При жизни Святителя один бедный человек получил от него письмо с его подписью, и с ним ходил по домам верующих

просить милостыню. По смерти Святителя он все еще использовал это письмо, собирая с благотворителей немаленькие суммы о памяти Святого. Все хотели видеть его подпись и что-нибудь давали бедняку. Видя это, один житель Бургундии, который никогда не почитал и не уважал Святого, пошел на расстоянии за этим бедным человеком и, когда тот вошел в лес, бросился на него, отнял шесть золотых монет и письмо, топтал бедняка ногами и оставил полумертвым. Но бедняк, когда тот разбойник бил его, выкрикнул: “Заклинаю тебя Богом и добродетелью святителя Никиты, оставь мне хоть письмо: если я лишусь его, у меня не будет других средств к существованию”. Бургундец, прежде чем уйти, бросил письмо на землю. Бедный человек поднял его и поплелся в город, где епископом тогда был Приск, о котором мы говорили раньше. Он пошел к нему и сказал: “Один человек сильно меня побил и похитил у меня шесть золотых, которые я получил, показывая письмо святителя Никиты”. Епископ сообщил правителю об этом деле. Он, являясь судьей, вызвал бургундца и спросил, что тот на это скажет. Он же перед всеми это отрицал, говоря: “Я никогда не видел этого человека и ничего у него не брал”. Епископ, рассматривая письмо, увидел подпись Святителя и, повернувшись к бургундцу, сказал: “Видишь, здесь, на этом письме, подпись святителя Никиты. Если ты невиновен, подойди и поклянись, коснувшись рукой того, что он сам написал. Мы верим, что он или обвинит тебя сей день в твоём преступлении, или велит отпустить тебя как невинного вне всякого сомнения”. Без угрызений совести он подошел к руке Епископа, который держал открытым письмо, и, когда он поднял руки, чтобы произнести клятву, то рухнул навзничь; с закрытыми глазами, с пеной у рта он казался умирающим. Примерно часа через два открыл глаза и сказал: “Горе мне, я согрешил, ограбив этого бедного человека”. И сразу же подробно рассказал все о своем преступлении. Потом, когда получил прощение от судьи и вернул бедняку все, что украл, добавив две монеты за удары, ему нанесенные, они оба вышли из суда вместе.

10. Что же касается числа заключенных, которых Святитель освободил, количества цепей, которые он разорвал — тому

свидетелем куча железа, которую можно видеть сегодня в его церкви, она сложена из цепей, о которых мы рассказывали уже в нашем повествовании. Недавно в присутствии короля Гунтрама я слышал рассказ Сиагра, епископа Отона, о том, как Блаженный в одну ночь явился заключенным в семи городах, как он освободил их из тюрем и позволил им уйти и как после этого судьи не осмелились ничего сделать против них. Если кто-то, страдающий от лихорадки или простуды, или от других болезней брал немного праха с его гробницы и, размешав его в воде, выпивал, тот сразу же выздоравливал, что, без сомнения, является добрым деянием Того, Кто сказал святым своим: **“Всѣ елика аще молащесѣ просите, вѣрѹйте, такъ прїемлете, — и вѣдетъ вамъ”** (Мк. 11, 24).

11. В Турской епархии, в городке Пресини, была недавно построена церковь, в которой еще не было мощей святых. Поскольку местные жители часто просили, чтобы мы благословили ее мощами, мы поместили в алтарь мощи святителя Никиты. С тех пор через блаженного Иерарха Господь весьма часто являл Свою силу в этой церкви. Совсем недавно три женщины, пришедшие из деревни Берри и терзаемые диаволом, добрались до базилики святителя Мартина и вошли внутрь. Сразу же замахав руками, выкрикивая, что они измучены добродетелью святителя Никиты, выплевывая не знаю какую жидкость, смешанную с кровью, они освободились сразу же от духов, владевших ими.

Ваддо, один из тех граждан, которые участвовали в великом походе против Коммига* и который несколько раз был в смертельной опасности, дал обет, что если он вернется домой живым и здоровым, то в честь святителя Никиты для украшения вышеупомянутой церкви пожертвует часть своей добычи. Потом, возвращаясь обратно, он добыл две серебряные чаши и дал в пути новый обет — отдать их в церковь, если благополучно доберется домой. Но когда вернулся, то отдал лишь одну, а другую жульнически оставил у себя, отдав взамен сарматс-

*Город, где претендент на власть Гундовальд был осажден королем Гунтрамом; Ваддо сначала поддерживал Гундовальда, но потом предал его. Осада подробно описана свят. Григорием в “Истории франков”, VII, 34-42.

кую ткань, чтобы покрывать жертвенник. Тогда Блаженный явился во сне этому человеку и сказал: “Доколе будешь колебаться и пренебрегать исполнением обета своего? Иди и пожертвуй церкви и вторую чашу, что обещал, иначе погибнешь ты и твоя семья. Что касается ткани, то ее нельзя класть на Дары, поскольку она тонкая и не может как надо прикрыть Тайны Господни”. Ваддо испугался, не сомневался больше и исполнил свой обет.

Брат того человека пришел в канун Рождества Христова и, разговаривая со священником, предложил: “Давайте во время всенощной в церкви сугубо молить святителя Никиту, дабы заступничество его помогло нам в мире и покое прожить этот год”. Слыша это, священник с радостью благословил готовиться к службе. Но когда все было готово и священник с прочим духовенством и другими людьми пришел, человек тот, страдавший обжорством, все задерживался, и священник несколько раз посылал за ним. Тот отвечал: “Подождите немного, я иду”. И что же? Закончилась всенощная, а человек тот, что первым заговорил о праздничной службе, совсем на ней не присутствовал. Что же касается священника, то, закончив службу, он в гнев поспешил к жилищу этого человека, думая лишить его причастия. Но тот, охваченный лихорадкой, сгорал от небесного огня, равно как и от вина, которое выпил, и, как только увидел священника, со слезами попросил наложить на него епитимью. И когда священник начал его укорять и говорить: “Поделом святитель Никита, в церковь которого ты не пришел, наказывает тебя за это небрежение”, то посреди его слов мужчина испустил дух. Потом, в третьем часу, когда люди собрались на праздничную литургию, покойного внесли в церковь. Никто не сомневался, что это случилось по воле Святителя. Нам рассказывал это тот самый священник. Мы могли бы поведать еще о многом, о чем нам известно или по собственному опыту, или по рассказам заслуживающих доверия людей, но боимся, что это займет слишком много места.

12. Однако, поскольку пора кончать этот рассказ, мы сообщим об одном чуде, связанном с книгой, написанной о его жизни, о которой мы уже говорили. Благодать Божия,

исходящая от ее страниц, прославляющих его, еще раз подтверждает славу его. Дьякон в Отоне, пораженный болезненной слепотой глаз, узнал о том, что Господь, прославляющий святых Своих, совершает у могилы Святителя, и сказал своей семье: “Если я поеду к его могиле и возьму кусочек мощей или хотя бы коснусь покрова его святых мощей, то выздоровлю”. И когда он повторил то же своим друзьям, среди них нашелся один священник, который сказал: “Правильно, что веришь этому, но если хочешь укрепить свою веру в сии чудеса, вот книга о них, написанная на пергаменте, так чтобы тебе легче было поверить во все то, что слышал”. Но дьякон, прежде даже чем у него возникло желание прочесть ее, сказал, вдохновленный свыше: “Верю, что Господь силен творить чудеса чрез рабов Своих”. И с этими словами он приложил том к газам своим. Сразу же боль и слепота исчезли, сила от книги исцелила зрение его до такой степени, что он собственными глазами прочитал о чудесах, написанных в книге той. Таков Господь наш, творящий сие, прославленный во святых Своих, которых Он делает известными через сотворения чудес. Слава Ему во веки веков. Аминь.

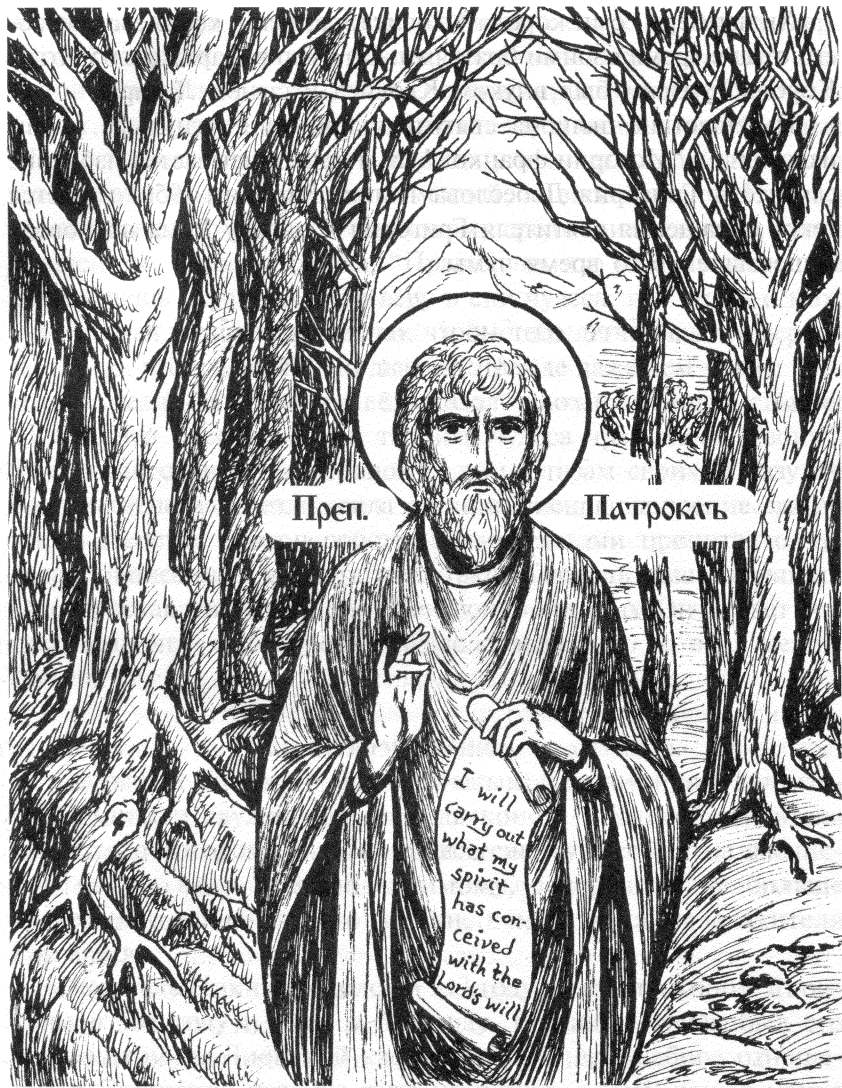
ПРИМЕЧАНИЯ

Святитель Григорий был внучатым племянником святителя Никиты и служил при нем дьяконом. “Житие” святителя Никиты, о котором он говорит, все еще существует на латинском языке, но в нем, по-видимому, содержится не больше сведений о событиях его жизни, чем в рассказе святителя Григория.

Святитель Никита родился в 513 году, стал епископом Лионским в 551 году и умер в 573 году. Епископ Приск был его преемником на Лионской кафедре и свое враждебное отношение к Святителю перенес даже на память о нем, чем, в конце концов, навлек на себя гнев Господень, как описал свят. Григорий в своей “Истории франков”, IV, 36. епископ Эферий, сделавший Святителю кровать, был его учеником, стал позже преемником Приска на епископской кафедре в 586 году и установил почитание Никиты во святых.

Хильдебер I, сын короля Кловиса, разделил королевство своего отца с тремя своими братьями. Он умер в Париже в 558 году. Король Гунтрам был внуком Кловиса и сыном Лотара.

Путешествие дьякона святителя Григория Агиульфа в Рим изложено в “Истории франков”, X, 1, где описывается избрание святителя Григория Двоеслова Папой Римским (950) и дается текст обращения святителя Григория к народу Рима по поводу бушевавшей в то время чумы.

9.
Преподобный Патрокл, аббат,
ОТШЕЛЬНИК БУРЖЕ
Память 19 ноября/2 декабря († 577)

Когда, следуя повелению Господнему, славный и мудрый пророк Моисей приготовился строить святилище Божественному Провидению и собирать требуемое для сего приношения, не было у него всего необходимого, но было повелено людям, чтобы каждый имеющий усердие приношение совершил без принуждения, но добровольно (Исх. 25, 2). И вот они приносили золото и серебро, и медь, и шерсть голубую, пурпуровую и червленую, и виссон (руно).

Но поскольку от учителей Церкви мы знаем, что все эти вещи аллегорические и означают разные виды благодетели, например, наши славословия сравниваются с этим руном, мы, у которых не бывает неподдающихся пониманию видений и которые в делах своих нерадивы, часто не жертвуем ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни ткани. Но давайте, по меньшей мере, принесем руно, то есть поведаем о чудесах святых и праведников Божиих в Святой Церкви, так чтобы те, кто об этом узнает, захотели бы последовать по пути, по которому святые удостоены были подняться на Небо. Недавно переданное нам повествование свидетельствует нечто о жизни блаженного Патрокла, и думаю я, что не следует предавать это забвению, но должно пересказать и, несмотря на слабость моего слова, я, тем не менее, не желаю скрывать то, что чрез раба Своего совершил Господь.

1. Блаженный Патрокл, житель Бурже, был сыном Эферия. Когда ему было десять лет, его поставили пасти овец, а брата его

Антония отдали учиться грамоте. Правда, что они не принадлежали к высшему сословию, но при том не были и невольниками. Однажды в полдень оба брата пришли домой поесть — один из школы, другой с пастбища. Антоний сказал брату своему: “Посторонись, крестьянин. Твоя участь — пасти овец, а я изучаю грамоту. Мое занятие облагораживает меня, а тебя твое принижает”. Услышав такое и посчитав, что этот упрек ему адресуется Сам Господь, Патрокл бросил свое стадо и решительно и быстро отправился в школу. Изучая все, что положено для детей, он, благодаря хорошей памяти, так стремительно усваивал знания, что превзошел своего брата и по объему знаний, и по скорости мышления, чему способствовало и Божие поспешение. Позднее он был рекомендован для обучения к Нуннонию (который был раньше в большой милости у Хильдебера, короля парижан). Тот воспитал его с заботой истинно любящего, а Патрокл проявил такое смирение и так всех слушался, что к нему относились с родительской нежностью.

Вернувшись домой по смерти отца, мать свою он застал в живых. Она сказала ему: “Сейчас, когда твой отец умер, дорогой мой сын, я живу безутешной. Поэтому собираюсь поискать симпатичную молодую девушку из свободного сословия, чтобы ты женился на ней и смог утешить свою мать в ее вдовстве”. Но он ответил: “Я не соединюсь с женой в этом мире, а буду следовать тому, что по Божией воле зародилось в душе моей”. И когда мать, не поняв, спросила, что он имеет в виду, он не захотел объяснять, а пошел и нашел Аркадия, епископа горда Бурже и попросил его совершить постриг и рукоположить его в священный сан, что епископ, видя на то волю Божию, незамедлительно и сделал.

Немного позднее, исполняя дьяконские обязанности, он строго постился, любил всенощные, много читал и так погружался в долгие молитвы, что не приходил с другими священнослужителями к столу вкушать трапезу, как то было положено. Видя это, архидьякон сказал: “Или ты будешь трапезничать со своими братьями, или уйдешь от нас. Ибо не подобает тебе отказываться есть с теми, с кем должен ты исполнять свои обязанности в церкви”.

2. Душу раба Божия не потревожили эти слова, он уже и сам желал удалиться в уединение пустыни. Потому, уйдя из Бурже, пришел он в село Нерис, построил там себе молельню, освященную мощами святителя Мартина, и начал обучать детей письму. К нему стали приходить больные, и исцелялись, приходили и одержимые, и они освобождались от бесов.

Но он не имел еще того уединения, к какому стремился, ибо люди повсюду разносили весть о его добродетелях. Поэтому, чтобы иметь знамение, он заполнил маленькие листочки бумаги, положил их на алтарь и служил всенощные и молился перед ними три ночи, ожидая указания Господня. И великая милость Всеблагого, знавшего заранее, кем он будет, определила быть ему отшельником и судила взять ему листочек, указующий путь в пустынь.

Тогда он собрал дев и основал женский монастырь в той келье, где раньше жил, а с собой оттуда не взял ничего, кроме граблей и обоюдоострого топора; все остальное, нажитое своим трудом, оставил. И далеко зайдя в лесную глушь, пришел к месту под названием Медиокант, построил там келью и, продолжая труды свои, предался служению Богу.

И поскольку в том месте он привел в здравый ум многих одержимых и изгнал бесов рукой своей, сотворяя крестное знамение, к нему привели свирепого человека: рот его был широко раскрыт, зубы окровавлены; этими зубами он рвал все, что попадалось ему. Три дня молился Патрокл об этом человеке, распростершись ниц, и тогда силы небесные дали ему знать, что он может умягчить ярость этого человека, освободить его от смертельной опасности и восстановить его здоровье, если сунет ему в рот пальцы и вырвет оттуда злобного духа. Истинно, неправда злобного обольстителя не имела против него никакой силы.

И так же, как очищал одержимых, отражал он силой крестной то, что тайно замышлял злобный автор преступлений. Во время эпидемии чумы, о которой мы уже говорили, диавол, приняв обличие святителя Мартина, со злобным умыслом принес женщине по имени Леубелла дары, которые, как он сказал, спасут людей. Но как только их показали преподобному Патроклу, они исчезли — их изобличил Святой Дух; мало того, перед

Преподобным явился ужасный распространитель зла и признал все свои злодеяния.

И правда, диавол часто преображается в Ангела света (2 Кор. 11, 14), чтобы обманывать неискушенных этим мошенничеством, и после того, как он расставлял Патроклу многочисленные ловушки, чтобы воспрепятствовать подняться ему на то место, с которого пал сам, он послал ему мысль оставить пустынь и вернуться в мир. Преподобный, чувствуя, как в его сердце проникает яд, распростерся в молитве, прося, чтобы ничего не сотворить неугодного Богу. Тогда явился ему во сне Ангел Божий и сказал: “Если ты хочешь созерцать мир, то вот столб: залезешь на него и увидишь все, что там происходит. И в этом сне был перед ним столб необыкновенной высоты, на который он залез и с которого видел убийства, кражи, прелюбодеяния, все преступления, что совершаются в мире. Когда он спустился вниз, то сказал: “Прошу тебя, Господи, чтобы никогда не довелось мне вернуться к этим мерзостям, ибо давно уже я забыл о них ради того, чтобы служить Тебе”. Тогда Ангел, говоривший с ним, сказал: “Се, перестань думать о мире, да не погибнешь в нем, а иди теперь в молельню, помолись Господу, и то, что найдешь там, будет для тебя великим утешением”. Когда он вошел в молельню, то нашел там глиняную табличку и изображением Креста Господня и, распознав Божий дар, понял, что для него это станет надежной защитой против приманок любых соблазнов мира.

3. После того преподобный Патрокл построил монастырь Колумбарьен в восьми километрах от кельи, в которой обитал в глуши, и поставил аббата над собравшимися там монахами, чтобы тот был пастырем монашеской паствы, а сам он мог, свободный, жить в уединении. В этом глухом месте провел восемнадцать лет. Потом, собрав братию, чтобы объявить о своем уходе в вечность, умер в весьма почтенном возрасте в ореоле дивной святости. Тело его обмыли, положили на носилки и отнесли в монастырь, где он еще при жизни своей завещал себя похоронить.

Тогда старший священник из села Нерис, собрав группу церковнослужителей, захотел силой забрать мощи Преподобного, чтобы похоронить его у себя — в месте, откуда Преподобный

удалился в пустынь. Но когда шел, исполненный решимости, то издали увидел покрывало, лежащее на мошах Святого и сияющее белизной. И этим, волей Божией, был так напуган, что немедленно выкинул из головы то, что так недостойно и легкомысленно задумал, и, присоединившись к певшим на похоронах Преподобного, вместе со всеми братьями похоронил его в монастыре Колумбарьен.

У могилы Преподобного слепая женщина по имени Пруденс и одна девочка из Лиможа, тоже лишенная зрения, удостоились обрести свет, лишь приложившись к святой могиле. После пяти лет слепоты Максонид пошел к святой могиле и тоже вернул зрение. Одержимые Люпус, Феодульф, Рукко, Скопилия, Нектариола и Тачильд были очищены у могилы Преподобного. Были еще две девочки из Лиможа, которые, натеревшись маслом, дабы таким образом получить благословение отца Патрокла, были избавлены от зловредного духа, осаждавшего их. И ежедневно Господь, прославляющий святых Своих, творит там чудеса, дабы утвердить людей в вере их.

ПРИМЕЧАНИЯ

У святителя Григория есть рассказ о житии преп. Патрокла в “Истории франков” (V, 10), который содержит о нем еще нечто:

“В окрестностях Бурже жил отшельник по имени Патрокл. Он был посвящен во священника, и человеком он был замечательной святости и благочестия и славился, кроме того, своим воздержанием: он так постился, что от того страдал то одной, то другой болезнью. Не пил он ни вина, ни сидра — ничего, от чего можно опьянеть, пил лишь воду, слегка подслащенную медом. Не ел никакой мясной пищи. Обычное его меню состояло из хлеба, размоченного в воде и посыпанного солью. Он никогда не закрывал глаза для сна. Непрестанно молился или, если ненадолго прекращал молиться, то читал или писал. Молитвой часто исцелял тех, кто страдал от лихорадки, нарывов или других болезней. Совершил много и других чудес, для рассказа о которых потребовалось бы много времени. Он всегда носил одежду из шкуры на голое тело. Было ему восемьдесят лет, когда он умер и отошел ко Христу”.

Преставился он в 577 году.

Известно, что епископ Бурже Аркадий, который посвятил Патрокла в сан, был в 538 году на Орлеанском соборе.

Монастырь Колумбарьен (Колумбье — по франц.) пребывал в управлении по очередности у нескольких крупных монастырей, включая знаменитый Клуни. В Колумбье стоит построенная в романском стиле церковь, а в ней все еще сохранились несколько колонн XI или XII века.

Место отшельнической кельи преп. Патрокла в восьми милях от Колумбье носит название Ля Кель.

10.
Преподобный Фриард отшельник,
ИЗБАВИВШИЙ БЛИЖНЕГО
ОТ БЕСОВСКОГО НАВАЖДЕНИЯ
Память 2/15 августа († 573)

Есть много разных ступеней, по которым совершается подъем на Небо, и, думаю, о них сказал Давид: “**Восхожденїа въ сердцѣ своемъ положи**” (Пс. 83, 6). Эти ступени или степени различных деяний соответствуют совершенствованию в служении Богу, и никто не может подняться по ним, если Сам Господь не призвал туда, как мы уже не раз говорили. Так что в действительности Псалмопевец говорил об этом пути совершенствования, сказав: “**Аще не Господь созидетъ домъ, всѣе трудишася зиждѣщїи**” (Пс. 126, 1). И помощи Господней всегда искали не только мученики, но также и подвизающиеся в подвигах, обретая то, что хранит их духовную жажду.

И правда, если желание претерпеть мученичество горит в сердце, мученик просит об укреплении, чтобы вынести все; если кто нудится держать пост, и он просит об укреплении, дабы обрести необходимые силы; если кто желает сохранить свое тело в целомудрии, устоять пред любыми соблазнами, то молится, чтобы сила Господня оградила его; если кто, начав грешить, кается и горит желанием очиститься, то со слезами просит, чтобы помощь эта укрепила его, и когда кто пытается творить что-либо из всего этого, он, конечно, просит о благодати этой помощи. Восхождение или, иначе сказать, ступени этой лестницы столь трудны, столь возвышенны, так утомительны и так разнообразны, но лишь по ним человек поднимается ко Господу.

Преп.

Фриардъ

Потому всегда нужно просить у Него этой помощи, нужно всегда искать ее, всегда призывать, чтобы замысленные добрые деяния могли благодаря ей исполниться, и потому всегда нужно повторять: “Помощь наша во имя Господа, сотворшаго небо и землю” (Пс. 123, 8). Так жил блаженный человек, о котором мы собираемся говорить, тот, кто среди многообразных искушений и бедствий мира сего всегда призывал на помощь небесные силы.

1. Рядом с островом Виндунитта, на землях Нанта, жил человек по имени Фриард, известный своей святостью, о жизни которого я счастлив рассказать немного в поучение церковное, поскольку не знаю, написал ли о нем кто-либо другой. С детства он был весьма благочестив и целомудрен. Став взрослым, продолжал вести жизнь в богопочитании, в молитве и бодрствовании. Собственными руками выращивал он себе необходимое для жизни и, хотя превзошел других в трудах, никогда не переставал молиться, что было предметом насмешек соседей и незнакомцев, поскольку делал все в грубоватой крестьянской манере.

Однажды, когда он вместе с другими жнецами вязал снопы на пшеничном поле, появился рой ос — раздражающих и вредных насекомых, и начали они жалить работающих. Те обошли стороной то место, где было осиное гнездо и стали дразнить блаженного Фриарда, с усмешками говоря: “Иди, блаженный, иди, святоша; ты все время молишься и уши свои и глаза осеняешь крестным знамением, и на пути своем показываешь знак спасения; иди и начни жать над роем, умиротворив его молитвой своей!” Святой, увидев в этих словах сомнение в небесных силах, распростершись на земле, помолился Господу, а, приближаясь к осам, сотворил крестное знамение, говоря: “Помощь наша во имя Господа, сотворившего небо и землю”. Как только он это произнес, осы все спрятались в свое гнездо, и Фриард на виду у всех жнецов сжал в том месте пшеницу безо всякого вреда для себя, что было бы невозможно без чуда, предназначенного для насмешников, поскольку Господь, дабы их посрамить, удостоил помощи того, кто на Него уповал.

Однажды после этого случая, когда он залазил с какой-то целью не дерево, у него под ногами обломилась ветка, и он упал;

когда падал, то у каждой ветки, о которые стучался, зывал он к всеблагому имени Христа, говоря: “Христе Всемогуший, спаси мя”. Ударившись о землю, обнаружил, что целехонек, и сказал: “Помощь наша во имя Господа, сотворившего небо и землю”.

2. Вдохновленный этим и другими чудесами, он начал размышлять и стал так думать в себе: “Если Крест Христов и призывание Его имени, и помощь, испрошенная у Него, имеют такую силу, что с ними можно преодолеть все трудности в этом мире, избежать опасности, развеять искушения и возвыситься так, чтобы презирать все наслаждения этого мира, что мне остается делать в этом мире, кроме как отринуть все, ему принадлежащее, и посвятить себя служению единому Ему, Который, когда я призывал Его имя, спасал меня от смертельных угроз?” И, покинув свое скромное жилище, забыв и родителей, и родину, ушел в поисках пустыни, чтобы пребывание в этом мире не воспрепятствовало его стремлению к молитве.

Итак, он у аввы Сабауда, который был прежде священником у короля Клотэра, а теперь совершал покаянный подвиг на Виндунитту, острове в землях Нанта. С ним был также дьякон Секундел. Но авва, оставив плуг Господень, вернулся в монастырь и вскоре после этого по неизвестным причинам погиб от меча. Что же касается преподобного Фриарда, он безвыездно жил на этом острове вместе в дьяконом Секунделом. У каждого была отдельная келья.

И, когда они мужественно и стойко совершали жизнь в молитвах, дьякону Секунделу ночью явился искуситель в образе Христа и сказал ему: “Я — Господь, Которому ты молишься каждый день. Ты уже святой, и твое имя записано в Книге Жизни вместе с другими святыми. Поэтому уходи с этого острова и совершай исцеления среди людей”. Секундел, поддавшись этому искушению, покинул остров, ничего не сказав своему брату, и даже, когда он возлагал свою руку на больных, зывая к имени Иисуса Христа, они исцелялись. Возвратившись на остров после длительного отсутствия, он нашел своего брата и тщеславно сообщил ему: “Я ушел с острова и сотворил много чудес среди людей”. Когда Фриард в страхе спросил его, что тот имеет в виду, он запросто рассказал, что он сделал. Старец, которого

ужаснул этот рассказ, со вздохами и слезами запричитал: “Горе нам! Насколько я понял, тебя обманул искуситель. Иди и покайся, чтобы он не победил тебя своей ложью”.

Вняв этим словам и боясь погибнуть, дьякон со слезами бросился к ногам Святого, умолая, чтобы он вступился за него пред Господом. “Иди и давай вместе молить Его всемогущество о спасении твоей души. Ибо Господь готов прощать тех, кто кается, как молвил Он устами Своего пророка: **“Азъ (...) не хощу смерти грѣшника, но еже обратитисѧ нечестивомѹ ѿ пѣти своєѧ и живѹ быти емѹ”** (Иез. 33, 11).

Но, пока они молились, искуситель снова явился в том же облиции дьякону Секунделу, говоря ему: “Разве я не повелел тебе, ибо овцы мои больны и нет у них пастыря, идти и навес- тить их, и исцелить их?” Он ответил: “Я истинно убедился, что ты соблазнитель, я не верю, что ты Бог, Чей облик ты принял для обмана. Если ты Христос, покажи мне Крест твой, который ты оставил, тогда я поверю в тебя”. И когда тот не смог показать его, дьякон сотворил перед ним крестное знамение, и тот в смяте- нии исчез. Но все-таки вернулся обратно с целым кагалом бесов, которые так избили дьякона, что тот едва оправился. Дьякон в дальнейшем вел жизнь, исполненную святости, и умер, когда пришел срок.

3. Что же касается блаженного Фриарда, он прославился за- мечательными чудесами. Однажды он поднял ветку дерева, ко- торое повалил ветер и которое, как говорят, некогда он сам и посадил. Сделал из нее себе посох и носил в руке. Спустя про- должительное время воткнул посох в землю, часто его поливал, и тот дал листья, плоды, а года через два-три стал большим дере- вом. Это в глазах людей было великим чудом, и каждый день большая толпа собиралась посмотреть на дерево; из-за отда- ленности острова совершенное чудо приобрело еще большую известность, и Святой Божий, дабы не впасть в грех тщеславия, взял топор и срубил дерево.

В другой раз Преподобный, видя, какое несчастье приклю- чилось с цветущим деревом (яростью бури оно было повалено на землю), испытал жалость и стал молиться, говоря: “Молю Тебя, о Господи, о том, чтобы плоды этого дерева не погибли,

поскольку по Твоей воле произошли все эти цветы, которыми оно украшено. Да будет оно удостоено Тобой подняться, расти и увидеть зрелость плодов”. Помолившись так, он взял топор и отделил ствол от корней. Затем, заострив ствол снизу наподобие кола, закрепил его в земле поверх находившихся в земле корней. Скоро сформировались почки, хотя корней не было, дерево обрело свое прежнее состояние, высохшим цветам вернулась прежняя свежесть, и в том же году дерево принесло плоды тому, кто с такой заботой за ним ухаживал. Это чудо побуждает меня поверить, что милосердие Божие истинно способно даровать воскрешение из мертвых тому, кто молитвами своими достиг того, чтобы оживали высыхающие деревья.

4. Святой после того, как несколько раз предсказывал братии время своей смерти, почувствовал наступление болезни и сказал им: “Идите к епископу Феликсу и скажите ему о моей кончине. Скажите, брат твой Фриард сказал: “Видишь, подошло к концу течение моей жизни. Я собираюсь покинуть этот мир, а точнее знай, что уйду в следующее воскресенье, чтобы вкушать отдых, который обещал мне вечный Царь — Господь. Прошу тебя прибыть, чтобы повидаться нам перед кончиной””.

Но Феликс не мог прибыть, задерживаемый неведомыми мне причинами, и послал к нему его гонцов обратно со словами: “Прошу тебя, если это возможно, немного подождать, пока я не смогу прибыть к тебе после завершения своих юридических дел”. Посланцы вернулись и сообщили ему эти слова; хотя он уже лежал в кровати, сказал: “Тогда встану и подожду брата своего”. О, муж несказанной святости, который, хотя и поспешал уже к своему концу и соединению со Христом, не забыл при том о ближнем своем и испросил у Господа еще одну неделю в этом мире, чтобы повидать своего духовного брата. Мне думается, что немалые были заслуги и у того, ради прибытия которого Господь согласился отложить кончину Святого, почувствовавшего немедленно, что жар спадает и вставшего с постели без болезни.

Много позднее прибыл Епископ. Святой, у которого только что началась лихорадка, приветствовал его у входа и, облобызав, сказал: “Ты заставил меня ждать долгое время пред путем, по

которому мне пора следовать, о Святителю”. И после того, как они целую ночь (а это была ночь на воскресенье) служили всенощную, едва наступило утро, он испустил дух. И при этом келья наполнилась нежным ароматом и сотряслась, почему ясно, что ангелы пребывали в ней и, чтобы засвидетельствовать заслуги Святого, наполнили келью этим Божественным ароматом. Святые мощи его были омыты и опущены Епископом в могилу, а душу его принял на Небе Христос, оставив обитателям земли пример его добродетелей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Преп. Фриард умер в 573 году.

Монастырь преп. Фриарда связан с селом Беснэ на острове к северу от Нанта на Западе Франции, рядом с океаном. Тамошняя приходская церковь (все, что осталось от монастыря) сохранила гробницы препп. Фриарда и Секундела; в километре отсюда есть также часовня и источник преп. Секундела, который также почитался на Западе во святых. Его жизнь напоминает жизнь св. Никиты из Киевских пещер, который тоже творил “чудеса” после того, как его обманул диавол, пока он, наконец, не опомнился и не обрел настоящую святость.

Феликс был епископом Нанта с 549 по 582 год. Святитель Григорий был его митрополитом, но отношения между ними не были дружественными из-за оскорбительного письма, которое написал Феликс (описано свят. Григорием в “Истории франков”, т. 5). Таким образом, восхваление его свят. Григорием в вышеизложенном тексте тем более подчеркивает его христианское милосердие.

Преп.

Калуппанъ

11.
Преподобный Калуппан отшельник,
ОБИТАТЕЛЬ СКАЛЫ В ОВЕРНИ
Память 3/16 марта († 576)

Нищета этого мира всегда открывает дверь Небесного Дворца, и она направляет в это жилище не только тех, кто туда предопределен, но и в этом мире прославляет известных своими чудесами. И так получается, что кандалы, которые мы носим в этой земной тюрьме, открывают нам вход в рай, и душа наша, причастная к хору ангельскому, с божественной легкостью переносится в вечную радость. Давайте поэтому не умолчим о том, что мы по истине знаем о блаженном отшельнике Калуппане.

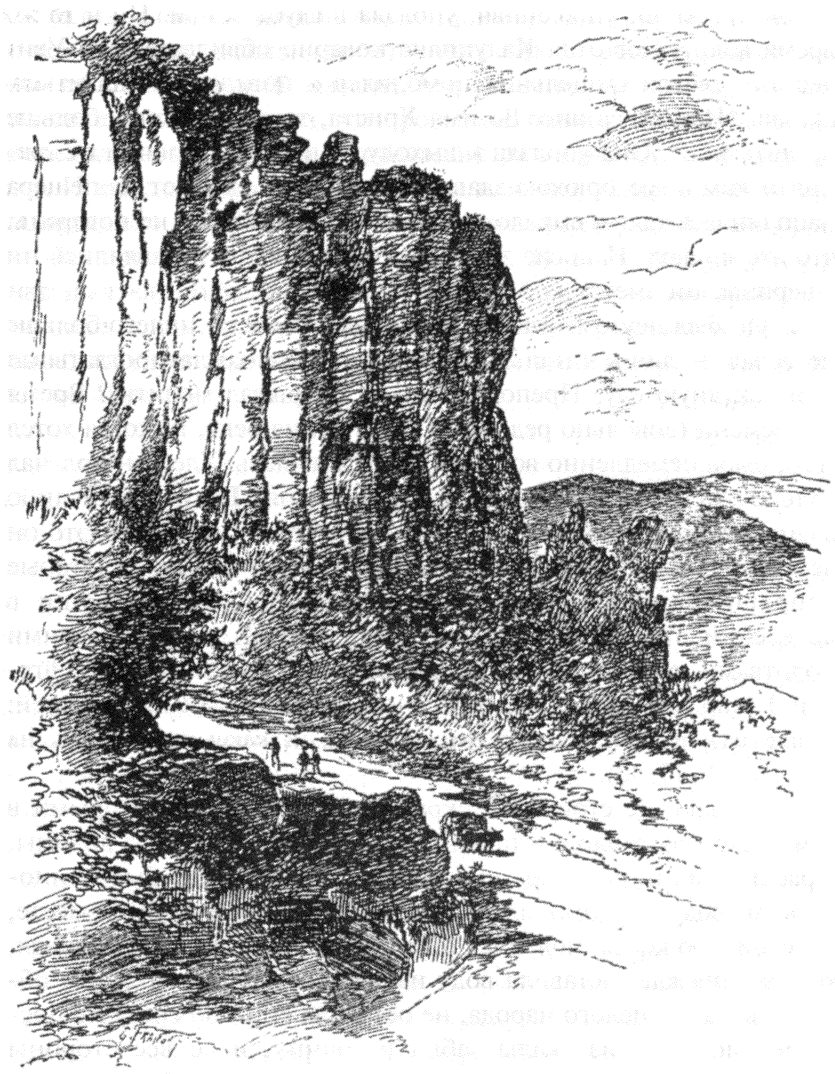
1. С начала жизни своей он всегда искал счастья, которое приобретается верностью Церкви, и он нашел его; удалившись в монастырь Мелетенс в Оверни, он вел себя там с большим смирением по отношению к братии. Соблюдал такой строгий пост, что, будучи ослабленным им, не мог вместе с братией выполнять свои ежедневные обязанности, и поэтому, как это принято у монахов, они сильно попрекали его, особенно старший из них, говоря: “Тут кто не работает, не заслуживает еды” (ср.: 2 Сол. 3, 10). Так, каждый день осыпаемый упреками, он обратил свой взор на долину, расположенную недалеко от монастыря, в середине которой возвышалась скала, высотой более 150-ти метров, стоящая отдельно от соседних гор. Водный поток пересекал долину, мягко омывая подножие той скалы.

Святой отшельник удалился в углубление той скалы, служившее прежде убежищем от набегов варваров, и устроил там

свой приют, в который теперь можно попасть по очень крутой лестнице, так как доступ в это место настолько труден, что и дикие звери с трудом туда добираются. Там он построил маленькую молельню, где, как часто со слезами рассказывал нам, то и дело ему на голову падали змеи и кольцом сворачивались вокруг его шеи, наполняя его страхом. А поскольку диавол часто предстает в облики змеи, то нет сомнения, что эти ловушки расставлял отшельнику он.

Когда, несмотря на это, он оставался непоколебимым, и прикосновения маленьких змей не тревожили его, однажды перед ним появились и остановились на некотором расстоянии две ящерицы громадного размера. Одна из них, более сильная, чем другая, которая, как мне видится, была самым организатором всех искушений, приподнялась так, что ее пасть оказалась вровень со ртом Преподобного, словно хотела что-то ему сказать. Святой так испугался, что застыл, прямо окаменел, не в силах ни шевельнуться, ни поднять руку, чтобы сотворить крестное знамение. И после того, как они оба простояли так довольно долго молча, Преподобному пришло в голову произнести молитву Иисусову мысленно, раз уж не может шевельнуть губами. Пока он в молчании творил это, тело его, скованное искусством врага, мало-помалу освобождалось, и, когда он почувствовал, что правая рука его свободна, сотворил против этого врага крестное знамение, вопрошая: “Не тот ли ты, кто лишил первого человека рая, кто обагрил руку одного брата кровью другого, кто вооружил фараона преследовать людей Божиих и кто, наконец, поднял евреев со слепой яростью преследовать Господа? Уйди от рабов Божиих, которые часто тебя побеждали и покрывали позором! Ибо ты был изгнан в Каине и выжит в Исае; ты был повержен в Голиафе, повешен в предателе Иуде, и в самом Кресте, на котором воссияла добродетель Господа нашего, ты был поражен и уничтожен со всеми твоими воинствами и притязаниями. Поэтому, враг Господень, спрячь голову и смирись под знаком Небесного Креста, чье наследие — это Царство Христово”.

Когда Преподобный говорил все это и тому подобное, при каждом слове творя крестное знамение, ящерица, побеждаемая

Скала в горах Оверни, схожая с той, на которой вел
свою брань преп. Калуппан.

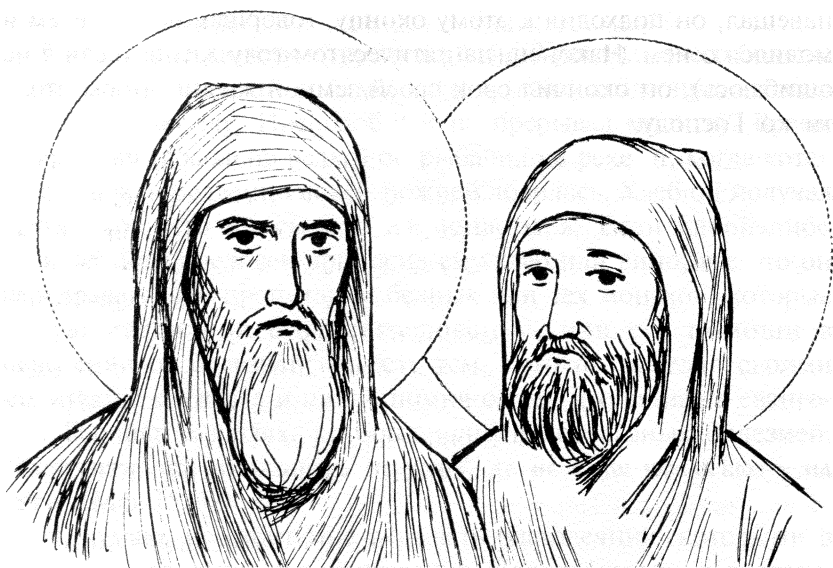
силой крестной, униженная, уползла в глубь земли. Но в то же время вокруг ног отца Калуппана коварно обвилась змея. Увидев это, святой Отшельник помолился и повелел ей удалиться, сказав: “Изыди, сатано. Во имя Христа, ты не сможешь больше вредить мне”. Она уползла к выходу от пещеры, причем от трения о камни ее брюхо издавало страшный скрежет, а пещера наполнилась таким смрадом, что невозможно было не поверить, что это диавол. И после этого Святому больше не являлись ни ящерицы, ни змеи.

2. Он был неутомим в трудах во славу Христа, ничего больше не делал — лишь читал и молился; и даже когда проглатывал свою скудную еду, Преподобный не прерывал молитву. Время от времени (довольно редко) он рыбачил на реке, и, когда хотел того, рыба немедленно волей Божией ловилась. Хлеб он получал только тот, что присылали из монастыря. Если какой-либо благочестивый человек приносил ему хлеб или вино, все это он переправлял для пропитания бедных или тех монахов, которые спрашивали или его благословения, или его помощи в исцелении от болезней; то есть тем, кого он исцелял своими молитвами, он давал и пищу, помня о том, что сказал в евангелии Господь о людях, которых исцелил от разных болезней: “Ѣмѹстити ихъ не гадшихъ не хощѹ, да не какѡ слабѣють на пѹти” (Мф. 15, 32).

И, думаю, не стоит мне скрывать благодетания, которыми в том месте удостоило его провидение. Поскольку с низа долины, с расстояния почти в два километра кто-то должен был приносить ему воду, он помолился Господу, чтобы на том самом месте, где стоит его келья, появился бы источник. Тогда сила небесная, которая прежде заставила воду изливаться из скалы, чтобы облегчить жажду целого народа, не оставила его, ибо сразу же после его молитвы из скалы забил источник, и во все стороны потекли по земле ручейки воды. Преподобный, обрадованный этим даром, выдолбил в камне углубление, которое служило ему хранилищем и содержало почти восемь литров воды, чтобы сохранять эту воду, дарованную ему свыше, и брать оттуда каждый день столько, сколько необходимо было ему и мальчику, данному ему в услужение, и не больше.

3. Мы сами и епископ Авит* приходили к тому месту, и все, о чем поведали, узнали или от самого Преподобного, или от тех, кто видел все своими глазами. Его посвятил в дьякона, а потом во священника Иерарх, которого мы только что назвали. Он исцелил многих людей, страдавших различными заболеваниями. И еще: он никогда не выходил из своей кельи и никому не показывался, а обычно высовывал через маленькое окошко руку, чтобы преподать свое благословение. И если кто-нибудь его навещал, он подходил к этому оконцу, говорил с посетителем и молился о нем. Наконец, на пятидесятом году жизни (если я не ошибаюсь), он окончил срок своей земной жизни, чтобы отойти ко Господу.

*Епископ Авит, наставник свят. Григория, был епископом Клермонским с 572 по 594 гг.

Преп. Емилиан.

Преп. Бракхио.

12.

Преподобный Емилиан пустынник и ПРЕПОДОБНЫЙ БРАКХИО, АББАТ

Память 9/22 февраля († 576)

Дух Святой наставляет нас устами Псалмопевца, как небесная наука становилась сутью тех, кто стоит на страже ее, и как ее надо силой усваивать тем, кто ее не соблюдает. “**Прїимите наказанїе, да не когда прогнѣваетеѡ Господь, и погивнете ѿ пѣти праведнагѡ**” (Пс.2, 12). А о тех, кто ведет себя достойно Исаия говорил: “**Наказанїе мира нашегѡ на Немъ**” (Ис. 53, 5). Эта наука вызывает богобоязненность; богобоязненность — начало мудрости; мудрость учит любви к Богу; любовь к Богу возвышает человека над всем земным, она поднимает его на Небо и помещает его в рай, где души блаженных, испив вина нового от лозы жизни, пируют в Царстве Божием.

Необходимо еще, чтобы люди возжелали испытать тайны сей лозы, чтобы они могли войти в место блаженств такого дивного обиталища. Если лозы, которые мы видим сейчас, простирают свои ветви, на которых листья и гроздья ягод, так приятно созерцать не только потому, что они приносят нам обильные плоды, но и из-за тени, которой укрывают нас, когда летом жгут нас солнечные лучи; если, более того, мы видим, как они теряют листву и высыхают после того, как в свое время отдали нам свои плоды — насколько сильнее должны бы мы желать того, что есть всегда, никогда не высыхает в летний жар искушений, что даже после того срока, когда и надежда умирает, дает нам все, на что мы уповали и приносит нам радость. Некоторые так возжаждали этого, что не только отказались от своего богатства, но

даже удалились в самую дикую глушь, чтобы напиться жажду своего желания уединенной жизни в молитвах и слезах покаяния. Так сделал и блаженный Емилиан, новый отшельник наших дней.

1. Сей Емилиан, оставив родителей своих и все имущество, искал уединения в пустыни и удалился в самые глухие места в Понтикьякен в земле Овернь, где, вырубив деревья, расчистил себе небольшое поле, обрабатывал его и выращивал необходимое для жизни. У него был маленький огород, и овощами с него он питался круглый год. Он не имел иных утешений, кроме тех, что давал ему Господь, ибо жили там, кроме него, лишь звери и птицы, каждый день собиравшиеся вокруг раба Божия. Все время свое посвящал он посту и молитве, и никакие земные заботы не могли отвратить его от того, потому что ему нужен был только Господь.

2. В то время в городе Клермон жил человек по имени Сигивальд, облеченный большой властью, в услужении у которого был юноша по имени Бракхио, что на их языке означает “медвежонок”. Сигивальд поручил этому молодому человеку охотиться на кабанов; с большой сворой собак Бракхио бродил по лесам и, если добывал что-нибудь, то приносил все своему хозяину. Однажды, когда он со своими собаками преследовал огромного кабана, тот влетел на землю около кельи святого Емилиана. Собаки домчались вслед за ним до входа в первую комнату и там вдруг резко остановились, словно их что-то удерживало.

Видя это, Бракхио с изумлением понял, что это вмешательство небесных сил; подойдя к келье Преподобного, он увидел, что кабан без всякого страха стоит пред дверью. Старец вышел поприветствовать Бракхио, обнял его и пригласил садиться. Когда они сели, сказал: “Вижу, что ты, возлюбленное чадо, красиво одет и занят тем, что ведет скорее к гибели души, чем к ее спасению. Прошу тебя, оставь господина, которому служишь здесь, внизу, и последуй за истинным Господом, Творцом неба и земли, Который управляет всем и по Своей воле, власти Которого все подчинено, могущество Которого, как видишь, делает и этого зверя бесстрашным. Знатность твоего хозяина (а это пустое!) да не сделает тебя тщеславным и гордым. Ибо так говорит апостол

Павел: “Хвалѣйсѧ, ѡ Господѣ да хвалитсѧ” (1 Кор. 1, 31), и еще: “Аще во выхъ еще человекѡмъ оѹгождалѣ, Христовъ рабъ не выхъ оѹбѡ былѣ” (Гал. 1, 10). Подчини себя служению Тому, Кто говорил: “Прїидите ко Мнѣ, вси трѹждающїисѧ и ѡбремененїи, и Азъ оѹпокою вы” (Мф. 11, 28), любовь к Кому дает и настоящее, и вечную жизнь. И так Он говорил, если кто оставит все свое нажитое, то “сторницю прїиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ” (Мф. 19, 29). ”

Пока Старец говорил эти и другие равно достойные слова, кабан, живой и невредимый, скрылся в лесной чаще. Молодой человек ушел от Преподобного, восхищаясь тем, что дикий зверь, на которого он охотился, стал при виде Старца, несмотря на всю свою природную агрессивность, кротким, как ягненок. Перебирая в уме разные мысли и спрашивая себя, что же ему делать — оставить ли мир или продолжать служить ему — он, наконец, тронутый милосердием Господним и побуждаемый (я думаю) молитвой преподобного Емилиана, начал искать какой-нибудь тайный способ перейти в служение Церкви, так как открыто сделать это он боялся из-за своего хозяина.

Тем временем, оставаясь пока мирянином, он начал вставать с постели по два-три раза за ночь, чтобы вознести молитвы Господу. Но он не знал, что говорить, так как не умел читать. Однако, часто видя в молельне буквы, написанные над иконами апостолов и других святых, списал их себе в тетрадку. И поскольку в дом его хозяина постоянно приходили церковнослужители, он подошел к самому молодому из них и спросил, как эти буквы называются, понимая их значение, вдохновляемый Господом, знал, как читать и писать еще до того, как выучил остальные буквы.

После того как Сигивальд умер, Бракхио поспешил к Старцу; проведя с ним два-три года, знал псалтирь наизусть. К Старцу и Бракхио присоединялись и другие монахи.

3. Прошло время, истек срок земной жизни, отпущенной Емилиану — он умер в возрасте около девяноста лет и оставил Бракхио своим преемником. Последний, основав монастырь, получил от Раничильды, дочери Сигивальда, несколько участков земли, которые оставил этому монастырю. То были участки

леса из полесья Виндиасен. Оставив монастырь, Бракхио пришел в Тур, где построил молельни и основал еще два монастыря.

Однажды пришли несколько пилигримов, несших мощи святых, которые возложили на алтарь базилики святителя Мартина Турского, а на следующий день они должны были уходить. Около полуночи аббат Бракхио, служивший там всю ночь, заметил огромный огненный шар, который отошел от мощей и поднялся, все вокруг ярко освещая, к своду храма. Это, несомненно, было нечто Божественное, но среди всех присутствующих там он один видел это. После того он вернулся в Овернь в свой первый монастырь, пробыл там пять лет, опять вернулся в Тур, где назначил в основанные им монастыри аббатов, и снова возвратился в Овернь.

Живя в своей старой келье, он был занят восстановлением в монастыре Манатенс устава, который по небрежению аббата очень плохо выполнялся. Он ввел чистейшую жизнь и мужественно принуждал и других хранить целомудрие. Речь его была мягкой, поведение вежливым, но по отношению к нарушителям устава был он так суров, что про него некоторые думали, что он жестокий человек. Что касается пощения, всю ночь, благотворительности, то здесь он достиг совершенства.

Когда приближалось время его смерти, он видел сон, как сам рассказывал о том блаженному епископу Авиту, в котором он был перенесен на небо и предстал пред Господом. Там видел херувима и серафима, которые осеняли Господа и, открыв книгу, указывали пророку Исае, какие слова он должен был произносить, а ангельский хор, окружавший Престол Господний, оглашал в это время небеса своими восхвалениями. И когда он в благоговении созерцал все это, проснулся. Внимательно обдумав свой сон, понял, что Господь возвещал ему конец его жизни. Тогда он сказал аббату, которого поставил управлять монастырем: “Место у реки, где я собирался поставить часовню, очень дивное. Прошу тебя выполнить мое желание: останки мои отнести туда”.

Когда он умер, похоронили его в молельне его собственной кельи. Когда же аббат пожелал выполнить просьбу Преподобного, то в том месте, по воле Божией, он нашел подготовленную

известь и фундамент как раз такого размера, какой был нужен. Потом, когда дело было сделано, он вскрыл могилу аббата Бракхио, чье тело было найдено таким, словно похоронили его только вчера. И так, через два года после его смерти монахи, его ученики, с великой радостью обрели его мощи и перенесли их на это место.

ПРИМЕЧАНИЯ

Преп. Бракхио преставился 9 февраля 576 года. Святитель Григорий знал его лично и из его собственных уст слышал рассказанную выше историю о чудесном огненном шаре, как он рассказывает в “Славе исповедников”, гл. 39.

Герцог Сигивальд упоминается в “Истории франков” свят. Григория (книга III, гл. 6, 13 и 23). О был убит королем Феодориком.

Монастырь Манатенс существовал в аббатстве Менат до Французской революции. Он был в 17 километрах от Пуансо, первого места преп. Бракхио.

Преп. Бракхио присоединился к преп. Емилиану в 534 году.

Святой Лупикин из Липидиако,
отшельник-мирянин Оверни.

13.

**Святой Лупикин из Липидиако,
ОТШЕЛЬНИК-МИРЯНИН ОВЕРНИ**
Память 24 января/6 февраля († 500)

Воины Христовы, все кто побеждает мирское в желании расстаться с этой кратковременной жизнью, мечтают обрести ту жизнь, в которой вечная радость, где не слышатся стенания, которой нет конца, где всегда светло и чью безмятежность не затеняет ни одно мрачное облачко. Поэтому они не обращали внимания на скорби и печали настоящей жизни, хорошо зная, что за немногие страдания, которые они потерпели, позднее обретут великие радости. Поэтому те, кто горит желанием поучаствовать в этой брани, не должны бояться никаких страхований, их не должны отвращать никакие трудности, они не должны впадать в уныние ни от каких горестей, чтобы удостоиться быть допущенными к наслаждению вечным счастьем с Божиими избранниками. Таким был и путь Святого, чья жизнь здесь описана.

1. Лупикин, человек большой святости, неутомимый в трудах о Боге, первоначально занимался сбором милостыни в домах верующих людей и то, что ему удавалось собрать, передавал нуждающимся. Когда он достиг зрелого возраста, то пришел в село Берберен, которое теперь называется Липидиако. Там он нашел старый дом, где затворился от людей, принимая через маленькое окошко немного хлеба и воды, которых ему хватало порой и на три дня, хотя давали очень мало. Воду подавали через маленький желоб, а окошко было завешено тканью. Оба эти отверстия были так укрыты, что никто не мог разглядеть его святое лицо.

День и ночь радостно распевая там псалмы во славу Божию, он стал искать способы еще более изнурять свое тело, помня такие слова Апостола: **“Недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотѣщей славы вѣнчати въ насъ”** (Рим. 8, 18). Распевая псалмы в своем затворе, он целый день носил на шее огромный камень, который едва могли стронуть с места два человека. Ночью, дабы сильнее утомлять свою плоть, он прицепил к тросточке, с которой ходил, две колючки и клал ее себе под подбородок, чтобы это мешало спать.

К концу жизни грудь его ввалилась из-за веса камня, и он стал отплеивать кровью, которая оставалась на стенах. И вновь благочестивые люди часто ночами пробирались к его жилищу и слышали там, что псалмы поют несколько голосов; и многие больные, особенно мучившиеся от гнойных нарывов, исцелились просто оттого, что он дотрагивался до них рукой или осенял крестным знамением.

2. Когда он уже сгорбился от старости, то призвал служивших ему и сказал им: “Прошло время сокрываться, пришло время сказать. Знайте, что через три дня меня заберут из этого мира. Позовите всех верующих братьев и чад моих, пусть придут. Я хочу попрощаться с ними”. На третий день его братия во множестве пришли к его двери, он открыл ее и, всех поприветствовав и обняв, вознес молитву ко Господу, говоря: “Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что велел забрать меня от искушений этого мира и что так хранил меня в этом мире от дурного, что князю тьмы не к чему было прицепиться”.

И, повернувшись к людям, сказал: “Прошу вас, возлюбленные, **“Возвеличите Господа со мною, и вознесемъ имя Его вѣснѣ”** (Пс. 33, 4). Ибо это Он поднял меня из грязи; Он отвратил меня от работы тьме и соделал меня участником радости друзей Своих; Он послал мне ангела Своего, чтобы призвать меня из сего земного жилища, и обещал отвести меня к месту вечного отдыха, чтобы, став собратом тех, кого Он почитает Своими друзьями, я бы тоже был удостоен быть допущенным в Его Царствие”.

О, блаженный, который еще при жизни, до того как покинуть этот мир, удостоился узнать то, чем наслаждаются на Небесах и который здесь, на земле, сумел обрести то Божественное

ведение, о котором часто просил Давид: “Скажи ми, Господи, кончинѹ мою и число дней моихъ кое есть, да разѹмѣю, что лишаюся азъ” (Пс. 38, 5). Наконец, легши на землю, он предал Господу душу свою, которая стремилась к Небу. Тогда все в слезах пали ниц. Некоторые желали облобызать его ноги, другие — оторвать клочок одежды, кто-то старался отколупнуть от стен засохшую святую кровь, которую он сплевывал, и все ушедшие, кто не сумел унести ничего из святых реликвий, называли себя несчастливцами. И сегодня стены эти все еще являются свидетелями того, о чем мы только что сказали, ибо на них столько шербинок, сколько было плевков изо рта Блаженного. То же и с желобом, по которому Святой получал необходимую ему воду: те, кто с верой целовали его, обретали здоровье. Я сам видел многих, которые, отколупнув со стен плевки из святого рта, удавались получать вместе с ними исцеления от разных болезней.

3. Когда Святой умер, нашлась одна почтенная дама, которая после того, как тело его обмыли и одели в подобающие одежды, пожелала сопроводить его в село Трезель, но люди в Липидиако воспротивились, говоря: “Наша земля кормила его, и его тело принадлежит нам”. Женщина же ответила: “Раз вы в споре со мной ссылаетесь на его жизненные потребности, знайте, я тоже часто посылала ему пшеницу и ячмень, которые он сам ел или давал другим”. Другие возразили: “Он вышел из нас, он пил воду из нашей реки, и он поднялся на Небо от земли, на которой мы стоим. Разве правильно в таком случае, что ты, придя из другой земли, вырываешь его и наших рук? Знай же, что никто из нас этого не позволит: он будет похоронен здесь”. Женщина ответила: “Вы хотите определить его происхождение и национальность? Он пришел из чужих земель. Вы говорите о водах вашей реки? Они меньше способствовали утолению его жажды, чем воды Небесные”.

И после такой перебранки обитатели Липидиако вырыли могилу и собрались похоронить тело Святого, но женщина позвала на помощь, обратила крестьян в бегство и силой забрала мощи. Потом она отправила гроб с телом в село Трезель в сопровождении групп псалмопевцев с крестами, свечами и кадилами. Люди, увидев это, раскаялись и обратились к женщине

той со словами: “Мы провинились, противясь тебе, и искренне признаем, что в этом деле ты выполнила волю Господню. Просим тебя, чтобы нас допустили участвовать в похоронах”. Она разрешила им следовать за процессией, и так соединились люди из разных мест и вместе пришли в село Трезель, где, отслужив литургию, похоронили святое тело с величайшими почестями и ликованием.

В том селе Блаженный часто проявлял себя в чудесах. Но и в Липидиако он не забывал даже после своей смерти предоставлять многочисленные подтверждения своей святости, ибо обоим этим местам он покровительствовал. Быть может, некоторые не верящие в это попытаются брюзжанием своим опровергнуть то, что мы сказали. Но пусть они знают, что я повидал священника Деодата, которому уже за восемьдесят, и он поведал мне все в точности так, как я это здесь изложил, клятвенно заверив меня, что в его рассказе нет ни капли лжи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Не следует путать этого святого Лупикина с преподобным Лупикином из Кондата (гл. 1). Он умер 24 января 500 года.

Липидиако — это современная Домпьер-сюр-Бебр, к северо-востоку от Клермона. Трезель было соседним селом.

14.

**Преподобный Мартий, аббат,
БЛАЖЕННЫЙ ВОИН ХРИСТОВ**
Память 13/26 апреля († 525)

Божественное провидение дарует нам великую милость, когда дает нам отпущение грехов, если мы прощаем немощи других, если терпимы к тем, кто нас оскорбил, если отвечаем на ненависть благословением, как сказал нам Господь наш Иисус Христос: **“Любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидащымъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгнащыя вы, такъ да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ”** (Мф. 5, 44-45). Посмотрите, какое богатство приобретает человек, когда он подавляет свой гнев, когда примиряется с тем, кто его оскорбил, когда прощает того, кто осудил его. Презрение к гневу делает вас чадами Бога Отца, сонаследниками наряду со Христом, и утверждает вас в качестве жителей Небесного Царствия.

Отсюда ясно, что грехи того, кто в этом мире дарует милость прощения тому, кто его оскорбил, прощаются. Ибо таково суждение, которое нам выразил об этом Господь: **“Аще бо ѿпущаете человекѣмъ согрѣшенїа нѣхъ, ѿпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный”** (Мф. 6, 14). И когда Он учит рабов Своих смиренных молиться Ему, говорит: **“Помолися Отцѣ твоємъ: (...) и встави намъ долги наша, такъ и мы вставляемъ должникѣмъ нашимъ”** (Мф. 6, 6 и 12).

Сей блаженный аббат, преподобный Мартий, был человеком славным святостью своей, искушенным в Божественном Писании и хранящим в своем сердце сие — с чистым сердцем прощать

оскорбляющих. И он не только прощал вину, но и сопровождал прощение каким-нибудь подарком, чтобы никогда не позорить виновника. Но прежде, чем говорить о его дарованиях, давайте сначала скажем несколько слов о его жизни.

1. Блаженный Мартий, аббат города Клермона, был, говорят, уроженцем этих мест. Он с детства вел благочестивую жизнь и полностью посвятил себя трудам о Боге. Это правда, что он мало ел, щедро раздавал милостыню, неутомимо служил всенощные, был весь предан молитве. Тратил всю свою энергию на то, чтобы посредством воздержания и умеренности победить роскошь, чтобы не стать ее рабом. Не без причины он был назван Мартием (воителем — ред.) — он, который мечом Святого Духа уже в зародыше отрубал с воинственным триумфом враждебные мысли, что возникают в смертных душах. Он не был глух к тем призывам послания, которые говорят нам: **“Вълецытеса во вса ѿрѣжѣа Божѣа (...) надѣ всѣми же воспрѣимше цѣнтѣ вѣры, въ немже возможете вса стрѣлы лѣкавагѡ разжженныхъ оугасити; и шлемѣ спсѣнѣа воспрѣимите, и мечѣ дѣховный”** (Еф. 6, 11 и 16-17).

Когда он вступил в законный возраст совершеннолетия и, словно звезда многоценная воссиял в городе, то подумал, что все же чего-то недостает. Он вышел из города, взяв кирку, и начал рубить скалу. Сделал там себе маленькое жилище и кельи. Сделал это для того, чтобы утяжелить свою жизнь, чтобы было легче предложить Богу Всемогушему фимиам своих молитв и все горячие приношения своих хвалений на алтаре чистого сердца, помня слова, сказанные Господом в евангелии: **“Ты же, егда молишиса, вниди въ клѣтъ твою, и затвори вѣ двери твоа, помолиса Отцѣ твоемѣ, нже въ тайнѣ; и Отецѣ твой, видѣй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ”** (Мф. 6, 6). Ему дано было знать, что ангелы непременно вознаградят его своими посещениями, если он удалится с глаз людских. Итак, он приготовил для себя в этом выдолбленном в скале месте все необходимое для житья в нем, в самом сердце этой пещеры — скамью и ложе для отдыха измученного тяжелой работой тела. Все это было вырублено в самой скале. Когда он хотел спать, то не подстилал ничего, кроме того, что было на нем одето — одежда служила ему и подушкой, и матрацем, и одеялом. Его единственным достоянием была его

неугасимая любовь к Богу. Благочестивые люди от щедрот своих обеспечивали его необходимым для жизни.

2. Пришло время, и превечный Господь, никогда не перестающий прославлять святых Своих, начал раскрывать людям достоинства Своего раба, подчеркивая, как он выражает Небу любовь свою, когда наделил Преподобного даром исцеления от болезней. Ибо во имя Христово он изгонял бесов из тел одержимых, крестным знаменем останавливал расползание злоеших нарывов. Также излечивал он разного вида лихорадки с помощью освященного масла и удостаивал людей многих других благ по воле Того, от Кого исходит все хорошее.

Привлеченные славой такого великого человека, вокруг него стали собираться люди, радуясь возможности учиться у него. Чего же больше? Он собирал людей, воспитывал монахов и совершенствовал их в трудах во славу Божию. Действительно, было у него великое терпение, и он так полнился добром, чтобы отражать направленные с его сторону вредоносные стрелы, словно защищенный настоящей кирасой доброты.

У монахов был огород с огромным множеством овощей и сад с фруктовыми деревьями, которые были приятны для глаз и радовали своим плодородием. Благословенный Старец любил сидеть в тени этих деревьев, листья которых тихо шелестели в дыхании зефира. Но однажды, кто-то дерзкий, не убоявшись Господа, в желании поест пролез через ограду сада и вошел в него тайком, что осудил Господь в евангелии: **“Не входай дверьми (...) той тать есть и разбойникъ”** (Ин. 10, 1). Было это ночью, да такое только ночью и делается, **“всакъ бо дѣлаа злаа ненавидитъ свѣта”** (Ин. 3, 20). Этот человек, набрав овощей, лука, чеснока и фруктов, пошел выбирать, нагруженный ношей своего преступления, через отверстие в заборе, сквозь которое и забрался в сад. Но никак не мог найти это отверстие и, отягощенный грузом и угрызениями совести, под этим двойным весом стал испускать глубокие вздохи, прислоняясь время от времени к стволам деревьев. Он обегал весь сад и не только не нашел выход, но не мог даже видеть путь, который проделал под покровом темноты.

Затем охватил его двойной страх — предстать пред монахами или попасть в руки судьи. Ночь между тем, в разгар его

суматошных размышлений, тихонько проходила и близился день, чего он вовсе не желал. В это время аббат обычно воспевал псалмы, и, думая, по Божию откровению, узнал, что происходит. На рассвете он позвал настоятеля монастыря и сказал ему: “Быстрее беги в сад; туда зашел вырвавшийся на свободу бык, но вреда он не причинил. Подойди к нему, дай ему то, что нужно, и отпусти, ибо так писано: **“Да не заградиши оустнѣ вола молотѣща”** (1 Кор 9, 9; Втор. 25, 4).

Настоятель не понял, что это значило, но пошел выполнять повеление. Тот человек, видя его приближение, бросил наземь все, что набрал, и пустился бежать, а потом, зарывшись головой в гущу колючек и ежевики на манер свиньи, пытался выбраться наружу тем же путем, которым и вошел. Монах ухватил его и сказал: “Не бойся, чадо, Старец наш послал меня вывести тебя отсюда”. Потом, собрав все, что бросил этот человек — фрукты и овощи — положил этот груз ему на плечи. Открыв дверь, он отпустил его, говоря: “Иди с миром и больше не повторяй той низости, которую совершил”.

3. Священник, подобно лампаде освещающий мир чистым светом, часто изгонял болезни силой своих добродетелей. Некий Нивард, долгое время терзаемый лихорадкой и постоянно пьющий воду, чтобы угасить жар своей болезни, опух до такой степени, что живот его раздулся и стал похож на пузырь. В отчаянии от болезни он попросил, чтобы его на повозке доставили к жилищу Преподобного. Его подняли с постели, положили на повозку, привезли к келье отца Мартия, и он смиренно просил Священника возложить на него руку. Преподобный простерся в молитве пред Господом, потом повернулся к больному и, мягко поглаживая его тело, на виду у всех вернул ему здоровье. Говорят, что опухоль, которой было поражено тело Нирвада, полностью исчезла под пальцами Преподобного, так что впоследствии не осталось и следа той болезни.

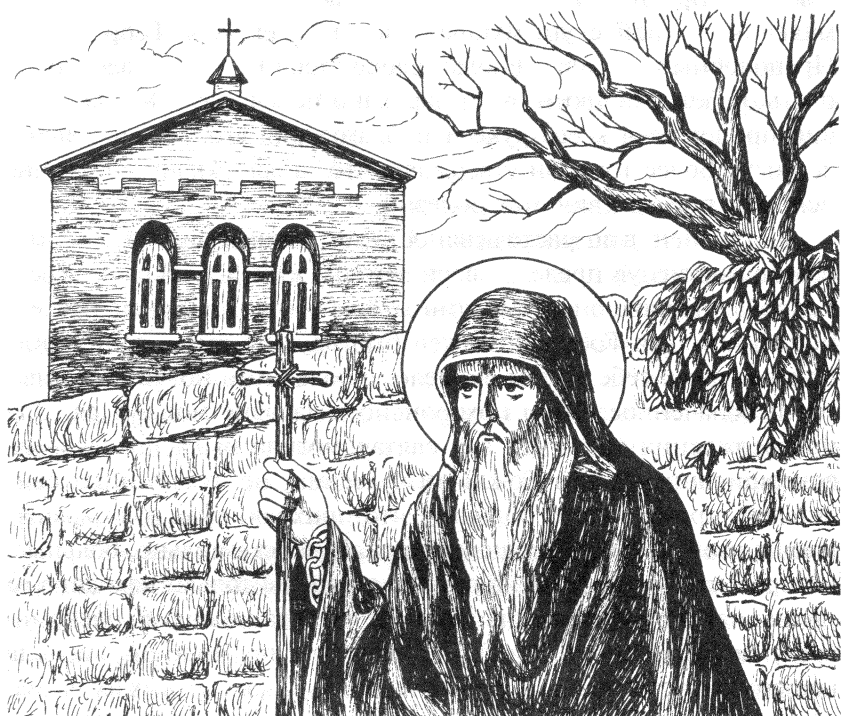
Я узнал это от своего отца, так как этот Нирвад был связан с ним тесной дружбой. Отец утверждал даже, что видел преподобного Мартия, и говорил, что, когда он был еще мальчиком, примерно лет одиннадцати от роду, у него несколько раз были приступы малярии. Тогда друзья отвели его к Божию угоднику,

который был уже преклонного возраста и близок к концу земной жизни, едва-едва видел. И когда он возложил на мальчика руку, то спросил: “Кто это, чей это сын?” Ему ответили: “Этот мальчик — твой слуга Флорентий, сын сенатора Георгия”. И Преподобный сказал: “Да благословит тебя Господь, чадо мое, и пусть от болезни твоей будет даровано исцеление”. Когда мальчик приложился к его руке и поблагодарил его, то ушел исцеленным. Более того, он утверждал, что за всю жизнь ни разу не испытал последствия той болезни.

4. Наконец, в возрасте девяноста лет, покрытый потом долгой брани, достигнув предела своей земной жизни в твердой вере в Господа, преподобный Мартий отошел принять венец праведности, который Господь должен был вручить ему в день, когда призвал его к себе. Затем его тело, с большими почестями омытое и облаченное, было похоронено в часовне монастыря. Для подтверждения того, что эта святая могила была прославлена совершившимися там Божиими чудесами, не нужно иных свидетелей, кроме только больных, что приходят туда и возвращаются домой, тотчас же исцелившись. И действительно, больные, которые стекаются туда из разных стран, не только находят там утешение, но и чувствуют, как болезнь, владевшая их членами, отступает и сменяется добрым здоровьем по милости Господа нашего Иисуса Христа, Который встарь воззвал мертвых их могил, сейчас могилы святых прославляет дивными чудесами. Да славится Он во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Преподобный Мартий почил 13 апреля 525 года. До XVIII столетия могила его сохранилась в часовне в аббатстве свят. Иллидия (см. гл. 2) в Клермоне, но сейчас утрачена.

Преподобный Сенох, аббат.

15.
Преподобный Сенох, аббат,
БЛАЖЕННЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ ТУРСКИЙ
Память 24 октября/6 ноября († 576)

“*Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета.*” (1, 2) Да верно ли, что все происходящее в мире есть суета? Как так получается, что и святые Божии, избежавшие жжения огня страстей, препобедившие в себе похоть, избежавшие болота бесстыдной роскоши, которым уже и в помыслах не мог вредить искуситель со всеми своими ловушками, некоторые из этих людей святой уже жизни начинают считать себя безгрешными, впадая нечувственно в высокомерную самонадеянность и преисполняясь гордости; те, которых не мог достать меч тяжелейших преступлений, вдруг падают сами, окутанные легким дымком тщеславия. Так случилось и с тем, о ком мы собираемся рассказать, кто, воссияв многими добродетелями, непременно пал бы в пучину самомнения, если бы его не удержали заботливые увещания его верной братии.

1. Преподобный Сенох родился в местности Пуато в деревне под названием Тигфауг и, обратившись ко Господу, стал клириком и основал монастырь. На земле Туры он нашел фундамент, сохранившийся от старых стен и на его основании построил удобные кельи. Также нашел он часовню, где, по слухам, молился сам святитель наш Мартин. С большим трудом и тщанием восстановил ее отец Сенох и, установив в ней алтарь и обретя антиминс на престоле, пригласил епископа приехать и освятить его. Туда приехал блаженной памяти владыка Евфроний и, освятив алтарь, рукоположил отца Сеноха в высокий сан диакона.

После совершения литургии, когда они хотели поместить раку в приготовленное место, выяснилось, что она слишком большая и в это место не входит. Тогда Дьякон вместе с Епископом простерлись ниц в молитве и, обливаясь слезами, вымолили то, о чем просили. Удивительно! Место, которое было слишком узким, расширилось помощью небесных сил, а рака сузилась, так что она, к великому изумлению присутствующих, легко вошла в предназначенное ей место.

Собрав трех монахов в своем монастыре, Преподобный усердно служил Богу, ел и пил очень мало. В дни святого Великого поста усугублял свое воздержание, и ел только ячменный хлеб и пил воду, следя за тем, чтобы количество съеденного и выпитого за один день не превышало четырехсот граммов. А в суровую зимнюю погоду абсолютно ничего не обувал на ноги, и на шее, ногах и руках носил железные цепи. Затем, удаляясь с глаз братии своей, чтобы вести жизнь в строгом уединении, он затворился в келье и стал денно и нощно молиться, не отвлекаясь от молитвы. Верующие, преданные ему, часто приносили ему деньги, но вместо того, чтобы хранить их в потайном месте, он раскладывал их по кошелькам бедных людей, ибо часто вспоминал истину от уст Господних: **“Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли (...) идѣже бо есть сокровище ваше, тѣхъ бѣдетъ и сердце ваше”** (Мф, 6, 19 и 21). Потому он и раздавал все, что получал, думал только о Боге и о нуждах бедных. В течение своей жизни он освободил из уз рабства и от гнета домов более двухсот несчастных.

2. Когда мы прибыли в землю Тура, он вышел из своей кельи встретить нас. Поприветствовав и обняв, ушел обратно. Был он, как мы уже говорили, весьма строг в воздержании и исцелял больных. Его воздержание вело к святости, но к его святости стало примешиваться тщеславие. Покинув келью свою, он с гордым и высокомерным видом отправился навестить родителей своих в селе Пуато, о котором мы уже упоминали. Вернувшись, весь исполненный гордости, думал только о самом себе. Но когда мы упрекали его и он слушал то, что мы ему говорили о гордечах, изгнанных из Царства Божия, он совершенно избавился от тщеславия и так смирял себя, что в нем не осталось ни

капли гордости, и каялся он, говоря: “Да, верны слова, исшедшие из уст Апостола: “**Хвалѣсѧ, ѡ Господѣ да хвалитсѧ**” (1 Кор. 1, 31)”.

Поскольку Господь сотворял через него многие чудеса и исцеления больных, он говорил, что хочет затвориться и не показываться людям, но мы дали ему совет не затворяться, за исключением периода от дня преставления святителя Мартина до праздника Рождества Христова, а также сорока дней до праздника Пасхи — время, когда, по научению Отцов, должно поститься с большим воздержанием, но в остальное время он должен был предоставлять себя в распоряжение больных. Он послушался нашего совета и без возражений повиновался.

3. А теперь, сказав кое-что о его образе жизни, поведем о чудесах, которые Божественному Провидению угодно было совершить через раба Своего для исцеления от многих болезней. Пришел к нему некий слепец по имени Попусит (в то время блаженный Сенох был уже рукоположен во священника) и попросил у него чего-нибудь поесть, но, когда святая рука Иерея крестным знамением коснулась его глаз, слепец немедленно обрел зрение. Другой молодой человек из Пуато, страдавший тем же и прослышавший о делах угодника Божия, попросил его помочь вернуть ему зрение. Преподобный тут же призвал имя Христова и сотворил крестное знамение над глазами слепого. Сразу же хлынула кровь, а затем, после двадцатилетней слепоты, страдалец увидел свет: дневной свет зажег на челе его две потухших звезды.

Двух молодых людей, у которых все так болело, что они просто скрючились, принесли к преподобному Сеноху. Когда он коснулся их руками, больные начали распрямляться, и в течение часа он излечил обоих — удвоил он тогда свои благотворные труды двойным чудом. Ему также представили мальчика и девочку со скрюченными кистями рук. Было преполовение Пятидесятницы, и, когда они попросили раба Божия помочь им, чтобы руки их могли действовать, тот из-за большого скопления людей, пришедших в церковь, отложил выполнение того, о чем его просили, объявив себя недостойным того, чтобы Господь через него сотворял с больными такие чудеса, но потом уступил

всеобщим мольбам и взял руки несчастных в свои руки: когда он коснулся пальцев, они распрямились, и оба ушли от него исцеленными. То же было и с женщиной по имени Бенайя: она пришла к нему с закрытыми глазами, а уходила с глазами, открывшимися после того, как он коснулся их своей целительной рукой.

Не должно скрывать, как я думаю, и того, что часто только от слов его яд змей становился безвредным. Например, два человека, опухшие после укуса змеиноного, пришли и бросились к его ногам, умоляя, чтобы он чудодейственной силой изгнал из их смертельно пораженных членов яд, который впрыснули в них зубы злой твари. Он сотворил молитву Господу, говоря: “О, Господи Иисусе Христе, сотворивший вначале все в мире и змея, завидовавшего превосходству человека, проклявший (Быт. 3, 14), изгони из сих рабов Твоих вред его яда, чтобы они торжествовали над змеем, а не он над ними”. И, произнося слова эти, он дотрагивался до всех частей их тел, и благодаря тому опухоль опадала, а яд лишался всего своего вредоносного действия.

Наступил день Воскресения Господня, и некий человек, направляясь в церковь, увидел на своем поле большое стадо скота; он застонал, говоря: “Горе мне, погибнет труд целого года, ничего не останется”. И, взяв топор, срубил ветви, чтобы загородить ими проход в изгороди. Но рука его при этом вытянулась и, помимо своей воли, крепко сжала то, что держала. Пораженный болью, волоча за собой ветку, словно прилепившуюся к его руке, человек этот в скорби пошел искать Преподобного, нашел и рассказал ему о том, что произошло. Тогда Преподобный, натерев его руку маслом, освященным благословением, вынул из нее ветку и исцелил ее.

Впоследствии с помощью крестного знамения он исцелил еще много людей от укусов змей и от гнойных нарывов. Некоторые люди, терзаемые злобой бесовской, вновь обретали здравый рассудок, прежде поврежденный бесами, едва только он возлагал на них руки, изгонял бесов из тел. И всем, кого милостью Господней исцелял, если они были бедны, с великой радостью давал и пищу, и одежду. И так заботился о нуждающихся, что даже побеспокоился о постройке для них мостов через реки,

поскольку некоторые жаловались, что во время половодья суда, бывает, тонут.

4. Когда преподобный Сенох прославился в мире такими чудесами и было ему около сорока лет, он сам заболел легкой формой лихорадки, но слег в постель на три года, и я узнал об этом, когда уже приблизился его конец. Я поспешил к его постели, но не услышал от него ни единого слова, поскольку он был очень слаб и приблизительно через час испустил дух. На его похороны собралось множество людей, которых он исцелил или освободил от рабства или от бремени долгов, или кого кормил и одевал. Они сокрушались, говоря: “На кого ты покидаешь нас, преподобне Отче?” Позднее, когда его положили в гробницу, он часто совершал настоящие чудеса. На тридцатый день после его смерти, когда у его могилы служили литургию, больной человек по имени Чайдульф приковылял поближе попросить милостыни и, лишь только приложился к покрывалу, лежащему на гробнице, ноги у него сразу же стали здоровыми. Там были совершены и многие другие чудеса, я же рассказал только о тех, что удержались в моей памяти.

16.
Преподобный Ванантий Турский,
ПОБЕДИТЕЛЬ ДИАВОЛЬСКИХ СИЛ
Память 13/26 октября († около 400)

Божие Провидение устраивает редкие и вместе с тем обильные дары Церкви и народам земли, когда непрерывно удостаивает мир не только ходатаями за грешных, но и учителями жизни вечной. Так то, что кажется лишь единым даром, является в то же время даром удвоенным, когда исходит от Всемогушества Божия, ибо просившие получают в изобилии, согласно словам: **“Просите, и приимете”** (Ин. 16, 24), и им подобным. Поэтому разум людской должен постоянно и внимательно изучать жития святых, дабы, вдохновленный этим изучением и воспламененный их примером, всегда бы склонялся к тому, что, как ему ведомо, угодно Богу и может быть удостоено Его милости. Ведайте же, чего искали у величия Божия святые, непрестанно моля Его утвердить в сердцах их добродетели, направить к совершенству деяния и словеса их, дабы в духе обрести чистоту помыслов, слов и деяний, дабы возмочь свято думать, по справедливости говорить и честно творить.

И свершалось так, что, когда старались они действовать богоугодно, освобождались от груза грехов, от затягивающего болота пороков и становились достойными наследовать Царствие Небесное. Пред глазами своими они имели живые примеры предшественников своих и славили Всемогушего Бога за добродетели тех, кто был им примером. Так и мы, стараясь сказать нечто в прославление аббата Ванантия, сего верного раба Божия, будем говорить более не о заслугах Преподобного, но

воздадим Богу за Его дары, за деяния десницы Его через отца Ванантия; и помолимся Господу, да даст силы немощному слову нашему поведать о подвигах этого Отца, ибо разумение наше слабо и душою осознаем мы себя грешными.

1. Преподобный Ванантий родился на земле Бурже в семье свободных родителей-христиан, принадлежавших к знати. Когда вступил в пору юношества, родители обручили его. И когда он, что вполне естественно в этом возрасте, стал со всей любезностью ухаживать за своей невестой, приносил ей сладости и зашел даже так далеко, что подарил ей тапочки, ему в голову свыше пришел помысел съездить в Тур. В то время там рядом с базиликой святого Мартина был монастырь, где аббат Сильвин, строгий подвижник, управлял паствой Господней. Благочестивый молодой человек, придя к отцу Аббату и дивясь святости Мартина, говорил в себе: “Мне кажется, что лучше будет, не оскверняя себя, послужить Христу, чем через брачный союз быть вовлеченным в мирское разложение. Оставляю свою невесту в Бурже и верой пребуду в Церкви, тогда дела мои не будут противоречить тому, что чувствует мое сердце”.

Думая так, он явился к Аббату, бросился к ногам его и со слезами поведал, о чем переживал. И Аббат, возблагодарив Господа за веру сего молодого человека и дав тому необходимые священнические наставления, постриг его и принял в число своей монашеской паствы. И с этого самого момента он был столь смирен по отношению к братии, столь много услуживал всем и достиг такой высокой степени святости, что все были к нему привязаны, словно к близкому родственнику. И когда Аббат умер, братия призвала его на место аббатское.

2. Годы спустя в день воскресный он должен был служить литургию, но сказал братии: “Глаза мои уже заволокла тьма, и я больше не могу читать по книгам. Пусть заменит меня кто-либо из священников”. В то время, когда заменивший его священник совершал литургию и он стоял рядом, в тот момент, когда святое приношение благословлялось крестным знамением, он увидел, что в окне апсиды как бы установилась лестница, по которой спускался благообразный Старец в священнических облачениях и благословлял приношение. Это произошло в

базилике святого Мартина, но никто, кроме него, не удостоился видеть это, и нам неведомо, по какой причине другие не видели. Но позже он рассказывал о том своей братии, и нет сомнения, что Господь удостоил верного раба Своего видеть небесное.

В иной день воскресный преподобный Ванантий вернулся, опираясь на посох, после посещения базилик святых, которым он там молился. Вдруг посреди двора храма святого Исповедника он неподвижно застыл и долгое время слушал что-то, устремив взор к небу. Потом сделал несколько шагов и испустил с долгими вздохами стон. Бывшие при нем спросили, в чем дело, не видел ли он чего, и он ответил: “Горе нам, ленивым и медлительным. Я вижу, что на небесах давно уже идет праздник литургии, а мы, неповоротливые, еще не начали это торжество. Истинно говорю, слышал я голоса ангелов на небе, возглашающих “Свят!” Господу”. И при этом благословил Преподобный немедленно начать служить в монастыре литургию.

Не умолчим и о том, как однажды, когда он, обошедши храмы, в которых молился по своему обычаю, был в базилике, и во время литургии пели слова молитвы Господней: “...избави нас от лукаваго,” он услышал голос, шедший из могилы, говоривший то же: “...избави нас от лукаваго”. Конечно, и это было ему даром свыше. Дано было ему, когда он подошел к могиле священника Пассива, узнать от него о сути своих заслуг и о наградах на Небе.

3. Все это великие дела. И я думаю, следует мне сейчас рассказать о той милости, которой через него Господь удостаивал больных, ибо нет сомнений, что десница Господня действовала через него, кому было открыто тайное.

Юноша по имени Пол, страдавший от сильных болей в бедрах и икрах ног, пришел к Преподобному и бросился к его ногам и начал просить, чтобы тот молитвой своей вымолил у Бога милость — облегчение этих болей. Святой тотчас же сотворил молитву; потом, натерев ноги больного освященным маслом, уложил его в постель, а по истечении часа повелел встать. Мальчик встал, и Святой вернул его матери здоровым.

Раб некоего Фаретра, которого хозяин ненавидел, нашел убежище в часовне Батюшки. Хозяин был полон высокомерия, и, воспользовавшись отсутствием Преподобного, вытащил оттуда своего раба и убил его. Но сразу же заболел и умер сам.

Преподобный своими молитвами часто останавливал развитие разного рода лихорадок. Животворящим знамением креста боролся против гнойных нарывов, призыванием имени Пресвятой Троицы избавлял одержимых от бесов — всегда из этих столкновений выходил победителем. Однажды ночью, встав, чтобы идти молиться, увидел перед своей дверью двух больших баранов, которые словно ожидали его появления, а, увидев его, сразу же с яростью к нему бросились. Но он встретил их крестным знамением, и они исчезли, а Преподобный спокойно вошел в часовню.

В другую ночь, возвратившись из часовни, он нашел свою келью полной бесов и сказал им: “Откуда вы пришли?” — “Из Рима,” — отвечали они, — “мы ушли оттуда, чтобы придти сюда”. — “Сгиньте, несчастные,” — сказал он им, — “и не приближайтесь к месту, где призывается имя Божие!” И бесы исчезли при этих словах, как дым.

4. Человек, имевший благодать творить эти великие чудеса и иные, подобные им, совершив путь земной своей жизни, оставил мир сей, чтобы наследовать жизнь вечную, и могила его часто прославляется большим числом славных чудес.

Злой бес смутил дух монастырского служителя по имени Маскарион, и тот три года был одержимым и приходил к могиле Преподобного устраивать бесовские выходки. И был он избавлен от беса, и избавлен — верим мы — молитвами Преподобного, а затем долгие годы прожил в здравом уме.

Супруга Юлиана, страдавшая от малярии, избавилась и от жара, и от озноба, как только коснулась могилы Преподобного. Супруга Баудимунда была в таком же состоянии, и она незамедлительно исцелилась, когда простерлась ниц и помолилась у ложа Преподобного.

Слышали мы о нем много и другого, но считаем, что того, что записали, достаточно для православных христиан.

ПРИМЕЧАНИЯ

Упоминание о монастыре преподобного Ванантия появляется в документах 10-го века. Остатки, вероятно, этого монастыря были обнаружены в Туре в 1941 году.

17.

**Святитель Никита Трирский,
РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ**
Память 5/18 декабря († 566)

Если и есть необходимость придать больше достоверности тому, о чем мы говорим, то, я полагаю, это, главным образом, тому, что нам рассказывается о деяниях святых во имя веры, потому что мы не все то видели, о чем нами написано, но что-то нам свидетельствовалось различными рассказами, что-то говорилось заслуживающими доверия авторами, а что-то мы и сами видели, своими собственными глазами. Но плохо то, что люди, чей неверный ум не желает верить тому, что написано, более того, не желает принять того, что доказано, презрительно считают сомнительным даже то, что видели сами. У них нет и того малого благоразумия, которое было у апостола Фомы, говорившего: **“Аще не вижѹ (...) не имѹ вѣры”** (Ин. 20, 25). Как только увидел Фома, сразу же поверил. И: **“Блажени не видѣвшїи и вѣровавшє”** (Ин. 20, 29).

Но, как мы сказали, есть много таких, которые не только не верят тому, что сами видели, но и высмеивают это. Поэтому, намереваясь написать о добродетелях, мужестве, величии души, святости святителя Никиты, епископа Трира, я ожидаю критики со стороны некоторых, кто скажет мне: “Ты, который молод, как можешь знать о деяниях старцев? Как ты узнал об этом? То, о чем ты написал, нельзя считать ничем иными, как фантазиями, приходящими на ум твой”.

Поэтому мне необходимо сообщить имя автора, от кого узнал я все то, что расскажу, чтобы посрамить желающих исказить

правду. Да знают они, что о делах, о которых я поведаю теперь, рассказал мне блаженный Аредий,* аббат Лиможский, чадо самого святителя Никиты, воспитанный и введенный им в церковный мир. И не думаю, что он мог ошибаться, поскольку в то время, когда он рассказывал мне это, Господь через него возвращал зрение слепым, парализованным — способность двигаться, а одержимым, изгоняя из них бесов, возвращал разум. Нельзя поверить в то, что он мог пожелать быть окутанным облаками жи — он, кого Господь так часто защищал от обыкновенных дождевых облаков, что ни единая из падающих капель не касалась его в то время, когда окружающие промокали до нитки.

Короче говоря, сомневаться в таком очевидце означает не доверять благодеяниям Божиим. Вышеупомянутый нами Священник так говорил о Епископе, о котором у нас сегодня пойдет речь: “Истинно, брат мой возлюбленный, что многое о святителе Никите узнал я из свидетельств добрых людей, но больше видел сам, своими собственными глазами или узнал от него самого, хотя понудить его рассказать это было весьма непросто. И даже, хотя в простоте он рассказал нечто о том, что Господь изволил сотворить через него, он столь далек был от того, чтобы исполниться от этого тщеславием, но рассказывал мне с сокрушением и слезами на глазах, приговаривая: “Я для того, возлюбленное чадо мое, решился рассказать тебе это, чтобы, живя в невинности сердца, ты о подобном размышлял. Ибо никто не будет знать, как подняться до вершин добродетелей Господних, пока он не будет “неповиненъ рѣками, и чистъ сердцемъ”, как поет в песне своей Давид (Пс. 23, 4)”. Поговорив так со мной, начал он свой рассказ”.

1. Святителю Никите от самого рождения было предопределено церковное служение. Действительно, едва он родился, голова его была еще без волос, как это бывает у новорожденных, но красивый ободок волос окружал темечко так, как это бывает у священников. Видев это, родители его воспитывали с величайшим тщанием, обучили письму и прочили ему место аббата монастыря.

*См. житие преп. Аредия, ч. V, гл. 25, ниже.

И в монастыре явил он такую верность Господу, что, когда старый аббат преставился, он стал его преемником. Исполняя свои обязанности, он так усердно наставлял и исправлял братию, что не только понуждал их воздерживаться от дурных дел, но не разрешил никому грешить и словом, говоря: “Возлюбленные, мы должны избегать любых шуток и пустых слов, ибо точно так же, как должны мы предстать совершенно чистыми пред Господом плотью своей, так и уста наши должны открываться лишь для славословия Бога, ибо три рифа есть, на которых человек может сесть на мель: когда он думает, когда он говорит и когда он действует. Возлюбленные, избегайте вольности, зла и самих плохих поступков”. Так он давал эти и многие другие наставления братии своей, чтобы соделать их чистыми и угодными Господу.

Его очень любил и почитал король Теодорик, ибо он часто обличал Короля в грехах и проступках, стараясь совершенствовать его обличениями. И потому, когда преставился епископ города Трира, Король призвал на кафедру Никиту. В этом отношении согласие народа и указ Короля были единодушны, и почтенные особы, самые знатные, повели его к Королю для поставления в епископа. Когда на закате солнца они прибыли к городу и приготовились разбить лагерь для отдыха, то поспешили распрягать своих коней и пустить их на поля бедняков, где росла пшеница. Увидев это, блаженный Никита, охваченный состраданием, сказал: “Быстро гоните коней из полей бедных людей; иначе лишу я вас причастия”. Люди стали с негодованием говорить ему: “Что ты говоришь? Ты не вступил еще в управление епархией, а уже угрожаешь лишением?” Он отвечал: “Истинно вам говорю, Король вызвал меня из монастыря моего, чтобы возложить на меня ношу эту; конечно, исполнится воля Господня, а не Короля о мне”. Потом он быстро пошел и изгнал лошадей с посевов, а позже был препровожден в город, окруженный восхищением тех людей.

И в сердце своем, и в деяниях боялся он только Господа, не выказывая лицепрятия пред сильными мира сего. Однажды, сидя в кресле епископском и слушая чтения, он почувствовал непонятно что на своей шее. Попытался два-три раза стряхнуть

рукой то, что так сильно давило. Повернул голову вправо-влево, ощутил приятный аромат и понял, что это груз епископской ноши.

2. С того времени, как стал он епископом, так сурово относился ко всем, кто нарушал заповеди Божии, что через глашатая объявлял о приближении смерти. Думаю, мне следует сказать кое-что об этом, чтобы утвердить обличения духовные для наставления мирян или для исправления жизни королей.

По смерти короля Теодорика во владение королевством вступил его сын Теодеберт, и совершил он много несправедливого, за что Епископ часто сурово обличал его — и в тех случаях, когда нарушителем являлся сам Король, и тогда, когда пренебрегал наказанием тех, кто совершал беззакония. Однажды Король вошел в церковь в сопровождении тех людей, которые были отлучены Епископом. После того, как, согласно древнему канону, были прочитаны положенные тексты и возложены Дары на алтарь, Епископ сказал: “Празднование литургии сегодня здесь не будет закончено, пока не изыдут из церкви отлученные мною”. Король попробовал было возразить, но какой-то юноша из толпы присутствующих внезапно одержим стал бесом и, терзаемый болью, в страданиях стал во всю мочь кричать, прославляя добродетели Святителя и осуждая преступления Короля. Он кричал, что Епископ хранит целомудрие, а Король совершает прелюбодеяния; что первый богобоязнен и смиренен, а второй, обладая королевской властью, возгордился, что Епископ предстоит пред Богом безупречным, а Короля скоро сгубит сатана. И когда Король, объятый страхом, попросил, чтобы одержимого отрока удалили из церкви, Епископ произнес: “Сперва вели, чтобы удалили из церкви тех, кто сопровождает тебя и кто виновен в кровосмешениях, убийствах, прелюбодеяниях, тогда Господь велит и тому умолкнуть”.

Король тут же повелел отлученным выйти из церкви. Когда их удалили, Епископ сказал, чтобы вывели и одержимого. Но тот обхватил колонну, и десять мужчин не могли его оторвать. Тогда Святитель Божий, сотворив под облачением (не желая, чтобы его прославляли) крестное знамение, велел бесу отпустить юношу. Тот тут же упал на землю вместе со всеми державшими его, а

через мгновение стоял уже исцеленный. После службы его не могли найти, и никто не знал, откуда он пришел и куда ушел. Тем не менее, большинство людей думало, что он был послан Господом, чтобы всем стало известно о и делах Короля, и о деяниях Епископа. Потом случилось так, что благодаря молитвам Епископа Король стал мягче, и пастырь Христов, удостоенный дарами небесными, мог по справедливости слышать словно к нему обращенные пророческие слова: **“Аще изведеши честное ѿ недостойнаго, такъ оуста Моа вѣдеши”** (Иер. 15, 19).

Епископ ежедневно говорил людям проповеди, обличая пороки каждого и постоянно молясь о прощении тех, кто в грехах исповедался. В результате, из-за того, что он прямо указывал на проступки многих людей, по отношению к нему разжигалась ненависть. И он бы пошел и сдался бы гонителям, и обнажил бы шею пред занесенным мечом, но Господь не допускал пострадать ему от чьего-то зла. Он действительно желал умереть за справедливость, если нашелся бы достаточно жестокий враг, и говорил он часто: “Вожделею до смерти пострадать за правду”. Несколько раз отлучал он за недолжное короля Клотэра, и тот напрасно грозился ему ссылкой: Епископ ничего не боялся.

3. Однажды, когда он был отправлен в ссылку, когда другие епископы, во всем слушавшиеся Короля, отвернулись от него и все его люди покинули его, Никита спросил дьякона, который один из всех остался верен ему: “Что ты собираешься делать? Почему не последовал со своими братьями и не пошел, куда пожелаешь, как сделали другие?” Тот ответил: “Покуда жив Господь Бог мой, я не оставлю тебя, покуда в теле моем есть дух”. — “Раз ты так говоришь, я открою тебе то, что угодно было Господу дать мне знать, что завтра в этот самый час все почести, которых я был лишен, вернутся ко мне, я буду возвращен в свою церковь, а покинувшие меня придут ко мне в большом смущении”.

Дьякон в изумлении ждал, исполнятся ли эти слова. На следующий день явился посланец короля Сигибурта с известием о том, что король Клотэр умер. Сигибурт писал в своем послании о том, что собирается вступить во владение королевством и желает заручиться дружбой Епископа. Получив такое известие, святитель

Никита возвратился в церковь свою и вновь приступил к своим обязанностям — к великому смущению тех, кто его покинул; ко всем к ним он все же отнесся милостиво и принял обратно. И кто бы мог описать, сколько силы было теперь в его проповедях, энергии в дискуссиях, упорства в бранях, мудрости в поучениях? Он вел себя одинаково стойко и в бедности, и в процветании, не боясь угроз и не обманываясь льстивыми словами. Ибо истинно, как тот, кто все это мне рассказывал (преп. Аредий), говорил, что мало было того, чего бы он не испытал, как и апостол Павел (2 Кор. 11, 26): “Бѣды въ рѣкахъ, бѣды ѿ разбѣйникъ (...) бѣды во градѣхъ (...) бѣды во лжебратѣи” и много всего другого.

Однажды он пересекал в лодке Мозель, когда течением стукнуло его об опоры моста. Вися на свае на руках, он придерживал лодку ногой, и его смогли спасти прохожие, когда он едва не утонул. Для него не были в диковинку ловушки искусителя. Более того, диавол несколько раз, чтобы навредить ему, сам предстал перед ним. Однажды во время путешествия он слез с лошади и пошел по нужде в кусты. И вдруг совершенно неожиданно увидел перед собой ужасную змею, очень длинную, толстую, черную, с глазами, как у бешеного быка — большими и горящими, и большим ртом, который она открыла, как бы собираясь проглотить Божиего угодника. Но когда он совершил крестное знамение, видение это исчезло поднимающимся дымом, и не было сомнения в том, что князь тьмы в эти мгновения предстал Святителю.

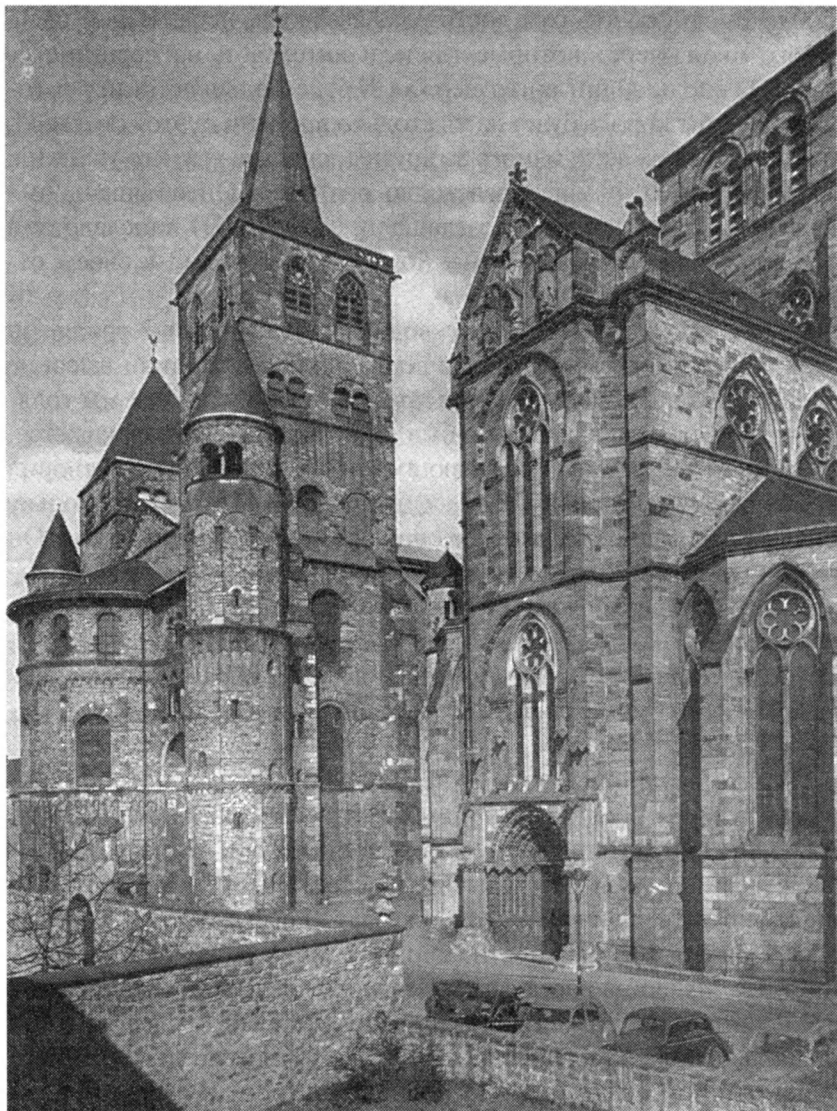
4. Как мы говорили уже, он был очень строгим постником. Часто бывало, что, когда другие вкушали свою трапезу, он уходил в базилику Святых, накинув на голову капюшон, чтобы не быть узнанным, в сопровождении одного только прислужника. Господь, среди прочего, дал ему и дар целительства. Приходя к Святым, одетый, как мы только что сказали, он пришел в храм святителя Максимиана, во дворе которого лежали трое одержимых, заснувших, измученные конвульсиями. Видя их крепко спящими, он сотворил над ними крестное знамение и, немедленно разбуженные громкими криками, они с силой извергли из себя рвоту и избавились от болезни.

В окрестностях Трира среди людей бушевала паховая чума, и Святитель Божий неустанно молил Господа о милости к вверенной ему пастве. Совершенно неожиданно ночью послышался громкий шум, как будто на мосту яростно гроыхнул гром, было похоже на то, что город раскололся на две части. И когда все люди, исполненные страха, сидели на своих кроватях, ожидая уже смерти, посередине этого громового раската послышался голос, более отчетливый, чем прочие, и он произнес: “Что делать нам, соплеменники? У одних городских ворот стоит епископ Евхарий, у других — Максимин; Никита стоит в центре.* Нам ничего не остается, как оставить сей защищенный город”. Едва послышался этот голос, болезнь немедленно отступила, и с того момента никто более уже не умер. Поэтому не приходится сомневаться, что город этот хранился добродетелью Епископа.

Однажды, когда Король пригласил его, он сказал послушникам своим: “Давайте наловим как можно больше рыбы с тем, чтобы, когда поедем к Королю, выкажем этим свое почтение, обильно снабдив рыбой друзей наших”. Ему ответили: “Наши сети, в которых бывает обыкновенно рыба, совершенно пустые, а пруды вообще исчезли от бурного разлива реки”. Выслушав это, Святитель вошел в келью свою, позвал слугу и сказал ему: “Иди и вели главному повару выбрать из реки рыбу”. Слуга выполнил повеление, но этим только рассмешил повара. Когда слуга вернулся, Епископ сказал ему: “Я вижу, они не пожелали выполнить благословение, которое я с тобой передал. Иди и вели им выловить”. И после того, как им во второй, а затем и в третий раз в строгой форме было передано повеление, они, в конце концов, сердитые отправились к реке и, взглянув на сети, обнаружили, что в них столько рыбы, что ее едва смогли унести десять человек. Святитель Никита часто получал небесным благословением все, что ему требовалось.

5. Думаю, мне не следует обходить молчанием то, что открыл ему Господь о королях франков. Он видел во сне великую башню,

* Церковь, построенная над могилой свят. Евхария, стоит у южных ворот Трира, церковь над могилой свят. Максимиана — у северных ворот, а собор, где служил свят. Никита, расположен в центре. И свят. Евхарий, и свят. Максимин были епископами Трирскими, первый в III столетии, а второй — в IV.

Собор свят. Никиты в Трире в его современном виде. Построенный в 325 году по приказу св. Константина, он был восстановлен в VI веке св. Никитой. Его реконструкция и украшение шли непрерывно до XIX века.

такую высокую, что она достигала, казалось, неба. В ней было много окон, через которые глядели ангелы, и на вершине ее стоял Господь. Один ангел держал в руке большую книгу и говорил: “Этот король будет жить столько времени, а этот столько”, и он называл их всех, одного за другим, сначала тех, кто уже жил, а потом тех, кому еще предстояло родиться. Он объявлял имя каждого, а другие ангелы возглашали: “Аминь”. И впоследствии все произошло с каждым именно так, как объявил в своем откровении Святитель.

Однажды, когда Никита по воде возвращался от Короля, он заснул. А в это время поднялся ветер, по воде заходили высокие волны, лодка, казалось, вот-вот затонет. А Епископ, как мы только что сказали, спал, и сон его был таким, когда спящему кажется, что кто-то его душит. Окружающие разбудили его, он сотворил крестное знамение над водой, и шторм стих. Потом, поскольку он выпускал частые вздохи, его спросили, что видел он во сне. Он ответил им: “Я намеревался хранить молчание, но расскажу. Мне казалось, что держу я сеть, чтобы уловить весь мир, и никто мне не помогает, кроме одного мальчика, которого зовут Аредий”. Господь, видимо, потому представил его в образе рыбака, что каждый день он улавливал целые народы, призывая их к почитанию Бога.

Как-то раз пришел к нему человек с очень длинной бородой и волосами и, бросившись к ногам Святителя, сказал ему: “Я тот, господин мой, кто очутился в море в опасности и спасся благодаря твоей помощи”. Но Святитель, строго укорив его за то, что он собирается прославить его, сказал: “Расскажи, как Господь спас тебя от этой опасности, ибо не в моих силах спасти кого-нибудь”. Мужчина рассказал: “Недавно, после того, как я сел на судно, чтобы плыть в Италию, на это же судно вслед за мной поднялась толпа язычников, так что я оказался единственным христианином среди них. Но поднялся шторм, и я стал призывать имя Господа и молил Его, чтобы твое заступничество смогло избавить меня от смерти. Язычники, в свою очередь, взывали к своим богам: один к Юпитеру, другой к Меркурию, третий к Минерве, еще кто-то к Венере. И, когда близка уже была гибель, я сказал им: “Люди, перестаньте взывать к этим богам, ибо

не боги они, а бесы. Если хотите спастись, призовите святителя Никиту, и он вымолит для нас у Бога спасение”. И они начали в один голос кричать такие слова: “Спаси нас Бог Никиты!” И море немедленно успокоилось, ветер стих, выглянуло солнце, а судно наше направилось туда, где его ожидали. И я дал себе зарок не стричь волос, пока не покажусь тебе”. Потом этот человек по благословению Епископа был подстрижен и отправился в Оверни, откуда, по его словам, он пришел.

Я бы мог рассказать еще кое-то, о чем узнал от Аббата, упоминавшегося мной, но думаю, что следует закончить этот рассказ.

6. Когда он узнал, что приблизился срок его кончины, то сообщил об этом братии такими словами: “Видел я апостола Павла с Иоанном Крестителем, которые приглашали меня к вечному отдохновению и показывали мне венец, украшенный небесными жемчугами, и говорили: “Посмотри на то, чем будешь наслаждаться в Царствие Божием”. И он поведал это немногим ему преданным людям; потом, через несколько дней, заболев, отдал Богу душу и был похоронен в базилике святителя Максимиана. Его могила в наши дни прославлена чудесами Божиими, совершающимися там.

ПРИМЕЧАНИЯ

Не путать со свят. Никитой Лионским, который был дядей свят. Григория.

Преподобные Урс и Леобат,
аббаты сенапории

18.
Преподобные Урс и Леобат,
АББАТЫ СЕНАПАРИИ
Память 28 июля/10 августа († около 500)

Когда пророк-законодатель стал говорить о сотворении мира и показывать, как Господь величием десницы Своей создал небеса, то добавил: **“И сотвори Богъ два свѣтила великаа (...) и звѣзды; и положи ѿ Богъ на тверди небеснѣй, ѿкѡ свѣтити на землю”** (Быт. 1, 16-17). Подобным же образом в тверди человеческого понимания Он поместил (как утверждают Отцы) два великих светила — это Христос и Церковь, чтобы они светили во тьме невежества и освещали наш смиренный разум, как говорит о Господе евангелист Иоанн, потому что истинно Он — свет этого мира, Который **“просвѣщаетъ всакаго чловѣка грядѹщаго въ мѣръ”** (1, 9). Также поместил Он на эту твердь звезды, то есть апостолов, пророков и епископов, которые наставляют нас своими поучениями и просвещают своими чудесами, как сказал Он в евангелии: **“Вы есте свѣтъ мѣра”** (Мф. 5, 14), и еще: **“Такѡ да просвѣтитсѡ свѣтъ вашъ предъ чловѣки, ѿкѡ да видатъ ваша двѣраа дѣла и прославатъ Отца вашего, иже на Невесѣхъ”** (Мф. 5, 16). Апостолы, которым были адресованы сии слова, по справедливости принимались за всю Церковь, безупречную и незапятнанную, как говорит Апостол: **“Да представитъ ю Себѣ славнѹ Церковь, не имѹщѹ скверны, или порока, или нѣчто ѿ таковыхъ”** (Еф. 5, 27).

Так, благодаря учению апостольскому вплоть до нашего времени есть люди, которые подобно звездам этого мира не только просияли светом своих добродетелей, но и воссияли величием

своих научений и всю вселенную осветили лучами своих поведений, шли учить повсюду, основывая монастыри ради богопочитания, наставляя людей отрешаться от земных забот, прозревая мрак пороков, чтобы следовать за истинным Богом, Которым все было сотворено. Это видно будет и в рассказе об аббатах Урсе и Леобате, поведенном нам верной братией.

1. Аббат Урс являлся жителем города Кахора и с самого детства был очень благочестивым и преисполненным любви ко Господу. Оставив Кахор, прибыл он в землю Витурия, где основал три монастыря — в Таусириаке, Онии и Понтиньяке, а затем, оставив их под управлением настоятелей, зарекомендовавших себя святостью и разумным ведением дел, отправился в землю Тура и прибыл в местечко, которому кто-то дал некогда название Сенапария.

Отец Урс построил там молельню, основал монастырь. Возложив на настоятеля Леобата обязанность соблюдения там устава, отправился строить еще один монастырь, который сейчас называется Локкис, расположенный на реке Индре в расщелине горы, над которой был построен замок, носящий такое же название, как монастырь. Там, основав сообщество монахов, он принял в душе решение не ездить больше ни в какое другое место, а трудиться здесь трудами собственных рук со всей братией и в поте лица зарабатывать себе на жизнь, предписывая среди прочего братии своей то, что сказал своей апостол Павел: “**Да трѣждаетсѧ, дѣлаѧ своимѧ рѣкамѧ благое, да имать подадѧ ти трѣбѹющеѧ**” (Еф. 4, 28), и еще: “**Аще кто не хощетъ дѣлати ниже да гасить**” (2 Сол. 3, 10). Господь удостоил его даром исцеления, так что единым дыханием своим он изгонял бесов из тел одержимых. И другие чудеса Господь сотворил через него. Он был воздержан в еде и питье и неустанно наставлял монахов своих, чтобы ни глазами, ни в мыслях своих не алкали никаких излишеств.

2. Ведя подобную жизнь и видя, как братия, чтобы получить необходимую для их пропитания муку, вручную вращают жернов и мелют пшеницу, он задумал облегчить их труд, поставив мельницу на реке Индре. Сделав два ряда свай и большое заграждение из камней на реке, чтобы устроить шлюзы, он так направил

воду, что поток заставлял мельничное колесо стремительно вращаться. Таким способом он уменьшил монахам работу, и для помолки пшеницы требовался теперь лишь один монах.

И тут гот по имени Сиклэр, фаворит короля Аларика, пожелал приспособить это сооружение для своих нужд и сказал Аббату: “Отдай мне в собственность эту мельницу, а я взамен дам тебе, что пожелаешь”. Аббат ответил ему: “Мы построили ее большими трудами и по большой необходимости. Не можем сейчас отдать ее тебе, иначе моя братия умрет от голода”. “Если пожелаешь, — сказал Сиклэр, — отдать ее мне по доброй воле, я тебя отблагодарю, иначе же возьму ее силой или же сделаю другую мельницу и отведу отсюда воду, так что она больше не будет крутить твое колесо”. Аббат ответил: “Ты не сделаешь того, что противно Господу, ты ее не заберешь”.

Тогда Сиклэр, кипя от гнева, построил ниже по течению подобную мельницу. Воды под мельничным колесом собралось у монахов столько, что колесо не стало вращаться как обычно, и мельница встала. Как говорят, в полночь монах, работавший там, пошел к аббату, который вместе с братией служил в молельне вечерню. “Отче, — сказал он, — молись Господу, ибо колесо нашей мельницы затоплено из-за постройки Сиклэра и остановилось”. Выслушав это, Аббат тотчас же послал по одному монаху в каждый монастырь, им основанный, чтобы сказать там: “Молитесь до тех пор, пока я вас не извещу”. Сам он не выходил из часовни и горячо молился Господу, ожидая Его милости. Это продолжалось двое суток. На рассвете третьего дня монах с мельницы сообщил, что колесо вращается, как прежде, с большой скоростью. Тогда отец Урс с братией вышел из молельни, дошел до берега реки и стал искать мельницу, что построил Сиклэр, но не мог ее найти. Подойдя поближе и заглянув в глубину вод, не увидел ни малейшего следа ее, и после этого никто не видел ни дерева, ни камня, ни железа, ни следов другого рода, и можно было только догадываться, что на том месте, где она была построена, земля по велению Божиему разверзлась, поглотила ее и скрыла от людских глаз. Тогда Аббат послал гонцов, чтобы сказать братиям своим: “Отдыхайте теперь от трудов своих, ибо Господь возместил за ущерб наш”.

3. Совершив многообразные достодолжные дела, отец Урс прошел свой земной путь и отошел ко Господу. Впоследствии на его могиле излечивались одержимые и обретали зрение слепые. После смерти его те, кого он поставил управлять основанными им монастырями, были возведены епископами в аббаты. Леобат стал аббатом монастыря Сенапарии в Туре, где подвизался в святости и дожил до глубокой старости; там он умер и был похоронен.

ПРИМЕЧАНИЯ

В Сенапарии, которая сейчас называется Сенневьер, была построена церковь в романском стиле, посвященная преп. Леобату.

Преп. Леобат известен также и под именем преп. Любаис.

19.
Преподобная Монегунда,
ПРАВЕДНАЯ, ЧУДОТВОРИЦА
Память 2/15 июля († 530)

Чудесные дары свыше, даваемые роду человеческому, нельзя ни понять разумом, ни выразить словами, ни передать на письме, поскольку Спаситель мира Сам от начала мироздания пожелал быть знаемым патриархами и известным пророкам и потом снизошел — Всемогущий и Бессмертный Создатель — войти в чрево Приснодевы Пречистой Марии, облечься в смертную плоть, пойти на смерть за грехи человеческие и победно воскреснуть. Когда мы серьезно пострадали под ударами собственных грехов и все были покрыты ранами, полученными от врагов рода людского, караулящих нас в засадах, после того, как Он смешал вино и масло, Он повелел нам лечиться небесными лекарствами, то есть учением Святой Церкви. Обещая непременно вознагаждение тем, кто следует Его заветам, Он призывает нас жить по примеру святых. В качестве примера Он являет нам не только крепких мужей, но и слабый пол, представительницы которого ведут брань отнюдь не слабо, но весьма стойко. В Своем Небесном Царстве Он дает места не только мужам, которые сражаются, как должно, но и женам, которые своими благотворными трудами участвуют в духовных бранях, и это Он призывает в наши дни блаженную Монегунду, которая, оставив свою родную страну, подобно той благоразумной Царице, что пришла слушать речи Соломона, отправилась в базилику блаженного Мартина, чтобы подивиться на те чудеса, что происходят там ежедневно, и испытать там того, что поспособствует быть удостоенной войти в райские куши.

Преп.

Монегунда

1. Преподобная Монегунда из города Шартра была согласно воле своих родителей выдана замуж и имела двоих дочерей, чему она очень радовалась и говорила: “Господь чрево мое соделал плодоносящим и дал мне двух дочерей”. Но горечь этого мира скоро развеяла сию земную радость, ибо обе ее дочери лихорадкой были сведены в могилу. И эта мать, сокрушающаяся о потере своих детей, плакала сутками напролет, и ни ее муж, ни подруги ее, никто из соседей не могли ее утешить. Придя, наконец, в себя, она сказала: “Не могу утешиться после смерти моих дочерей и боюсь оскорбить этим Господа моего Иисуса Христа. И сейчас, прекратив сокрушаться, буду петь себе в утешение с блаженным Иовом: “Господь даде, Господь Ѡтъъ, такъ Господеви изволися, такъ бысть; вѣди имѧ Господне благословено (во вѣки) ” (Иов 1, 21).

Сказав это, она сняла свое траурное платье, устроила себе келью, где было только одно маленькое окно, через которое она могла видеть дневной свет, и там, оставив все земные попечения и не нуждаясь больше в обществе своего супруга, все время посвятила единому Господу, Которому вверилась и молилась о собственных грехах и грехах других людей, и в услужении у нее, чтобы доставлять ей необходимое, была только одна девочка. Она, бывало, брала ячменную муку, золу, смешивала это с водой, тщательно замешивала тесто, собственными руками делала из него хлебы, выпекала их и ими подкрепляла свои силы после продолжительных постов. Оставшееся отдавала бедным.

Однажды случилось так, что девочка, которая ей прислуживала (я думаю, что она была совращена кознями врага нашего, который всегда вредит добрым людям), ушла от нее, заявив: “Я не могу оставаться с этой хозяйкой, которая так постится, лучше я пойду в мир, и у меня там будет и еды, и питья вдоволь”. Прошло уже пять дней после ухода девочки, и ее благочестивая госпожа не получила, как обычно, ни муки, ни воды. Тем не менее, она оставалась спокойной, находя утешение во Христе, а того, кто утвердился в своей вере, не могут поколебать ни водовороты, ни удары волн. И она отнюдь не верила, что эта жизнь может полностью зависеть от какой-то тленной пищи, а верила в Слово Божие, как написано во Второзаконии (8, 3), у Матфея

(4, 4), и помнила изречение мудрости Соломона: “**Не оубѣтъ
гладомъ Господь дѣшѣ праведнѣю**” (Притч. 10, 3), и еще: “**Праведный
же ѿ вѣры живѣтъ бѣдѣтъ**” (Рим. 1, 17).

Но поскольку плоть человеческая не может обойтись без земного, она смиренно молилась, чтобы Он, давший людям манну с небес, дабы накормить их (Исх. 16) и воду из скалы, чтобы освежить их (Числ. 20, 11), благоволил и ей дать пищу, необходимую для поддержания бедного тела. Сразу же, пока она молилась, с неба пошел снег и покрыл землю. Видя это как проявление благодати, она вытянула через окошко руку и собрала снег со стены. Получив таким способом воду, она сделала хлеб, как привыкла делать, а пять дней спустя Господь снабдил ее и другой пищей.

К келье ее примыкал маленький сад, куда она обычно выходила на краткую прогулку. Выйдя туда, она прогуливалась, глядя на растения, когда какая-то женщина, разложившая сушить пшеницу на крыше, поскольку это было высокое место, и занятая только мирскими мыслями, косо посмотрела на Преподобную. И сразу же в глазах у этой женщины потемнело, и она ослепла. Тогда, понимая свою вину, она подошла к святой Монегунде и сказала ей, что произошло. Та поспешила к молитве, говоря: “Горе мне, если из-за небольшого оскорбления меня, ничтожной, закрываются глаза других”. И когда она закончила молитву, то возложила руку на женщину, сотворила крестное знамение, и к той немедленно вернулось зрение.

Один мужчина из той же страны, который до того потерял слух, пришел, исполненный веры, к келье Преподобной, которую родители этого несчастного просили, чтобы она пожелала возложить на него руку. Но она сказала, что Христос не удостоил ее совершением таких чудес. И все же она приникла к земле, словно жаждала поцеловать следы Господа, и стала смиренно молить Небеса о милости к больному, и, когда она еще лежала на земле, уши глухого прочистились, и он вскоре радостный вернулся домой, забыв о своей беде.

2. Прославившись среди близких своих такими деяниями, она, чтобы не впасть в тщеславие, оставила своего мужа, всю семью, домашних всех и, исполненная веры, отправилась в

базилику святителя Мартина. По дороге пришла в село на территории Тара под названием Ивена, где пребывали мощи блаженного Меруарда Суассонского, в честь которого в ту самую ночь служили всенощную. Святая, проведя ночь в молитве, в назначенный час пошла с людьми на празднование литургии. Когда священник совершал службу, вошла девочка, опухшая от гнойных нарывов, и бросилась Монегунде в ноги, говоря: “Помоги мне, ибо жестокая смерть пытается оторвать меня от жизни”. Святая, как это она обычно делала, распростерлась в молитве, молилась Господу, Творцу всего сущего, за эту девочку; потом, встав на ноги, сотворила крестное знамение. И нарывы лопнули в четырех местах, гной вытек, угроза смерти отступила.

После сего блаженная Монегунда пришла в базилику святителя Мартина и там, стоя на коленях перед гробницей, возблагодарила Господа за то, что смогла собственными глазами узреть святую могилу. Она поселилась в маленькой комнате, где проводила все свое время в молитве, посте и бдении. И это место она прославила своими чудесами. Дочь некоей вдовы пришла туда со скрюченными руками и, как только Святая, помолившись, коснулась ее крестным знамением, пальцы девушки распрямились, и ладони ее освободились.

Пока все это происходило, ее муж, прослышавший о ее славе святой, собрал друзей своих и соседей, поехал за ней и забрал ее обратно домой, где поместил в ту же самую келью, в которой она жила прежде. Она же не прекратила делать обычное ей, предаваясь молитве и посту, чтобы обрести в свое время то место, в котором желала обитать. Снова вступила она на желанный ей путь, умоляя о помощи блаженного Мартина, чтобы дал ей способ прибыть в его храм, раз уж он зародил в ней такое желание. И вскоре она вернулась в свою прежнюю келью и обитала нетревожимо там, муж больше не искал ее.

А там, собрав нескольких монахинь, она явила стойкость в вере и молитве, вкушала только ячменный хлеб и лишь в праздничные дни пила немного вина, разбавленного большим количеством воды. У нее не было мягкой постели на сене или свежей соломе, спала она на жесткой циновке из камыша, которую клала на скамейку или на землю — она была для нее и

сидением, и кроватью, и подушкой, и покрывалом, словом, всеми постельными принадлежностями, и тех, кого призывала к себе, учила делать так же. Живя там и восхваляя Господа, давала она больным многие исцеления.

3. Одна женщина привела к ней свою дочь, у которой было много язв, и из них сочился гной. Преподобная помолилась и своей слюной смазала ей ее сочащиеся раны и вылечила ту девушку таким же способом, как и Господь, Который из пыли и слюны сделал брение и им помазал глаза слепому от рождения человеку (Ин. 9). Один мальчик, живший в той местности, выпил грязной воды, и с ней в тело его проникли гады и, кусая его, причиняли сильную боль, так что у него не было ни минуты покоя. Он не мог ни пить, ни есть, а, если что-нибудь проглатывал, то немедленно с рвотой все извергал. Этот несчастный мальчик был приведен к преподобной Монегунде и попросил ее излечить его даром своим. И хотя она отказывалась, уверяя, что недостойна сотворить такое чудо, тем не менее, уступив молениям его родителей, несколько раз потрогала его желудок, мягко проведя по нему рукой, и поняла, где гнездятся гады. Тогда она взяла листочек зеленого винограда, смочила его слюной, сотворила над ним крестное знамение, а потом приложила мальчику к низу живота. Боль немедленно стихла, и мальчик, который прежде не мог спать из-за постоянной боли, поспал на скамейке. Через час он встал опорожнить желудок, изверг из себя это отродье проклятых тварей и ушел исцеленным, благодаря рабу Божию.

Иного мальчика, разбитого параличом, принесли к ней на руках, и он просил ее исцелить его. Простершись ниц, она молилась о нем пред Господом. Потом, когда закончила свою молитву, встала, взяла мальчика за руку, поставила его на ноги и отправила домой исцеленным. Слепая женщина, которую также привели к ней, попросила ее возложить на нее руку, но Преподобная ответила: “К чему это? Разве здесь нет святителя Мартина, который каждый день прославляется сотворением множества чудес? Иди к нему и умоли его, чтобы он удостоил тебя своим посещением”. Но женщина настаивала на своей просьбе, говоря: “Господь всегда творит дивное через боящихся имени Его. Поэтому я пришла просить тебя, тебя, получившую от Него

дар исцеления”. Тогда раба Божия, глубоко тронутая, возложила руки свои на ее мертвые глаза; катаракты немедленно исчезли, и та, что была слепой, смогла увидеть окружающий ее мир. К преподобной Монегунде приходило также множество одержимых: как только она возлагала на них руки, то обращала в бегство злого врага и возвращала людям здоровье. И всем тем, кому она позволяла прийти к себе, не приходилось долго ждать исцеления.

4. Но уже приближалось время, когда Господь должен был призвать ее к себе, и силы начали оставлять ее. Видя это, монахини, бывшие с ней, горько плакали и говорили: “На кого оставляешь нас преподобная Мати? Кому доверишь нас, тех, кого собрала здесь о Боге?” Она отвечала, проливая слезы: “Если вы сохраните мир и благочестие, Господь вас сохранит, а великий святитель Мартин станет пастырем вашим. Что же до меня, так я не уйду от вас: когда призовете меня, я всегда буду прямо в сердцах ваших”. Но они все говорили: “Много больных будет приходить к тебе, чтобы испросить твое благословение, и что нам делать, когда останемся без тебя? В смущении будем просить их уйти, когда не увидать будет больше твоего лица. Просим тебя на время, когда это будет от нас сокрыто, согласиться, по крайней мере, благословить масло и соль, которые мы можем давать больным, кто придет искать благословения”. Тогда она благословила для них масло и соль, а они хранили их с величайшей бережностью.

И благословенная почилла в мире. Она была похоронена в своей келье и прославилась многочисленными чудесами, ибо благословение, о котором мы только что рассказали, после ее смерти давало здоровье больным, познавшим его благотворное влияние.

У дьякона по имени Бозон от гнойного нарыва так распухла ступня, что он не мог ходить. Он велел отнести себя к ее могиле и молился там. Монахини взяли немного масла, оставленного им Преподобной, и помазали его ногу: нарыв немедленно лопнул, истек гной, и человек был исцелен. Слепой, которого привели к ее могиле, распростерся ниц в молитве, и его сразу же одолел сон, а во сне он увидел Блаженную, говорившую ему: “Я

считаю себя недостойной быть причисленной к святым, тем не менее, ты теперь обретишь зрение на один глаз. Потом беги к стопам святителя Мартина и пади пред ним в покаянии душевном. Он исцелит другой твой глаз". Мужчина проснулся и обнаружил, что одним глазом видит. Пошел туда, куда повелела Преподобная. Там в новой молитве просил блаженного Исповедника явить свою чудодейственную силу, и почувствовал, как тьма в его еще слепом глазу рассеивается, и ушел он оттуда с нормальным зрением.

Пришел также немой и упал у этой святой могилы, и сердце его настолько наполнено было верой и покаянием, что потоки слез его увлажнили камни в келье. Когда он встал, то почувствовал, что силы небесные дали ему способность говорить, и вышел здоровым. После пришел еще один немой, и, пав пред могилой в молитве, в сердце своем попросил (не имея возможности выразить это голосом) помощи у преподобной Монегунды. В рот ему дали немного благословленного масла и соли, о которых мы говорили, и с губ его тут же потекла кровь, смешанная с гноем, и он обрел способность говорить.

Приблизился также к этой могиле один человек, у которого была лихорадка, и, едва он коснулся покрывала, лежавшего на могиле, как болезнь отступила, и пошел он домой исцеленным. Калека по имени Марк, которого принесли к могиле на руках, долгое время молился там. Через девять часов встал на ноги и ушел домой. Мальчика по имени Леонид, проболевшего четыре месяца, не ходившего, даже не евшего из-за постоянно терзавшей его жестокой болезни, принесли к могиле в состоянии, близком к смерти. Там он обрел здоровье и ушел, возвращенный к жизни.

Что сказать о множестве других, которые исцелились от лихорадки, просто с верой приложившись к покрывалу на гробнице Преподобной? Что сказать об одержимых, которые, будучи приведены в ее келью и едва переступив порог, обретали здравый ум? Злые духи незамедлительно покидали их тела, почувствовать благодать Святой, данную ей Господом нашим Иисусом Христом, Который часто удостаивает вечных наград благочестивых и богобоязненных.

Примечания

Келья преподобной Монегунды, где она была похоронена, была рядом с могилой святителя Мартина. Позднее мощи ее были перенесены в Сен-Пьер-ле-Пулье.

Небольшой монастырь преп. Монегунды был упомянут в хартии 1031 года, но после этого записи о нем не встречаются.

“Слава исповедников” свят. Григория Турского (гл. 24) содержит следующий рассказ о преп. Монегунде:

“Блаженная Монегунда умерла в том самом городе Туре 2-го июля 570 года. Она была родом из Карнотены... Она уехала в Тур, чтобы о ней больше не говорили. Господу угодно было часто совершать чудеса через ее посредство. Например, если кто-то попадал в тяжелые обстоятельства, то мог обратиться к ней в молитве, и она немедленно падала на колени и начинала молить Господа. Потом человек, сорвав листья овощей или фруктовых деревьев (кому что нравилось), смачивал их слюной и, сотворив над своей раной крестное знамение, прикладывал к ней листья, и рана сразу же излечивалась, страдания прекращались. Те, кто страдал от болей в горле, очень часто исцелялись данной им святой водой. Больные сейчас постоянно стекаются толпами к ее гробнице и исцеляются...”

Преподобный Леобард, отшельник.

20.
Преподобный Леобард, отшельник,
ПОДВИЗАВШИЙСЯ В МАРМУТЬЕ,
ЧТО РЯДОМ С ТУРОМ
Память 18/31 января († 530)

Церковь получает наставление каждый раз, когда с благоговением повествуется о деяниях святых. Она переживает великую радость, видя тех, кто с начала жизни своей жил жизнью богобоязненной и благополучно прибыл в гавань своего совершенства, радуется Церковь также, по воле Господней, о тех, кто, оставив мир, нашел силу милостью Божией завершить благочестивое дело.

1. Блаженный Леобард, рожденный в земле Оверни, был не из сенаторской семьи, это так, но рожден был гражданином свободным. От начала жизни своей в сердце носил Бога и, хотя и был не из семьи верующих, но прославился собственными добродетелями. В положенное время его вместе с другими детьми отправили в школу, и он учил там наизусть отрывки из псалмов и, еще не зная, что однажды станет клириком, готовил себя к служению Господу. Когда он достиг брачного возраста, родители его, следуя мирскому обычаю, стали убеждать его обручиться с молодой девушкой, чтобы потом жениться на ней. Когда он отказался это сделать, отец его сказал: “Сын мой любимый, почему ты сопротивляешься моей отцовской воле и отказываешься жениться, чтобы воспитать для нашей семьи потомство, которое принесет в будущем отраду? Ибо, если не будет никого, кто сможет наслаждаться плодами трудов наших, то мы и трудимся напрасно. Для чего наполнять богатством наш дом, если

им не воспользуется наследник? Зачем покупать так много рабов для наших владений, если все это может достаться постороннему? Божественное писание учит, что дети должны повиноваться родителям (Еф. 6, 1); знай, что если ты выразишь неповиновение по отношению к своим родителям, то не избежишь кары небесной”.

Хотя у него был еще один сын, отец его, говоря так, легко убедил молодого человека сделать то, чего тот не желал. И Леобард вскоре подарил своей невесте кольцо, поцеловал ее, подарил ей тапочки (см. гл. 16 выше) и отпраздновал праздник помолвки. Пока это происходило, родители его заснули сном смертным, покинули этот мир, завершив путь сей жизни.

После того, как Леобард и его брат выдержали срок траура, Леобард отправился в дом брата, нагруженный подарками, которые хотел ему вручить по случаю свадьбы, но тот был настолько пьян, что не узнал Леобарда и не пожелал его принять в своем доме. Леобард удалился, вздыхая и проливая слезы. Доехав до какого-то сарая, полного сена, он накормил лошадь, привязал ее поблизости и лег на сено поспать. В середине ночи проснулся, встал и, воздев к небу руки, возблагодарил Всемогущего Бога за то, что родился, за то, что живет, за то, что Господь одарил его Своими дарами, и так славил Господа долгое время. Пока он выпускал долгие вздохи и проливал обильные слезы, Всемогущий Бог, **“нѹже во предѣвѣдѣ, тѣхъ и представѣ совбразныхъ быти вбразѣ сына своего”** (Рим. 8, 29), тронул его сердце, вдохновив его бежать от мира, чтобы предаться служению Господу.

2. Потом, став как бы священником своей собственной души, он стал говорить самому себе: “Что ты делаешь, душа моя? Почему сомневаешься? Пуст мир сей и желания его, пуста слава земная, пусто все на земле. Лучше будет оставить ее и последовать за Господом, чем хоть как-нибудь принять земные дела”. Сказавши так, наутро сел он на лошадь свою, направляясь домой, и пока, радостный, ехал по привычной дороге, начал в уме размышлять, что ему следует делать и куда следует идти. И сказал в себе: “Поеду к могиле святителя Мартина, от которой исходит благотворная для больных сила, и верю, что его молитва откроет,

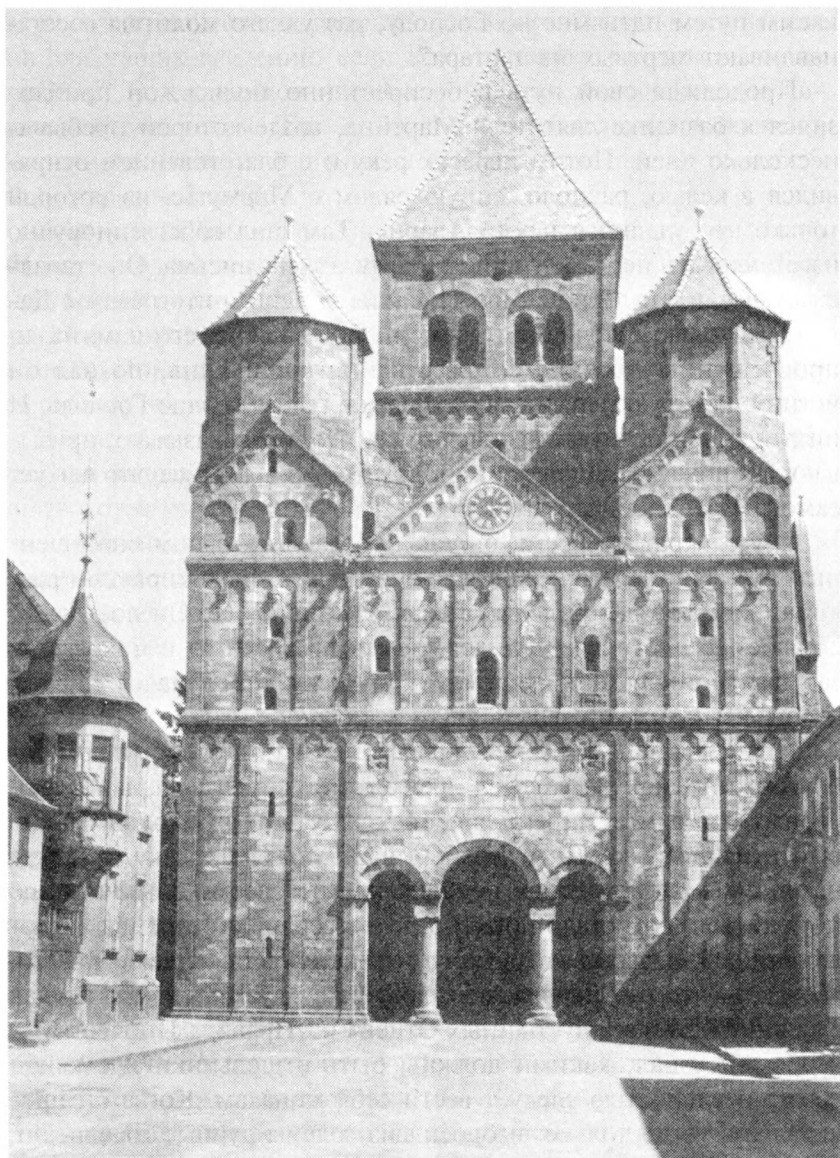
каким путем идти мне ко Господу, раз уж его молитвы восстанавливают мертвых из тартара”.

Продолжая свой путь и беспрестанно молясь, он приблизился к базилике святителя Мартина, возле которой пребывал несколько дней. Потом пересек реку и с благоговением отправился в келью, расположенную рядом с Мармутье, из которой только что удалился некий Аларик. Там стал собственноручно изготавливать пергаменты и готовить их для письма. Он старался осмысливать Священное Писание и вспомнить псалмы Давида, которые с течением времени исчезали из его памяти, и, просвещенный чтением Божественного Писания, познал он истину, которую первоначально вложил в его сердце Господь. И никто да не посчитает вымыслом то, что я рассказываю; призываю Господа засвидетельствовать, что узнал я все это из уст самого преподобного Леобарда.

Спустя краткое время он так прославился своим совершенным смирением, что все стали почитать его. Взяв кирку, он раскопал камни в своей келье, желая расширить ее. Он постоянно с радостью постился, молился, пел псалмы, читал и никогда не забывал богослужения; время от времени принимался писать, чтобы изгнать дурные мысли.

3. Тем временем, всегда пребывая врагом и завистником рабов Божиих, искуситель под предлогом диспута, который вел со своими соседями смиренный монах, вложил ему в голову мысль выйти из своей кельи и перейти в другую. Поскольку мы тогда находились в тех местах, прибыв туда по своему обыкновению помолиться, нам стало понятно, что в сердце его проник отравляющий яд. Вдыхая от горького сожаления, стали увещевать его, убеждать, что это дьявольская ловушка. А уехав оттуда, послал ему книги “Жизнь пустынных Отцев” и “Правила Иночества”,* чтобы он узнал, какими должны быть отшельники и с какой осмотрительностью следует вести себя монахам. Когда он прочитал их, то не только выбросил из головы дурные мысли, но,

*Автор первой — пресвитер Руфин, а второй — преп. Иоанн Кассиан. Преп. Роман Юрский получил эти две книги от аббата Савина в начале его монашеской жизни, см. “Житие Юрских Отцов”, гл. 1.

Мармутъе.

более того, получил столько знаний, что изумлял нас своей способностью рассуждать о высоком. Выражался он в очень мягкой манере, увещевания его были приятны, был он полон любви к людям, следил за сильными мира сего и постоянно молился за всех верных Богу.

Он был не из тех, кто носит с удовольствием длинные волосы и длинную бороду, ибо через определенное время подрезал их. Ведя такой образ жизни, двадцать два года прожил в своей келье и удостоился от Господа такой великой благодати, что слюной своей мог вылечивать гнойные нарывы. Жар лихорадки снимал вином, которое освещал крестным знаменем, побеждая своей праведностью лихорадочный жар в других — он, который в себе победил жар преступных страстей.

Однажды к нему пришел слепой человек, смиренно оплакивая свое несчастье и умоляя Преподобного коснуться его глаз, лишенных света. Преподобный Леобард долгое время отказывался; наконец, уступая горю мужчины и испытывая чувство сострадания, он три дня молился Господу, а на четвертый, возложив руки на глаза слепого, сказал: “Всемогуший Господи, Единородный Сын Отца, правящий с Ним и со Святым Духом во веки веков, давший свет рожденному слепым слюной из благословенного Своего рта, дай зрение этому рабу Твоему, чтобы он знал, что Ты есть Господь Всемогуший”. Сказав это, он изобразил знак креста на глазах слепого, и темнота для того мгновенно рассеялась, и зрение его восстановилось. Аббат Евстахий, присутствовавший при этом, засвидетельствовал это чудо.

4. Измученный постоянным тяжким трудом высекания в скале под горой более просторной пещеры, ослабленный строгим постом, хотя непрестанная молитва и поддерживала его, начал он мало-помалу чувствовать, как силы оставляют его. Однажды, когда он особенно устал, призвал к себе нас. Мы пошли к нему и после того, как он посетовал на приближение своей кончины, исповедуя себя грешным, попросил причастить его. Причастившись, сказал: “Время мое истекает — Господь велит мне освободиться от уз брэнного тела, но должно пройти еще несколько дней. Он призовет меня перед святым днем Пасхи”. О Преподобный, послуживший Создателю всего сущего до того, что Тот

открыл ему час его смерти! Он говорил так в десятый месяц года, а в двенадцатый снова заболел.

Однажды в день воскресный он призвал своего слугу и сказал ему: “Приготовь мне немного еды, так как я очень ослабел”. И когда слуга ответил: “Господин мой, еда готова,” он сказал ему: “Иди и посмотри, закончилась ли уже служба и разошлись ли люди после литургии”. Говорил он так не потому, что хотел принять еду, а потому, что не хотел, чтобы кто-нибудь стал свидетелем его смерти. Слуга вышел, потом вернулся и, войдя в келью, нашел угодника Божия испутившим дух — с закрытыми глазами, с окоченевшим телом, и это явно свидетельствовало, что ангелы уже забрали его, ибо святой воин не хотел, чтобы хоть один человек присутствовал при его кончине. Увидев это, слуга стал громко его оплакивать. Когда собралась братия, тело его подобающим образом обмыли, одели и поместили в могилу, которую он вырубил себе в своей келье. Думаю, никто из верующих не сомневается, что Преподобный пребывает ныне в сонме праведников.

КОНЕЦ КНИГИ “ЖИТИЕ ОТЦОВ”.

V.
ПРИБАВЛЕНИЕ
К ЖИТИЮ ОТЦОВ

святителя Григория Турского

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В прибавление к двадцати главам “Жития Отцов”, писания святителя Григория содержат несколько иных жизнеописаний святых Галлии V-VI веков. Они представлены здесь в виде прибавления к полному тексту “Жития Отцов”.

Первое из этих житий — жизнеописание Святого, которого святитель Григорий знал лично, это святитель Сальвий Альбийский. Его житие, содержащееся в “Истории франков” (книга VII, 1 и V, 50) представляет один из классических примеров в христианской литературе — житие Святого, повидавшего само Небо и вернувшегося, чтобы рассказать об этом; его без сомнения можно поставить рядом с таким восточным святым, как блаженный Андрей Константинопольский, Христа ради юродивый.

Святитель Сальвий

21.
Святитель Сальвий,
ВИДЕВШИЙ ТАЙНЫ НЕБЕСНЫЕ
Память 10/23 сентября († 584)

Чувство почтения, которое я испытываю к нему, побуждает меня поведать о святителе Сальвии. Он, бывало, часто рассказывал, как, будучи мирянином и занимаясь земными делами, никогда не позволял себе попасться в ловушку дурных желаний, которые так часто заполняют умы молодых людей. Когда Дух Святой нашел место в его сердце, он отказался от борений мирской жизни и ушел в монастырь. Будучи посвящен Всемогушему Богу, понимал, что лучше в нищете служить Богу и жить в смирении пред Ним, нежели стремиться обладать богатством в этом преходящем мире. Он провел много лет в монастыре, подвизаясь согласно святоотеческому уставу.

Когда аббату этого монастыря пришло время умереть, Сальвий взял на себя обязанность заботиться о пропитании братии, ибо к тому времени достиг расцвета своих физических и умственных сил. Поскольку ему было дано такое послушание, то в его обязанности входило постоянно находиться с братией, чтобы поддерживать дисциплину, но вместо этого он стал еще больше уединяться и выбрал себе еще более отдаленную келью. После избрания аббатом он жил также аскетически, как прежде, посвящая все свое время молитве и чтению. Он был убежден, что ему более подобает оставаться в глуши среди монашеской братии, чем появляться на публике с тем, чтобы его чтили как аббата. Следуя своим убеждениям, он, попрощавшись с братией, стал отшельником и в уединении кельи своей предался еще большему

воздержанию, чем прежде. В то же время старательно прилежал закону христианского милосердия, молясь обо всех, кто приходил к нему в монастырь, и щедро оделял их хлебом от приношений. Приходившие к нему с тяжелыми заболеваниями всегда уходили исцеленными.

Однажды, когда Сальвий лежал в постели, тяжело дыша, ослабленный высокой температурой, келья его внезапно наполнилась ярким светом, и стены, казалось, содрогнулись. Он воздел руки к небесам и со словами благодарности испустил дух. Монахи и с ними мать его с причитаниями вынесли из кельи его мертвое тело, обмыли его, одели и положили на носилки. Всю ночь они плакали и пели псалмы.

Когда пришло утро и все было готово для похорон, тело на носилках начало двигаться. Щеки Сальвия окрасились румянцем, он зашевелился, как бы просыпаясь от долгого сна, открыл глаза, воздел руки и заговорил: “О, Господи милосердный, зачем Ты сотворил сие со мной? Зачем решил Ты, что я должен вернуться в эту тьму, в которой мы обитаем на земле? Я бы гораздо счастливее был остаться там, в выси, с Тобой рядом, чем возобновлять свою безрадостную жизнь здесь, внизу”. Все, окружавшие его, ничего не понимали. Когда его спросили о значении свершившегося чуда, он ничего не ответил. Поднялся с носилок, не ощущая никаких последствий болезни, от которой прежде страдал, и три дня ничего не ел и не пил.

На третий день он призвал монахов и свою мать. “Дорогие мои, — сказал он, — послушайте то, что я вам скажу. Вы должны понять, что все, что вы видите в этом мире, не имеет совершенно никакой ценности. Все суета, как точно провозгласил пророк Соломон. Блажен тот, кто в этом земном существовании ведет себя так, что вознаграждается созерцанием Господа во всей славе Его на небесах”.

Сказав это, он задумался, говорить ли ему еще или на этом закончить. Какое-то время молчал, но братия просили его рассказать им, что же он видел. “Когда четыре дня назад моя келья содрогнулась, — продолжил он, — и вы увидели меня лежащим мертвым, два ангела подняли меня и вознесли на высоту небес, так что под моими ногами оказались не только эта злосчастная

земля, но и солнце, и луна, и облака, и звезды. Потом меня провели через врата, сияющие ярче солнечного света, и вошел я во Дворец, где весь пол сверкал золотом и серебром. Это сияние невозможно описать. Дворец был заполнен множеством людей, не принадлежавших ни к мужскому полу, ни к женскому, и толпа во все стороны тянулась так далеко, что нельзя было видеть, где она кончалась. Ангелы были впереди меня, прокладывая мне путь сквозь толпу людей, и мы приблизились к месту, к которому наш взор был обращен даже тогда, когда мы были далеко от него. Над этим местом висело облако, светящееся сильнее, чем любой свет, но не видно было ни солнца, ни луны, ни звезд; истинно, облако светилось своим собственным сиянием гораздо ярче, чем любое из названного. Из облака раздался голос, похожий на раскат волн. Меня, грешного, с большим уважением приветствовало множество существ, некоторые из которых были облачены в священнические облачения, а другие были в обычной одежде; мои спутники сказали мне, что то были мученики и другие святые, которых мы почитаем здесь, на земле, и которым с любовью молимся. Когда я стоял там, меня обдало волной такого сладкого аромата, что, напившись им, я не испытывал никакой потребности в еде или питье до самого этого момента.

Потом я услышал голос, сказавший: “Пусть этот человек вернется в мир, он нужен там Церкви”. Слышал голос, но не видел, Кто это говорил. Я простерся ниц и заплакал: “Увы, Господи, увy! Зачем Ты показал мне все это — для того ли только, чтобы лишить меня всего? Ты изгнал меня сегодня прочь от Себя и послал вернуться в земную жизнь, и сам я не могу вернуться сюда. Молю Тебя, Господи, не отврати от меня милость Твою. Позволь мне остаться здесь, прошу Тебя, иначе я погибну, пав на землю”. Голос, говоривший со мною, изрек: “Иди в мир. Я буду тебя хранить до тех пор, пока снова не возвращу в это место”. Потом мои проводники оставили меня, и я вернулся обратно сквозь те ворота, через которые входил, я шел и плакал”.

Бывших с ним рядом изумил его рассказ. Святой человек Божий плакал. Потом он сказал: “Горе мне, что осмелился открыть такую тайну! Аромат, который я ощущал в том святом

месте и которым без еды и питья был сыт три дня, уже исчез. Язык мой покрыт язвами и так распух, что едва помещается во рту. Очевидно, Господу Богу моему неугодно было, чтобы я открывал эти тайны. Ты ведь знаешь, о Господи, что я сделал все это в простоте своего сердца, а не из-за тщеславия. Сжался надо мною, молю Тебя, и, как Ты обещал, не оставляй меня”. Сказав это, Сальвий замолчал; потом он стал есть и пить.

Когда я пишу эти слова, боюсь, что мой рассказ может некоторым моим читателям показаться совершенно невероятным, и думаю о том, что написал историк Саллюст: “Когда мы описываем деяния знаменитых людей, читатель охотно принимает на веру то, что, по его мнению, он мог бы сделать сам; все, что выходит за эти границы возможного, он будет считать недостоверным”. Я же призываю Всемогущего Господа засвидетельствовать, что все, что я здесь поведал, слышал из уст самого Сальвия.

Много лет спустя святой Сальвий вынужден был оставить свою келью, чтобы против собственной воли быть избранным и посвященным во епископа. Согласно моим расчетам, он пробыл на святительской кафедре десять лет — до тех пор, пока в Альбе не разразилась чума и большинство людей вымерло из-за нее. В живых остались лишь немногие горожане, но святитель Сальвий как добрый пастырь отказался покинуть свой город. Он оставался там, призывая немногих оставшихся в живых беспрестанно молиться, неуклонно бывать на всенощных и души и тела свои посвятить только добрым делам. “Всегда поступайте так, — обычно говорил он, — чтобы, если Господь решит призвать вас из этого мира, то Ему не пришлось бы вас осудить”.

После одного Собора, на котором мы с Сальвием были вместе, я уже собирался отправиться домой, как вдруг почувствовал, что не могу уехать, не попрощавшись с Сальвием и не обняв его. Я нашел его и сказал, что собираюсь уезжать. Мы отошли недалеко от дома и стояли там, разговаривая. “Посмотри на крышу этого дворца, — сказал он, — видишь ли ты то же, что вижу я?” “Я вижу новую черепицу, которую недавно повелел положить здесь король”. “А больше ничего не видишь?” — Спросил он. “Нет, — ответил я, — больше ничего”. Я уже подумал, что он надо

мной подшучивает. “Скажи мне, если ты видишь что-то еще,” — сказал я. Он глубоко вздохнул и ответил: “Вижу обнаженный меч гнева Божия, висящий над этим дворцом”. И он не ошибся в своем пророчестве. Через двадцать дней умерли два сына короля Хильперика.

Когда пришло время и Господь открыл Сальвию приближение его собственной смерти, он подготовил себе гроб, тщательно вымылся и надел саван. Умер он в блаженных размышлениях, обратив мысли свои к Небу. Он был человеком высокой святости. У него не было никакого желания обладать чем-либо, и он отказывался принимать деньги; если кто-то навязывал ему, то он сразу же отдавал деньги бедным.

Когда он был епископом, патриций Муммол увел в рабство многих обитателей Альбы, но Сальвий последовал за ним и убедил его всех людей освободить. Господь дал ему такой дар влияния на людей, что захватчики пошли на уменьшение выкупа, который просили, и даже преподнесли Сальвию подарки. Таким образом он освободил людей своей епархии и вернул их в прежнее положение.

Слышал я о нем и много других поучительных историй. Он умер в девятый год правления короля Хильдебера (584 год от Рождества Христова).

22.
Святитель Врисий,
ПРОЗОРЛИВЫЙ ЕПИСКОП ТУРСКИЙ
Память 13/26 ноября († 444)

После кончины святителя Мартина Турского, сего высокого и истинно несравненного человека, о чудесах которого в нашей стране написаны толстые тома, епископом в Туре стал Врисий. В молодости сей Врисий досаждал святителю Мартину, который тогда был еще жив и здоров, поскольку Святитель часто пенял тогда молодому человеку, что тот тратит много времени на пустяки. Однажды, когда к святителю Мартину пришел за исцелением один больной, он встретил на площади Врисию, бывшего тогда еще дьяконом. В грубоватой манере пришедший сказал: “Я здесь болтаюсь, ожидая Святого, но не знаю, где он и что делает”. Врисий ответил: “Если ты ищешь этого юродивого, просто глянь туда. Он, как обычно, плячется на небо”. Подойдя к святителю Мартину, бедняк получил от него чаемое исцеление. Затем Святитель обернулся к дьякону Врисию и сказал: “Значит я тебе кажусь юродивым, не так ли?” Врисий так сконфузился, услышав это, что стал отрицать, что сказал такое, но Святитель продолжал: “Я слышал твои слова, хотя ты и был от меня на большом расстоянии. Аминь, говорю тебе, ибо Господь только что открыл мне, что ты будешь удостоен чести быть епископом после моей смерти, но ты должен знать, что в период своего епископства будешь страдать от множества гонений”. Услышав это, Врисий засмеялся и ответил: “Разве не правильно то, что я сказал, многое из твоих слов — чистое сумасшествие”. Даже после того, как его рукоположили во священника, Врисий продолжал

причинять боль Святителю своими язвительными замечаниями. Но позже, когда его, всеобщим решением граждан Тура, избрали епископом, он стал все время свое проводить в молитве.

Несмотря на то, что Врисий был высокомерным и тщеславным, телом он пребывал, по всеобщему свидетельству, чист. На тридцать третьем году его священнослужения против него было выдвинуто прискорбное обвинение. Одна женщина, которой его слуги обыкновенно давали стирать его белье и которая сама отказалась от ношения мирских одежд по религиозным соображениям, забеременела и родила ребенка. Все население Тура было взбудоражено гневом при этом известии. Все винили Епископа — все как один жаждали камнями забить его до смерти. “Твой благочестивый вид все это время был лишь прикрытием грехов твоих, — кричали они. — Господь нам не позволит больше осквернять себя, прикладываясь к твоей недостойной руке”. Врисий твердо отрицал обвинения. “Принесите мне ребенка,” — потребовал он. Внесли ребенка, которому от роду было всего тридцать дней. Врисий сказал дитяти: “Во имя Иисуса Христа, Сына Господа Всемогушего, если я действительно твой отец, велю тебе так и сказать в присутствии этих людей”. “Не ты мой отец,” — ответило дитя. Когда люди просили Врисия узнать, кто же был отцом, он ответил: “Это уже не мое дело. Я был в этом замешан постольку, поскольку вопрос касался меня. Если вас это интересует, сами спросите”. Тогда люди восстали против него и потащили его прочь, крича: “Ты больше не будешь править нами, лживо именуясь пастырем”. Чтобы оправдаться перед людьми, Врисий сунул в свою рясу горячие угли, прижал их тканью к телу и вместе со всей толпой пошел к могиле святителя Мартина. Когда дошел до могилы, отпустил угли, и они упали на землю, но на рясе его не осталось никаких следов горения. Тогда он продолжил свои оправдания: “В точности, как вы видите, что одежда моя не испорчена этими горящими углями, так и тело мое не осквернено соединением с женщиной”. Но люди все же не поверили ему и изгнали из своего города, так что сбылись слова святителя Мартина: “Ты должен знать, что в период своего епископства будешь страдать от множества гонений”.

Изгнав Врисию, люди в Туре избрали своим епископом Иустиниана. Врисий отправился к Папе в город Рим. Плача и сокрушаясь над своей судьбой, он сказал Папе: “Я заслужил все эти поношения, ибо грешил против Святителя Божия, называя его юродивым и полоумным. Когда видел чудеса, им творимые, я им не верил”. Врисию не было в Туре, когда люди сказали новому епископу: “Отправляйся за ним и подумай о своем положении, ибо, если ты не последуешь за ним, то заслужишь всеобщее наше презрение”. Раз так, Иустиниан оставил Тур и отправился в Италию в город Верселли. В этом путешествии он умер. И когда жители Тура узнали о его смерти, то, упорствуя в своих заблуждениях, избрали на его место Арментия.

Когда епископ Врисий прибыл в Рим и поведал Папе обо всем, что претерпел, то тогда обосновался в папской епархии и часто совершал литургии, но продолжал каяться в том, что жесток был по отношению к святителю Мартину. По истечении семи лет оставил Рим и с разрешения Папы отправился в Тур. Прибыл в деревню под названием Мон-Луи, что приблизительно в десяти километрах от города и обосновался там. Арментарий заболел лихорадкой и умер глубокой ночью. Епископу Врисию это открылось в видении, и он сказал своим слугам: “Быстро вставайте и поспешим на похороны нашего брата, епископа Турского”. Когда они прибыли к одним из ворот города и готовились пройти через них, покойника выносили через другие ворота. После похорон Врисий вернулся в свой собор и счастливо прожил семь лет. Почил он на сорок седьмом году своего епископства. На кафедре его сменил святитель Евстохий, человек замечательной святости.

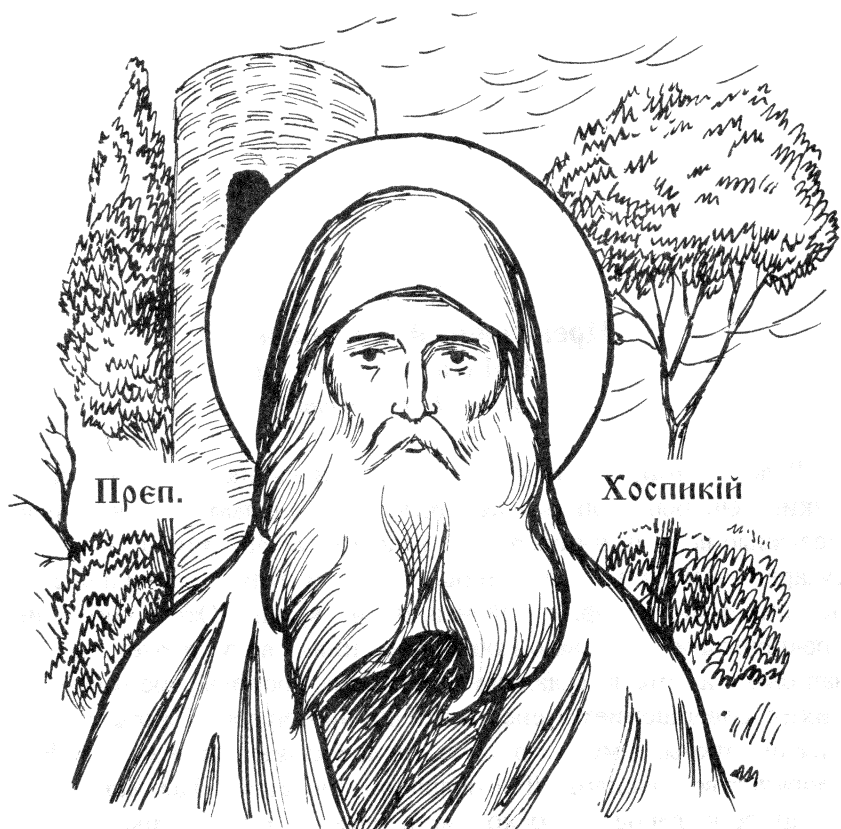
ПРИМЕЧАНИЯ

Это повествование взято из “Истории франков”, книга II, 1.

23.
Преподобный Хоспикий,
ОТШЕЛЬНИК В НИЦЦЕ
Память 21 мая/3 июня

Рядом с городом Ницца обитал отшельник по имени Хоспикий. Он был великим аскетом, носил прямо на голом теле железные вериги, а поверх них власяницу. Не ел ничего, кроме сухарей и нескольких фиников. А постом питался корнями египетских трав, которые привозили ему купцы. Отшельники их предпочитают. Сперва он обычно выпивал воду, в которой они варились, а потом съедал сами растения. Господь удостоил Хоспикия совершением через него дивных чудес. Однажды Дух Святой открыл ему о пришествии в Галлию лангобардов. Его пророчество гласило: “Лангобарды вторгнутся в Галлию и разрушат семь городов, поскольку в очах Господа велика порочность этих городов. Никто в них не знает Господа, никто не ищет Его, никто не делает добра, которое смягчило бы гнев Господень. Все-все жители без веры, склонны к клятвопреступлению, к воровству, не задумываясь убивают; и нет там никакого правосудия. Церковную десятину они не платят, бедных не кормят, не одевают тех, кому нечего одеть; странникам они не дают ни приюта, ни достаточно еды. Потому этих людей ждет несчастье. И я говорю вам: все имущество спрячьте за стенами, иначе лангобарды его заберут. Найдите самые защищенные места и укрепитесь там”.

Всех удивило то, что сказал Хоспикий. Все в великом волнении уходило от него домой. Потом он поговорил со своими монахами, сказав им: “Немедленно покиньте это место и заберите

Преп.

Хоспикій

с собой свое имущество. Люди, о которых я вам говорил, уже приближаются”. “Мы не можем оставить тебя, преподобне Отче,” — отвечали они. “Не бойтесь за меня, — сказал Хоспикий. — Они мне причинят вред, это правда, но не убьют”. Монахи скрылись, и явились лангобарды. Они разрушили все, что могли, и, наконец, достигли того места, где жил отшельником Хоспикий. Он показался им через окно в своей башне. Кружа вокруг башни, лангобарды не могли найти никакого прохода, сквозь который могли бы добраться до отшельника. Двое из них вскарабкались наверх и пробили отверстие в крыше. Увидев Хоспикия в цепях и власянице, воскликнули: “Это преступник! Он, должно быть, кого-то убил. Вот почему на нем цепи”. После того, как привели переводчика, они спросили Хоспикия, что он сделал, чем заслужил такое наказание. Он признался, что совершил убийство и что виновен во всех известных преступлениях. Один из лангобардов вытащил меч и приготовился отрубить отшельнику голову. Когда он занес правую руку свою для удара, она была парализована прямо в воздухе, так что он даже не мог ее опустить. Меч из его руки упал на землю. Увидев это, спутники его закричали и стали просить Преподобного сказать им, что им теперь делать. Хоспикий над рукой воина сотворил крестное знамение, и она вновь ожила. Человек этот был обращен прямо на месте, тут же был совершен постриг, и он стал одним из самых преданных Хоспикию монахов. Двое из вождей лангобардов, которые слушали то, что он им сказал, вернулись в свою страну, к себе домой живыми и невредимыми. Другие же, которые посмеялись над предостережениями Хоспикия, погибли в Провансе. Многие из них были одержимы бесами и, не переставая, кричали: “Преподобный, блаженный, зачем ты нас так мучаешь и жжешь?” Он возложил на них руку и исцелил их.

Некоторое время спустя после этого один обитатель Энгеры слег с очень высокой температурой и потерял и слух, и способность говорить. Хотя от горячки он поправился, но так и остался глухонемым. Один дьякон из тех мест как раз собирался отправиться в Рим и привезти мощи святых апостолов и других святых, хранящих этот город. Когда родители больного услышали об этом, они просили дьякона взять с собой в эту поездку их

сына, так как, если бы он только мог побывать на могилах святых апостолов, он бы немедленно исцелился. И так они отбыли вдвоем и через какое-то время добрались до места, где жил преподобный Хоспикий. Дьякон поприветствовал его и поцеловал. Затем объяснил причины своей поездки и сказал, что держит путь в Рим. Он попросил Преподобного свести его с какими-нибудь местными моряками, которых он мог знать. Как раз перед их уходом Хоспикий, благодаря Духу Божию, почувствовал в себе вышнюю силу. Он сказал дьякону: “Пожалуйста, покажи мне твоего больного”. Дьякон поспешил к месту их ночлега и нашел больного, вновь страдавшего от высокой температуры. Тот знаками показывал, что в ушах у него сильно звенит. Схватив за руку, дьякон потащил его к Преподобному. Хоспикий ухватил больного за волосы и выставил его голову в окно. Взял немного масла, освятил его, крепко зажал язык человека в левой руке и влил масло ему в горло, а потом полил на темя. “Во имя Господа нашего Иисуса Христа, — сказал он, — пусть уши твои и уста отверзнутся той чудодейственной силой, которая некогда изгнала злого духа из глухонемого человека”. Сказав это, он спросил у больного, как его зовут. “Меня зовут так-то и так-то,” — ответил тот, явно выговаривая слова. Когда дьякон увидел, что произошло, то сказал: “От всего сердца благодарю Тебя, Иисусе Христе, за то, что сотворил такое чудо рукой раба Твоего. Я ехал к Петру, к Павлу и Лаврентию и всем остальным, кто прославил Рим кровью своею. А всех их нашел здесь, в сем самом месте всех обнаружил”. Сказав это, он заплакал и преисполнился благоговейного страха. Преподобный не приписал себе никаких заслуг. “Успокойся, дорогой брат, — сказал он, — это сделал не я, а Тот, Кто сотворил человека ради спасения нашего, Тот, Кто дает зрение слепым, слух глухим, речь немым, Кто очищает кожу у прокаженных и находит лекарство для всех больных”. Дьякон попрощался с Хоспикием и, радостный, продолжал путь со своим спутником.

После того, как они уехали, пришел испытать эту чудодейственную силу человек по имени Доминик, который от рождения был слепым. Он два или три месяца оставался в близлежащем монастыре и все свое время проводил в молитвах и посте.

Вскоре Хоспикий послал за ним. “Хочешь обрести зрение?” — Спросил он. Доминик ответил: “Моим желанием всегда было узнать о том, что мне неизвестно. Я не знаю, что такое свет. Но знаю одно: все, кто его видят, высоко его ценят. Что касается меня, то я от рождения и до сего дня никогда не имел зрения”. Хоспикий освятил немного масла и, сотворив над глазами больного крестное знамение, произнес: “Да откроются глаза твои во имя Иисуса Христа, Спасителя нашего”. Глаза человека немедленно открылись, и он стоял, замерев в восхищении от вида чудных творений Божиих, которые видел в первый раз.

Позднее к Хоспикию привели девушку, которая, как она сама призналась, была одержима тремя бесами. Он возложил на нее руку и благословил ее, начертав знак креста на ее лбу освященным маслом. Бесы были изгнаны, и женщина ушла исцеленная. Своим благословением он исцелил и другую девушку, которую угнетал нечистый дух.

Когда приблизился день его смерти, Хоспикий призвал к себе аббата монастыря. “Принеси лом, — сказал он, — пробей стену и пошли гонцов к епископу Ниццы, чтобы он мог приехать и похоронить меня. Через три дня я отойду из этого мира и обрету предназначенное мне место отдыха, которое Господь обещал мне”. Когда Хоспикий это сказал, аббат монастыря послал своих людей к епископу Ниццы сообщить это известие. Тем временем человек по имени Крискен подошел к окну. И когда увидел покрытое червями и обвитое цепями тело еще живого Хоспикия, то спросил: “Боже мой, как ты можешь выносить такие ужасные страдания?” Хоспикий ответил: “Тот, во имя Которого я терплю эти страдания, дает мне утешение. Говорю тебе, я освобождаюсь от этих цепей и отправляюсь отдыхать”. На третий день он снял свои цепи и встал на колени в молитве. После того, как долгое время провел, молясь и плача, лег на скамью, вытянул ноги, воздел руки к небу, возблагодарил Господа и так испустил дух. Все черви, питавшиеся плотью Преподобного, немедленно пропали. Прибыл епископ Остадий и предал тело Преподобного могиле. Я слышал обо всем этом из уст бывшего глухонемого, который, как я вам рассказал, был исцелен Хоспикием. Этот человек рассказал мне много и о других

случаях чудес, сотворенных Хоспикием, но я решил не записывать их, поскольку слышал, что жизнь его была описана несколькими другими авторами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это повествование взято из “Истории франков”, книга VI, 6.

Имя преподобного Хоспикия сохранилось в названии мыса рядом с Ниццей — “Пойнт де Сен-Хоспис”.

24.
Преподобный Епархий,
ОТШЕЛЬНИК-ЧУДОТВОРЕЦ
В АНГУЛЕМЕ
Память 1/14 июля († 581)

Преподобный Епархий, отшельник в Ангулеме, был человеком великой святости, и Господь через него сотворил многие чудеса. Жил он первоначально в Периго, но после своего обращения и посвящения отправился в Ангулем, где построил себе келью. Он собрал вокруг себя нескольких монахов и проводил время в непрестанной молитве. Когда кто-нибудь предлагал ему золото или серебро, тратил их на нужды бедных или на освобождение людей из тюрьмы. Покуда жил в своей келье, там ни разу не выпекался хлеб, поскольку, когда он был нужен, его приносили паломники. Пользуясь милостыней и приношениями верующих, отец Епархий организовал освобождение великого множества узников. Сотворяя крестное знамение над гнойными нарывами, он останавливал воспаление в них; молитвой изгонял из тел одержимых злых духов, много раз убеждал судей простить обвиняемых более силой доводов, чем усиленной просьбой. Когда просил о снисхождении, ему не могли отказать, ибо он внушал любовь.

Однажды одного человека вели, чтобы повесить за воровство. Он был закоренелым преступником, местные жители считали его виновным и во многих других преступлениях — грабежах и убийствах. Услышав об этом, Епархий послал одного из своих монахов попросить судью даровать ему жизнь этого человека, как бы тот ни был виноват. Собравшаяся толпа начала

протестовать: если бы этого человека освободили, кричали они, это был бы конец закону и порядку в этом месте, и судья потерял бы свой авторитет. Поэтому освобождать его было нельзя. Его пытали на дыбе, били палками и дубинками и приговорили к повешению. Монах вернулся и с грустью сообщил об этом Епархию. “Иди обратно, — велел он. — Не приближайся слишком близко, но оставайся там. В Своей милости Господь подарит мне жизнь этого моего соплеменника, что отказались сделать люди. Когда увидишь, что он упал, подними его и доставь ко мне в монастырь”. Монах сделал, как ему было велено. Отец Епархий преклонил колени в молитве и долго, со слезами беседовал с Господом. Благодаря его молитве виселица закачалась, цепи оборвались, и повешенный упал на землю. Монах поднял его и живого и здорового привел к Аббату. Епархий возблагодарил Бога. Потом вызвал к себе судью. “Дорогой сын мой, — сказал, — ты всегда с сочувствием выслушивал то, что я хотел тебе сказать. Почему же был так непреклонен сегодня, отказавшись простить человека, жизнь которого я попросил тебя сохранить?” Судья ответил: Я всегда готов слушать тебя, святой Отче, но сегодня не смог сделать то, о чем ты просил, иначе бы толпа взбунтовалась”. “Ты не слушал меня, — ответил Епархий, — а вот Господь удостоил меня тем, что выслушал. Он вернул к жизни человека, которого ты велел предать казни. Вот он стоит невредимый”. Когда Епархий вымолвил это, осужденный бросился к ногам судьи, просто онемевшего от удивления, когда увидел живым человека, которого казнили у него на глазах. Эту историю рассказал мне сам судья.

Епархий совершил еще много других деяний, рассказать о которых вам мне просто не хватит места в этой книге. Сорок четыре года проведя в отшельничестве, он заболел лихорадкой и умер. Его вынесли из кельи, и в похоронной процессии шло множество людей, которых он примерно так, как я только что рассказал, спас от приговора суда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это повествование взято из “Истории франков”, книга VI, 8.

25.
Преподобный Аредий,
СВЯТОЙ АББАТ ЛИМОЖСКИЙ
Память 17/30 ноября († 591)

Я расскажу о чудесах и кончине аббата Аредия, который закончил земную жизнь свою в 591 году от Рождества Христова и, призванный Господом, отправился на Небеса. Он — уроженец Лиможа, рожден от родителей свободного сословия, потомок весьма влиятельных в тех местах людей. Был он послан к королю Феодобарту и присоединился к группе молодых людей благородного происхождения, состоящих при королевском дворе. В то время епископом города Трира был святитель Никита, человек большой святости.* Паства его почитала в нем выдающегося проповедника, и он славился добрыми своими делами и чудотворениями. Владыка Никита заметил в королевском дворце молодого человека, лицо которого было отмечено Божественной печатью, и велел Аредию следовать за ним. Аредий ушел из королевского дворца вслед за Никитой. Они вместе вошли в епископскую келью и стали там говорить о духовном. Юный Аредий попросил Святителя исправлять его ошибки, стать ему духовным отцом и наставлять в Священном Писании. Он был полон горячего желания учиться. Проведя какое-то время с епископом Никитой, Аредий принял постриг. Однажды, когда священники в соборе пели псалмы, с потолка слетел голубь, тихо покружил вокруг Аредия и сел ему на голову. По моему мнению, это был ясный знак, что Аредий был исполнен благодати Святого

*См. выше, гл. 17.

Духа. Смушенный происшедшим, он попытался согнать голубя. Тот немного полетал и затем снова сел сперва на голову Аредия, а потом на его плечо. И, кроме того что случилось в соборе, когда Аредий пошел к келье Епископа, голубь полетел за ним. Это повторялось день за днем, к великому удивлению Никиты.

И отец, и брат Аредия умерли, и этот избранник Божий, исполненный, как я уже сказал, Духа Святого, вернулся домой, чтобы утешить свою мать Пелагию, которой теперь некому было помочь, кроме ее единственного оставшегося сына. К этому времени он уже все свое время посвящал посту и молитве, и попросил он свою мать, чтобы она продолжала исполнять все свои хозяйственные обязанности — следила бы за слугами, за тем, как обрабатываются поля и возделываются виноградники, чтобы ничто не отвлекало его от молитв. Он хотел отвечать лишь за одно дело — надзирать за строительством церквей. Что еще могу я сказать? Он строил церкви во славу святых Божиих, собирал их мощи и постригал слуг своей семьи в монашество. Он основал монастырь,* в котором следовал уставу Кассиана, Василия и других Отцов, составивших правила монашеской жизни. Его святая мать обеспечивала всех монахов едой и одеждой. Она не позволяла своим многотрудным обязанностям быть препятствием в ее общении с Богом. Что бы она ни делала, она постоянно молилась, и слова ее восходили ввысь, как благоуханный фимиам, и были угодны Господу. Тем временем к преподобному Аредию начали со всех сторон стекаться больные. Он исцелял их, осеняя каждого рукой своей крестным знамением. Если бы я попытался записать все имена исцеленных, то никогда не смог бы составить полный список. Знаю одно: ни один больной, пришедший к нему, не ушел не исцеленным. Вот некоторые подробности значительных чудес, им совершенных.

Однажды он вместе со своей матерью совершал паломничество к церкви святого Иулиана-мученика. В тот вечер они добрались до места, где не было никакой воды, лишь сухая и бесплодная земля. Мать сказала ему: “Сын, у нас нет воды. Мы, наверное, не сможем провести здесь ночь”. Аредий пал ниц в

* Монастырь святого Ирвея в Лимузэне.

молитве и долго-долго продолжал молить Господа. Потом встал и палкой, которую носил в руке, ударил в землю. Два-три раза повернул ее в земле, а потом с радостной улыбкой выдернул ее. Из отверстия хлынуло столько воды, что хватило с избытком и для их собственных нужд, и на то, чтобы напоить животных.

Не так давно, когда Аредий бы в поездке, начали появляться больше тучи. Как только он их увидел, то слегка склонил голову над лошадью, на которой ехал, и воздел руку ко Господу. Не успел закончить свою молитву, как облако разделилось на две части: вокруг них дождь лил, как из ведра, а на них не упало ни одной капли.

Один житель Тура по имени Вистримунд, а по прозвищу Татто, жестоко страдал от зубной боли. У него распухла вся челюсть. Он отправился, чтобы найти сего Преподобного. Аредий положил руку на зараженное место, и боль сразу же прекратилась и больше никогда не мучила этого человека. Эту историю рассказал мне сам Вистримунд. Что же касается чудес, которые Господь сотворил нам через святого Иулиана-мученика и святителя Мартина, большинство их я записал в своей “Книге чудес” в таком виде, как он сам мне их поведал.

Когда силой Христовой Аредий совершил эти чудеса и множество подобных, то приехал в Тур сразу же после праздника святителя Мартина. Какое-то время пробыл у меня, и тогда сказал мне, что ему недолго осталось жить в этом мире, что, несомненно, близка его смерть. Он попросался, а затем отправился в путь, благодаря Господа за то, что удостоился перед смертью почтить могилу Святителя. Вернулся в свою келью, составил завешание, привел в порядок все свои дела, назначив наследниками двух епископов — святителей Мартина и Илария. Потом заболел дизентерией и начал хворать. На шестой день его болезни женщина, давно одержимая нечистым, от которого не смог избавить ее Преподобный, и руки которой были связаны за спиной, начала кричать: “Бегите, граждане! Прыгайте от радости, люди! Выходите встречать святых и мучеников, которые собираются к кончине преподобного Аредия! Здесь и Иулиан из Бриуда, и Приват из Менда. Из Тура прибыл Мартин, а Мартий из родного города Аредия. Вот подходят Сатурнин из Тулузы,

Деннис из Парижа и все другие, которые на Небе сейчас и которым вы привыкли молиться как Божиим святым и мученикам”. Она начала кричать все это как раз, когда спускалась ночь. Ее хозяин связал ее, но не смог удержать. Порвав путы, она ринулась к монастырю, крича по дороге. Через короткое время Преподобный испустил последний вздох, и многие видели, как ангелы вознеси его на Небо.

Во время похорон, когда опускали тело его в могилу, Аредий очистил эту женщину от проклятия, которое навел на нее бес, а также и еще одну женщину, одержимую еще более злым бесом. По моему убеждению, это по воле Господней он не мог исцелить их, будучи во плоти, чтобы и похороны его прославились чудесами. Когда обряд был совершен, третья женщина, бывшая немой и ходившая с постоянно открытым ртом, подошла к его могиле, приложилась к ней и тем самым обрела дар речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это повествование взято из “Истории франков”, книга X, 29.

Святитель Григорий включил следующий отрывок о преп. Аредии в свою книгу “Чудеса св. Иулиана” (гл. 40):

“Когда ко мне пришел Аредий, священник из Лиможа, весьма благочестивый человек, о котором я упоминал во второй книге о чудесах блаженного Мартина, я подробно расспросил его о жизни и стал спрашивать о чудесах, что совершил блаженный Иулиан в Лиможе. Священник Аредий построил в честь блаженного Мученика святую церковь, которую обогатил мощами святого Иулиана. Поскольку он был очень смиренный человек, он какое-то время колебался, но наконец, после особенно настойчивых расспрашиваний, рассказал следующее: “Когда я в первый раз пришел в церковь блаженного Иулиана, то унес с собой крошечку воска с его могилы. Оттуда пошел к фонтану, в который пролилась кровь блаженного Мученика, и, омыв лицо, наполнил маленький сосуд водой для благословения. Призываю Всемогушего Бога во свидетели, что прежде, чем я дошел домой, она превратилась в бальзам по цвету, плотности и аромату. Когда пришел владыка освящать храм, я рассказал ему об этом, и он не пожелал вложить в священный алтарь на

место мощей ничего, кроме маленького сосуда, вода в котором превратилась в бальзам, и сказал: “Это подлинные мощи, которые прославил Мученик силой Божией””.

Иные сведения о преп. Аредии находятся в “Чудесах святителя Мартина” свят. Григория, книги II, 39; III, 24; IV, 6 и в “Славе исповедников”, гл. 9 и 102. Житие преп. Аредия включено в апокрифические труды свят. Григория (Х.Л. Бордые, “Книги чудес”, Париж, 1864 г., т. 4, стр. 160-208).

Преп. Аредий известен во Франции как св. Ирмей. Его святая мать Пелагия преставилась в 572 году.

26.
Преподобный Вулфолаик,
СТОЛПНИК ТРИЕРСКИЙ
Память 17/30 ноября

Однажды, во время путешествия, я прибыл в город Кариньян, где меня тепло встретил и препроводил в свой монастырь иеродиакон Вулфолаик. Монастырь располагался примерно в одиннадцати километрах от города, наверху холма. Отец Вулфолаик построил на склоне холма большой храм и прославил его мощами святителя Мартина и других святых. Когда я был там, попросил его рассказать мне о радостном событии его обращения и о том, как он, лангобард по рождению, вступил в служение Церкви. Сначала он не хотел говорить об этом, ибо искренне желал избежать людской славы. Я просил его, умоляя ничего не скрывать из того, о чем я его спрашивал, обещая ни одной живой душе не открывать того, что он мне расскажет. Он долгое время сопротивлялся, но в конце концов мои просьбы и мольбы смягчили его.

“Когда я был маленьким мальчиком, — начал он, — случилось мне услышать имя преподобного Мартина. Я даже не знал, был ли он мучеником или просто известным священником, не знал, что доброе он сотворил в этом мире и какое место удостоилось пребыванием его мощей. Тем не менее, стал молиться о нем по ночам, а когда у меня появлялись какие-нибудь деньги, раздавал милостыню. Став старше, предпринял большие усилия, чтобы научиться писать. Сперва научился просто копировать буквы, а потом узнал, что из них получается, если поставить их в нужном порядке. Стал я послушником аббата Аредия и вместе

с ним посетил церковь святителя Мартина. Когда же нам пришло время уезжать, он собрал как святыню немного пыли со святой могилы. Поместил ее в маленькую коробочку и повесил мне на шею. Когда мы прибыли в монастырь вблизи Лиможа, он унес эту коробочку в свою молельню. Пыль внутри нее увеличилась в размерах до такой степени, что не только заполнила эту коробочку целиком, но и высыпалась наружу, находя небольшое отверстие. Это чудо вдохновило меня, сердце мое исполнилось радости, и в результате все мои надежды на будущее были связаны с чудодейственной силой этого Святого. Я отправился затем в окрестности Триера и на том самом холме, где и ты сейчас стоишь, собственными руками построил себе жилище, которое ты видишь перед собой. Здесь была статуя Дианы, которой поклонялись местные жители. Я соорудил столп, на котором стоял голыми ногами, несмотря на то, какие страдания мне это причиняло. Когда же в свой срок пришла зима, то от ее ледяного холода ногти на пальцах у меня отваливались, и не один, а много раз, а дождинки становились льдинками и свисали с моей бороды, как воск с тающей свечи. Эта местность известна у нас своими суровыми зимами”.

Мне было очень интересно узнать, чем он питался и как ему удалось разрушить идолов на склоне холма. “Ел я только немного хлеба, сырые овощи и пил воду, — рассказал он мне. — Из жилищ в этой местности ко мне начали стекаться толпы людей, и я все время повторял им, что Диана бессильна, статуи ее бесполезны, а совершаемые ими обряды — пустые и суетные. Объяснял им, что заклинания, которые они распевали, впадая в опьянение во время своих оргий, их совершенно недостойны. Что им следует принести скорее жертвоприношения Всемогущему Господу, сотворившему небо и землю. Сутками напролет молился, чтобы Господь соизволил свергнуть эту статую и освободить людей от идолопоклонства. В милости Своей Господь тронул их простые сердца, и они стали слушать то, что я им говорил, бросать своих идолов и следовать пути Господнему. Затем я призвал некоторых из их числа и с их помощью смог разрушить и саму статую. Я уже имел ранее дело с идолами меньших размеров, и разрушать их было легче.

У статуи Дианы собралась большая толпа, ее обвязали веревками и начали тащить, но все усилия были тщетны. Тогда я поспешил в церковь, пал ниц и, лежа на земле, слезно молил Господа о помощи, о том, чтобы Божественной силой Своей разрушил Он то, что не под силу было разрушить людям. Окончив молитву, я вышел из церкви, подошел к трудившимся и взялся за веревку. При первом же нашем рывке идол пал на землю. Его разбили на кусочки железными молотками, а потом превратили в пыль.

Отправившись к себе поесть, я обнаружил, что все мое тело, от макушки до ступней, покрылось гнойными нарывами, между которыми не было ни одного свободного местечка. Придя в церковь, разделся перед святым алтарем. Там у меня хранилась бутылка с маслом от святителя Мартина. Собственными руками намазал все свое тело этим маслом, а затем пошел спать. Было около полуночи, когда проснулся. Поднявшись, чтобы прочесть положенные молитвы, обнаружил, что тело мое полностью исцелилось, словно на нем никогда и не было язв. Тогда я понял, что болячки эти были вызваны злобой, которую питал ко мне диавол. Он полон ненависти и делает все, что может, чтобы навредить взыскующим Господа.

Ко мне прибыли несколько епископов, очевидным делом которых было ободрить меня, дать мудрый совет по поводу моего стремления. Но вместо этого они говорили: “То, что ты пытаешься делать, неверно! Такого простого человека, как ты, никак нельзя сравнить с Симеоном, Столпником Антиохийским! При здешнем климате невозможно тебе продолжать себя так мучить. Спускайся со своего столпа и живи с братьями, которых собрал вокруг себя”. Не послушаться епископов считается грехом, так что я, конечно, спустился и пошел к своей братии и стал вместе с ними вкушать трапезу. Однажды один епископ послал меня в поместье на некотором расстоянии оттуда. Затем он послал рабочих с ломами, молотками и топорами, и они вдребезги разнесли столп, на котором я стоял. Вернувшись на следующее утро, я нашел его абсолютно разрушенным. Я горько плакал, но более уже не осмеливался восстановить свой столп, ими разрушенный, ибо это означало бы ослушаться повеления

епископа. Так, я удовольствовался житием среди братии и пребываю здесь до сего дня”.

Когда я попросил отца Вулфолаика рассказать мне о чудесах, что совершил здесь святитель Мартин, он поведал мне следующие истории:

“Один франк, потомок очень уважаемой в его народе семьи, имел глухонемого сына. Родители привели мальчика в эту церковь, и я велел, чтобы он спал на кровати в самом здании, рядом с моим дьяконом и одним из священников. Весь день он провел в молитве, а ночью, как я ему сказал, спал в церкви. Господь сжалился над ним, и мне явился в видении святитель Мартин, говоря: “Теперь ты можешь вывести своего подопечного из здания, ибо он исцелен”. На следующее утро, когда я размышлял об этом видении, мальчик подошел ко мне и заговорил. В первых же своих словах возблагодарил он Господа за совершившееся. Потом повернулся ко мне и сказал: “Благодарю Господа Всемогушего за то, что дал мне речь и слух”. Затем он, полностью исцеленный, вернулся домой.

Некий человек, которого часто обвиняли в воровстве и иных преступлениях, взял привычку обелять себя, давая ложные клятвы. Люди обвинили его в том, что он совершил грабеж. “Я пойду в церковь святителя Мартина, — сказал он, — и докажу свою невиновность клятвами, которые там принесу”. Когда он входил в дверь, у него из руки выпал топор, а сам он свалился на пол с сильным сердечным спазмом. После этого несчастный преступник сознался в содеянном — в той самой речи, в которой собирался клясться в своей невиновности.

Иного человека обвинили в том, что он сжег дом своего соседа. “Я пойду в церковь святителя Мартина, — сказал он, — и поклянусь, что я невиновен, и тогда вернусь домой уже без этого обвинения”. Не было никаких сомнений в том, что это он сжег тот дом. Когда он собирался войти для принесения клятвы, я вышел встретить его и сказал: “Твои соседи утверждают, что, что бы ты ни сказал, снимать с тебя вину за это преступление нельзя. Помни, Бог всюду, и сила Его так же велика вне этих стен, как и в самой церкви. Если ты ошибочно полагаешь, что Господь и святые Его не накажут тебя за твое лжесвидетельство,

взгляни на Его святилище, которое пред тобой. Раз ты настаиваешь, то можешь принести свою клятву, но тебе не будет позволено переступить через порог этой церкви”. Он воздел руки к небу и прокричал: “Господом Всемогушим и чудодейственной силой священника Его преподобного Мартина клянусь, что невиновен в этом пожаре”. После этого он сразу же повернулся, чтобы уйти, но обнаружил, что сам горит! Упав на землю, он стал кричать, что сжигает его Преподобный. В агонии продолжал кричать: “Бог мне Свидетель, я видел, как с Неба ударил огонь! Он окружает меня и сжигает меня своим жгучим пламенем!” И после этих слов он умер. То было предупреждение многим людям, чтобы они не дерзали лжесвидетельствовать в этом месте”.

Отец Иеродиакон поведал мне и о многих других чудесах, но я просто не могу пересказать теперь все.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это повествование взято из “Истории франков”, книга VIII, 15-16.

Преп. Вулфолак известен во Франции как преп. Вальфрой. Его аскетический подвиг на столпе подобен подвигам столпников христианского мира Востока — преп. Симеона († 460), преп. Даниила († 493) и иных.

Издатели сей книги сочли достодолжным к основному тексту книги “Vita Patrum” прибавить два приложения. Первое — об отце Серафиме Платинском, в котором текла свято-галльская (французская) кровь — переводчике с латыни и французского на английский этой книги; а второе — о его духовном отце блаженном святителе Шанхайском и Сан-Францисском Иоанне, бывшем при жизни земной и святителем Западноевропейским, с кафедрой в Париже, по молитвам которого Господь совершил в Западной Европе многие чудеса и которого во Франции называли Saint Jean Pieds-Nus — святой Иоанн Босой. Эти два современных подвижника Русской Православной Церкви видятся нам едиными с древними галльскими святыми.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отец Серафим читает лекцию
на летнем Свято-Германовском паломничестве.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

**Отец Серафим Платинский,
ФИЛОСОФ, УЧИТЕЛЬ
В ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО ПРАВОСЛАВИЯ,
американский переводчик “Vita Patrum”
*Память 20 августа/2 сентября († 1982)***

Иеромонах Дамаскин (Христенсен)

Человеколюбивый Господь в каждого человека вложил внутреннее стремление к Его Божественной Истине. Но, чтобы человеку открылась Истина во всей Ее полноте, ему нужно сначала отречься от мнений этого мира и внутренне умереть для него. Отречение то приходит через страдание, во время которого дух человека, как завеса храма, отрывается от его падшей плотской сути, и ведется он в высшем искании. Именно тогда милосердный Господь наш, когда находит Он любящее сердце, способное стать верным вместилищем Истины Его, наделяет ищущего Божественного высшим разумением.

Немногие в наши дни ищут истину столь целеустремленно, как праведный отец Серафим. Он был философом в истинном смысле этого слова — “любителем мудрости”. Как некогда Соломон стал угоден Господу, превыше всего прочего возжелав мудрости, так и отец Серафим избран был чадом Божиим благодаря своему серьезному, страдальческому стремлению любой ценой обрести истину. Обретя ее в свое время, он стал свободен

от уз земных и готов к вечности, как говорится в Писании: “И оуразумѣете истину, и истина свободитъ вы” (Ин. 8, 32).

1. Отец Серафим был рожден вне спасительного укрытия Церкви — с тем, чтобы благодаря своим душевным поискам, обращению и последующим миссионерским трудам мог бы вести другие ищущие души к Телу Христову. Его поиски Истины начались уже в раннем возрасте. Мать его, заметив, как много занимается ее сын, как-то сказала ему: “Когда-нибудь ты станешь ученым человеком”. — “Я не хочу быть ученым, ответил мальчик, — я хочу быть мудрым”. И чем старше он становился, тем напряженнее становилось изучение его сути бытия. Изучение это шло через литературу и традиционные философские учения множества различных культур и особенно мудрости древнего Востока, для знакомства с которой он потратил много лет, изучая языки древнего Китая. Но все это не насыщало душу его, и он жил на грани отчаяния, в полном одиночестве. По ночам часами бродил по безлюдным пляжам в думах о том, что без Истины, Которую искал, жизнь его бессмысленна; размышляя, не предпочтительнее ли забвение смерти такому жгучему и неисполнимому желанию. Он тогда не представлял, что его молчаливые устремления не прошли незамеченными, ибо Господь в безграничной милости Своей уже готовился открыть ему иной мир.

Божие Провидение явило себя через одного из друзей отца Серафима, который как-то посоветовал ему посетить Православную Христианскую Церковь. Вняв этому совету, он пошел в православный собор и наблюдал там торжественную и дивную службу, без изменений дошедшую со времен ранних христиан. Чувствуя себя так, словно вступил в чин ангельский на небесах, он радостно сказал себе: “Я пришел домой”. Таким образом, его философские поиски привели его, наконец, ко Христу, истинный образ Которого он не мог отыскать, пока лично не встретился с древней христианской практикой Православной Церкви. Итак, он обнаружил, что Истина, Которую Он искал, заключалась не столько в философии, сколько в Божественной Личности Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: “Азъ есмь пѣть и истина и животъ” (Ин. 14, 6).

Немного лет спустя, когда он впервые принял Святое Причастие, отец Серафим почувствовал во рту своем божественный вкус, державшийся несколько недель. Переживая чувство своего смирения пред Богом, он думал, что все вновь крещенные христиане переживают то же самое, и только позднее узнал, что на самом деле был удостоен особенной милости.

2. Сей редкий человек, отец Серафим, не удовольствовался тем, что был просто прихожанином церкви, он молил Господа, чтобы Тот привел его в самое сердце Истины, в которой обрели спасение свое все святые и праведные. Его вновь обретенный “многоцѣнѣнь вѣсѣрь” — истинное Евангелие Христово — был ему так дорог, что он хотел всю жизнь свою посвятить служению ему. Он желал употребить в дело свой талант, а не зарыть его в землю.

Горя этим желанием, отец Серафим в то время серьезно заболел, и состояние его все ухудшалось, так что он стал бояться скорой смерти. Ему было так больно, когда он думал, что скоро уйдет, даже не начав служить Господу! В таком состоянии пошел он однажды в маленький магазинчик, где среди прочего продавались иконы. С мольбой посмотрел он на одну из них, на образ Матери Божией, и сами собой излились из глубины его встревоженной души молитвенные слова: “Пресвятая Мать Божия, пожалуйста, вонми мне! До того как умру, дай послужить Сыну Твоему!” И Богородица не отвратила милости Своей от молившего Ее, и случилось так, что вскоре после этого отец Серафим, уже оправляющийся от своей болезни, услышал стук в дверь. Открыв ее, увидел молодого православного семинариста, имевшего сокровищами души своей те же сокровища, которые имела и душа его собственная и также желавшего послужить Христу, но еще точно не знавшего, как. Это был Глеб Подмошенский, будущий отец Герман. Немного позже они решили открыть книжный православный магазин, чтобы можно было таким образом окормливать души других людей, ищущих спасения, подобных им самим. Таким образом исполнилось желание отца Серафима трудиться Господу. Другое его желание — вступить в лоно Церкви — исполнилось в то же самое время благодаря праведнику, прибывшему тогда в Сан-Франциско, в

город, где жил отец Серафим. Этим праведником был блаженный архиепископ Иоанн (Максимович), чудотворец, посланный Богом отцу Серафиму как живой сосуд Божественной Истины, и Истину эту он, не колеблясь, передавал и в словах поучений, и примером своей собственной святости. Отец Серафим глубоко любил своего духовного учителя, а архиепископ Иоанн, в свою очередь, делал все, что мог, чтобы укрепить ученика.

С одобрения и благословения архиепископа Иоанна отцы Серафим и Герман основали миссионерское Братство, посвященное преподобному Герману Аляскинскому. Кроме трудов в книжном магазине, с целью распространения истинного Христианства они начали издавать журнал “Православное слово”. И именно тут Господь дал возможность отцу Серафиму, верному рабу Своему, проявить все свои таланты — и острый ум, и умение писать — для распространения благовестия. Отец Серафим всю энергию отдал богоугодному литературному труду, так что таланты его многократно возросли, и итоги его жизни позднее было чем подвести.

3. После обращения отец Серафим много читал о святых Отцах Церкви, и особенно привлекали его древние пустыnnики и отшельники. В этих отшельниках находил он живые примеры учения Христова о вышнем мире — преображенных людей, отказавшихся от всех привязанностей ко временному и ищущих лишь неотмирного — того, что лежит за пределами сего поврежденного грехом мира. Он так был вдохновлен их примером, что пожелал вкусить хотя бы отчасти жизни в тиши и молитве, не нарушаемой бурной суетой сего мира. По этой причине они вместе с отцом Германом решили продолжить свою издательскую работу в горах. Вскоре нашли подходящее место — лесистую местность высоко близ вершины горной гряды, вдали от городского шума. После того как прожили там несколько лет, они приняли монашеский постриг, и их Братство, таким образом, стало монашеским. Литературная их работа продолжалась и расширялась, они печатали книги.

Отец Серафим, которого заступничество Божией Матери спасло от смерти и даровало ему дополнительные годы жизни, ценил то время, что мог провести в лесном своем убежище. Сердце

его было так переполнено благодарностью, что иногда отец Герман видел его благословляющим и целующим даже деревья. Он ценил каждый момент жизни как дар Божий, он чувствовал, что нужно торопиться, он говорил: “Уже позже, чем вы думаете. Спешите делать дело Божие”.

Ежедневными богослужениями, постоянным чтением духовной литературы и отдаленностью от мира углублялся духовный опыт отца Серафима. Он жил иным миром, избегал праздных разговоров и мудро видел обычные события в свете небесной реальности. Его любящее сердце, умягченное годами страданий в юности и глубиной его обращения, соединенное с блестящим умом, характером, исполненным благородства и любви к истине, и глубиной его духовного опыта, сделали его учителем Христианства, подобных которому нет в наши дни. Погрузившись в писания святых Отцов, придя к ним как любящий сын и научившись от их Божественной мудрости, живя, как они, обретя их образ мыслей и чувств, он стал словно один из них. В своих писаниях он верно передал дух святых Отцов, питая тем самым души многих читателей и давая им возможность обрести единодушие с христианами прошлых веков.

4. Когда отец Серафим стал священником, его труды еще более усугубились. Он стал пастырем прихожан в близлежащем городке. Для человека, жаждущего одиночества и пустыни, это, конечно, был тяжелый груз, но он нес его, не сетуя. Он часто повторял: “Мы должны принимать все, что Господь нам посылает, и делать предназначенное наилучшим образом. Каждый день приносит нам новые борения, новую возможность молиться больше и новые пути служения Господу”.

Он был любящим пастырем не только для своих прихожан в городе, но и для многих, приходивших в монастырь. Поздно ночью его часто можно было видеть стоящим на коленях перед алтарем церкви в монастыре и горячо и слезно молящимся за души, которые были вверены его руководству.

Все пастырские свои труды, так же как и литературную работу, он делал исключительно ради славы Божией и во имя спасения ближних своих. Он избегал лжеценных земных наград, которые мог бы обрести в этой жизни, даже того вознаграждения,

которое мог бы получать благодаря своему сану от чисто практической стороны церковной жизни. И все же святая его жизнь не осталась без вознаграждения Господнего. Однажды в алтаре городской церкви во время чтения утренней воскресной службы один из псаломщиков увидел отца Серафима в сиянии небесного нерукотворного света. Отчего ясно, что в течение его земной жизни отцу Серафиму дано было ощутить предвкушение небесного блаженства, уготованного ему Господом нашим Иисусом Христом.

Первый наставник отца Серафима архиепископ Иоанн, хотя уже и преставился к тому времени много лет назад, не переставал заботиться о своем духовном сыне. Однажды некий брат Григорий, которому отец Серафим вручил большую сумму денег, отправился покупать продукты для монастыря. Когда нужно было расплачиваться, вдруг обнаружил, что денег у него нет. В большом волнении позвонил он по телефону отцу Серафиму, и тот велел ему возвращаться в церковь, в которой он служил. Когда брат Григорий подошел к церкви, отец Серафим встретил его и сказал, указывая на грудь: “Деньги у тебя здесь. Мне сказал об этом архиепископ Иоанн. Ты же не подумал о том, чтобы помолиться ему, а?” Брат Григорий ощупал это место и со смешанным чувством стыда и радости обнаружил деньги в том кармане, про который думал, что уже проверил его. Тогда отец Серафим успокоил его и сказал, что после того, как они поговорили по телефону, он пошел в церковь и там, молясь пред портретом архиепископа Иоанна, попросил его помочь найти деньги. И архиепископ Иоанн мистическим образом сообщил отцу Серафиму, что деньги у брата Григория в этом кармане. “Так, — сказал сей брат, заканчивая свой рассказ о том, — настоящее испытание и искушение обратились в откровение тайны святости и благодати”.

5. Отцу Серафиму было всего сорок восемь лет, когда Господь наш соизволил призвать его в Царствие Свое. Как написано в Премудрости Соломона: “*Скончавсѧ в малѣ исполни лѣта двѣдѧ: оугодна бо бѣхъ Господеви дѣша егѡ, сегѡ ради потщасѧ ѿ среды лѣкавствїѧ*” (Прем. 4, 13-14). Когда путь благословенной жизни его близился к концу, у него внезапно начались острые

боли в желудке. Проявляя крайнее смирение, он никогда не жаловался и не пытался привлечь внимание к своей болезни, а лишь уходил в келью молиться. Но вскоре братия поняли, что у него серьезная болезнь, и отвезли его в больницу. После операции врачи сказали, что, возможно, болезнь окончится летальным исходом. Узнав об этом, люди и из отдаленных мест съезжались, чтобы побыть у постели отца Серафима в последние часы его жизни. Они проводили у его постели круглые сутки, утешая его церковными песнопениями. Как велика была скорбь, как горячо молились верующие! Столь многим людям предстояло лишиться любимого их духовного отца и наставника. И все же к скорби примешивалась радость, поскольку все сознавали, что человек сей скоро переступит порог смерти и предстанет пред Престолом Всемогущего Господа. У всех было ощущение, будто раскрылся потолок в больничной палате и они видят блаженный потусторонний мир.

Здесь, в больнице, в последние свои мучительные дни отец Серафим закончил святое дело, которое начал, впервые соединившись узами с Христовой Церковью: он искоренил в себе остатки эгоистической человеческой воли с тем, чтобы всецело предаться Господу, с Которым быть ему вечность. И опять же из святой Премудрости: **“Ибо предъ лицемъ человѣческимъ аще и мѣхъ прїимѣтъ, оупованїе нхъ безсмертіа исполнено: и в малѣ наказани бывше, великими благодѣлствомъ бѣдѣтъ, якѡ Богъ искѣси нхъ и вѣрѣте нхъ достѣины бѣеѣ”** (Прем. 3, 4-5). Воистину, душа отца Серафима очищена была страданием: он словно распят был на больничной койке, руки и ноги его содрогались от приступов сильной боли. Он не мог говорить, потому что во рту его была трубка для дыхания. Он мог только молиться, обратив взор свой на небеса. И его собрат по жизни в пустыни отец Герман сказал: “Отец Серафим страдал, чтобы обрести славу мученика”.

Когда в комнату вошел священник, чтобы причастить его, у постели его стоял молодой новообращенный. Перед тем как предложить Святые Тело и Кровь Христовы, священник прочел из Евангелия, а затем, держа Книгу над отцом Серафимом, который полулежал, опираясь на подушки, стал благословлять

ей. Неожиданно отец Серафим, собрав последние остатки сил, приподнялся, чтобы поцеловать эту великую и святую Книгу, озарившую его жизнь. Лица всех присутствующих в палате были залиты слезами. Новообращенный, стоявший там, сказал позднее, что это настолько взволновало его, что исчезли все его сомнения по поводу крещения.

6. Когда душа блаженного отца Серафима была уже достаточно чиста для будущей жизни, когда он приспел, то отлетела она ко Господу. Тело отца Серафима привезли в его монастырь, чтобы похоронить на его любимой горе, и в течение трех дней по кончине оно пребывало в церкви обители. Отец Серафим лежал в простом деревянном гробу, лицо его за эти дни разгладилось и засияло такой безмятежной улыбкой, что вид его трогал всех до глубины души.

Во время прощания с ним церковь в Свято-Германовском монастыре в Платине была полна верующими. Все подходили ко гробу, чтобы приложиться к его благословенным рукам, написавшим так много душеполезных книг, статей и церковных служб. Когда гроб уже собирались выносить из церкви, одна из паломниц, по имени Хелен, удостоилась видеть, как над гробом воссиял в направлении алтаря небесный свет, и при этом качнулось кадило.

На сороковой день по кончине отца Серафима приехал в монастырь в Платине епископ Нектарий (Концевич). Совершив литургию и панихиду у могилы, он обратился к собравшимся, закончив проповедь следующими словами: “Отец Серафим был праведником, может, даже святым”. Истинность такой его оценки подтверждается многочисленными чудесами, которые совершил отец Серафим по смерти своей. Стукнув посохом оземь, епископ Нектарий громогласно повторил: “Да! Святым!” От могилы паломники вслед за владыкой Нектарием пошли в церковь. На пороге он остановился с кадилом в руке, обернулся и с чувством, во весь голос запел величание: “Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов”. Монахи, священники, паломники подхватили, и снова горечь разлуки с усопшим скрасилась радостью.

Теперь мы расскажем о некоторых посмертных чудесах отца Серафима, поведенных священником Алексием, лично знавшим его:

“Примерно через два месяца после кончины отца Серафима мне стало известно, что кузена (неправославная) одного из моих духовных чад (Барбара М.) находится в больнице с серьезным заболеванием. Она попросила, чтобы я повидался с ней и чтобы о ней молился. Она страдала от сужения сосудов ноги, что затрудняло циркуляцию крови. Хуже всего было с большим пальцем, уже пораженным гангреной. Я сам видел этот палец: зеленый, гниющий — ужасное зрелище. Доктора готовились ампутировать его не позднее, чем через неделю, и шла речь о том, что, возможно, она потеряет всю ступню, а, быть может, и ногу до колена. Я помазал ей палец и ногу маслом, освященным на могиле отца Серафима, и попросил его заступничества за нее. В течение очень краткого времени гангрена исчезла полностью. Доктора решили, что необходимость ампутации большого пальца или еще чего-либо отпала и объявили, что произошедшее их “изумило”. И вплоть до сегодняшнего дня нет никаких рецидивов ее болезни, что весьма удивляет докторов, которые никак не могут это объяснить. Убежден, что это исцеление произошло заступничеством отца Серафима.

Расскажу и о еще одном чуде. Мой зять Стефан попал в серьезную автокатастрофу. Сломал обе ноги (причем на левой ноге сложные переломы), лодыжки и большой палец левой ноги раздроблены. Его немедленно доставили в операционную, и доктора четыре с половиной часа обрабатывали ему раны: кости в нескольких местах торчали наружу, в раны набилась уличная грязь, и была очень велика опасность инфекции, угрожающей жизни. Я видел фотографии его левой ноги и ступни, сделанные прямо перед операцией, и зрелище было ужасающее: левая ступня практически болталась, все связки и сухожилия были порваны, а кости полностью разбиты.

Во время первой операции мы молились в комнате ожидания. Вспомнив, что епископ Нектарий пел отцу Серафиму величание, я отслужил ему молебен за Стефана. Начиная со следующего дня, ему каждый день мазали ноги маслом, освященным

на могиле отца Серафима. Мы смогли через повязки достать даже до одного из искалеченных пальцев его левой ноги.

После операции доктор сказал нам, что Стефан скорее всего потеряет ступню. Была также опасность, что, если инфекция попала внутрь, это могло создать угрозу для жизни. Но мы очень уповали на молитвы нашего Праведника пред Престолом Господним и терпеливо ждали.

Спустя шесть дней хирурги провели вторую операцию. То был критический момент, ибо, основываясь на том, что они увидят, сняв повязки, врачи должны были решить, можно ли сохранить ступню. Впоследствии сам хирург сказал, что это было чудо! Не только все хорошо заживало, но и малейшего следа инфекции не было, и это было еще одно чудо!

Верю, что в этом случае, как и во многих других, отец Серафим вновь услышал наши молитвы и обратился ко Господу, пред Престолом Которого он пребывает. Истинно, славится Господь во святых Своих!

Я был лично свидетелем обоих случаев чудес. Кроме того, во втором случае сохранились фотографии, способные несомненно убедить всех, что произошло сверхъестественное, что мы называем чудом.

Через раба своего отца Серафима Господь наш Иисус Христос совершил еще несколько чудес. Во веки веков да славится Господь наш, давший нам во укрепление и для вдохновения такого человека. Аминь”.

Иеромонах Дамаскин (Христенсен)

Хочу добавить к написанному отцом Дамаскиным, что в Москве сейчас пребывает мироточивая и чудотворная икона отца Серафима (Роуза), перед которой исцелилась в больнице, молившись отцу Серафиму, одна верная душа, которой врачи предрекали быструю и неминуемую смерть. Знаю, что это не единственная мироточивая икона отца Серафима.

Вячеслав Марченко

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

**Блаженный святитель Иоанн (Максимович),
СОВРЕМЕННЫЙ СВЯТОЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА,
архиепископ Шанхайский,
Западноевропейский и
Западноамериканский**

Память 19 июня/2 июля († 1966)

Игумен Герман (Подмошенский),
Иеромонах Серафим (Роуз)

Братство преп. Германа Аляскинского,
Платина, Калифорния,
1971

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Прошли годы, как ушел ко Господу великий иерарх Христовой Церкви, жизнь которого так необычайно благоухала христианскими добродетелями и являла благодать Святого Духа. Ныне, когда уже появились его жизнеописания в английских, французских, голландских, греческих и других изданиях, скажем еще по-русски об этом столпе Православия вселенского значения. В архиепископе Иоанне были соединены несколько видов христианского подвига, которые так редко совмещаются: во-первых, это мужество доблестного князя Церкви, во-вторых, аскетизм по преданиям святых столпников, берущих на себя строжайшее самоумерщвление и, в третьих, по временам подвиг юродства, превосходящий собой мудрость века сего.

+ Archbishop John Maximovich

В этом очерке мы не предлагаем читателю полного жизнеописания, здесь мы пользуемся только некоторыми выборками из материала, собранного Братством преп. Германа Аляскинского, основанного по благословению архиепископа Иоанна, который горячо желал, чтобы после канонизации отца Иоанна Кронштадтского последовала бы канонизация отца Германа, и новый Святой стал бы покровителем печатного слова миссии. Теперь, когда это пожелание исполнилось, нашим долгом является возвестить правду о житии праведника, который в наше время глубокого упадка показал собой, что жива Святая Русь. Он как бы отражал святость ее представителей. На нем явилось некое оправдание высшего назначения русского рассеяния, явленное современному инославному и языческому миру. Для сознательно пришедших ко святому Православию он воистину является отцом Церкви, знаменем победы Христа над тьмою.

1. Благочестивая юность

Родиной архиепископа Иоанна был теплый цветущий край Харьковской губернии, где в местечке Адамовке в славной дворянской семье Максимовичей у родителей Бориса и Глафиры родился 4 июня 1896 года сын и наречен во святом крещении Михаилом в честь св. Михаила Архистратига Божия. Издревле фамилия дворян Максимовичей славилась на всю Россию своим благочестием и патриотизмом. Один из самых выдающихся Максимовичей был Церковью прославленный святой, святитель Иоанн, митрополит Тобольский, известный духовный поэт и писатель, автор замечательной книги “Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественной волею”, сибирский миссионер, пославший Миссию в Китай и, как при жизни, так особенно после своей кончины, источавший множество чудес от своих нетленных мощей, которые хранятся по сей день в Тобольске. Хотя святитель Иоанн умер в начале XVIII века, но дух его как бы особо почил на его дальнем племяннике, и юный Михаил уже с детских лет был совсем особенным мальчиком. Он был болезненным и ел мало. Игрушечных солдатиков превращал в монахов, крепость в монастырь. Под его влиянием его иностранная гувернантка приняла Православие. Родительское

имение в Голой Долине находилось лишь в восьми верстах от знаменитого Святогорского монастыря, где он часто бывал. Этот дивный монастырь с Афонским уставом, расположенный на лесистом берегу Северного Донца, с великолепными соборами, высокой горой Фавор, со многими пещерами, схимниками, скитами, многолюдной братией (тогда было шестьсот человек) — все это оставило сильное впечатление на молодом “иноке с детства”.

В своем Слове при наречении во епископа Владыка так говорит о своей юности: “С первых дней, что начал сознавать себя, желал служить правде и истине. Родители мои возгревали во мне стремление непоколебимо стоять за истину, и душа моя пленилась примерами тех, кто отдавал за нее свою жизнь...” Отец его был предводителем дворянства, а дядя ректором Киевского университета. Подобная светская карьера, видно, готовилась и Михаилу. В 1914 году он окончил Полтавский Кадетский корпус и поступил в Харьковский Императорский университет на юридический факультет, который закончил в 1918 году. Но сердце его стояло далеко от мира сего.

Говорят, что в его университетские годы он проводил больше времени за чтением житий святых, чем за посещением лекций, хотя учился превосходно. Он именно “изучил и выучил” православных святых на университетском уровне: усвоил их миропонимание и их житейскую ориентацию, вошел в их психологию, изучил разновидности их деятельности и подвига, и молитвенного делания, словом, всей душой полюбил их и проникся их духом. “Изучая светские науки, — говорит он в том же вышеупомянутом слове, — я все больше углублялся в изучение науки из наук, в изучение духовной жизни”. Приложив все усилия, он сподобился тому, что ему открылись духовные глаза и душа уязвилась жаждой приобрести истинную цель и путь жизни во Христе. Тогда он с пылкостью юности начал подвижничать, взяв на себя неимоверно тяжелый подвиг столпничества, который в протяжении всей его жизни у него сливался с другими образами подвига, так что, как явствует из его собственного жития, он был и суровым аскетом, и любящим пастырем-сиропитателем, целителем-бессребреником и апостолом - миссионером, глубоким

богословом, тайновидцем-юродивым и святителем вселенского значения.

2. Инок Иоанн

Харьковская местная церковная жизнь давала юному Михаилу воспитательные соки благочестия. В Успенском соборе хранились чудотворные иконы Божией Матери “Озырянской” и “Елецкой”, привлекавшие многолюдное почитание. В особой усыпальнице почивал праведник чудотворец архиепископ Мелетий (Леонтович), предузнавший свою кончину в 1841 году. Там ему читали псалтырь, служили панихиды и помазывали от ея из лампы на его гробнице, где в 1918 году совершилось одно нашумевшее чудо, записанное владыкой Иоанном. Святитель Мелетий при жизни нес молитвенный подвиг борьбы со сном, проводя ночи, стоя неподвижно с поднятыми вверх руками, никогда не ложась в кровать. Сильно полюбил Михаил этого Святителя и, видимо, начал ему подражать, что впоследствии подтвердилось сходством с ним, ибо владыка Иоанн сорок лет нес тот же подвиг ночного бодрствования, никогда не ложась на кровать, так же предузнал свою кончину и, подобно святителю Мелетию, почивал посмертно под собором в усыпальнице, где часто пелись панихиды, читается псалтырь над его гробом всеми теми, кто просит его помощи. Эта усыпальница являлась частицей Святой Руси, перенесенной в современную Америку.

В Харькове священствовал высокой духовной жизни отец Николай Сангушко-Загоровский, впоследствии сподобившийся исповеднического подвига, которого юный Михаил хорошо знал. Но вскоре благочестивая жизнь самого Михаила стала очевидна даже в те годы, так что правящий архиепископ Антоний (Храповицкий), один из выдающихся церковных лиц того времени, позднее митрополит и один из кандидатов в патриархи, нашел желательным познакомиться с ним и приблизить юношу к себе, руководя его духовным развитием, о чем сам владыка Иоанн оставил целое повествование.

Во время гражданской войны, вместе с родителями, братьями и сестрой, Михаил был эвакуирован в Югославию, где поступил в Белградский университет и окончил богословский факультет

в 1925 году, зарабатывая на существование продажей газет. Горячо им любимый владыка Антоний оказался тоже за границей и теперь стал Первоиерархом Зарубежной Церкви, и Михаил оставался с ним в контакте. В 1924 году в русской церкви в Белграде он был посвящен в чтецы самим Митрополитом, а через два года в Мильковском монастыре им же был пострижен в монахи и посвящен в иеродиаконы, причем с именем его дальнего родственника святителя Иоанна Тобольского. На Введение во Храм Пресвятыя Богородицы юный инок стал иеромонахом. В эти годы он был законоучителем в Сербской Государственной гимназии, а с 1929 года стал преподавателем и воспитателем в сербской семинарии Охридской епархии в городе Битоле, так называемой “Богословии” святого Иоанна Богослова. И тут впервые открылась его дивная жизнь.

3. Битольский праведник

Охридской епархией в то время управлял епископ Николай (Велимирович) — сербский Златоуст, известный проповедник, поэт и вдохновитель народно-просветительного движения. Он очень ценил и любил молодого иеромонаха Иоанна, не раз говоря: “Если желаете увидеть живого святого, пойдите в Битоль к отцу Иоанну”. И действительно, стало очевидным, что это был совершенно особенный человек. Он постоянно и непрерывно молился, ежедневно служил Божественную литургию, строго постился, ел только один раз в день поздно вечером, никогда не гневался и с особой отеческой любовью вдохновлял студентов высокими христианскими идеалами. Студенты первыми обнаружили его великий подвиг аскетизма: они заметили, что он не ложится спать и что, когда все засыпали, он по ночам начинал ходить по общежитию, осеняя крестным знамением спящих; кому поправит одеяло, кого потеплее укроет, делая это, углубясь в Иисусову молитву. Наконец, убедились, что он не спал на кровати, и если засыпал, то только когда от изнеможения его срывал сон во время земного поклона в углу под иконами. Шалуны даже кнопки клали ему под простыни, дабы убедиться, ляжет ли он на кровать. Много лет спустя он сам признался, что со дня его иноческого пострига он не спал лежа на постели.

Такое самоумерщвление очень редко, так как крайне тягостно. Великий основатель киновийных монастырей преп. Пахомий Великий, когда получал правила монашеского жития от Ангела, услышал следующее по поводу сна: “Спать братия не должны лежа, но пусть устроят себе седалища с отлогими задниками и спят на них сидя” (правило 4).

На Охридском озере в монастыре преп. Наума находились чудотворные мощи преп. Наума Охридского, ученика и сподвижника-миссионера свв. Кирилла и Мефодия. Иеромонах Иоанн очень чтит этого Святого, который считается особенно скорым целителем душевнобольных. Со святой иконой преп. Наума он ходил по больницам и читал молитвы над больными, что делал впоследствии и в Китае над китайцами. За несколько дней до своей кончины он без всякой видимой причины снял со стены в своей домовой церкви в Сан-Франциско иконы преп. Наума и св. Иоанна Крестителя и положил на аналое посреди храма. Через несколько дней, увидав иконы, все поняли значение выноса этих икон — в канун памяти преп. Наума Владыка умер, а погребен был в день Рождества Иоанна Предтечи.

По просьбе местных греков и македонских прихожан служил он Божественную литургию на греческом языке и очень этим их к себе расположил. Его известность росла, и в 1934 году было решено возвести его в епископы. Но сам он был далек от этого: когда его вызвали в Белград, ему и в голову ничего подобного не приходило, как это видно из рассказа одной его знакомой по Югославии. Как-то встретившись с ним в трамвае, спросила, по какой причине он в Белграде, на что он ответил, что приехал в город, так как по ошибке получил сообщение вместо какого-то другого иеромонаха Иоанна, которого должны были посвятить во епископы. Когда же на другой день она опять его увидала, то он сообщил ей, что, увы, ошибка оказалась хуже, чем он ожидал, ибо именно его решили посвятить во епископа. Когда воспротивился, выставляя свое косноязычие, то ему коротко сказали, что и пророк Моисей имел такое же затруднение.

Посвящение состоялось 28-го мая 1934 года. Владыка был последним и самым великим из целого сонма епископов, посвященных митрополитом Антонием, и исключительно высокое

уважение, которое этот маститый Иерарх имел к новому епископу, он выразил в письме к архиепископу Димитрию на Дальний Восток. Отказываясь от предложения уйти на покой в Китай, он писал: “Друг, я уже настолько стар и слаб, что не могу думать ни о каком путешествии, кроме путешествия на кладбище... Но вместо себя самого я, как мою душу, как мое сердце посылаю к Вам владыку епископа Иоанна. Этот маленький, слабый человек, почти ребенок с виду, является каким-то чудом аскетической стойкости и строгости в наше время всеобщего духовного расслабления!”

В своем “Слове при наречении” владыка Иоанн говорил о высоких целях пастырства в наше время. По меткому замечанию одной инокини, в своем “Слове” он начертал себе целую программу, и в течение своей жизни ее в точности исполнил. Новый епископ назначался в Шанхайскую епархию, в тот край, куда два века ранее посылал первую православную миссию его прадеда митрополит Тобольский Иоанн (Максимович). Максимовичу старшему Бог судил послать ранние лучи благодатного учения Солнца Правды — Христа, а Максимовичу младшему Бог судил там просиять Христовой святостью, как бы в подтверждение истинности православного учения, и потом уже стать свидетелем заката Христианства в странах “Восходящего солнца”.

4. Шанхайский пастырь

Туманным утром в конце ноября прибыл в Шанхай епископ Иоанн. Был праздник Вход во Храм Пресвятыя Богородицы, и много людей собралось на пристани встречать своего нового Владыку, занимавшего вдовствующую кафедру после архиепископа Симона, многолетнего китайского миссионера высокой духовной жизни, который оставил после себя большой собор недостроенным и юрисдикционный конфликт неразрешенным. Владыка Иоанн сразу же восстановил церковное единство, учредил связь с сербами, греками и украинцами и занялся построением огромного собора в честь иконы Богородицы “Споручницы грешных”, который был закончен вместе с трехэтажным приходским домом с колокольной. Он обратил особое внимание на духовное образование и взял за правило присутствовать

при устных экзаменах по катехизису во всех православных школах Шанхая. Он был вдохновителем и возглавителем постройки храмов, госпиталя, приюта, домов для престарелых, коммерческого училища, женской гимназии, общественной столовой и др., словом, всех общественных начинаний Русского Шанхая.

Но самое поразительное в нем было то, что, принимая такое живое и деятельное участие в столь многих светских делах, он был абсолютно чужд миру. Он одновременно жил как бы другим миром, точно общаясь с потусторонним, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы очевидцев. Его “странные выходки” казались странны только тем, кто отстранил себя и был чужд миру Божиих святых Православной Восточной Церкви, ведших беспощадную невидимую брань с князем мира сего. С первого же дня Владыка ежедневно служил Божественную литургию, если же не мог, то принимал Святые Дары. Где бы он ни был, он не пропускал богослужений. Однажды от постоянного стояния нога Владыки была сильно опухшей, и консилиум врачей, боясь гангрены, предписал немедленно госпиталь, от чего Владыка категорически отказался. Тогда русские доктора сообщили приходскому совету, что они отказываются от всякой ответственности за здоровье и даже жизнь пациента. Члены приходского совета после долгих просьб и грозя взятием его силой, заставили Владыку согласиться, и он был отправлен в Русский госпиталь утром навечерия праздника Воздвижения Креста Господня. Но к шести часам Владыка тайно сбежал из госпиталя и вошел, хромая, в собор и отслужил все бдение, а через день опухоль прошла.

Все суточные богослужения он совершал, ничего не пропуская, так что случалось, что на повечерии по пять и более канонов вычитывалось, дабы почтить всех святых. Он никогда не разговаривал в алтаре. После литургии оставался в алтаре по три или четыре часа, и как-то заметил: “Как трудно оторваться от молитвы и перейти к земному”. В дни памяти определенных святых служил босиком и требовал того же от сослужащих. Ел однажды в день, в течение Великого и Рождественского постов питался только просфорой. По ночам бодрствовал; борясь со сном, обливал себя холодной водой, но никогда не мылся. Никогда

не ходил “в гости”, но у нуждающихся в помощи неожиданно появлялся, и при том в любую погоду и самые необычные часы: то в полночь, то в два или в три часа ночи. Никогда не ездил на рикше, но ежедневно посещал больных со Святыми Дарами. Он обладал и прозорливостью, и даром такой молитвы, которую Господь слышит и просимое скоро исполняет. Вот несколько случаев.

Доктор А.Ф. Баранов сообщает следующее:

“Однажды в городе Шанхае к одному умирающему ребенку, признанному врачами безнадежным, пригласили владыку Иоанна, который, придя в квартиру, прямо направился в комнату, в которой находился больной, хотя Владыке никто еще не успел показать, где находится умирающий. Не осматривая ребенка, Владыка прямо “упал” перед образом, что весьма характерно для него, и долго молился, затем, успокоив родственников, что ребенок выздоровеет, быстро ушел. Ребенку действительно к утру стало лучше и он вскоре выздоровел, так что врача больше уже не приглашали. Очевидец полковник Н.Н. Николаев подтверждал со всеми подробностями”.

Таких случаев было много. Вот запись Н.С. Маковой:

“Хочу сообщить об одном чуде, о котором неоднократно мне говорила когда-то моя очень хорошая знакомая Людмила Дмитриевна Садковская. Это чудо, произошедшее с ней, было записано в архивах Окружного госпиталя в Шанхае, Китай.

Было это в Шанхае. Она увлекалась спортом — скачками на лошадях. Однажды она скакала верхом на лошади по рейскурсу, лошадь чего-то испугалась, сбросила ее, и она сильно ударилась головой о камень, потеряв сознание. Ее без сознания привезли в госпиталь, собрался консилиум из нескольких врачей, признали положение безнадежным: едва ли выживет до утра, почти нет биения пульса, голова разбита и мелкие кусочки черепа давят на мозг. При таком положении она должна умереть под ножом. Если бы даже ее сердце позволило делать операцию, то при всем благополучном исходе она должна остаться глухой, немой и слепой.

Ее родная сестра, выслушав все это, в отчаянии и заливаясь слезами, бросилась к архиепископу Иоанну и стала умолять его спасти сестру. Владыка согласился; пришел в госпиталь и

попросил всех выйти из комнаты и молился около двух часов. Потом он вызвал главного врача и попросил освидетельствовать больную. Каково же было удивление врача, когда он услышал, что ее пульс был как у нормального здорового человека. Он согласился немедленно сделать операцию, только в присутствии архиепископа Иоанна. Операция прошла благополучно, и каково же было удивление врачей, когда после операции она пришла в себя и попросила пить. Она все видела и слышала. Живет она и до сих пор — говорит, видит и слышит. Я знаю ее тридцать лет”.

Огромным делом его милосердия был Приют святителя Тихона Задонского для сирот и для детей нуждающихся родителей, который он вручил небесному покровительству этому дивному русскому Святителю. Святитель Тихон, как и сам Владыка, очень любил детей. Он созвал дамский комитет и с помощью одного, начав с восьми сироток, приют организовался и вскоре дал убежище до сотни детей в одно время и около трех с половиной тысяч в общей сложности. Владыка сам собирал больных и голодающих детей с улиц и темных закоулков шанхайских трущоб, где были случаи, когда собаки загрызали покинутых детей. Однажды одну девочку он спас у китайца, “купив” ее в обмен на бутылку водки. Во время войны в приюте было очень тяжелое положение — не хватало провизии. В один из таких тяжелых периодов выяснилось, что на другой день детей буквально нечем кормить. Об этом сказали Владыке. Он, выслушав, сказал: “Бог пошлет,” и ушел к себе молиться, и всю ночь простоял на молитве. А утром чуть свет — звонок. Открывают дверь, и что же? Представитель какой-то делегации с крупным пожертвованием для приюта. Владыка всех ребят хорошо знал и был им настоящим отцом. Когда пришли коммунисты, он эвакуировал весь приют, сначала на остров на Филиппинах, а потом в Америку.

5. Сила веры

“Владыка жил как бы в ином мире, — восклицает В. Рейер, близко знавший Владыку и писавший о нем. — Был ли он “восхищен в рай”, как о том сообщает апостол Павел в своем послании к Коринфянам (2 Кор. 12, 4), “и слышал неизреченные слова,

которых человеку нельзя пересказать,” мы не знаем, но своими поучениями и деяниями он засвидетельствовал, что Господь приоткрывал ему завесу Своего Царства”. Следующие три записи подтверждают живыми примерами верность вышесказанного; первый случай записан О. Скопиченко, второй Л.А. Лью, а третий монахиней Августой.

1. “В Шанхае был такой поразительный случай, как нельзя более характеризующий великую душу нашего ушедшего пастыря, его непоколебимую веру. Одну женщину, Меншикову, укусила бешеная собака; уколы против бешенства она делать или отказалась, или же делала их неаккуратно, нарушая элементарные правила, предписанные в связи с укусами. И настал день, когда женщина эта заболела страшной болезнью бешенства. Владыка Иоанн узнал, как и всегда знал он о всех больных, страждущих и умирающих, и со Святыми Дарами поспешил к умирающей Меншиковой. Владыка причастил больную, но в это время с ней произошел один из припадков этой страшной болезни, и она выплюнула Святой Причастие с пеной, исходящей с ее губ. Частица Святого Причастия не может быть выброшена, и Владыка подобрал и положил себе в рот выплюнутую больной частицу Святого Причастия. Бывшие с ним прислужники воскликнули: “Что Вы делаете, Владыко! Бешенство — страшная зараза!” Но Владыка спокойно ответил: “Ничего не случится — это Святые Дары”. И действительно, ничего не случилось”.

2. “Владыка приезжал в Гонконг два раза. Удивительно, что я, не зная Владыку, написала ему письмо, прося молитв и похлопотать об одной вдове с детьми, да и кроме того писала об одном интересующем личном духовном вопросе, но не получила ответа. Прошел год времени. Владыка приехал, и я попала в толпу, встречающую его. Владыка, обращая ко мне, сказал: “Это Вы писали мне письмо!” Я очень была поражена, так как Владыка меня никогда не знал и не видел прежде. Это было вечером в церкви. После молебна он, стоя перед аналоем, говорил проповедь. Я стояла рядом с моей мамой, и мы обе видели свет, окружавший Владыку до самого аналоя; сияние вокруг него шириной сантиметров в тридцать. Это продолжалось довольно долгое

время. Когда кончилась проповедь, я, пораженная таким необыкновенным явлением, сказала подошедшей ко мне Н.В. Соколовой о том, что мы видели. Она ответила: “Да, многие верующие люди видели это необычайное явление”. Муж мой, стоявший неподалеку, тоже видел этот свет, окружавший Владыку”.

3. “Имею преклонные годы и могу скоро умереть, поэтому не хочу унести в могилу то, что Господь мне показал в назидание. Великая вера была у владыки Иоанна. В 1939 году отправила я дочь в Италию к мужу. Муж ее встретил на пароходе и привез к своим родителям, прожил одиннадцать дней с ней, и его командировали в Африку. Когда он уехал, то родители его заявили моей дочери, чтобы она уходила из дома их; не зная языка, ей было семнадцать лет всего, она писала мне отчаянные письма. Много я молилась, прошло два месяца, и очень страдала, ходила ежедневно в собор в Шанхае, но моя вера стала колебаться. Решила больше не ходить в церковь, а пойти к знакомым, а потому не торопилась встать раньше. Мой путь лежал мимо собора, и вот я услышала в храме пение. Зашла в храм. Служил владыка Иоанн. Алтарь был открытым. Владыка произнес молитву “Примите, ядите, сие есть тело Мое” и... “сия есть кровь Моя... во оставление грехов”, и после этого опустился на колени и сделал глубокий поклон. Я увидела в это время Чашу со Святыми Дарами не покрытой, и в это время, после слов Владыки, сверху спустился огонек и опустился в Чашу. Форма огонька была похожа на цветок тюльпана, но большего размера. Никогда в жизни своей не думала, что я увижу действительное огнем освящение Даров. Загорелась снова у меня вера. Показал Господь мне веру Владыки, стыдно стало мне за свое малодушие”.

Кроме госпиталей, Владыка также посещал тюрьмы и служил Божественную литургию для арестантов на убогом маленьком столике. Но самая трудная работа для пастыря — это посещение душевнобольных и одержимых. Он резко делал различие между первыми и вторыми. В окрестности Шанхая был госпиталь для умалишенных. Владыке была дана духовная сила в общении с этими страшно больными людьми. Он сподоблял их Святых Таин и они, к удивлению, принимали его мирно и

слушались Владыку. Они всегда с нетерпением ожидали его посещения и радовались его приходу.

Владыка обладал великим мужеством. Во время японской оккупации японские власти старались всеми средствами заставить русскую колонию покориться своей воле. Давление было оказано через возглавителей Русского Эмигрантского комитета. Два представителя этого Комитета пытались поддержать его независимость, и в результате оба были убиты. Страх охватил русскую колонию. Тогда владыка Иоанн, несмотря на угрозы русских, объявил себя временным главой русской колонии.

Митрофорный протоиерей отец Петр Триодин рассказывал, как однажды Владыка захотел подняться на стоящий у гавани японский миноносец. Матрос, стоявший там на страже, гнал его прочь, угрожая штыком. Но Владыка настаивал на своем. Стоявший на палубе японский офицер услышал этот спор. Он разрешил Владыке подняться на корабль. Владыка смело проследовал в офицерскую столовую, где в углу висел образ святителя Николая. Оказывается, этот миноносец, бывший русским, был затоплен в японскую войну и поднят японцами на поверхность со дна морского. Владыка указал японцу-офицеру на образ и сказал, что святитель Николай здесь хозяин и благодаря ему миноносцем совершается благополучное плавание. Поэтому, поучал Владыка, японцы должны не забывать это и всегда теплить перед образом лампаду. Всегда должны относиться с почитанием к Угоднику Божию.

Во время японской оккупации было особенно опасно ходить ночью по улицам, и большинство людей старались быть дома до темноты. Владыка все же не обращал внимания на опасность, продолжая посещать больных и нуждающихся в любой час ночи, и его никто не трогал.

К этому времени относится поразительный случай, свидетельствующий, как Владыка духом слышал на расстоянии и спешил помочь призывающим его. Как-то раз, в 1968 году, к нам в Братство преп. Германа Аляскинского пришла одна дама и сообщила, что зовут ее Анна Петровна Лушникова и что, узнав о нашем соби́рании сведений о владыке Иоанне, требует, чтобы мы сразу же, не откладывая, записали следующее. Она рассказала,

что по профессии она учительница пения и что когда-то очень помогла владыке архиепископу Димитрию своими советами правильно дышать при произнесении звуков, тогда как пользующие его врачи были бессильны помочь. По прибытии владыки Иоанна на Дальний Восток всем сразу стала заметна его неясная дикция. Говорили, что он от рода заика, что он был ранен в области рта и т.д. Но она сразу же поняла, в чем дело и явилась к нему с предложением помочь. По ее утверждению, у Владыки было полное истощение организма. От слабости нижняя челюсть отвисала и мешала ясно произносить слова. Она указала ему, как следует правильно дышать, артикулировать и прочее. Он начал регулярно к ней ходить на упражнения, смиренно сидел и выводил “о-о-о,” “а-а-а” и т.д. С благодарностью платил, всегда оставляя “бумажку” — двадцать американских долларов. Речь Владыки исправлялась, но когда наступал пост, дефект опять давал себя знать, и опять он шел к ней. Она старалась помочь, чем могла и, видя в нем человека Божия, очень полюбила его и стала его духовной дочерью.

“В Шанхае в 1945 году, — поведала нам Анна Петровна, — меня ранили во время войны, и я умирала во французском госпитале. Я знала, что умираю и просила передать Владыке, чтобы он пришел и меня приобщил. Было приблизительно десять или одиннадцать часов вечера, на дворе был шторм, буря с дождем. Я рвалась и ужасно мучалась. На мои крики вызвать Владыку приходили врачи и сестры и говорили, что это не мыслимо, так как военное время, и госпиталь на ночь наглухо закрыт и что нужно ждать до утра. Я, ничего не слушая, продолжала кричать: “Владыка, прииди! Владыка, прииди!” И никто не мог моего желания сообщить ему. Вдруг, при этой бури, вижу: в арке дверей палаты появляется Владыка, весь мокрый, и идет ко мне. Так как это было что-то в виде чуда, этот его приход, то я начинаю ошупывать Владыку, живой ли он, и спрашиваю: “Или это Ваш дух?” Он, тихо улыбаясь, говорит: “Живой,” и приобщил меня. Тут я уснула и спала после этого восемнадцать часов. Со мной вместе в палате еще была вторая пациентка. Она тоже видела Владыку приобщающим меня. После того как я проснулась после восемнадцатичасового сна, чувствовала себя здоровой и говорила,

что это потому что Владыка приходил и причастил меня. Но мне не верили и говорили, что Владыка никак не мог войти в закрытый госпиталь в такую ночь. Я спросила у соседки по палате, и она подтвердила, что Владыка был, но нам все равно не верили. Но факт налицо — я жива и чувствую себя хорошо. В это время не верящая мне сестра поправляла мне постель и обнаружила, как бы в достоверность — под подушкой положена была Владыкой “бумажка”, двадцать американских долларов! Он знал, что я очень много должна была госпиталю и что я нуждаюсь уже и положил их. Потом он подтвердил, что клал их под подушку. С тех пор я поправилась. Потом, уже в 1961 году, он меня после страшной автомобильной катастрофы, опять в госпитале, приобшил и исцелил”.

На этом закончила свой рассказ и ушла Анна Петровна, никак не хотевшая умереть без напутствия Владыки. И ее желание, уже после смерти самого Владыки, все же, как видно, исполнилось. Прошло некоторое время после нашей встречи. Как-то придя домой со всенощной под Преображение Господне, Анна Петровна умерла от угара ночью в своей квартире. В ту же ночь под Преображение Ольга И. Семенюк, близко бывшая к Владыке по Шанхаю, видела во сне, что в новом соборе в высоко поднятом гробу лежит мертвая Анна Петровна, и владыка Иоанн в мантии ходит и кадит вокруг нее и под торжественное хоровое пение ее отпевает. Наутро узнали о ее скоропостижной кончине. Тогда нам стало понятно, почему Господь ее надоумил придти к нам и спешно потребовать, чтобы засвидетельствованы были ее показания о прозорливости и чудотворении нашего дорогого Владыки, который уже в том преображенном мире в день Преображения ее отпел.

6. “Гугнивый Моисей”

“Когда человек снабдит душу свою Словом Божиим, — учил преп. Серафим Саровский, — тогда исполняется он разумением того, что есть добро и что есть зло,” и таким образом смысл подвига оправдывается на деле именно распознанием, где правда и где ложь. Так и Владыка показал подлинность своего подвига, когда трезво показал соблазн в Московской Патриархии и

этим спас массу православных русских людей, соблазненных советской “русскостью”, и вывел, подобно Моисею, на свободу верных сынов Зарубежной и грядущей Руси.

В конце войны со стороны Московской Патриархии были сделаны усиленные уговоры и давления на русское заграничное духовенство с целью подчинения патриарху Алексию, преемнику Сергия, которого Сталин поставил в патриархи, желая использовать религиозные чувства русского народа, чтобы приостановить стихийный переход населения к немецким войскам как освободителям от ненавистного коммунистического ига. К 1939 году Православная Церковь внешне была почти уничтожена; несмотря на предательское “сергианство”, на много миллионов верующих на свободе оставалось лишь несколько иерархов. А тут вдруг выборы патриарха! Везде демонстрировался документальный фильм о выборе патриарха, бьющий на национальное чувство верующих. В Китае все иерархи, кроме владыки Иоанна, соблазнились “сергианством” и перешли в Церковь в СССР, вопреки клятве, данной Зарубежному Синоду. Весной 1946 года Владыка подвергался особенно сильному давлению и угрозам как со стороны своего правящего архиерея архиепископа Виктора, так и со стороны назначенного быть экзархом патриарха Алексия на Дальнем Востоке митрополита Нестора, на что владыкин ответ был прост, ибо ему все было ясно: “Я подчиняюсь Заграничному Синоду, и как он мне укажет, так я и должен поступать”. После долгого военного перерыва пришел Указ Архиерейского Синода о возведении епископа Иоанна в Архиепископы с непосредственным его подчинением Архиерейскому Синоду. Когда архиепископ Виктор “отстранил” архиепископа Иоанна своим указом и запретил его в священнослужении, то владыка Иоанн, вместо того чтобы покинуть собор, возшел на амвон и сказал молящимся, что он отстранен архиепископом Виктором за то, что остался верен присяге, данной Зарубежному Синоду, которую они оба приносили. Он говорил: “Я подчинюсь этому указу в том лишь случае, когда мне докажут Священным Писанием и законами любой страны, что клятвопреступление есть добродетель, а верность клятве есть тяжкий грех”. И отслужил полностью всю литургию. Народ

заступался за Владыку, а он в пламенных проповедях разъяснял своей пастве, почему Зарубежная Православная Церковь не признает давления Московской Патриархии и этим спас от советской каторги шесть тысяч душ. К августу 1946 года советские граждане и духовенство перестали посещать кафедральный собор, и Китайское Национальное Правительство и городские власти признали архиепископа Иоанна главой Шанхайской епархии Зарубежной Православной Церкви.

С приходом к власти коммунистов, русские в Китае были принуждены вновь бежать, большинство из них — через Филиппинские острова. В 1949 году почти пять тысяч беженцев из Китая находилось в лагере Международной Беженской организации на острове Тубабао в Филиппинах. Жили в палатках при самых примитивных условиях. Владыка и тут был сердцем всего. Тут же были помещены все дети приюта, были и старики, и больные. Жили постоянно под угрозой страшных ураганов, так как этот остров находится на пути сезонных тайфунов, которые дуют через эту часть Тихого океана. Во время двадцатисемимесячного периода жизни русских в лагере остров только раз претерпел тайфун, который переменял курс и обошел остров. Когда русские спрашивали местных филиппинцев об опасности тайфунов, то те отвечали, что нечего беспокоиться, ибо “ваш святой человек каждую ночь обходит весь ваш лагерь и осеняет крестным знамением со всех четырех сторон”. Все знали Владыку, знали его как человека Божиего. Известен был случай, как Владыка в Маниле исцелил больного сына одного очень высокопоставленного человека.

Характерную картину описывает Г. Ларин: “Будучи лидером церковного района, где находилась церковь, жили священники, монахини и Владыка, я иногда сопровождал Владыку в город Гюан, где в филиппинском госпитале находились тяжелобольные русские, которых Владыка навещал, раздавая карманного размера евангелия и небольшие иконы. В одну из таких поездок, войдя в русскую палату, мы услышали доходявшие до нас издали болезненные крики. На вопрос Владыки о причине этих криков, русская сестра милосердия сказала, что это безнадежно больная, которую, как беспокоящую своим криком

больных, положили в прилегающий к этому зданию бывший американский военный госпиталь. Владыка немедленно решил пойти к больной, но русская сестра посоветовала не ходить ввиду того, что от нее исходит дурной запах. “Это ничего не значит,” — сказал Владыка и быстрыми шагами пошел к больной. Я последовал за ним. От больной действительно исходил неприятный запах. Подойдя к ней, Владыка положил на голову крест и стал молиться. Я отошел. Долго молился Владыка, затем исповедывал больную и причастил. Когда мы уходили, она уже не кричала, а тихо стонала. Прошло некоторое время. В один из приездов в госпиталь, едва мы въехали на джипе во двор, как из госпиталя выскочила какая-то женщина и бросилась к ногам Владыки. Это была “безнадежно” больная, о которой молился Владыка”.

Владыке посоветовали лично похлопотать в Вашингтоне, чтобы все в лагере смогли переехать в Америку. Он полетел в Вашингтон и, вопреки всяким человеческим препятствиям, добился очень многого: законы были изменены и исход его паствы был осуществлен. Тут уместно привести следующую запись В. Рейера:

“По прибытии в Манилу Владыка просил меня устроить ему аудиенцию у министра Внутренних дел, где он решил просить облегчение положения своим пасомым, русским эмигрантам, находившимся в бедственном положении на острове Самар. Аудиенция нам была назначена через день, в девять часов утра. В ответ на просьбу моей жены, Владыка разрешил привести в порядок его рясу для этого приема. В назначенный день в восемь часов утра я подошел с молитвой к двери его комнаты. Ответа не последовало, и так продолжалось несколько раз. Прождав еще некоторое время, я решил открыть дверь. Войдя, увидел Владыку уснувшего на коленях. Владыка быстро поднялся и обещал сразу выйти. Через несколько минут он показался в дверях, но волосы на его голове были в беспорядке. Я почему-то решил, что в таком виде явиться к министру будет нельзя, и предложил Владыке поправить волосы. Владыка отстранился и сказал: “Не надо, поедем”. Я был уверен, что нас не примут. Во-первых, мы опаздывали почти на час, а во-вторых, в

таким виде едва ли допустят к министру. К моему удивлению, нас приняли сразу. Сам министр был очень любезен и внимателен и обещал сделать все, что будет в его силах, — чтобы Владыка не беспокоился, он постарается удовлетворить все его просьбы. Возвращаясь в отель, рассуждал я с самим собою, и мне стало очевидным, что человеческими мерками ни определить, ни оценить Владыку нельзя. Что казалось для нас непреодолимым, не являлось препятствием на его путях. Господь сопровождал Владыку в его делах, и существующие для нас преграды переставали существовать на его путях. В этом я был вынужден убедиться как в Американском консульстве в Шанхае, так и на пристани в Маниле, и в Министерстве Филиппинского правительства”.

После того как лагерь был почти весь эвакуирован и люди разъехались по разным странам, большей частью в США и Австралию, оставалось на острове Тубабао всего несколько человек, как подули ветры и налетевший страшный тайфун разрушил лагерь до основания.

Не в день ли памяти святого пророка Моисея, когда Церковь вспоминает сего великого богобоязненного духовного вождя избранного народа, наш Владыка снимал обувь, свои неизменные сандалии, и босиком совершал таинство Евхаристии у престола Божия, точно перед Неопалимой Купиной?

7. Среди позабытых святых

В 1951 году Владыка был назначен Синодом возглавлять Западно-Европейскую епархию. Теперь он стал одним из старших иерархов Русской Зарубежной Церкви, и ему часто приходилось посещать заседания Синода в городе Нью-Йорке. Первоначально кафедра его была в Париже, небесная покровительница которого святая Геновефа (Женевьева) была современницей преп. Симеона Столпника, который, провидя ее святость, посылал ей приветствия с купцами из Антиохии в Галлию. Владыка обратил внимание на местных святых, и ему открылось целое созвездие дивных древних святых, полностью позабытых современностью, с которыми он вошел в живое молитвенное общение.

Вся Западная Европа была просвещена верой Христовой еще за много веков до пагубного отпадения Рима от Восточной Церкви и погружения всего латинского мира в беспросветную ересь католицизма. Ее первоначальные просветители, мученики, пустынники, святители-чудотворцы были подлинными православными святыми, но только очень ограниченное число этих многочисленных и замечательных святых успело войти в святцы до раскола, после чего новые церковные деятели, лишенные благодати, начинают проявлять поврежденное и извращенное понимание подвига, впадать в прелесть, подобно Франциску Ассисскому, Терезам и другим, и уже ни в коем случае не являются святыми в православном понимании этого слова. Популярность этих последних совсем затмила память настоящих православных святых Запада. Однако, не смотря на святотатство реформации и французской революции, почти на каждом городском переулке и сельском повороте находятся следы памяти древних православных святых, и владыка Иоанн, столь чуткий к святыне, начал делать серьезное исследование.

В 1952 году на епископском совещании Владыка осветил апостольский подвиг современника свв. Кирилла и Мефодия просветителя Дании и Швеции **свят. Ансария**, имевшего кафедру в Гамбурге и Бремене, умершего в 865 году и, прославясь чудесами, через пять лет причисленного к лику святых. На основании постановления Архиерейского Собора 1950 года, предоставившего епископам на местах выяснить вопрос о каждом святом в отдельности, владыка Иоанн теперь считал необходимым признать, что имя св. Ансария (память 3-го февраля) надлежит отныне вносить в церковные месяцесловы как святителя Церкви. “Если прославил его Сам Господь, то было бы дерзко с нашей стороны не почитать его как святого,” — так говорил Владыка и добавил ряд других святых, коих тоже надлежит прославлять наравне со святыми, прославленными Православной Церковью на Востоке, так как почитание их установлено в глубокие времена древности. И было постановлено: “Резолюция по вопросу о почитании западных святых вырабатывается следующая: Почитая память святых угодников Божиих и найдя в местах нашего рассеяния проповедников и подвижников

древности, имена коих не были нам известны, прославляем дивного во святых Своих Господа и почитаем Его угодников, величая их страдания и подвиги и призывая их быть нашими заступниками и ходатаями к Богу. В силу сего устанавливаем, что чтимыми всей Православной Церковью являются поименованные праведники и призываем пастырей и пасомых чтить этих святых и прибегать к их молитвенному предстательству”.

Вот первый список этих угодников Божиих, к которым Владыка вознес свою пламенную молитву, дабы их апостольская ревность вновь воссияла над уставшим “Старым миром” и позабытые труды их оказались присно православными: **св. мученик Виктор** в Марселе (умер в 303 году, память 21 июля); **св. Пофин**, предшественник св. Иринея Лионского (память 2 июня); свв. мученики, страдавшие со св. Иринеем Лионским — **Александр**, **Эпипод** (память 22 апреля) и **Блондина** (память 2 июня); **св. мученик Фелициан** (24 января); **святая Геновефа (Женевьева)**, умерла 3 января 512 г.); **св. Герман Оксерский** (ум. 31 июля 448 г.); **св. Лупп Тройский** (ум. 24 июля 479 г.); **св. Герман Парижский** (ум. 28 мая в VI веке); **св. Клотуальц** (7 сентября, VII век); **препп. Колумбан** (память 21 ноября), **Фридолин** (память 6 марта) и **Галл** (память 16 октября), проповедники в Ирландии и потом подвизавшиеся в Швейцарии и Италии; **святая Клотильда**, Королева Франции (ум. в 545 г., память 3 июня); **св. Иларий Пектовийский** (13 января); **преп. Гонорат Леринский** (16 января); **преп. Викентий Леринский** — Учитель Церкви (24 мая); **преп. Патрикий**, просветитель Ирландии (17 марта).

Осеняемый многоочным покровом этих угодников, когда-то столь славно просветивших западные страны, Владыка сам оказался новым просветителем — апостолоподобным миссионером этих стран, ибо вещал он и воплощал в себе неповрежденное вечно новое истинное учение Господа нашего Иисуса Христа, которое не могло не ослеплять сидящих во тьме современного отступнического новоязычества. Эти угодники стали его верными поспешниками в его многогранной деятельности. Он постоянно разъезжал по всей Европе; служил Божественную литургию по-французски, голландски, как раньше служил по-гречески и китайски, а позднее по-английски; слыл

прозорливым и бесребреником-целителем. О нем писали из Парижа: “Он живет уже вне нашей плоскости. Недаром говорят, что в одной из парижских католических церквей священник сказал, обращаясь к молодежи: “Вы требуете доказательств, вы говорите, что сейчас нет ни чудес, ни святых. К чему вам теоретические доказательства, когда сейчас по улицам Парижа ходит живой святой — Saint Jean Nus Pieds (святой Иоанн Босой)”.

Владыка обратил внимание на так называемую Французскую Православную Церковь и много потрудился, дабы хотя бы часть приходов оказалась на спасительном пути в лоне Русской Зарубежной Церкви, хранительницы чистого бескомпромиссного Православия. Но самым утешительным детищем его апостольской деятельности было создание Голландской Православной Церкви, которая при богомудром его водительстве сильно окрепла и развилась; имеет своего архиерея, свои монастыри, почти все богослужебные книги на своем языке, свои периодические издания и т.д. Все свои “достижения” православные голландцы приписывают Владыке, считая его своим святым основателем и благодетелем, как явствует из слов епископа Иакова Гаагского в предисловии самого первого жизнеописания владыки Иоанна: “У меня не стало больше духовного отца, и я больше никогда другого такого не найду, кто мог бы глубокой ночью позвонить мне и сказать: “Ложись теперь спать, то, о чем ты просишь у Бога, конечно, угодно Ему”. Владыко! благодарю тебя за все. Помяни нас, твою Голландскую Церковь, у Престола Божия”.

8. Американские скорби

Евангельские заповеди Блаженства, имея иерархическую связь между собой, завершаются наградой претерпевающим за Христа поношения, гонения и всякие злословия. Приспе время для владыки Иоанна, столь славно прошедшего всю эту иерархию Заповедей Христовых, дабы на закате дней своих претерпеть многие скорби и потом в полной мере возрадоваться и возвеселиться на небесех. Застали эти скорби его на его кафедре в Брюсселе, где красуется храм-памятник Новомученикам Российским, в честь многострадального Иова, Угодника

Ветхозаветного. Из Сан-Франциско к нему доходили печальные вести от его духовных чад, что их приход, пожалуй самый большой и стойкий во всем Зарубежье, постигли нелады. Пожизненный друг владыки Иоанна архиепископ Тихон ушел по болезни на покой в монастырь, и в его отсутствие сооружение большого нового собора было приостановлено, и ссора парализовала общество. В ответ на настойчивую просьбу тысяч русских прихожан в Сан-Франциско, фактически его бывшей Шанхайской паствы, Св. Синод назначил архиепископа Иоанна на Сан-Францисскую кафедру как единственного иерарха, который смог бы восстановить мир и достроить собор.

В вечно туманный град Дальнего Запада прибыл Владыка на свою последнюю кафедру осенью 1962 года, и опять, как много лет назад на свою первую кафедру, в праздник Входя в Храм Пресвятыя Богородицы, и опять в недостроенный храм, посвященный Ее памяти. Под руководством Владыки мир был восстановлен, паралич общественной жизни закончился, величественный собор был построен. Но не легко было Владыке. Много пришлось ему кротко и молчаливо терпеть. Он даже был принужден появиться в американском гражданском суде и давать ответы на нелепые обвинения в церковных недочетах приходского совета. Правда, конечно, была на стороне Владыки, но последние годы его жизни были исполнены горечью клевет и преследований. К этому времени относится краткое сообщение Л.А. Лю, из которого видно, какой великий человек был Владыка, как высоко он отстоял от суетного шума мирского и как подлинный духоносный блюститель зорко следил духовным оком за своей паствой:

“В Сан-Франциско муж мой, попав в автомобильную аварию, очень болел; он потерял контроль равновесия и страдал ужасно. В это время Владыка имел много неприятностей. Зная силу молитв Владыки, я думала: если б пригласить Владыку к мужу, то муж мой поправился бы, но боялась это сделать в то время из-за занятости Владыки. Проходит два дня, и вдруг входит к нам Владыка в сопровождении г-на Б.М. Трояна, который его привез. Владыка был у нас минут пять, но я верила, что муж мой поправится. Это был самый тяжелый момент состояния его

здоровья, и после посещения Владыки у него настал резкий перелом и затем он стал поправляться и прожил еще четыре года после этого. Он был в преклонном возрасте. Позже я встретила Б.М. Трояна на церковном собрании, и он мне сказал, что он управлял машиной, когда вез Владыку в аэропорт. Вдруг Владыка говорит ему: “Едем сейчас к Лю”. Тот возразил, что они опаздывают на аэроплан и что в сию минуту он повернуть не может. Тогда Владыка сказал: “Вы можете взять на себя жизнь человека?” Делать было нечего, он и повез Владыку к нам. На аэроплан, однако, Владыка не опоздал, ибо его задержали ради Владыки. В эти пять минут я успела сказать Владыке, что невесте крестника Петра не получить визы на выезд из Китая в Америку, так как сам крестник приехал по особой квоте. На это Владыка сказал, что она приедет и “будем ее крестить потом,” что в точности и случилось уже после смерти самого Владыки. Владыка провидел, что будет и после его смерти.

“Два года тому назад муж заболел и просил меня вызвать сына, который был в штате Нью-Йорк и имел экзамены в это время. Я не знала, что делать. Если муж умрет, сын не простит, что не вызвала; если вызвать сына и оторвать от экзаменов, то потеряет целый год учебы. В смятении я позвонила Владыке и спросила, что делать. Звать ли сына, муж болен и зовет его. Владыка просил позвонить еще раз прямо в собор после литургии. Это было в воскресенье. После литургии я позвонила в собор, и к моей радости Владыка сказал: “Не зовите сына, так как муж Ваш, даст Бог, поправится!” И действительно, муж поправился и даже пережил смерть дорогого Владыки”.

Но американские скорби превратились в радость не только для русской колонии Северной Калифорнии, но, по милости Пресвятой Богородицы, стали источником радости для всей православной Америки под покровом Ее храма “Всех Скорбящих Радосте”. В 1964 году самый большой соборный храм в Русской Америке был закончен и украсился пятью золотыми куполами. Воздвижение огромных крестов, величественно видимых при плавании в Сан-Францисском заливе, было предварено торжественным крестным ходом (около двух километров) при огромном стечении народа. Это видимое торжество

возносящихся православных крестов, символов Христовой победы, засиявших над холмами современного Вавилона, где ныне уже открыто проповедуется сатанизм, было завершительным победным событием в жизни Владыки на земле. Духовно же ему уже было открыто о его скором исходе в иной мир. И когда это сбылось и он упокоился глубоко внизу под алтарем того же собора, над которым так победоносно сияют золотые православные кресты, и весть о его праведной жизни разнеслась по всем частям света, то собор “Всех Скорбящих Радосте” стал известен современному православному миру как хранитель останков святого наших дней.

Резиденция Владыки была маленькая келья в доме Приюта святителя Тихона Задонского. У Владыки было сходство по ревности к правде Божией с этим Святителем, который однажды, во время языческого празднования Петровым постом, въехал, стоя в карете, прямо в середину гуляния и прогремел праведным негодованием, чем вызвал у многих ревность к благочестию. Нечто подобное было и с Владыкой. В 1964 году пришло долгожданное прославление батюшки Иоанна Кронштадтского. Еще в 1952 году Владыка был председателем первой комиссии по прославлению, позднее участвовал в составлении службы и является автором кондака святому Иоанну Кронштадтскому. Прославление назначалось на 18 октября, когда по 1-е ноября по новому стилю у латинян память всех святых, и есть у них такое предание. В эту ночь темные силы якобы получают волю творить всякое бесчиние. В Америке это приобрело вид некоего “праздника”, детского озорства, когда наряжаются в ведьм, бесов и всякую нечисть, как бы призывая темную силу на общение. В этом кроется пародия на Христианство, издевательство над святыми. Бесовщина эта называется Хэллоуин.

Идя в ногу с миром, группа русских устраивала в эту ночь под воскресенье бал в честь Хэллоуина. В соборе во время всенощной, совершаемой новоявленному святому, доля людей заметно отсутствовала. После службы Владыка, обращаясь к своему верному прислужнику Павлу Лукианову, говорит: “Вези меня на бал!” Приехав и поднявшись по лестнице, Владыка вошел в зал к полному удивлению стоявшей публики. Музыка замерла.

Владыка в полном молчании гневно смотрел на остолбеневших и медленной поступью, с посохом в руке, обошел помещение зала. Слов не нужно было, совесть каждого из тех, кого вразумлять пришел Владыка, говорила при виде его весьма внятно, как было видно по их смущению. Молча Владыка вышел, и уже на другой день с амвона прогремела ревность праведного пастыря.

Владыка предсказал прославление преп. Германа Аляскинского еще в 1962 году. И его же дух вызвал совершить всенародное прославление в соборе, где он почивает.

9. “ХОТЯ Я И УМЕР, НО Я ЖИВ”

Сопровождая чудотворную икону Божией Матери Курскую Коренную в Сизтл, владыка Иоанн 19-го июня (ст. ст.) 1966 года, отслужив в тамошнем Свято-Николаевском соборе — храме памятнике Новомученикам Божественную литургию, оставался еще три часа наедине в алтаре. Затем, навестив с чудотворной иконой духовных детей около собора, он проследовал в комнату церковного дома, где останавливался, когда вдруг слышался грохот и прибежавшие его прислужники увидели, что Владыка уже отходит. Его посадили в кресло, и он пред чудотворной иконой Божией Матери, подобно своему святому родственнику святителю Иоанну Тобольскому, предал душу свою Богу, уснул для этого мира, о чем так ясно предсказывал многим. И прекратился тогда его необыкновенный подвиг сверхъестественной тяжести — лишения себя отдыха и сна, этой столь естественной и законной потребности всякого человеческого организма. Его положили на находящуюся там кровать, это достопримечательное блаженное ложе, давшее после сорокалетнего воздержания покой ему и сон! “Спи теперь спокойно, — вырвалось из души горячо любившего его владыки архиепископа Аверкия в заключении его слова при отпевании, — спи теперь спокойно, дорогой наш возлюбленный Владыко, отдыхай от праведных трудов твоих и подвигов, почивай в мире до общего всем воскресения”.

И точно благодатью оросилось то место, то здание, вызывая молодые побеги, где почил праведник! Та комната сразу же превратилась в часовню, и совершаются в ней богослужения. А

под ней в приходском помещении приютился вскоре возникший американский миссионерский приход в честь очень чтимого владыкой Иоанном греческого святого святителя Нектария, Эгинского Чудотворца (ум. 1920 г.)

Как только разнеслась весть о кончине Владыки, один из первых, кто отозвался на нее, был церковный историк проф. Н.Д. Тальберг, давший весьма точную оценку Владыке. Он писал:

“Господу Богу угодно было закончить земной путь великого праведника. В современном мире, окутанном мраком, нам, грешным, явлен был воистину Христа ради юродивый, оставшийся таковым и в епископском сане. Этот вид подвижничества, столь дорогой старой Руси, далеко не всеми понимается в нынешнее время. По своему образу жизни он, в известной мере, уподоблялся великому святителю Григорию Богослову, испытывавшему гонения от лжебратии. Продолжая заботиться о делах Церкви и бороться письменно с еретиками, св. Григорий вел строго подвижнический образ жизни: ходил босыми ногами, имел только разодранную одежду, спал на голой земле или на ложе из древесных ветвей под прикрытием рубища и никогда не возжигал огня, чтобы согреть свое тело...”

О святом апостоле Иоанне Богослове сказано, что, исполненный любви, он был полон и богословия. Это можно сказать и про Владыку, хотя его богословствование еще никем должно не отмечено. Все его слова и писания исполнены богословской точности и глубины мысли. В ранние годы, рассказывают, как ему кто-то сказал: “Ну что же неправильного в учении отца Сергия Булгакова?” На что он сразу же, в один присест, написал глубокий богословский разбор, доказывающий ересь софианства, на основании чего Синод вынес соответствующее постановление. Известно также опровержение новоизмышленного католического “догмата о непорочном зачатии”, написанное им еще во времена его иеромонашества. Любопытны его определения: “**Религия** есть совокупность чувств и мыслей к Высшему Существо и внешнее их выражение”. “**Церковь** есть единение разумных существ, верующих в Господа Иисуса Христа”.

“Отпевание, состоявшееся 24-го июня, — пишет один из участников, — началось в шесть часов вечера (час, назначенный вл. митрополитом Филаретом, только что перед тем прибывшим из Нью-Йорка) и закончилось, вследствие множества людей, прощавшихся с почившим Архипастырем, лишь в первом часу ночи. Возглавлял отпевание сам Первоиерарх митрополит Филарет в сослужении архиепископов Леонтия и Аверкия, епископов Саввы и Нектария, двадцати четырех священников и нескольких диаконов. Никто из участников этого поразительного по своей глубокой умирительности и возвышенного молитвенного настроения отпевания не забудет его. По признанию многих, им никогда не доводилось участвовать в таком подлинном духовном торжестве, настоящем духовном триумфе почившего. Несмотря на глубокую скорбь, вопль и рыдание бесчисленных почитателей владыки архиепископа Иоанна, над всем преобладало охватившее всех молящихся какое-то особенное радостное чувство, достигшее своего апогея во время троекратного обнесения гроба вокруг собора. Слышались толки: “Как будто это не похороны, а открытие святых мощей!” или: “Настроение, напоминающее крестный ход с плащаницей на утрени Великой субботы,” — говорили многие, выражая это свое необыкновенное настроение. Шесть дней лежал владыка Иоанн в открытом гробу и, несмотря на жаркую летнюю погоду, не ощущалось от него ни малейшего запаха тления, и рука его была мягкой, неокоченевшей. И это несмотря на то, что никаких манипуляций над его телом в похоронном бюро не производилось! Невольно вспоминались поэтому слова епископа Игнатия (Брянчанинова) в его “Размышлении о смерти”: “Видел ли кто тело праведника, оставленное душою? Нет от него зловония, не страшно приближение к нему: при погребении его печаль растворена какою-то непостижимою радостью”. Все это, по словам того же святителя Игнатия, есть верный признак, что “почивший обрел милость и благодать у Господа”” (“Православная Русь,” № 14, 1966).

“Явное нетление! — Писал позже митрополит Филарет, и добавил: — Но этого мало. Одна благочестивая женщина, достойная полного доверия, рассказала следующее. Владыка Иоанн,

знавший ее двенадцать лет, часто навещал ее для духовной беседы. И вот, в мае этого года, когда Владыка по обычаю зашел ее навестить, он ошеломил ее словами: “Я скоро умру, в конце июня” (нового стиля Владыка не признавал, и — что еще поразительнее — сказал: “Умру не в Сан-Франциско, а в Сиэттле — туда приеду и там умру...” А другая набожная женщина рассказывала о своем сне. Перед самой кончиной Владыки она видит сон. Видит себя стоящей в новом соборе; подходит Владыка, говорит ей: Идем,” — и ведет куда-то глубоко вниз, пока они не пришли в темную комнату в подzemелье. Тут Владыка остановился и сказал: “Вот мой дом”. Она запомнила этот сон — и была потрясена, когда похоронная процессия опустилась вниз и внесла гроб в точно ту самую подвальную комнату — усыпальницу, которую Владыка показал ей во сне. Могу и от себя сказать, что в последний раз, когда Владыка был на заседании Синода, и я отслужил напутственный молебен ему, отъезжавшему со святым образом в Сан-Франциско, Владыка попрощался со мной совсем не по обычному. Вместо того, чтобы взять кропило и окропить себя, как делает архиерей, он, смиренно низко склонившись, попросил, чтобы я его окропил, после чего, вместо обычного взаимного целования рук, крепко взял мою руку, ее поцеловал и резко отдернул свою. Я погрозил ему пальцем, и мы оба улыбнулись. Тогда это у него вышло очень трогательно, но особого значения я не придавал этому, а теперь мне думается, что он действительно попрощался со мной — больше мы не виделись. Да упокоит Господь с праведными нашего великого молитвенника”.

Многим Владыка являлся во сне, то в ослепительном сиянии, то с таинственным вещанием. Но самое поразительное его явление, имеющее, пожалуй, церковное значение, было многолетней начальнице Свято-Тихоновского приюта М.А. Шахматовой, которая вскоре после Владыки сама умерла: “4 сентября 1966 года, в шесть часов утра, вижу сон. Идет большая процессия из собора к приюту, заполнив всю улицу 15 авеню и Балбао, несут хоругви, образа и гроб нашего архиепископа Иоанна с пением стихир. Я стою на крыльце дома и волнуюсь, думаю, как будет неудобно вносить гроб по лестнице в дом, но прислужники и

наши воспитанники так приподняли, что гроб, как на волнах моря житейского, прямо пронесли мимо меня, где я заметила, что покров и митра зашевелились; я же тогда обращаюсь к толпе народа и говорю: “Господа, Владыка живой!” Гроб внесли в дом. Дальше вижу, Владыка выходит из своей комнаты в рясе и фиолетовом омофоре и епитрахили с елеем в руках, подходит к Царским вратам и говорит народу: “Я Вас всех сейчас буду елеем помазать, подходите с благоговением”. Народ битком подходит... Получив елеопомазание, расходится. Я вижу, что надо и мне подходить, размышляю, что это должна я принять с благоговением... Владыка начал помазать меня и два раза сказал: “Скажите народу, хотя я и умер, но я жив”. Проснулась с большим волнением и скорее записала его слова, сказанные так внушительно и твердо”.

И это в день памяти святого пророка Моисея Боговидца!

10. Усыпальница-свидетельница

Многим уже известно, что Владыка покоится под собором в особой усыпальнице, мастерски расписанной знаменитым иконописцем Пименом М. Софроновым. Особый мир и покой царят там. Но не многим ведомо, что там творятся знамения милости Божией, некое общение с самим Владыкой. Братство начало вести запись таких случаев, проверяло, вело переписку. Ниже помещаются первые свидетельства:

1. Проживающая в Сан-Франциско и работающая сестрой милосердия в одной из городских госпиталей молодая женщина, Гали Васильева, вдруг ослепла на один глаз. Обнаружилось это совершенно внезапно на работе, когда она должна была дать пациенту прописанное лекарство: читает и ничего не видит! Ужас охватил ее. Врачи определили, что на почве воспаления оптического нерва один глаз ее совершенно ослеп, стал мертв и требуется его удаление, чтобы спасти другой глаз. С этим, конечно, прекращается ее медицинская деятельность.

Она знала владыку Иоанна еще в детстве на Дальнем Востоке и как будто и по Европе, знала от своих родителей, его почитателей, и о его чудесах. Но Владыка давно уже умер. В полном отчаянии она помчалась в его усыпальницу как к последней

надежде, и долго там со слезами молилась. Она начала часто приходить в собор, молилась у всех святынь и затем спускалась в усыпальницу и долго молилась на его гробнице, так что ее уже там заметили. На работе она пока скрывала свое несчастье, не зная, что ей делать. Так продолжалось несколько дней,

И вот как-то ночью ее одолело полное отчаяние, она предалась горячей пламенной молитве и, помолясь, открыла наугад Святое Евангелие и прочла следующее: “Мимондый видѣ челоуѣка слѣпа ѿ рождества. И вопросиша Его оученицы Его, глаголюще: Равви! кто согрѣши, сей ли, или родителя его, такъ слѣпъ родися? Ѡвѣща Исхъсъ: ни сей согрѣши, ни родителя его, но да гаватса дѣла Божіа на немъ; (...) Онъ рекъ, плюнь на землю, и сотвори брѣнїе ѿ плюновения, и помаза очи брѣнїемъ слѣпомъ, и рече емъ: иди, оумыйся въ кѣпѣли Гіадамстѣ, еже скажется, посланъ. Иде оубо, и оумыся, и прїиде видѣ” (Ин. 9, 1-7).

“Господи, — воскликнула она, прочтя, затаив дыхание, это “случайно” попавшееся место до конца, — если бы я могла попасть в Святую Землю и помыть свои глаза в купели Силоам, или хотя бы мне одну капельку этой воды — и я снова увижу!”

Рано утром она опять пошла в усыпальницу к владыке Иоанну и опять горячо молилась. Тут к ней подходит незнакомая ей маленькая худенькая старушка и говорит, что она недавно ездила в Святую Землю и привезла святой водицы из купели Силоам и что она завтра принесет этот флакончик с водой сюда, в усыпальницу, так как в усыпальнице будет совершаться Божественная литургия и будет служить сам Митрополит. От этих слов “бабушки Елизаветы”, конечно, ничего не знавшей о вчерашней ее молитве, болящая пришла в изумление, и наутро, ни свет ни заря, она уже была в усыпальнице. За Литургией она причастилась и, стоя на коленях, прижавшись ко гробу владыки Иоанна, приложила святую воду к больному глазу. Сразу же почувствовала облегчение. А на другой день уже видела тем глазом, который считался мертвым.

Весть об этом быстро разнеслась и когда дошла до нас, то мы, познакомившись с Гали Васильевой, попросили ее зайти к нам в магазин Братства преподобного Германа и все подробно рассказать. Когда в назначенный день она пришла и рассказала все,

то добавила при этом, что смущается тем, что молилась не только владыке Иоанну, но и целому ряду ею чтимых святых, обходя и прикладываясь по очереди в соборе к их иконам: святителю Тихону Задонскому, святителю Николаю, преподобному Серафиму и другим, умоляя их помочь ей. “И вот, вчера вечером, — продолжала она, — еще колебалась, прийти ли к вам. А ночью вижу сон: будто спускаюсь в какой-то темный подвал с одним окном, идет туда много народа зачем-то, и мне тоже что-то нужно. Вижу, это усыпальница владыки Иоанна, но как-то все по-другому выглядит, и там в мантии лежит владыка Иоанн — живой! На него возлагают больных для исцеления. Вижу, возлагают во весь рост как будто мертвую расслабленную женщину, и она медленно начинает двигаться и выздоравливает, и сама встает. Другие ждут своей очереди. Что бы это ни значило, я все же решила прийти к вам и рассказать все как было”.

Все это происходило в то время, когда враги владыки Иоанна хотя и притихли, но все же еще смущали народ, и этим значительно уменьшили веру в праведника.

“И рече Исѹсъ: на сѣдѣ Азъ въ мѣръ сей прїидохъ, да невидѣцѣмъ видѣтъ, и видѣцѣмъ слѣпи бѣдѣтъ” (Ин. 9, 39).

Чтец Евгений Роуз.

2. Я свидетельствую о чудесном исцелении моего брата Вадима Васильевича Козаченко по молитвам нашего дорогого владыки Иоанна. Оно произошло уже после его смерти, когда он упокоился в своей усыпальнице, но услышал нас и помог как живой.

Много хочется рассказать о Владыке. Не раз еще при жизни в Шанхае и в Европе Владыка чудесно исцелял больных. В моей личной жизни чудесное исцеление Вадима — уже второе чудо. Первое было в 1952 году: я была в Англии, где у меня родился сын Филипп. С рождения Филипп был очень нездоров и 19-го августа ему стало очень плохо. Я написала Владыке в Брюссель. Получила от него письмо и листок от древа, под которым молился Иисус Христос; положила это письмо под подушку младенца. Он стал поправляться. Замечательно было то, что ему стало лучше в тот день, когда Владыка получил мое письмо.

А с Вадимом случилось это так неожиданно. В среду 15 марта 1967 года позвонила мне жена брата Надя и сообщила, что брат умирает. По ее словам, “доктор сказал, что Вадим не проживет до следующего понедельника. Подготовь маму, приезжайте попрощаться и похоронить”. Мы не знали, что он так серьезно болен, так как две недели тому назад я с ним говорила по телефону и он меня уверял, что вполне здоров.

На следующий же день мы приехали в Сан-Франциско. Когда увидели Вадима, то пришли в ужас. Лицо его было табачного цвета, белки глаз ярко желтые, худой, с распухшим животом и распухшими ногами. Узнал ли он нас или нет, я не знаю, помню, что ему было безразлично. Трудно было поверить, что умирающего человека доктор отправил домой. Лично я позвонила его доктору, но ничего не могла добиться кроме того, что если он доживет до понедельника, то доктор будет делать какие-то исследования, тесты. Но он очень сомневался в том, будет ли это нужно.

Одна надежда была: Господь и молитвы нашего Святителя.

В тот же вечер позвонили отцу Константину Заневскому и попросили приехать в пятницу и причастить Вадима. А Надя и я поехали в церковь в усыпальницу владыки Иоанна. После первой же молитвы около гроба Владыки загорелась надежда, что Владыка нам поможет. Надя почувствовала эту надежду также, как и я. В пятницу Вадиму стало хуже, приехал отец Константин и причастил его. Вадим исповедывался в сознании, а потом опять впал в беспамятство. Все мысли были в молитве: “Дорогой Владыка, научи и помоги, что делать, как помочь Вадиму. Не оставь нас, дорогой Владыка. Святыми своими молитвами заступись за нас и помоги”.

Вдруг приходит мне мысль отвезти Вадима в Ветеранский госпиталь. Как будто какая-то сила подталкивает; скорей, скорей везите в Форт Майли. Еще раз позвонила доктору. Он чуть ли не посмеялся — зачем все это? Надежды нет. Для чего тревожить и возить с одного места в другое? Несмотря на такие отговоры доктора, поехали в церковь, помолились и решили приготовить бумаги для того, чтобы перевезти его в Форт Майли. У Нади и у меня настроение ужасное, но есть крепкая вера и

надежда, что Владыка поможет. Позже вечером Вадиму стало совсем плохо: лежит без памяти, поднялась температура, подумали, что это воспаление легких. Собираемся везти в Форт Майли, а он упрасивает нас, чтобы везли в частный госпиталь и не меняли доктора, отвезли в Маунт Зайон. Мы с Надей не могли решить, что делать, обе хотим перевезти в Ветеранский госпиталь в Форт Майли. Вадиму обещали оставить его в частном. Опять молитва к Владыке: “Научи, дорогой Владыка, научи и помоги”.

Тут приехал на дом Леонид Михайлович Зубрилин и очень настойчиво советовал перевезти Вадима в Ветеранский госпиталь. Совет его и моего мужа Ростислава был как ответ на наши молитвы к Владыке. Несмотря на все отговоры доктора мы вызвали амбуланс и перевезли Вадима, который уже был совсем без памяти, в Ветеранский госпиталь. Там мы к вечеру узнали, что когда его привезли, у него было уже четыре болезни: 1. цирроз печени, 2. разлитие желчи, 3. внутреннее кровоизлияние и 4. воспаление легких. Доктор сказал нам, что Вадим очень серьезно болен, что с медицинской точки зрения надежды нет, но если есть вера, то молитесь, так как спасти его может только чудо.

Вадиму стало еще хуже. Его перенесли в реанимационную палату. Глаза открывает редко, иногда понимает, шутит, но больше всего в бреду. В воскресенье, после Литургии, отслужили панихиду в усыпальнице. В этот день познакомились с отцом Митрофаном, получили благословение от епископа Нектария соборовать Вадима. Слухи о болезни Вадима быстро распространились не только в городе, но и в других городах и штатах. У многих одна молитва к дорогому владыке Иоанну. Отец Митрофан не переставал молиться за Вадима. Надя и я знали только две дороги: из дома в церковь, из церкви в госпиталь. Но несмотря на то, что Вадиму было все хуже, вера росла все сильнее и сильнее в то, что владыка Иоанн вымолит нам Вадима. Только недавно Вадим мне рассказал, что когда было очень плохо, то очень часто видел то во сне, то наяву владыку Иоанна и нашего покойного папу. Он уже умирал и слышал какое-то особенное пение и музыку, о которых говорил в бреду.

После соборования Вадиму стало лучше, узнал семью. Отец Митрофан причастил Вадима еще раз в госпитале. Прошла неделя.

Сердце у него хорошее. Доктор посоветовал мне возвратиться домой в Реддинг. После того, как мы вернулись, нас еще три раза вызывали и каждый раз по словам доктора, “конец близко, он не сможет долго выдержать”. В последний раз уже приготовили Вадиму рубашку, костюм, в семье сговорились, какой покупать гроб, где хоронить. Все это было сделано как-то машинально. И вот случилось нечто чудесное.

Стояли в отчаянии около гроба Владыки, а я мысленно разговариваю с Владыкой: “Дорогой Владыка! Если на это святая воля Господня, то помоги перенести тяжелую утрату. Помогите Надюше с двумя малыми детьми и моей маме. Не оставьте нас, помогите”. Всецело предалась я этим мыслям, как в ответ сказал мне Владыка: “Ты что сомневаешься в милости Божией? Ты что не веришь Богу? Не так я тебя учил”. Стало стыдно за сомнения, но и радостно, так как поняла, что Владыка услышал наши молитвы. Около меня в это время стояла Ольга Николаевна Зубрилина. Она также молилась за Вадима. Я повернулась к ней и уже с радостными слезами передала ей, что произошло у меня в уме. “Валечка, Владыка наш святой услышал наши молитвы. Верьте, дорогая, Вадим поправится,” — сказала она мне. С этого дня больше не стало сомнения: Вадим поправится, хотя доктора и уверяют, что надежды нет. Только чудо его спасет. Да, мы знаем, но в чудо мы верим и чудом владыкиным Вадим будет здоров.

После этого еще два раза Вадиму было очень плохо. Опять поместили его в реанимационную палату. Надя позвонила и сообщила, что доктор категорически уговаривал ее ехать прямо в морг и начинать приготовления для похорон. Но у нее в это время была уже такая вера в его выздоровление, что она посоветовала нам не приезжать, сказав, что доктору не верит. Сразу же я позвонила Зубрилиным и попросила поехать к отцу Митрофану, чтобы он Вадима еще раз причастил. Когда отец Митрофан приехал в госпиталь, то доктор сказал, чтобы с минуты на минуту ждали смерти. Слава Богу, по молитвам владыки Иоанна смерть миновала, и с того дня стал Вадим поправляться. Скоро наступила Святая Пасха. Радостная была Пасха. Вадим ужасно похудел, кости да кожа, и очень постарел, но все же выглядел лучше. Ему все тогда позволили кушать. Говорить он стал

толково, и только-только начал понимать, что с ним произошло. Врачи были поражены: как мог смертельно больной человек поправиться?! Ведь целый месяц был без сознания, хотя с проблесками, иногда узнавал кого-то. Жену четыре раза с работы вызывали, говорили, что конец приходит. Воистину это было чудо. Врачи говорили: “Мы сделали, что умели, но жизнь дал тебе Бог”. Ему становилось все лучше. Печень его совсем обновилась, и он быстро поправился. В начале июня настал, наконец, день, когда врачи решили отправить его домой. Он был посажен на очень строгую диету. Жене доктора сказали, что работать он уже никогда не сможет. Кроме того, несмотря на то, что поправился, у него еще сильно вздут живот, поэтому опасность не миновала, и болезнь может вернуться. И, быть может, он будет болеть до смерти. Надя, я и все остальные члены семьи особенно не переживали, так как верили, что все будет благополучно. Проходят дни, недели, месяцы, а живот все еще раздутый и нет признаков, что спадет. Вернувшись из одной поездки домой, я очень переживала за Надю, ибо заметила, что она как будто стала падать духом. Как всегда мыслями унеслась я к владыке Иоанну. Перед моим возвращением в Реддинг я заехала в собор помолиться у гроба Владыки. Так хотелось увидеть его, услышать его голос, поговорить с ним! Дома в этот же самый вечер мысли опять вернулись к больному брату. Вспомнила Шанхай, как в тяжелые минуты бегала в собор к Владыке поделиться своим горем или радостью. “Если бы ты был с нами, дорогой Владыка, — подумала я, — если бы ты наложил свои руки на его болящее тело, то верю я — изгнал бы опухоль, как Господь наш Иисус Христос изгонял нечистую силу”. И тут — честно говорю от всего сердца и от всей души — я не знаю, заснула ли я или была в полузабытьи. Вижу, заходит в спальню владыка Иоанн, одетый в серый подрясник с черным поясом. Четки в руке, на голове маленькая камилавка. Войдя в комнату, повернулся ко мне и сказал: “Ну, что у тебя опять за несчастье, что ты так горюешь?” Владыка с детства надо мной всегда подшучивал, как взрослый над малышом. Так и сейчас, а глаза полные любви, на устах улыбка. Тут мы оба оказались около кровати, на которой лежал спящий Вадим. Владыка подошел к

кровати и, не глядя на меня, спросил: “В чем тут дело?” Я сказала Владыке, что у Вадима вздутый живот и что много жидкости в животе и стала объяснять ему, как и что, говоря: “Если Вы положите руки на Вадима, я знаю, что Вы освободите его от опухоли и жидкости и всей остальной пакости, что у него в организме”. Владыка наклонился над Вадимом, положил руки на его плечи и стал молиться. Помню, что глаза мои следили за каждым его движением. Вадим лежал на спине, руки простерты по бокам. Вот Владыка обводит вдоль туловища своими руками, как будто изгоняет вон всю грязь и нечистоту, весь яд не только из желудка и живота, а и из всего тела. С каждым движением я чувствовала, что вижу чудо, понимала, что с этого момента Вадим начнет поправляться. Вот Владыка закончил, снял руки с ног Вадима, выпрямился, и его нет. Я не успела и слова сказать, выразить ему благодарность, а его уже в комнате не было, Я хотела за ним бежать и в этот момент увидела, что нахожусь в своей комнате в Реддинге. Встала с кровати, погасила свет. Стала на колени и помолилась со слезами благодарности Господу Богу и поблагодарила нашего дорогого заступника и молитвенника. На душе у меня было спокойно и умирительно.

Когда я позвонила Наде, то она сообщила, что заметила перемену, живот Вадима стал меньше. Постепенно он стал опадать. Врачи очень обрадовались и опять повторили: “Чудо, чудо!” С каждым днем Вадим становился крепче и здоровее. Настал день, когда ему разрешили кушать все, что он хочет. Сначала понемножку, потом нормально. Он окреп, появился хороший аппетит. Опухоль и жидкость прошли, как будто их никогда и не было. Перестали давать Вадиму лекарства, позволили вернуться на работу. Надя и Вадим отслужили панихиду у гробницы Владыки, а также благодарственный молебен. Потом пошли в госпиталь поблагодарить всех врачей, которые его лечили. Все как один сказали им: “Нас не благодарите, кто-то “там” очень вас любит”. Да, я знаю, это наш дорогой Владыка любит и ограждает нас, как всегда ограждал всех своих духовных детей.

Все упомянутые люди готовы подтвердить истинность описания этого чуда по молитвам архиепископа Иоанна.

Валентина В. Харви.

3. Тот, кто хотя бы раз посетил усыпальницу владыки Иоанна, не мог не заметить и не приложиться к довольно большой и красивой иконе Введения во Храм Пресвятыя Богородицы, находящейся у изголовья гробницы владыки Иоанна на аналое в самом центре усыпальницы. Икона эта в послевоенные годы чудесно обновилась в одной благочестивой православной семье. Она была принесена для усыпальницы как драгоценнейший дар, в знак благодарности владыке Иоанну за его многочисленные благодеяния как для семьи этой, так и вообще для всех страждущих и обремененных. Владетельница ее, Людмила Леонидовна Хольц, проживает в городе Сан-Франциско, она очень почитает владыку Иоанна, еще по Дальнему Востоку. С матерью своею она пожертвовала святыню по обету. Когда Владыка умер, они очень хотели, чтобы мощи его оставили под собором и дали обет “отдать Владыке в усыпальницу” их сокровище — ту икону, что в благодарность Богу и исполнили.

Она вышла замуж за американца и приехала в Америку, где родился сын Иван (Джон). Когда он вырос, его призвали в армию. Тогда уже гремела Вьетнамская война. Он тоже очень почитал владыку Иоанна, но когда отправлялся на фронт во Вьетнам, Владыки уже не было в живых. Незадолго до своего отъезда он пришел в усыпальницу и положил фотографию Владыки под митру, находящуюся на гробнице Праведника с тем, чтобы перед самым отъездом взять с собой, как бы в благословение, образ Владыки на фронт. Помолившись на гробнице, он вынул портрет и положил его себе в карман шинели на сердце в защиту “от пули неприятеля”. С тем и поехал на фронт.

И вот свидетельствует его мать по его многочисленным письмам с фронта, как Господь, по молитвам владыки Иоанна, хранил его от всяких опасностей чудесным образом. Портрет Владыки был постоянно и неизменно в кармане его возле сердца днем и ночью, всегда. Будучи исполняющим должность капрала, Джон испытал на себе множество явных чудес, когда все вокруг него падали убитыми или смертельно ранеными, а он оставался невредим. Раз их отряд попал в засаду, и только он один спасся, а все были убиты или попали в плен. В другой раз в их барак взорвалась мина, и стоявшие совсем рядом с ним пострадали. Не

пострадал он и когда попал в капкан неприятеля, хотя пришлось с неприятелем бороться и получить легкое ранение. И только когда закончился срок пребывания на фронте и, улетая на другое назначение, он встретился со счастливыми родителями в гавайском аэропорту; тогда лишь они полностью осознали, как его хранили и оберегали молитвы и образ владыки Иоанна.

Нет ничего в жизни случайного. И святая икона их, изображающая Введение во Храм Пресвятая Богородицы, отданная ими в усыпальницу, оказывается, имеет особое назначение там пребывать, чего они раньше не знали. Праздник Введения во Храм Пресвятыя Богородицы был любимым праздником Владыки. В монастыре, посвященном этому празднику, в Мильковской обители в Югославии, Владыка принял иноческий постриг. В этот же праздник прибыл на свою первую кафедру в Шанхайский собор Божией Матери, и в этот же день — на свою последнюю кафедру в наш собор “Всех Скорбящих Радосте”.

Чтец Глеб Подмошенский.

4. Проживавший в Монтерее многолетний почитатель владыки Иоанна Георгий Александрович Скарятин много потрудился для Владыки. Благодаря ему был приобретен дом святителя Тихона Задонского в Сан-Франциско для помещения по приезду в Америку шанхайского приюта. Благодаря ему был создан “Фонд имени архиепископа Иоанна”, собиравший средства для благотворительных нужд Владыки, и много он для этого Фонда потрудился. В последние годы много сил его ушло на защиту Праведника, что, пожалуй, ускорило его преждевременную кончину.

Оставшаяся после него вдова, Ольга Михайловна, самоотверженно продолжает его дело. Долго она страдала от расширения вен на ногах, так что наконец пришлось ей лечь в госпиталь, но облегчения болезни не последовало. Через шесть недель узлы на ногах ее ухудшились, и доктор потребовал немедленную операцию ног, которая состоялась 18-го октября (по новому стилю) 1967 года. Было сделано 20 разрезов. Неделью затем она лежала в госпитале. Привезли домой совсем больной, боль была невыносимая. Вечером позвонил отец Митрофан узнать о

здоровье и сказал ей: “Все пройдет по молитвам владыки Иоанна”. На другой день утором она не могла встать с кровати, чтобы получить срочное письмо от отца Митрофана, в которое был вложен кусочек ваты, пропитанный маслом от лампы с гроба владыки Иоанна. Писано письмо, очевидно, сразу по совершении панихиды в усыпальнице в полночь. Вот оно полностью:

12 (25) октября 1967 года,

12 часов ночи.

“Дорогая Ольга Михайловна!

Очень рад был побеседовать с Вами сегодня по телефону. Посылаю Вам святое масло из лампы с гроба владыки Иоанна. Разверните бумажку и мажьте ежедневно ногу (больное место) там, где нет повязки. Перекреститесь и скажите: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами нашего дорогого Владыки исцели меня от болезни!”

Твердо верю, что по молитвенному заступлению Владыки Ваши боли сразу прекратятся. Милость Божия да будет с Вами. Искренне любящий Вас о Господе

Ваш усердный богомолец отец Митрофан”.

Прочитав письмо, Ольга Михайловна сделала точно так, как сказал отец Митрофан. И боль почти сразу же прекратилась, на другой день она уже была на ногах. И с тех пор все в порядке. Это внезапное выздоровление ее очень поразило. Раньше она, хотя слыхала много о чудесной помощи по молитвам владыки Иоанна и не сомневалась в ней, но всегда была очень осторожна в разговорах на эту тему. Теперь же, пораженная этим, она всюду свидетельствует о силе молитвенного ходатайства по вере владыки Иоанна. Так отблагодарил владыка Иоанн вдову Георгия Александровича.

Тут уместно привести рассказ и самого архимандрита Митрофана, разделявшего тесным образом жизнь с праведником целый ряд лет. Вообще его определение жизненного подвига владыки Иоанна, так несомненно несшего подвиг юродства, очень ценно тем, что отец Митрофан с детства в Воронеже был близко знаком с подлинной юродивой, великой праведницей

Феоктистой Михайловной, умершей в 1936 году. Тщательно наблюдая за ее “выходками” и убедившись на личном опыте в ее прозорливости, отец Митрофан заметил явное сходство с владыкой Иоанном, о чем всегда свидетельствует как о несомненной истине, что другим, *не имевшим* такого опыта на Святой Руси, может казаться голословным преувеличением. Надо пожить со святым, чтобы судить о святости! Вот что он нам написал, озаглавив свое повествование так:

“Из жизни с владыкой Иоанном”

На окраине Парижа в большом дворе приютился храм нашей Зарубежной Церкви в честь “Всех святых, в земле Российской просиявших”. Этот двор использовался как гараж, и по всей его длине тянулась цепь небольших помещений-коробов для стоянки автомобилей. В связи с трудностями найти в городе достойное помещение для церкви, было решено снять для этой цели в аренду два небольших смежных помещения гаража. В них не было ни фундамента, ни потолка, ни окон, ни вентиляции. Всегда было сыро и холодно. Двор был нежилой. Не было при церкви и во дворе и телефона. Все это создавало трудности при служении. Не отличаясь крепким здоровьем, я бывало так изнемогал, что на несколько дней выходил совершенно из строя и не мог выполнять своих обязанностей.

Так получилось и пред одним великим зимним праздником. Я сильно заболел. Принимал разные сердечные средства. Не помогает. Прошло в таком состоянии четыре дня. Слабость такая, что не могу и с постели встать, а приближается двенадцатый праздник. Зарубежная Церковь в Париже имеет только один наш храм. Богомольцы стекаются к богослужению не только со всего Парижа, но и из округа. Наступает канун праздника, а я все лежу и нахожусь совершенно беспомощным один в двухэтажном доме. Через несколько часов надо уже ехать в церковь, чтобы начинать Всенощное бдение, а я даже лишен возможности послать кого-либо, чтобы повесить на дверях церкви мою записочку, что я болен и богослужение не состоится. А ведь богомольцы приедут издалека и будут в недоумении и скорби долго ждать в пустом дворе у закрытых дверей храма, и не дождутся. Я в ужасе: что же мне делать?!

И вдруг, как луч света разгоняет тьму, так и все мои горестные раздумья были пресечены светлой мыслью, что я не сделал самого главного, не обратился за помощью к владыке Иоанну. А владыка Иоанн был в это время в Америке, в Сан-Франциско, куда он отправился для сбора средств среди своей бывшей паствы на постройку парижского храма. Как только я вспомнил о Владыке, сразу почувствовал приток сил. Встаю с постели, чего не в силах был сделать раньше, сажусь за стол и начинаю писать письмо Владыке:

“Дорогой Владыка и отец! Пишу Вам письмо для того, чтобы Вас беспокоить и огорчить. Почти неделю болею, лежу, но завтра большой праздник и через несколько часов я должен ехать в церковь совершать Всеношную. А у меня совершенно нет сил. Твердо верю, что как я Вам напишу письмо, буду здоров”.

Почтовый ящик был у стены нашего дома. Быстро одеваюсь, спускаюсь по лестнице со второго этажа, опускаю письмо в ящик и, забыв о своей болезни, как будто ее никогда и не было, быстро поднимаюсь в свою комнату. Беру все нужное для богослужения и *совершенно здоровым* еду в церковь.

Услышал Владыка своим безгранично любящим отцовским сердцем горестный вопль своего духовного чада и, как неоднократно и раньше бывало, поспешил мне на помощь, а ведь нас разделяло пространство в 11000 километров! Пронзив преграду расстояния и времени, владыка Иоанн не только меня слышал, где бы он в тот момент ни был, но вмиг умолил Господа так, что в меня тут же влилась сила и здравие, преодолев все законы нашего земного бытия.

Архимандрит Митрофан.

5. Я, Иван Никитович Луценко, совестью своею свидетельствую, как по молитвам нашего дорогого владыки Иоанна я исцелился.

У меня года три-четыре был нарост на суставе безымянного пальца, приблизительно размера зерна абрикоса. Долго я старался не обращать на него внимания, хотя он и мешал мне очень. Люди посылали к доктору: срежь, мол. Пошел к доктору. Доктор, Константин Ефимович Захаров, сказал, что опасно резать,

так как можно задеть нерв, и тогда палец перестанет сгибаться. Но я хотел, чтобы он мне нарост срезал. На работе уже говорили об этом.

Я давно почитаю Владыку. Примерно через год после смерти Владыки, вскоре после того, как была открыта усыпальница и можно было туда ходить, я как-то пошел туда. Нельзя сказать, чтоб специально шел к нему просить помощи, а так: больно дорог он мне. Придя в усыпальницу, приложился, поставил свечку, поцеловал митру. Там пробыл недолго. Помолился у Владыки и как-то затем позабыл об этом. Через два дня палец зачесался. Вижу, шишка размякла и недели через полторы вся ушла совсем. А я года три-четыре мучился с ней.

Всецело верю, что это Владыка помог. Долго не был у него в усыпальнице, а потом пошел — и вот!

Иван Луценко.

6. Мне хочется засвидетельствовать перед верующими православными христианами, что владыка Иоанн, хотя он и умер, но он жив для всех тех, кто к нему как к живому с верой обращается. Еще когда он был жив, я его считал святым, хотя и мало знал, но верил в его молитву и просил его молитв в случаях крайне для меня важных. Когда же он умер, я сразу же почувствовал потребность молиться ему, часто после богослужений в соборе спускался в усыпальницу и там читал Псалтирь, как многие тогда усердствовали. Было очень умирительно видеть какую-нибудь старушку со свечой в руках пред аналоем, с трудом вычитывающую сложные славянские слова, иногда совсем непонятные. Но зато Владыка их понимал, слышал и утешался, что живая душа для него трудится. Много бывало людей там, которые тихо, смиренно стояли, выжидая своей очереди читать и слушая торжественные слова, как бы относящиеся больше к потустороннему миру, откуда слушал их дорогой Владыка, чем к нам.

Раз я долго читал, и никого уже больше не было. Смотрю, я один с Владыкой! И что-то сжалось во мне, и я горько заплакал, упав на его мантию. Думалось мне, что коли он живой и уже с Господом и нас слышит, то пусть поможет мне в моих разных

просьбах. И я усердно начал ему молиться о моей сестре, которая очень хотела выйти замуж, но из-за многолетней болезни не могла найти человека по душе. Вскоре служба наверху кончилась и пришли закрывать усыпальницу, и я ушел. Это было в воскресенье вечером. На другой день вечером сестра мне сообщает, что познакомилась с одним молодым человеком и почувствовала, что они друг другу понравились. Вскоре была свадьба, потом родился ребенок и теперь уже несколько лет они живут счастливо. Но замечательно то, что знакомство их произошло точно в тот час, когда я молился об этом Владыке.

Тимофей Горохов.

7. Есть люди, которых хотя чуть ли ни каждый день видишь, но ничего о них не знаешь, и когда они уходят в другой мир, то скоро забываются, и память о них изглаживается. Такой незаметной была Нина Хмелева, или “Архиерейская Нина”, как ее многие знали по Шанхаю, так как она была всегда в соборе и очень чтילה владыку Иоанна. О ней мало что известно. Была она совсем одинокой, решительно никого из родных или близких у нее не было, замуж она так и не вышла, снимала меблированную комнату в плохом районе города и последние годы очень болела. Еще с Китая помнят, что она ежедневно бывала за всеми богослужениями, никогда не пропускала ни одного. Этот же подвиг несла она и в Сан-Франциско: сначала ходила в старый, а потом в новый собор. Ее часто можно было видеть при входе в собор с билетиками, собирающей на постройку нового собора, и говорят, что не одну тысячу она так собрала. По четвергам, уже будучи больной, она продолжала ходить даром заниматься с недоразвитыми детьми; да и вообще жизненный путь ее был внешне безотраден. Считали ее немного дурковатой, блажененькой что ли. За год до кончины она начала быстро терять вес и потом сказала, что у нее рак и затем слегла в больницу.

Приближалась третья годовщина смерти владыки Иоанна. За неделю до своей смерти Нина сказала: “Владыка придет за мной,” но значения словам ее не придавали. Она много страдала. Но за три дня до смерти ей стало лучше, и она говорила, что какой-то Старец стоит за ней в углу комнаты, весь в белом. Три раза его

видела и спрашивала его, за ней ли он пришел, но тот, якобы, отрицательно качал головой. Между тем наступило утро дня памяти смерти владыки Иоанна. В усыпальнице уже было много движения, началась заупокойная Литургия архиерейским служением. И в это время в больнице испустила последний вздох “Архиерейская Нина”. Когда после Литургии, получив сообщение о ее кончине, запели по Владыке и по ней панихиду, получилось, что и первая панихида по ней была архиерейской. Действительно, Владыка взял ее с собой.

Сообщила Т. Блинова.

Это пока все, что дошло до нас. Что ж дальше поведаешь нам, тайн неведомых наполненная усыпальница-свидетельница?

О, дорогой читатель! Какой великой радостью должна наполниться душа твоя при одном благодарном сознании, что ты тоже православный христианин. Что ты тоже обладатель дара **благодатной** жизни на земле. Что ты не один, что у тебя есть такие близкие, как твой Ангел-Хранитель, святой, имя которого ты носишь, да и, как видишь, владыка Иоанн; они в любой момент тебя могут слышать и готовы внять зову души твоей на поле невидимой брани. Каким сладостным трепетом должно охватить нашу грешную душу! Ведь нас ожидает полнота того, чего здесь, на земле, только намеки. И как ничтожны земные ценности, который, подобно назойливой мухе, стремятся нашу душу отвлечь. Отвлечь от вечности, которая ожидает тебя!

Окрылись, православный! Посмотри, как по чистому синему небу плывут облака...

Аминь.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I. ПРОЛОГ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫХ ЗАПАДА	9
II. ЖИТИЕ СЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО	29
III. ПРАВОСЛАНАЯ ГАЛЛИЯ.	71
IV. VITA PATRUM — ЖИТИЕ ОТЦОВ	179
Пролог сятителя Григория	181
1. Преподобные Роман и Лупикин	183
2. Святитель Иллидий	193
3. Преподобный Авраам, аббат	200
4. Святитель Квинтиан	205
5. Преподобный Портан, аббат	213
6. Святитель Галл	217
7. Святитель Григорий	226
8. Святитель Никита Лионский	233
9. Преподобный Патрокл, аббат	249
10. Преподобный Фриард отшельник	255
11. Преподобный Калуппан отшельник	263
12. Преподобный Емилиан пустынник	269
15. Преподобный Сенох, аббат,	285
16. Преподобный Ванантий Турский,	291
18. Преподобные Урс и Леобат,	307
19. Преподобная Монегунда,	311
20. Преподобный Леобард, отшельник,	321
V. ПРИБАВЛЕНИЕ К ЖИТИЮ ОТЦОВ	327
Вступительное примечание	329
21. Святитель Сальвий	331
22. Святитель Врисий	336
23. Преподобный Хоспикий	339
24. Преподобный Епархий,	345
25. Преподобный Аредий,	347
26. Преподобный Вулфолаик,	352
ПРИЛОЖЕНИЯ	357
Приложение I. Отец Серафим Платинский	359
Приложение II. Блаженный святитель Иоанн (Максимович)	369

**Возлюбленные читатели!
Помяните в своих молитвах тех,
кто потрудился над этой книгой.**

Редакторы
игумен Герман (Подмошенский),
иеромонах Серафим (Роуз) († 1982)

Автор вступительного материала
иеромонах Серафим (Роуз) († 1982)

Перевод с английского
Лидия Васенина

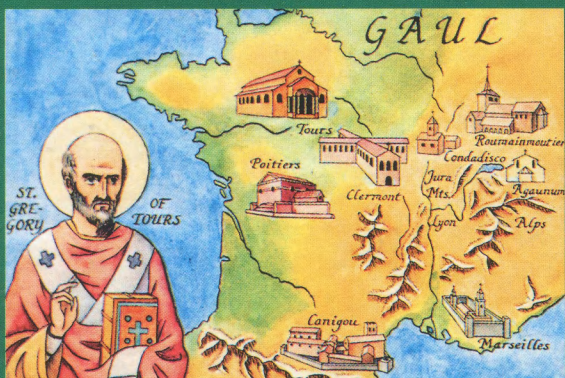
Редактор русского текста
Вячеслав Марченко

Консультант
Ричард (Фома) Бэттс

Верстка
Дмитрий Родионов

Заказ 5355. Тираж 10 000 экз.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

В отдаленных местах древней Франции
отшельники в общении с Богом...

VITA PATRUM

ЖИТИЕ ОТЦОВ

Святитель Григорий Турский
Отец Серафим (Роуз)

Ни один писатель православного христианского Запада не был более предан святым Церкви Христовой, не восхвалял их усерднее более, чем свят. Григорий Турский (539 — 594). Сию книгу он назвал *Vita Patrum* или *Житие Отцов*, как если бы многочисленные святые, чьи жития помещены в ней, вели единую жизнь пред Богом. Классическое произведение агиографической литературы, *Vita Patrum* стоит в одном ряду с *Лавсаиком* и другими великими житиями подвижников как один из основных источников православно-христианской духовности.

Это издание *Vita Patrum* содержит полное житие свят. Григория, составленное аббатом Одо, большие вступительные материалы отца Серафима (Роуза) и свидетельства о посмертных чудесах самого отца Серафима, а также свыше ста иллюстраций.

Никогда прежде в одном томе на русском языке не представлялось так обстоятельно богатое духовное наследие православного Запада.

Библиотека
журнала
"Русский Паломник"